

Александр Иванович Вдовин Подлинная история русских. XX век

Алгоритм-Издат; 2010
ISBN 978-5-9265-0661-4

Аннотация

Недавно изданная и, профессором МГУ Александром Ивановичем Вдовиным в соавторстве с профессором Александром Сергеевичем Барсенковым книга «История России. 1917–2004» вызвала бурную негативную реакцию в США, а также в определенных кругах российской интеллигенции. Журнал *The New Times* в июне 2010 г. поместил разгромную рецензию на это произведение виднейших русских историков. Она начинается словами: «Авторы [книги] не скрывают своих ксенофобских взглядов и одевают в белые одежды Сталина».

Эстафета американцев была тут же подхвачена Н. Сванидзе, писателем, журналистом, телеведущим и одновременно председателем комиссии Общественной палаты РФ по межнациональным отношениям, — и Александром Бродом, директором Московского бюро по правам человека. Сванидзе от имени Общественной палаты РФ потребовал запретить книгу Вдовина и Барсенкова как «экстремистскую», а Брод поставил ее «в ряд ксенофобской литературы последних лет». В отношении ученых развязаны непрекрытый морально-психологический террор, кампания травли, шельмования, запугивания.

Мы предлагаем вниманию читателей новое произведение А.И. Вдовина. Оно представляет собой значительно расширенный и дополненный вариант первой книги. Всесторонне исследуя историю русского народа в XX веке, автор подвергает подробному анализу межнациональные отношения в СССР и в современной России.

Александр Вдовин
Подлинная история русских. XX век

Часть 1 ОТ РЕВОЛЮЦИИ 1917-го ДО «ОТТЕПЕЛИ» 1953-го

Глава 1 РУССКИЙ НАРОД В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ И ИДЕОЛОГИИ 1917 — НАЧАЛА 1930-х годов

Кому и какая польза от стремления к сближению и дальнейшему слиянию наций

Приход большевиков к власти в России в 1917 году означал, что они получили возможность направлять в соответствии со своими политическими программами процессы сближения и слияния наций в стране и мире. Курс на мировую революцию означал разрыв с идеями патриотизма, начало строительства единой мировой социалистической республики и, соответственно, — новой мировой социалистической общности людей, призванной ликвидировать со временем бывшие государственные и национальные различия на планете. Представления о безнациональном будущем человечества были свойственны не только большевикам. Они издавна питались космополитическими и интернационалистскими идеями, слабо различавшимися между собой. Эти идеи были присущи значительной части российских интеллигентов, оппозиционных дореволюционному политическому режиму.

Один из первых приверженцев таких идей, молодой Ф.М. Достоевский утверждал: «Социалисты происходили от петрашевцев», от кружка российских интеллигентов, существовавшего в 1844–1849 — годах. Вслед за М.В. Буташевичем-Петрашевским многие из них полагали, что «социализм есть доктрина космополитическая, стоящая выше национальностей: для социалиста различие народностей исчезает, есть только люди». Книга «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев» (1953) содержит пояснение, что-де термин «космополитизм» употребляется в смысле «интернационализма и гуманизма». Однако это не совсем так. Лидер петрашевцев был убежден, что в исторической перспективе в мире исчезнут не только вражда, но и различия между народами, что нации по мере своего развития утрачивают свои признаки и что, только утрачивая эти свои отличительные, прирожденные свойства, они могут стать «на высоту человеческого, космополитического развития».

Подобные представления о национализме и космополитизме развивали и ближайшие предшественники российских социал-демократов и большевиков, — например, идеологи народничества П.Л. Лавров и П.Н. Ткачев. Последний, по определению Н.А. Бердяева, «более чем кто-либо должен быть признан предшественником Ленина».

Согласно Лаврову, в 1940-х годах XIX века интернационалисты в лице К. Маркса и его последователей возродили космополитическую традицию энциклопедистов XVIII века, придав ей иной характер и найдя себе иную социальную базу. Подобно космополитам, новые интернационалисты не видели в нациях какой-либо самостоятельной исторической ценности. Напротив, они полагали, что национальности есть лишь «остатки доисторического периода человечества или бессознательные продукты его истории». Сама по себе национальность, говорил Лавров, «не враг социализма, как современное государство; это не более как случайное пособие или случайная помеха деятельности социализма». Вместе с тем сторонникам социализма поневоле приходилось действовать в национальной среде, и для успеха этой деятельности социалист, по Лаврову, в сущности, был обязан выступать как «самый ревностный националист». Однако деятельность такого националиста весьма своеобразна. Ее цель — ввести людей своей нации как можно лучше в работу социалистических идей с тем, чтобы в конце концов национальные различия между людьми были преодолены и позабылись.

«Социальный вопрос есть для нас вопрос первостепенный», — значилось в программном документе П.Л. Лаврова (1873), национальный же вопрос должен совершенно исчезнуть перед важными задачами социальной борьбы, для которой границ, языков,

преданий не существует: «есть только люди и общие им всем цели». Эти принципы неизбежно требовали самой решительной борьбы против национальной раздельности: «Каждая нация должна делать свое дело, сходясь в общем стремлении к общечеловеческим целям». Считалось, что по достижении этих целей национальности «вступят равноправными членами в будущий строй федерационной Европы», внутренние границы в которой с самого начала будут иметь крайне мало значения, а по мере дальнейшего развития и само различие национальностей станет лишь «бледным преданием истории, без практического смысла».

Еще определеннее и резче по национальному вопросу высказывался П.Н. Ткачев, выступая против тех, кто пытался сочетать приверженность к социализму с приверженностью к национальности. Наиболее значимые мысли, изложенные в этой связи Ткачевым в обширной статье-рецензии «Революция и принцип национальности» (1878), в кратком изложении сводятся к следующему. Между образованными людьми, между людьми психически развитыми нет и не может быть ни эллинов, ни иудеев, есть только люди. Интеллектуальный прогресс стремится уничтожить национальные особенности, которые именно и слагаются из бессознательных чувств, привычек, традиционных идей и унаследованных предрасположений. Все главнейшие факторы буржуазного прогресса — государство, наука, торговля, промышленность — имеют одну и ту же общую тенденцию: все они в большей или меньшей степени стремятся сгладить национальные особенности, когда-то резко разделявшие между собой людей, стремятся смешать последних в одну общую однородную и одноформенную массу и вылить их в один общенациональный, общечеловеческий тип. Восставать против этого нивелирующего и космополитизирующего влияния прогресса могут лишь «социалисты по недоразумению». Принцип национальности несовместим с принципом социальной революции, и он должен быть принесен в жертву последнему — это одно из элементарных требований настоящего социалиста. Закljučая рассуждение, Ткачев вновь подчеркивал: невозможно в одно и то же время быть социалистом и оставаться националистом; между принципом социализма и принципом национальности существует непримиримый антагонизм.

Носители подобных взглядов искренне не замечали, что их космополитизм может быть истолкован в националистическом духе и восприниматься со стороны как великодержавный шовинизм численно и культурно доминирующего народа. Напротив, они всячески пропагандировали необходимость уважения каждой народности. Социалист, как подчеркивал Ткачев, обязан был Действовать «не оскорбляя ничьего национального чувства, напротив, пользуясь им во всех тех случаях, где это может быть полезно для дела революции, он не должен, однако же, раздувать его какими бы то ни было искусственными мерами; с одной стороны, он должен содействовать всему, что благоприятствует устранению перегородок, разделяющих народы, всему, что сглаживает и ослабляет национальные особенности; с другой — он должен самым энергическим образом противодействовать всему, что усиливает и развивает эти особенности. И он не может поступать иначе». На наш взгляд, лекция П.Л. Лаврова и урок, преподанный П.Н. Ткачевым автору «Записок южнорусского социалиста», были особенно хорошо усвоены и применены позже на практике Лениным и Сталиным.

Определяющим для лидеров российских большевиков были указания основоположников марксизма: «Национальная обособленность и противоположности народов все более и более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком»; с уничтожением частной собственности национальные черты народов «неизбежно будут смешиваться и таким образом исчезнут».

Ленин и большевики вслед за своими учителями считали себя не космополитами, а интернационалистами, которым полагалось не отрицать национальности как таковые и даже за малейшей национальностью признавать право на свободное и самостоятельное существование. Тем не менее, Ленин видел задачу своей пролетарской партии в том, что она «стремится к сближению и дальнейшему слиянию наций», что никакого противоречия между пропагандой свободы отделения наций и пропагандой их слияния «нет и быть не

может». В марте 1919 года он солидаризировался с ГЛ. Пятаковым в том, что мир без наций — «это великолепная вещь и это будет», и сожалел лишь о том, что будет это не скоро.

Различие между интернационализмом и космополитизмом

В сознании социал-демократов быть интернационалистом значило отрешиться не только от национальных пристрастий и антипатий, но и от национальности как таковой. Многие из видных большевиков открыто кичились своей анациональностью. В.И. Ленин при заполнении формуляра паспорта демонстративно написал о себе: «Без национальности». Л.Д. Троцкий, поясняя свою позицию в национальном вопросе, писал в своей автобиографии «Моя жизнь» (1930): «Национальный момент, столь важный в жизни России, не играл в моей личной жизни почти никакой роли. Уже в ранней молодости национальные пристрастия или предубеждения вызывали во мне рационалистическое недоумение, переходившее в известных случаях в брезгливость, даже в нравственную тошноту. Марксистское воспитание углубило эти настроения, превратив их в активный интернационализм». Отвечая на вопрос, кем он себя считает — евреем или русским, Троцкий говорил: «Ни ни другим. Я социал-демократ, интернационалист». Л.Б. Каменев тоже не считал себя евреем. Л.М. Каганович подчеркивал, что евреем был только по рождению, но «никогда не руководствовался в своей работе национальными мотивами. Я интернационалист». Л.З. Мехлис утверждал: «Я не еврей, я — коммунист». По свидетельству коллег, известный историк, профессор Московского университета А.Я. Аврех гордился тем, что был «ни евреем, ни русским, а только марксистом-интернационалистом».

В этом отношении можно обратить внимание на любопытную характеристику К. Радека, приведенную в книге современного автора, с симпатией относящегося к этому историческому персонажу. «Карл Радек, — пишет В.А. Фрадкин, — был человеком незаурядным, заметным, любопытным, одаренным, одним из самых известных и влиятельных журналистов СССР того времени. А с другой стороны, Карл Радек — типичный деятель международного авантюрного толка, приверженец космополитизма, воспринимаемого часто как интернационализм. При чтении всевозможных материалов и воспоминаний о Радеке складывается впечатление, что он не верил ни в Бога, ни в черта, ни в Маркса, ни в мировую революцию». Как видим, «космополитизм» здесь выступает родовым понятием, а интернационализм — одним из видов последнего. «Среди большевиков нет евреев, есть лишь интернационалисты» — эту фразу и различные ее вариации твердили десятки русских большевиков, родившихся евреями. Считается, что отношение к России, к русской нации, продемонстрированное лидерами большевиков и ультраинтернационалистами в послереволюционные годы, было следствием не их этнического происхождения, а «интернационально-космополитического мировоззрения» (Д.А. Волкогонов).

Здесь уместно сделать пояснение о характере связи, существующей между понятиями «интернационализм» и «космополитизм». На наш взгляд, она обнаруживает себя в следующем. В определенном смысле различие между этими понятиями существенно и принципиально, поскольку базируется на различном классовом основании. Можно сказать, космополитизм — это интернационализм капитала, интернационализм буржуазии. Интернационализм — это космополитизм рабочего класса, «красный космополитизм». В другом отношении, особенно важном для анализируемой нами проблемы, различия между интернационализмом и космополитизмом не существует; они преследуют одну и ту же цель — слияние наций. Возможно, этим можно объяснить позицию одного из свидетелей «последнего сталинского злодеяния». Осмысливая в течение многих лет «дело врачей» и предшествующую ему борьбу с космополитизмом, ЯЛ. Рапопорт в своей книге «На рубеже двух эпох» (1988) отметил: «Борьба с космополитизмом не имела ничего общего с теоретической принципиальной дифференциацией двух понятий: космополитизм и интернационализм. Когда-то в трудах теоретиков марксизма они мирно уживались, научно

анализировались и не были в такой острой непримиримой вражде, как в описываемый период 40-х годов».

Некоторые основания для такого утверждения имеются. Составители выпущенного в 1926 году «Настольного энциклопедического словаря-справочника» во главе с П.И. Стучкой полагали, например, что «в основе идеологии фашизма лежит националистический патриотизм, резко противопоставляемый социалистическому космополитизму». Без каких-либо изменений это положение включено во второе издание. В третьем издании (1929) «националистический патриотизм» в той же словарной статье о фашизме противопоставлен уже «социалистическому интернационализму». Каких-либо объяснений необходимости такого уточнения справочник не содержит. Надо полагать, самые широкие читательские круги, которым эти издания предназначались, на весьма авторитетном «энциклопедическом» основании могли отождествлять социалистический интернационализм с социалистическим космополитизмом.

«Диаметрально противоположные позиции», на которых якобы стоят космополиты и интернационалисты, в специальной работе Е.Д. Модржинской «Космополитизм — империалистическая идеология порабощения наций» (1958), пожалуй, единственном обстоятельном исследовании проблем космополитизма в советской литературе, изображаются так: «Космополитизм, отрицающий национальный суверенитет, попирающий права народов на свободу и независимость, призывает к слиянию наций насильственным путем, требуя фактически порабощения и закабаления всех народов мира империализмом». Но здесь же читаем: «Слияние наций является целью коммунистов, но на совершенно иной основе. Перспективу слияния наций марксистско-ленинская теория рассматривает с точки зрения объективного процесса общественного развития. Слияние наций может наступить только в результате длительного исторического развития, в результате освобождения наций и расцвета национальных культур». Однако утверждения насчет демагогии и лицемерия космополитов, которыми прикрывается негодная цель — ликвидация наций и национальных культур, и идиллия будто бы полного доверия и добровольного согласия народов, шествующих за пролетарскими интернационалистами по мирному пути слияния наций, в наши дни могут служить разве что примером того, как философы в недавние времена могли выдавать желаемое за действительное.

Космополиты и интернационалисты, по общим основаниям и целям их доктрин, враждебны национальной идее и нации как таковой. Например, когда представители евреев, ратовавшие за создание условий «возрождения и расцвета» своего народа, обратились в апреле 1920 года за поддержкой к Ленину (ходатаем выступал М. Горький), они встретили полное непонимание. Ленин категорически заявил, что к сионизму он относится крайне отрицательно. Во-первых, — сказал Ленин, — национальные движения реакционны, ибо история человечества есть история классово-борьбы, в то время как нации — выдумка буржуазии; и потом, главное зло современности — государства с их армиями. Государство является орудием, с помощью которого меньшинство властвует над большинством и правит всем светом. Основная цель — уничтожение всех государств и организация на их месте союза коммун. Сионисты же мечтают, как бы прибавить еще одно национальное государство к уже существующим.

Враждебность космополитов и интернационалистов национальной идее находила свое крайнее выражение в попытках игнорирования, «отмены», нигилистическом отношении к нации. Можно назвать это ультраинтернационализмом, вульгарным интернационализмом. Общность космополитизма и интернационализма проявляется в попытках форсирования интеграционных, объединительных процессов в многонациональных сообществах, в ускорении сближения и слияния наций (это — «нормальный», «правильный» интернационализм). При угасании революционного запала и классового шовинизма интернационализм начинает трактоваться как «дружба» и «братство» народов без учета и безотносительно к их классовой структуре и характеру межнационального сближения. Такой интернационализм, по Ленину, ничего общего с настоящим, пролетарским не имеет. И

называл он его не иначе как «мелкобуржуазный национализм».

Формулируя тезисы ко II конгрессу Коминтерна (июнь 1920 г.), Ленин призывал к борьбе с «наиболее закоренелыми мелкобуржуазно-национальными предрассудками», которая «тем более выдвигается на первый план, чем злободневнее становится задача превращения диктатуры пролетариата из национальной (т. е. существующей в одной стране и неспособной определять всемирную политику) в интернациональную (т. е. диктатуру пролетариата, по крайней мере, нескольких передовых стран, способную иметь решающее влияние на всю мировую политику)». Соответственно определялся и пролетарский интернационализм, требующий: 1) подчинения интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе; 2) способности и готовности со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала. Трактовка же интернационализма в духе равноправия и дружбы народов, как тогда же отмечал Ленин, соответствовала мелкобуржуазным представлениям об этом феномене. «Мелкобуржуазный национализм, — писал он, — объявляет интернационализмом признание равноправия наций и только, сохраняя... неприкосновенным национальный эгоизм». Подлинный интернационалист, по Ленину, считал националистическими мещанами всех, кто защищает лозунг национальной культуры, сам же следовал императиву: «Не «национальная культура» написано на нашем знамени, а интернациональная (международная), сливающая все нации в высшем социалистическом единстве».

С этой точки зрения известную формулу о расцвете при социализме национальной по форме и социалистической по содержанию культуры следует понимать как национальную по форме и денационализированную по содержанию. В результате этого процесса нации должны были исчезнуть. С отказом от социализма оставшиеся от советских времен «национальные формы» наполняются реальным, не социалистическим содержанием. В действительности, социалистическое денационализированное содержание вытесняется воскресающим родо-племенным, феодальным и буржуазным (национальным и космополитическим) содержанием. Главный выбор нашего времени состоит в выборе между последними ориентирами — буржуазным и космополитическим.

Русские обязаны возместить другим народам неравенство?

Социализм виделся Ленину обществом, которое «гигантски ускоряет сближение и слияние наций». Ради скорейшего достижения этой цели от русской нации требовалось возместить другим нациям «то неравенство, которое складывается в жизни фактически». Интернационалист Н.И. Бухарин говорил на XII съезде партии (1923), что русский народ необходимо искусственно поставить в положение более низкое по сравнению с другими народами и этой ценой «купить себе настоящее доверие прежде угнетенных наций». М.И. Калинин призывал поставить малую национальность в «заметно лучшие условия» по сравнению с большой. Эти установки в той или иной мере проводились в жизнь до тех пор, пока существовал Союз ССР, они же, на наш взгляд, в определенной степени обусловили его распад.

В постсоветский период утверждается, что интернационализм надо понимать как «движение к другим народам, стремление жить с ними в мире и согласии, обмениваться культурными ценностями», а «историческая миссия многонационального государства состоит в том, чтобы привести свои нации в мировое содружество» (С.Н. Артановский). Это скорее уже некий выхолощенный, «мелкобуржуазный» интернационализм, весьма далекий от своего настоящего прародителя и предназначения, к тому же, как видим, вполне мирно объединенный со своим собратом и неприятелем космополитизмом. При характеристике современных общественных движений и общественного сознания места для интернационалистов порой уже и вовсе не находится. Например, отмечается, что русская нация ныне разделилась на два непримиримых лагеря: «В одном — великодержавники,

славянофилы и евразийцы, в другом — западники, интеграллисты или космополиты» (Г.Х. Шахназаров).

Впрочем, сегодня всякому, кто отвергает коммунизм как цель общественного развития (и, соответственно, отказывается от идеологии, обосновывающей достижение этой цели), не остается ничего другого, как предать забвению и принципы интернационализма, и само это понятие. Ближайшим понятием, способным заменить «интернационализм», оказывается «космополитизм». К примеру, преимущества «красных директоров» перед приверженцами нового курса на капитализацию России А.С. Ципко видит в том, что эти директора — «все еще советские люди, не имеют национальных пристрастий и привычки выяснять, у кого сколько «русской крови». Они куда более интернационалисты и космополиты, чем вожди беловежской партии».

О яде, именуемом историей, и всесожжении учебников

Однако последовательные сторонники космополитической идеи интернационалистов не жалуется. Их логика хорошо представлена в докладе знаменитого Герберта Уэллса «Яд, именуемый историей», с которым он неоднократно выступал во второй половине 1930-х годов. Писатель исходил из того, что опасность для мировой цивилизации заключена в самом существовании наций и их искусственном культивировании в каждой отдельной стране патриотами, а главным образом — историками. Последние, говорил Уэллс, своим профессиональным интересом к прошлому чрезмерно подчеркивают общественные и экономические особенности народов, навязывают молодежи мысли о национальных различиях, учат быть гражданами и патриотами. А поступать во имя всеобщего благоденствия надо, по убеждению писателя, прямо наоборот. Если мы хотим, чтобы мир был единым, то, доказывал он, «мы не должны исходить из понятий нации, государства». Культурному учителю вообще не пристало говорить «наша национальность, наш народ, наша раса», ибо «вся эта банальная чепуха глупа и лжива». Все факты реальной действительности вопреки историческому прошлому свидетельствуют в пользу единого мирового государства — космополиса, естественного, а в современных условиях просто необходимого Всемирного Братства людей. Его созданию и должно было бы способствовать преподавание истории. В качестве первого шага в нужном направлении предлагалось устроить всесожжение старых учебников истории и отлучить от преподавания педагогов, для которых «исходное понятие — нация... излюбленное словечко — интернациональный, а не космополитический». Как видим, само слово «интернациональный» отвергается, потому что в соответствии со своим латинским происхождением (*inter*, между и *natio*, *nationis*, народ) означает связь между реально существующими нациями. Нациям же, согласно Уэллсу и ему подобным радателям человечества, не должно быть места ни в действительности, ни в мыслях.

Нынешние космополиты, равняясь на своих классиков, тоже порой представляют интернационалистов заурядными националистами, только с приставкой «интер». Утверждая, что сами создатели «научного коммунизма» были космополитами и этого не скрывали, один из новейших отечественных космополитов пишет, что последователи К. Маркса лишь произвели замену национальной вражды на вражду классовую, провозгласив ее более прогрессивной, более культурной, чем национальная. «Но кто измерит, — восклицает он, — какой национализм больше нанес страданий, больше пролил крови и слез: с приставкой интер или без таковой. Предпочтение любого из этих измов другому тем паче сомнительно, что слить классы оказывается не более реально, чем слить нации». Единственный способ преодоления национализма усматривается в космополитизме, в отказе от патриотизма, национальной гордости, в освобождении от ощущений национального в себе. Ибо, как утверждает, именно национализм — от самых необидных форм национального эгоизма до патологии шовинизма — реальное состояние национального самосознания «я». Всякий патриот своей нации есть уже националист — эгоист, предпочитающий свою нацию любой

другой; всякий, кто согласен подписаться под словами Г.Р. Державина

«Мила нам добра весть о нашей стороне,
Отечества и дым нам сладок и приятен!»

— это законченный национал-эгоист; национальная гордость — не что иное, как скользкая дорожка в национальную кичливость, ура-патриотизм, ксенофобию. Предлагается навеки реабилитировать киренаиков с их формулой «где хорошо, там и отечество». Полагая, что «нейтральное проявление национального духа почти невозможно», видимо, научившийся такому искусству автор утверждает: «Космополитизм не отрицает национального самосознания, национальной культуры»; всякому национализму должен быть противопоставлен «национальный альтруизм, то есть космополитизм — совмещающий любовь к своему отечеству с любовью ко всему миру» (Звезда. 1993. № 8).

И все было бы хорошо в этих благостных призывах, если бы автор сообщил, какими реальными путями можно привести народы разных стран и национально-государственных образований в райскую страну, где все поклоняются апостолу Павлу с его заветом: «Несть эллин, несть иудей». Ю.М. Нагибин, например, считал, что осуществить апостольский завет очень просто. «Подставим под эллина русского, а под иудея все остальные нации, существующие на планете», — завещал он в свою очередь, и проблема будет решена. Правда, почему-то он был убежден, что есть только один народ, не желающий этого. «Русские, конечно, перепугаются: пропадет богатство национальных красок. Ничего не пропадет», — говорил он с такой уверенностью, будто держал в руках результаты референдума, и все остальные народы уже сказали свое «Да». Действительность, однако, заставляет сильно сомневаться в такого рода заверениях. Рецепт снадобья, которое излечивало бы патриотов от любви к родине, от национальных предпочтений и превращало бы их всех разом в национальных альтруистов, ни древними, ни новейшими космополитами не изобретен. Обращающиеся же в космополитическую веру одиночки способны лишь на подвиг самый прозаический — отправиться как можно скорее в открытое еще в V веке до новой эры киренаиками место, где всегда лучше, чем на родине, и где дым былого отечества не раздражает.

Правда, и проповедники космополитизма в утверждении своих взглядов ведут себя порой не менее воинственно, чем шовинисты. Водном из выпусков публицистических выступлений писателей Москвы и Санкт-Петербурга в поддержку Президента Российской Федерации (Что дальше? М., 1993. Вып. 3) Б.Н. Ельцину был адресован весьма своеобразный упрек за потакание «парламентскому большинству», на языке Нагибина — «сброду хасбулатовских прихвостней». «Вы пропустили мимо ушей, — писал он, — вещие слова Лермонтова: «Злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал». И он приполз, этот злой чечен, на берег Москвы-реки, наводнив город своими воинственными соплеменниками, которые терроризируют рынки, убивают шоферов такси, стреляют в ресторанах и вывозят из Москвы несметные сокровища. А главный герой с жестокой настойчивостью рвется в маленькие Сталины. А может, русскому народу захотелось по-мазохистски после норманнов, татар, ляхов, французов, остзейских немцев, евреев, грузин и украинских кацапов попробовать чеченской плети? Как-то не хочется этому верить...» Не хочется верить и глазам своим, читая подобное. Видимо, некоторые последователи Диогена Синопского готовы вслед за ним не только слыть гордыми космополитами, но и от излишков культуры избавиться. Первый «гражданин мира», как известно, всю культуру объявлял насилием над человеческим существом и был преизрядным циником.

Современные троцкисты также не видят каких-либо различий между интернационализмом и космополитизмом. Они заявляют: «В сущности, марксизм был всегда вполне космополитическим движением» (Бюллетень Спартаковцев. 1992. № 3). Но в отличие от «чистых» космополитов — чистых от какого бы то ни было налета классовости и классового понимания этого феномена — троцкисты понимают под космополитизмом

интернационализм, который они якобы уберegli от национал-большевистских извращений.

В этой связи можно обратить внимание на оригинальную трактовку соотношения интернационализма и национализма, намеченную в 1995 году известным историком и политологом Л.А. Гордоном. Обосновывая «логику разрушения государственного социализма», он представляет СССР кануна перестройки как страну, для которой характерны «авторитарный режим, социальный патернализм, унитарное государство, национализм и противостояние Западу». Цивилизовать такую страну может лишь «политическая и социальная демократия, федерализм, интернационализм, сближение с Западом». Согласно такой логике, интернационализм является родовым признаком капиталистического Запада, а к Союзу ССР якобы не имел отношения.

Возрождение национальных культур при социализме — самая опасная форма национализма?

Ярким примером революционера, понимавшего интернационализм в таком ультралевом выражении, являлся, как отмечалось, Л.Д. Троцкий. Разделявшая его взгляды «горстка таких же догматиков и одновременно романтиков, революционеров-космополитов, каким оставался до самой гибели он сам» (Д. Штурман), была не такой уж и маленькой. Как течение общественной мысли и как общественное движение троцкизм живет и в наши дни. Национальная культура в троцкистской трактовке — синоним культуры буржуазной, которая в переходный период к социализму должна была разделить судьбу этого класса. Возрождение наций при социализме, а тем более изобретенный Сталиным «расцвет» национальных культур воспринимался ими как самая опасная форма национализма. Б.А. Ваганян, широко известный в 1920-е годы автор работ по философским проблемам культуры, один из членов-учредителей Общества воинствующих материалистов и член его президиума, представлял в своей книге «О национальной культуре» (1927) развертываемую в СССР культурную революцию явлением, «обратным, противоположным национальной культуре», процессом, при котором «мы не только не создаем и не обогащаем так называемую «национальную культуру» своей настоящей культурной революцией, а наоборот, мы разрушаем, убиваем, хороним и вбиваем осинový кол в могилу этого остатка и самого опасного пережитка буржуазной культуры».

Формирование социалистической общности людей и ее культуры (слияние наций) мыслилось при этом как процесс вытеснения элементов национальной культуры (которые якобы не могли быть никакими иными, кроме как буржуазными, крепостническими, националистическими, даже каннибальскими) и наращивания элементов культуры интернациональной — культуры «декабристов, Белинских, Чернышевских, Плехановых, Ленина». За пределами великорусских областей задача партии усматривалась в том, что «она выявляет элементы интернациональной культуры у себя дома и создает, сажает на почву условий быта своего народа интернациональную культуру более высоко развитых народов». В мировом масштабе, согласно Троцкому (статья «Мысли о партии», 1923), разрешить национальный вопрос было можно, только обеспечив за всеми нациями «возможность ничем не стесненного приобщения к мировой культуре — на том языке, который данная нация считает своим родным языком».

Многообразие языков, естественно, выступало в качестве фактора, замедляющего приобщение к мировой культуре. «Уже теперь, — писал по этому поводу В.А. Ваганян, — существование множества национальных языков является колоссальным препятствием хозяйственного общения народов». Однако препятствие это казалось не таким уж труднопреодолимым. Самодовлеющей ценности в национальных языках не усматривалось. Считалось, что они представляют собой лишь «формальный признак» культуры. К тому же ни один из национальных языков не был «чистым», каждый из них представлялся продуктом сложного взаимодействия целого ряда языков, многократных исторических наслоений, каждый не раз «скрещивался со многими языками, одних ассимилируя, от других вбирая

большое число корней и понятий». Учитывая все это, предлагалось на первых порах всемерно развивать национальные языки «как кратчайший путь внедрения интернациональной культуры пролетариата в народные толщи» и осуществлять таким образом создание «интернациональной культуры на национальных языках».

Впрочем, этот путь представлялся не единственным и не главным. Законы предстоящей эпохи, по мнению Ваганяна, таковы, что не только не помогают замыканию и развитию национального языка, но в гораздо более ускоренном темпе продвигают дело стирания межнациональных граней, дело поглощения слабых, неразвитых, небогатых языков и наречий наиболее сильными и мощными языками. Иначе говоря, Ваганян утверждал: «При социализме совершится процесс, который диалектическим противоречивым путем приведет — и не может не привести — к постепенному уничтожению национальных языков, слиянию их в один или несколько могучих интернациональных языков». Видимо, не случайно в возглавляемой Троцким Красной Армии изучение эсперанто до 1923 года было особым знаком интернационализма. Этот искусственный международный язык мыслился как язык, могущий в будущем прийти на смену национальным языкам всех народов мира. Во второй половине 1920-х годов подобную роль в масштабах СССР троцкисты стали отводить русскому языку. Ваганяну он представлялся языком «всесоюзной коммунистической культуры, которую мы вырабатываем все вместе. Но ко всему этому русский язык есть межнациональный язык нашего Союза... далее, это язык нашей единой союзной экономики».

Выбор модели мировой социалистической республики для народов Земли в 1920–1922 годах

При образовании СССР в 1922 году споры шли, в сущности, о начальной форме будущего единства народов мира, которая могла бы стать первой из переходных форм сближения и слияния народов в мировой социалистической общности людей. Ленин требовал создания Союза ССР вместо предлагаемой Сталиным Российской республики не столько из-за опасений усиления централизма и русификаторства, сколько предвидя возможность вхождения в СССР других стран по мере успехов революции на Востоке и Западе. Во взглядах на первичную форму государственного единства социалистических наций Ленин в сентябре — декабре 1922 года перешел на позицию, близкую к той, которую Сталин занимал в июне 1920 года.

Тогда перед II конгрессом Коминтерна Ленин разослал «Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам» целому ряду своих соратников, в том числе и Сталину, находившемуся в Харькове, в штабе Юго-Западного фронта, и просил сделать замечания по этому «наброску». Сталин в своих замечаниях к тезисам предложил включить в них положение о конфедерации, как об одной из переходных форм сближения трудящихся разных наций. Аргументируя предложение, он писал: «Для наций, входивших в состав старой России, наш (советский) тип федерации можно и нужно считать целесообразным как путь к интернациональному единству. Мотивы известны: эти национальности либо не имели в прошлом своей государственности, либо потеряли ее давно, ввиду чего советский (централизованный) тип федерации прививается к ним без особых трений». Однако, полагал далее Сталин, этого нельзя сказать о национальностях, которые не входили в состав старой России, долгое время существовали как самостоятельные образования, развили свою собственную государственность и которые, если они станут советскими, вынуждены будут силою вещей установить те или иные государственные отношения с Советской Россией. Например, будущие Советская Германия, Польша, Венгрия, Финляндия.

И.В. Сталин сомневался, что народы этих стран, став советскими, согласятся пойти сразу на федеративную связь с Советской Россией «типа башкирской или украинской». Советский тип федерации и вообще федерация были бы еще более неприемлемы, по мнению Сталина, для отсталых национальностей зарубежного Востока. Исходя из этих соображений,

в ленинские тезисы о переходных формах сближения трудящихся разных наций и было предложено «внести (наряду с федерацией) конфедерацию. Такая постановка придавала бы тезисам больше эластичности, обогатила бы их еще одной переходной формой сближения трудящихся разных наций и облегчила бы национальностям, не входящим ранее в состав России, государственное сближение с Советской Россией».

Вспоминая об этом своем предложении в защиту конфедерации, Сталин говорил 25 апреля 1923 года участникам заседания секции XII съезда партии по национальному вопросу: тогдашнее предложение Ленина сводилось к тому, что «мы, Коминтерн, будем добиваться федерирования национальностей и государств. Я тогда сказал... не пройдет это. Если Вы думаете, что Германия когда-либо войдет к Вам в федерацию на правах Украины, — ошибаетесь. Если Вы думаете, что даже Польша, которая сложилась в буржуазное государство со всеми атрибутами, войдет в состав Союза на правах Украины — ошибаетесь. Это я говорил тогда. И товарищ Ленин прислал грозное письмо — это шовинизм, национализм, нам надо центральное мировое хозяйство, управляемое из одного органа».

Что же касается конечной формы государственного и национального социалистического единства, то она в первые годы революции никаких разногласий среди большевиков не вызывала. Азбучной истиной (по «Азбуке коммунизма» Н.И. Бухарина и Е.А. Преображенского, написанной в октябре 1919 г.) считалось, что со временем, когда Всемирный федеративный союз «окажется недостаточным для создания общего мирового хозяйства и огромное большинство на опыте осознает эту недостаточность, будет создана единая мировая социалистическая республика».

Троцкистские представления о путях утверждения социализма на планете Земля в наибольшей степени соответствовали ультрареволюционной ментальности первых лет советской власти и всех 1920-х годов. Л.Д. Троцкий в этом вопросе несколько не противоречил В.И. Ленину, ключевая мысль теоретического наследия которого может быть выражена положением: «Дело всемирной пролетарской революции (есть) дело создания всемирной Советской республики». Троцкий несколько не противоречил и Конституции СССР 1924 года, объявлявшей образованное в конце 1922 года интернациональное государство открытым «всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем».

Воззрения Л.Д. Троцкого на национальный вопрос в своей основе были близки к люксембургизму, имевшему немало сторонников в большевистской партии. В их числе были такие известные деятели, как Н.И. Бухарин, Л.Г. Пятаков и, как это ни покажется странным, едва ли не все члены коллегии Наркомнаца, исключая лишь председателя. «Открыто или полусознательно, — писал Троцкий в 1930 году, — они стояли на уже известной точке зрения Розы Люксембург: при капитализме национальное самоопределение невозможно, а при социализме оно излишне». Будучи, по его же наблюдениям, русифицированными инородцами, они свой абстрактный интернационализм противопоставляли реальным потребностям развития угнетенных национальностей. Л.Д. Троцкий полагает, что тем самым они объективно возрождали старую традицию русификаторства и великодержавности, с чем трудно согласиться. Абстрактный интернационализм никак не мог соответствовать реальным потребностям также и русского народа. Можно сказать, русского — прежде всего. В Наркомнаце не случайно не видели никакой необходимости в русском комиссариате, в то время как другие народы таковые имели.

Стремление с помощью Наркомнаца решать национальные проблемы в стране без представительства и учета интересов русского народа находило свое выражение не только в отсутствии специального отдела, но и в том, что само участие русских в работе комиссариата считалось вовсе не обязательным, если не сказать вредным. Характерен в этой связи ход мыслей С. С. Пестковского. Троцкий представлял его старым польским революционером, ближайшим помощником Сталина в первые двадцать месяцев советского режима.

«Прозкзаменовав себя строго, — писал Пестковский в 1923 году о выборе им своего места в рядах борцов за социализм, — я пришел к убеждению, что после иностранных дел единственным ведомством, подходящим для меня, является комиссариат по делам национальностей. Я сам инородец, — рассуждал я, — следовательно, у меня не будет того великорусского национализма, который вреден для работы в этом комиссариате». Решившись, он отправился к Сталину и заявил ничтоже сумняшеся: «Я вам «сделаю» комиссариат», с чем Сталин якобы и согласился. Этот весьма выразительный исторический эпизод говорит как раз о том, что если и другие «люксембургинцы-инородцы» думали так же, то вряд ли следует грешить на них, как на «объективно великорусских» националистов.

Патриотами какого Отечества были большевики в период ожидания мировой революции?

Почти все 1920-е годы истории нашей страны прошли в ожидании мировой революции и готовности российских адептов к сражениям на ее баррикадах. Брестский мир был, как известно, заключен не от избытка миролюбия в большевистской среде. Противники этого «похабного» мира выступали против его подписания под провокационными лозунгами: «Ни мира, ни войны» (Троцкий) и «Немедленная революционная война» (левые коммунисты во главе с Бухариным). «Раз началась пролетарская революция, — говорил, например, М.Н. Покровский, оказавшийся в тот момент в стане бухаринцев, — она должна развертываться во всеевропейском масштабе, или она падет и в России». Ленин миротворцем был лишь потому, что в отличие от своих соратников сознавал невозможность собрать под знамена всемирной революции достаточное число боевиков. «Мы — оборонцы теперь, с 25 октября 1917 года, мы — за защиту отечества с этого дня», — выставил он тогда свое новое кредо, разъясняя попутно, что принимать военную схватку с бесконечно более сильным неприятелем, когда не имеешь армии, значит совершать преступление с точки зрения защиты отечества. Однако и отечество, и патриотизм в трактовке Ленина своеобразны. Это был «социалистический патриотизм» и «родина» абстрактного мирового пролетариата, патриотами которой заведомо не могли считаться не только «буржуи», но и все другие непролетарские, мелкобуржуазные массы — подавляющее большинство населения России и других стран мира. Патриотизм последних мог быть, в представлениях большевиков, только национализмом и шовинизмом.

Первое поколение советских людей в советской стране воспитывалось не для защиты родины, а для Всемирных идеалов, способы осуществления которых в первые революционные годы никак не камуфлировались. Ленин говорил на IX партконференции (1920) о необходимости красной интервенции на Запад. В этом же духе был составлен приказ М.Н. Тухачевского о походе на Варшаву. Троцкий намечал вторжение в Индию. М.В. Фрунзе писал: «Мы — партия класса, идущего на завоевание мира». Только с учетом таких умонастроений и действий можно объяснить, почему нарком просвещения А.В. Луначарский, выступая в сентябре 1918 года перед учителями с лекцией «О преподавании истории в коммунистической школе», был по-революционному безапелляционен: «Преподавание истории в направлении создания народной гордости, рационального чувства и т. д. должно быть отброшено; преподавание истории, жаждущей в примерах прошлого найти хорошие образцы для подражания, должно быть отброшено».

Доводов у наркома было много. Главный — в том, что только благодаря «проклятой национальной школе в Германии, где немцы искуснее всех поставили свое преподавание «патриотизма»... возможна стала мировая бойня». Воспитывать в учениках «здоровую любовь к родине» (к этому были призывы на недавнем Всероссийском учительском съезде), родному языку — неверно уже потому, что «здоровые» чувства есть не результат воспитания, а следствие обстоятельств, языковой среды, окружающей природы, одним словом, — привычка. Специально воспитывать ее — «это глупость, это все равно, что учить блондина быть блондином». Говорить, будто русский язык самый лучший, по Луначарскому, было равносильно утверждению, что французский и немецкий никуда не годятся. Кроме того, это значило бы не понимать «проклятие человечества, что мы не можем слиться в единую человеческую семью, потому что языки, разнородность быта создают препятствие

такому братству».

Социалисты, настаивал А.В. Луначарский, докладывая на I Всесоюзном учительском съезде задачи просвещения в системе советского строительства (январь 1925 г.), «должны положить в основу преподавания интернациональный принцип, принцип международной, принцип всеобщности человечества». Поэтому единственно правильным полагалось «воспитывать интернациональное, человеческое». Стирая грань между интернациональным и космополитическим, нарком призывал: «Воспитывать нужно человека, которому ничто человеческое не было бы чуждо, для которого каждый человек, к какой бы нации он ни принадлежал, есть брат, который абсолютно одинаково любит каждую сажень нашего общего земного шара, и который, когда у него есть пристрастие к русскому лицу, к русской речи, к русской природе, понимает, что это — иррациональное пристрастие».

Естественно, интернационализм в такой трактовке не мог не вступать в противоречие с понятием государственного и национального патриотизма. «Конечно, идея патриотизма — идея насквозь лживая», — продолжал Луначарский «просвещать» учителей на Всесоюзном учительском съезде, утверждая, что в проповеди патриотизма были заинтересованы только эксплуататоры, для которых «задача патриотизма заключалась в том, чтобы внушить крестьянскому парнишке или молодому рабочему любовь к «родине» заставить его любить своих хищников». В конце концов, «что такое, в самом деле, родина при капиталистическом строе, что такое каждая отдельная страна, держава?» — вопрошал он и не преминул подчеркнуть эфемерность и историческую случайность пребывания различных «родин» и «держав» на свете белом: «Очень редко вы найдете такую страну, в которой случайно граница ее совпадает с границами расселения данного народа. В огромном большинстве случаев вы имеете державы, подданные которых в демократической стране прикрыты лживым термином «граждане» — люди различных национальностей». Таким образом, школьные учителя призывались к необходимости воспитывать из своих питомцев граждан — не «лживых», а «настоящих». А насчет патриотизма нарком успокаивающе заверял: «Естественно, что этот патриотизм сейчас разлагается».

Немало способствовавший такому разложению интернационалист Г.Е. Зиновьев в своем вступительном слове на V конгрессе Коминтерна (17 июня 1924 г.) с сожалением отмечал, что произошла ошибка «в оценке темпа» мировой революции, «и там, где надо было считать годами, мы иногда считали месяцами». Ошибка в сроках объясняла, почему «нам предстоит еще завоевать пять шестых земной суши, чтобы во всем мире был Союз Советских Социалистических республик». Впасть в уныние по случаю запаздывания революции, по Зиновьеву, было величайшим оппортунизмом. Тем не менее через три года пришлось признать неточным и темп, «рассчитанный» Зиновьевым. В 1927 году в призывах к годовщине революции под 13-м номером значилось: «Да здравствует мировой Октябрь, который превратит весь мир в Международный Союз Советских Социалистических Республик!» А о сроках можно было узнать следующее: «Первые десять лет международной пролетарской революции подвели капиталистический мир к могиле. Второе десятилетие его похоронит».

Конечно, не 13-е число тому виной (хотя свою дурную славу оно на сей раз полностью подтвердило), но и новый прогноз через 10 лет оправдался с точностью до наоборот. Однако энтузиасты от мечты своей не отступались. В связи с празднованием 20-й годовщины Октября по инициативе М. Горького готовился пятитомный труд, призванный показать достижения социалистического строительства. Заключительный том предполагалось назвать «Взгляд в будущее» и включить в него «научно обоснованные фантазии». В 1936 году состоялось несколько заседаний авторского коллектива, в ходе которых известнейшие ученые, деятели культуры и искусства, хозяйственники пытались описать, ждет в ближайшем будущем Европу и мир в целом. При этом писатель В.М. Киршон затеял целую дискуссию на тему: «Весь мир через 15–20 лет будет социалистическим или только одна Европа?» Грядущая победа коммунизма по-прежнему мыслилась как немирный СССР. Об этом пели повсюду:

«Два класса столкнулись в смертельном бою,
Наш лозунг — Всемирный Советский Союз.
Наш лозунг — Всемирный Советский Союз».

Что же касается официальных трактовок этого вопроса, то к середине 1930-х годов они стали звучать куда как сдержаннее.

Как представляется, отношение к мировой революции, утвердившееся в сталинском штабе, довольно точно отражают фальшивые постановления ЦКВКП(б), запущенные советскими спецслужбами в целях дезинформации потенциальных военных противников. Водном из них, якобы от 24 мая 1934 года, значилось, что «ВКП(б) должна временно отказаться от самого своего идейного существа для того, чтобы сохранить и укрепить свою политическую власть над страной». В частности, партия и правительство должны были «считаться с вынужденной необходимостью отсрочки мирового торжества коммунизма и своевременно провести нелегкий маневр отступления внутри страны для усиления своей сопротивляемости вероятному внешнему натиску». С учетом ситуации в стране и мире, как «категорически» заявлялось в другом «постановлении» (от 15 августа 1934 г.), мировая революция «может быть достигнута лишь при наличии мощного коммунистического государства, цитадели большевизма и неиссякаемого резервуара коммунистического энтузиазма и кадров революции» (Б.И. Николаевский). На укреплении цитадели, а вовсе не на раздувании мирового пожара, на горе всем буржуям, и решено было тогда сосредоточиться. Тем самым изготовители «постановлений» рассчитывали внести успокоение и в среду мировой буржуазии.

История переоценки темпов мировой революции лидерами большевиков заставила забежать несколько вперед. Возвращаясь в 1920-е годы, следовало бы отметить роль официозных историков-марксистов в освещении национальной истории своей Страны.

Как пытались предать смерти и забвению историю дореволюционной России

Наибольшим влиянием в 1920-е годы обладала школа академика М.Н. Покровского. Историки этой школы в полном соответствии с установками Коминтерна и общими устремлениями тех лет игнорировали даже ленинское указание о наличии двух патриотизмов в русской истории (соответствующих ленинским «двум нациям в каждой современной нации»), полагали, что патриотизм не бывает никаким иным кроме как казенным и квасным, и не иначе как национализмом и шовинизмом.

Покровский, бессменно командовавший историческим фронтом большевиков в течение пятнадцати пореволюционных лет, еще при жизни завоевал себе известность более громкую, чем у литературного персонажа, распорядившегося «закрыть Америку». В 1922–1923 годы во многом благодаря его усилиям была закрыта для изучения в государственной общеобразовательной школе русская история. Предварительно историк-революционер «обосновал» своими разоблачительными учеными трудами необходимость этой меры. Потому, дескать, что отечественная история шла не тем путем, каким ей следовало идти, что включение нерусских народов в русло единой государственности было абсолютным злом, и по другим, — столь же революционным, сколько и абсурдным основаниям. В школе ставились под сомнение и отрицались сами понятия «Россия», «патриотизм», «русская история».

Никакого иного понятия кроме как «тюрьма народов» для многонациональной дореволюционной России в школе не предлагалось. Название «Россия», по Покровскому, по-настоящему надо писать в кавычках, «ибо «Российская империя» вовсе не была национальным русским государством. Это было собрание нескольких десятков народов... объединенных только общей эксплуатацией со стороны помещичьей верхушки, и объединенных притом при помощи грубейшего насилия». Естественно, никаких

общенациональных патриотических чувств к такому отечеству-тюрьме, по логике историка, быть не могло. Патриотизм, утверждал он, это болезнь, которой могут страдать только мелкие буржуа, мещане. Ни капиталисты, ни тем более пролетарии ей не подвержены. В статье, написанной к десятилетию Октября, Покровский утверждал, что в СССР этой болезнью «вместо миллионов, как это было в Западной Европе, вместо сотен тысяч, как это было у нас в начале 1917 года, хворают только единицы». В 1918 году при заключении Брестского мира российский пролетариат, по Покровскому, якобы продемонстрировал полное отсутствие патриотизма, никак не прореагировав на потерю якобы Россией восемнадцати якобы русских губерний. «Пролетариат, — писал он, — не стал проливать свою кровь для защиты географического отечества, на самом деле являвшегося результатом освященных древностью феодальных захватов. Он громко и внятно сказал всем, что защита его классовых интересов, защита завоеваний революции для него важнее всякой националистической географии». Тем самым пролетариат якобы навсегда покончил с патриотизмом — «одним из китов мелкобуржуазного мирозерцания». Признавая, что наибольшая угроза большевикам может исходить лишь из лагеря патриотов, Покровский успокаивал власти имущие. Вновь-де восстановить иллюзии «националистического отечества — это задача материально неосуществимая», мелкобуржуазные настроения такого рода могут сплотить лишь совершенно ничтожные кучки, не представляющие уже серьезной опасности для революции. С «кучками» этими, как увидим дальше, власти вели борьбу в буквальном смысле слова не на жизнь, а на смерть.

В таком же духе, несколько выправляя левизну Покровского, о патриотизме писала в начале 1930-х годов Малая советская энциклопедия, рассчитанная на самое широкое внимание советских людей. В статье о патриотизме, помещенной в шестом томе МСЭ, отвергалось понимание этого феномена феодальными и буржуазными историками как «природного чувства, присущего чуть ли не всякому животному» (видимо, отсюда и нынешнее уничижение: «Патриотизм — чувство биологическое, оно присуще даже кошке»), ибо привязанность животного к определенному месту продолжается только до тех пор, пока оно дает ему средства к существованию. В человеческом обществе патриотизм обнаруживался лишь у господствующих классов, трудящиеся этого чувства были лишены: «Пролетариат никогда не имел в буржуазном государстве своего отечества, так же как не имели его рабы и крепостные в государственных образованиях древности и средневековья». В переходный период к социализму пролетариат обретает свое Отечество, бывшие эксплуататорские классы его утрачивают. Однако территориальные границы отечества при этом якобы ничего не значат: «Пролетариат не знает территориальных границ... он знает социальные границы. Поэтому всякая страна, совершающая социалистическую революцию, входит в СССР». Так продолжается ДО тех пор, пока отечеством трудящихся не станет весь мир.

Исторические традиции советского патриотизма при такой трактовке велись в подавляющем большинстве случаев не ранее чем с 1917 года. Преемственность в истории народов таким образом разрывалась. История России представлялась чередой бунтов, восстаний, стачек и революций. Цари изображались кровопийцами, дворяне — изуверами и насильниками, купцы и промышленники — мироедами и эксплуататорами трудового народа, все духовные лица — мракобесами, пьяницами и развратниками. Никаких героев в отечественной истории при таком понимании патриотизма быть не могло. Считалось, что время героического понимания истории безвозвратно ушло. У всех героев (начиная с былинных богатырей) и творцов культуры прошлого всегда находили одни и те же изъяны: они или представляли эксплуататорские классы, или служили им. Старая Россия со всей ее многовековой историей приговаривалась революцией к смерти и забвению. В августе 1925 года в «Правде» был помещен даже оскорбительно-издевательский стихотворный «некролог» В. Александровского по поводу ее мнимой гибели.

«Русь! Сгнила? Умерла? Подохла?

Что же! Вечная память тебе.
Не жила ты, а только охала
В полутемной и тесной избе».

Позднее дело дошло до того, что конференция историков-марксистов «установила» в январе 1929 года полную неприемлемость термина «русская история», из-за того, что этот старый, унаследованный от царской России термин был будто бы насыщен великодержавным шовинизмом, прикрывал и оправдывал политику колониального угнетения и насилия над нерусскими народами. Согласно Покровскому, «термин «русская история» есть контрреволюционный термин одного издания с трехцветным флагом». Утверждалось, что русские великодержавно-шовинистические историки напрасно лили слезы по поводу так называемого татарского ига. Перевод «ига» с «националистического языка на язык материалистического понимания истории» превращало его в рядовое событие феодальной эпохи. Устанавливалось далее, что, начиная с XVI века царская Россия «все более и более превращается в тюрьму народов», освобождение из которой свершилось в 1917 году. Термин «великорусская народность» академик Покровский в своих работах заключал в кавычки, подчеркивая тем самым, что народности как таковой давно уже не было. В данном случае это была, видимо, попытка перевода националистического термина на язык безнационального будущего.

Историки школы Покровского упраздняли определение «отечественная» из названия войны 1812 года. «Отечественная» война, писала М.В. Нечкина в начале 1930-х годов, это «русское националистическое название войны». В переводе с «националистического» в данном случае оказывалось, что никакого нашествия Наполеона на Россию не было — «войну затеяли русские помещики». Поражение французской армии объявлялось случайностью, и с сожалением отмечалось, что «грандиозность задуманного Наполеоном плана превосходила возможности того времени».

Никакого подъема патриотического духа в России, естественно, не обнаруживалось, просто «вооруженные чем попало крестьяне защищали от французов свое имущество. Победа в войне, по Нечкиной, «явилась началом жесточайшей всеевропейской реакции». К этому оставалось разве что добавить мнение «прогрессивного» буржуазного автора К.А. Военского о том, что «эта война как бы включала Россию в единый поток европейской жизни. Победа же над Наполеоном принесла лишь задержку естественного падения крепостного права, за которое боролись передовые русские круги». При таком изображении русской истории герои «Грозы 12-го года» (М.И. Кутузов, П.И. Багратион, атаман М.И. Платов), как и подлинные патриоты — участники других войн (генерал М.Д. Скобелев, адмирал П.С. Нахимов), не должны были заслуживать у «настоящих советских патриотов» доброй памяти. Ну а о гордости за принадлежность вместе с ними к одной и той же нации не могло быть и речи. Из «двух наций в одной нации» эти герои принадлежали как раз к той, которая подлежала уничтожению и забвению.

Для достижения этой цели в 1920-е годы и в начале 1930-х было, к сожалению, сделано немало. В фундамент для компрессоров превращены могилы героев Куликовской битвы Александра Пересвета и Родиона Осляби. Останки организатора и героя национально-освободительной борьбы русского народа Кузьмы Минина взорваны вместе с храмом в нижегородском кремле, а на том месте сооружено здание обкома партии. Мрамор надгробия с места захоронения другого народного героя, князя Дмитрия Пожарского в Спасо-Евфимиевом монастыре в Суздале пошел на фонтан одной из дач. Сам этот монастырь, как и многие другие, был превращен вначале в тюрьму, потом в колонию для малолетних преступников. Поэт Иван Молчанов радостно оповещал читателей:

«Устой твои
Оказались шаткими,
Святая Москва

Сорока-сороков!
Ивану Кремлевскому
Дали по шапке мы,
А пушку используем для тракторов!»

И это были не только слова. 25 апреля 1932 года в Наркомпросе постановили передать «Металлому» памятник Н.Н. Раевскому На Бородинском поле ввиду того, что он «не имеет историко-художественного значения». В Ленинграде была перелита на металл Колонна Славы, сложенная из 140 стволов трофейных пушек, установленная в честь победы под Плевной в русско-турецкой войне. Стену монастыря, возведенного на Бородинском поле, на месте гибели героя Отечественной войны 1812 года генерал-майора А.А. Тучкова, «украшала» (т. е. оскверняла) огромных размеров надпись:

«Довольно хранить остатки рабского прошлого».

Колоссальный ущерб памятникам архитектуры был нанесен в результате антирелигиозного призыва: «Сметем с советских площадей очаги религиозной заразы». Одним из первых разрушенных памятников культовой архитектуры была часовня Александра Невского, построенная в центре Москвы в 1883 году в память воинов, погибших в русско-турецкой войне 1877–1878 годов. К концу открытой войны пролетарского государства с Православной церковью в России из 80 тысяч православных храмов сохранились лишь 19 тысяч. Из них 13 тысяч были заняты промышленными предприятиями, служили складскими помещениями. В остальных размещались различные учреждения, в основном клубы. Только в 3000 из них сохранилось культовое оборудование, и лишь в 700 велась служба. В Московском Кремле разрушили мужской Чудов и стоявший рядом женский Вознесенский монастыри. Был взорван Храм Христа Спасителя, построенный в Москве в 1837–1883 годах как храм-памятник, посвященный Отечественной войне 1812 года. Не щадились и светские постройки. Были снесены такие шедевры русской архитектуры, как Сухарева башня, «сестра Ивана Великого», Красные ворота, стены и башни Китай-города. В 1936 году была разобрана Триумфальная арка на площади Тверской заставы в Москве, сооруженная в честь победы в Отечественной войне 1812 года.

Защитников шедевров нередко называли классовыми врагами. Академику А.В. Щусеву, обратившемуся к руководству Москвы с письмом о нецелесообразности сноса памятников, был дан публичный ответ: «Москва не музей старины, не город туристов, не Венеция и не Помпея. Москва не кладбище былой цивилизации, а колыбель подрастающей новой пролетарской культуры, основанной на труде и знании».

Борьба с прошлым и титанические усилия по переустройству страны и общества освящались «благой» целью — «обогнать» в историческом развитии, как писал известный журналист М.Е. Кольцов, «грязную, вонючую старуху с седыми космами, дореволюционную Россию». О России и русских в печати того периода можно было прочесть: «Россия всегда была страной классического идиотизма»; завоевание Средней Азии осуществлялось с «истинно русской подлостью»; Севастополь — «русское разбойничье гнездо на Черном море»; Крымская республика — «должное возмещение за все обиды, за долгую насильническую и колонизаторскую политику царского режима».

Ф.М. Достоевский в романе «Братья Карамазовы» (1879) предвосхитил некоторые из отмеченных выше «достижений» историков школы Покровского и других прогрессивных, по меркам 1920-х годов, ученых и публицистов в нескольких фразах своего литературного персонажа, которые позволяют распознавать всякие, в том числе и «ученые» разновидности смердяковщины: «Я всю Россию ненавижу, Марья Кондратьевна!»; «В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, отца нынешнему, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила

бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с»; «Русский народ надо пороть-с...»

Бичевание старой России и «обломовщины» как родовой русской черты

Страстным обличителем старой России до конца своих дней оставался Н.И. Бухарин. Символом императорской России, по его мнению, следовало бы считать не столько официального двуглавого орла, сколько кнут и нагайку. Царствовали в России, в его изображении, не иначе как дикие помещики, «благородное» дворянство, идеологи крепостного права, бездарные генералы, сиятельные бюрократы, вороватые банкиры и биржевики, пронырливые заводчики и фабриканты, хитрые и ленивые купцы, «владыки» черной и белой церкви, патриархи и архиепископы черносотенного духовенства. Правила «династия Романовых с ее убогим главой, с ее великими князьями — казнокрадами, с ее придворными аферистами, хиромантами, гадальщиками, Распутиными; с ее иконами, крестиками, сенатами, синодами, земскими начальниками, городскими и палачами» (Известия. 1935. 28 января). Люди труда, по Бухарину, если и выступали, то «лишь как предмет издевательства у одних, предмет жалости и филантропии — у других. Почти никогда они не были активными творцами, кующими свою собственную судьбу»; «рабочий человек, пролетарий и крестьянин-труженик был забит и загнан». Народы, присоединенные к России, делились Бухариным на два разряда — на народы, вроде грузинского, «со старинными культурными традициями, которые не сумел разрушить царизм», и народы, вроде центральноазиатских, что «были отброшены царизмом на сотни лет назад». Бухарин утверждал, что патриотом такой России мог быть и являлся только «обскурант, защитник охранки, помещичьего кнутобойства, отсталой азиатчины, царской опричнины, жандармского режима, угнетения сотен миллионов рабов». Традицией, единственно Достойной демократических кругов, могла быть лишь традиция ненависти к царскому «отечеству», «квасному патриотизму» патриотичным «искариотовым», а также идея пораженчества.

Обрами, с которыми у Н.И. Бухарина чаще всего ассоциировалась Россия и русские люди до 1917 года, были Обломов и обломовщина. Нельзя сказать, что Бухарин был в этом оригинален. Он в любой момент мог сослаться на Ленина, который, к при меру, в своей речи на съезде металлистов 6 марта 1922 года утверждал: «Был такой тип русской жизни — Обломов... Обломов был не только помещик, а и крестьянин, и не только крестьянин, а и интеллигент, и не только интеллигент, а и рабочий и коммунист. Достаточно посмотреть... как мы работаем... чтобы сказать, что старый Обломов остался и его надо долго мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел». Луначарский прочитал в мае 1928 года лекцию «Воспитание нового человека». Ссылаясь на Ленина и другие авторитеты, нарком просвещения заявил, что «обломовщина является нашей национальной чертой». Слушателям и читателям внушалось: порок этот существует у нас «потому, что мы не совсем «европейцы» и очень, очень мало «американцы», но в значительной степени — азиаты. Это, так сказать, дань нашему евроазиатству». Российскому человеку, по словам Луначарского, предстояло пройти еще порядочную полосу времени, чтобы добрести до человека западного типа, умеющего работать «в пять-шесть раз скорее, ладнее, умнее». Нарком в очередной раз провозгласил тогда: «Мы не нуждаемся ни в каком патриотизме», ибо обрести достойное будущее возможно только в грядущей мировой организации, создающейся благодаря особым качествам пролетария, который «не чувствует себя гражданином определенной страны... является интернационалистом».

В 1930-е годы Н.И. Бухарин пытался придать бичеванию обломовщины и азиатчины еще более широкое общественное звучание. Выступая на XVII съезде партии, он говорил: «Не так дав но наша страна слыла страной Обломовых, страной азиатских рабских темпов труда». Годовщина Сталинградского тракторного завода и гимн, созданный Бухариным в честь машины, несущей смерть «идиотизму деревенской жизни», одновременно стали

поводом лишний раз изобразить убожество дореволюционной российской деревни, которая «не многим отличалась от чисто азиатской», выступавшей у автора, видимо, неким эталоном отсталости. Варварской сохе, застойной экономике, хозяйственному оскудению, полукрепостническому строю, писал он, соответствовали рабские темпы труда, медленные ритмы жизни, низкая производительность, безграмотность и нищета, культурная убогость; весь «круговорот жизни — вялый, медленный, тупой. Работа на сохе из-под палки — на одном полюсе; ленивые, безынициативные, безвольные паразиты обломовского пошиба на другом (это в лучшем случае)». Нужны были именно большевики, писал он, чтобы «из аморфной, малосознательной массы в стране, где обломовщина была самой универсальной чертой характера, где господствовала нация Обломовых, сделать «ударную бригаду мирового пролетариата!»». Подчеркивая ограниченность кругозора русской народной массы, Бухарин представлял ее как «широкозадую бабу, которая раньше своей околицы ничего не знала» обзывал историческую Россию «дурацкой страной». Последователи Бухарина и позже зачастую писали о России дореволюционной и 1920-х годов с позиций некоего сверхчеловека: тогда-де «еще доживала свой век старая крестьянская Россия», которую населяли и не люди вовсе, а всего лишь «эмбрионы», и только в результате известного «великого перелома» эти эмбрионы людей постепенно становились людьми.

После обозначившегося в середине 1930-х годов противостояния Союза ССР и фашистской Германии Н.И. Бухарин не сомневался, что в результате победы над фашизмом «засияет красная звезда по всей земле», и прошлое как эпоха «цивилизованного варварства» навсегда канет в черную реку времени. 12 июня 1937 года эта идея была выражена им в подобию стихов:

«Войне фашистской, зверски-черной
Навстречу будет двинут бой картечи.
Конец их ждет смертельный и позорный,
Венки победы лягут на рабочих плечи.
И черно-золотых богов затменье
В последнем историческом бою
Ознаменует человечества рожденье,
Объединенного в одну семью».

Вплоть до этого момента Бухарин, видимо, считал за благо изображать прошлое своей собственной страны как можно непригляднее, надеясь, что таким образом можно легче увлечь массы на борьбу за построение мировой общины коммунизма, в которой, как он писал, общественное богатство и изобилие покроют гигантски возросшие и изменившиеся до неузнаваемости потребности, возникнет один язык и миллиарды человечества до конца объединятся в исполином океане общей коллективной жизни; где возросшая личность перестанет быть номером и счетной единицей и, обогащенная всей жизнью гигантского человечества, будет в состоянии развивать заложенные в ней возможности». Действительно, в свете подобным образом нарисованного и чаемого будущего и прошлое России, и патриотизм старого образца подлежали лишь охаиванию, немедленному преобразованию и забвению.

Такое видение русской истории и ее героев с предельной откровенностью воплощено Джеком Алтаузенем в его «Вступлении к поэме», опубликованной в журнале «30 дней» (1930. № 8). Сетуя, что на памятник Н.А. Некрасову «бронзу не дает Оргметалл», его брат, проводивший в жизнь лозунг «одемянивания» советской поэзии, проблему решал запросто:

«Я предлагаю
Минина расплавить,
Пожарского.
Зачем им пьедестал?»

Довольно нам
Двух лавочников славить —
Их за прилавками
Октябрь застал.
Случайно им
Мы не свернули шею.
Я знаю, это было бы под стать.
Подумаешь,
Они спасли Рассею!
А может, лучше было б не спасать?»

Революционаризм и русофобия

Вряд ли стоит усматривать в «шедевре» Алтаузена и подобных ему особый умысел, только лишь злобную русофобию и намерение лишней раз вылить ушат помоев на отечественную историю. Чаще всего они порождались самой атмосферой нетерпения, ожидания мировой революции и сопутствующим ультраинтернационализмом, сохранявшимся в определенных кругах советского общества еще очень и очень долго и после 1929 года. В этой связи процитированные строчки комсомольского поэта, погибшего на фронте в 1942 году, представляются нам столь же искренними, как и те, что вылились из-под пера поэта Павла Когана (погиб на войне в том же году), и которые в определенном отношении вполне можно рассматривать в качестве продолжения только что процитированных:

«Но мы еще дойдем до Ганга,
Но мы еще умрем в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла Родина моя».

Очевидно, застарелым революционаризмом было продиктовано воздыхание Петра Шахова — главного героя нашумевшей довоенной киноэпопеи Ф.М. Эрмлера «Великий гражданин», вышедшей на экраны в 1938 году. Прототипом этого героя является сам С.М. Киров. В фильме есть эпизод совещания ударников, на котором Шахов произносит речь: «Эх, лет через двадцать, после хорошей войны, выйти да взглянуть на Советский Союз — республик этак из тридцати-сорока. Черт его знает, как хорошо!».

Многие реальные и влиятельнейшие герои политического театра предвоенных лет не только сохраняли, но и открыто демонстрировали свою глубокую веру в грядущее торжество мировой революции. К примеру, Н.И. Бирюков, член Военного Совета 2-й отдельной Краснознаменной армии, говорил с трибуны XVIII партийного съезда: «И пусть не удивляются империалистические хищники на Востоке и Западе, если в час решительных боев с загнивающим капитализмом наши силы, силы пролетарской революции, вооруженные силы Советского Союза, на Востоке и Западе — везде будут встречены как силы освобождения человечества от капиталистического рабства и фашистского мракобесия. Тылы капиталистических армий будут гореть. Сотни тысяч и миллионы трудящихся поднимутся против своих поработителей. Капиталистический мир беременен социалистической революцией». Л.З. Мехлис на том же съезде разъяснял, что задачу, подстеленную Сталиным на случай войны, надо понимать так: «Перенести военные действия на территорию противника, выполнить свои интернациональные обязанности и умножить число советских республик». М.И. Калинин подчеркивал, что «мы, большевики, народ скромный, не захватнический. Но все-таки мы думаем своими идеями завоевать весь мир и даже... раздвинуть вселенную» (Известия. 1939.10 июня). Все это вполне согласовывалось с

резолюцией XVII съезда партии, в которой утверждалось: «Выполнение второй пятилетки еще больше усилит значение СССР как оплота борьбы международного пролетариата, еще выше поднимет в глазах трудящихся эксплуатируемых масс всего мира авторитет Страны Советов как опорной базы мировой пролетарской революции».

Приближение Второй мировой войны породило в СССР новый всплеск надежд на мировую революцию. Уже в 1939 году «Правда» писала о будущей войне с участием СССР как о «действительно отечественной», «самой справедливой и законной», «за освобождение человечества от фашизма», как о войне, в которой сбудется предсказание Ленина:

«Из империалистической войны, из империалистического мира вырвала первую сотню миллионов людей на земле первая большевистская революция. Следующие вырвут из таких войн и из такого мира все человечество».

Воссоединение с СССР в 1940 году значительных территорий бывшей России с населением около 23 млн. человек воспринималось как подтверждение ленинского пророчества. Участники заседания VII сессии Верховного Совета СССР, принимавшей в состав СССР четыре новые республики, поведали читателям «Правды» о видениях, рождаемых словами гимна «и если гром великий грянет».

Летчику-герою Г.Ф. Байдукову представлялись «бомбардировщики, разрушающие заводы, железнодорожные узлы, мосты, склады и позиции противника; штурмовики, атакующие ливнем огня колонны войск... десантные корабли, высаживающие свои дивизии в глубине расположения противника...» Недавняя война с Финляндией? — «Каждая такая война приближает нас к тому счастливому периоду, когда уже не будет этих страшных убийств среди людей». Зато «сколько еще услышит этот Кремлевский дворец новых горячих слов больших и малых народов, жаждущих света!.. Какое счастье и радость победы будут выражать взоры тех, кто примет последнюю республику в братство народов всего мира!» (Правда. 1940.18 августа).

Еще один участник заседания, писательница Ванда Василевская, живописуя восторг по поводу того, как страна в ореоле славы, в величии мощи, в счастье мира и братства расширяет свои пределы, создает картину прямо-таки фантазмагорическую:

«Дрожат устои света, почва ускользает из-под ног людей и народов. Пылают зарева, и грохот орудий сотрясает моря и материки. Словно пух на ветру, разлетаются державы и государства... Как это великолепно, как дивно прекрасно, что весь мир сотрясается в своих основах, когда гибнут могущества и падают величия, — она [Родина] растет, крепнет, шагает вперед, сияет всему миру зарей надежды» (Правда. 1940.4 августа).

1 января 1941 года «Правда» отметила наступление нового года материалами весьма красноречивого содержания. Поэт Семен Кирсанов мечтал о том, чтобы превратить «уран, растормошенный циклотроном», в простое топливо. «А может быть, — добавлял он, — к шестнадцати гербам еще гербы прибавятся другие». Михаил Кульчицкий в своих стихах, помеченных январем этого же года, выразил не только предчувствие близкой войны и связанную с ней надежду на победу мировой революции

«Уже опять к границам сизым
составы тайные идут,
и коммунизм опять так близок,
как в девятнадцатом году»,

но и убежденность, что в будущем, после того как человек сшибет чугунные путы с земного шара, освободит его от цепей капитализма, —

«только советская нация
будет
и только советской расы люди».

Герой рассказа Леонида Соболева, командир подводной лодки, действующей в Балтийском море, в канун нового 1941 года вдохновлял экипаж речью: «Велика наша родина, товарищи: самому земному шару нужно вращаться девять часов, чтобы вся огромная наша советская страна вступила в новый год своих побед. Будет время, когда понадобятся для этого не девять часов, а круглые сутки, потому что каждый новый год — это ступень к коммунизму, братству народов всего земного шара... И кто знает, где придется нам встречать новый год через пять, через десять лет: по какому поясу, на каком новом советском меридиане? С какой новой советской страной, с каким новым советским народом будем мы встречать новый год, если будем так же верны делу коммунизма, партии нашей и нашему Сталину».

Как известно, следующий год пришлось встречать, уступив гитлеровцам территорию шести союзных республик, но уверенность в торжестве мирового социализма была поколеблена ненадолго. В апреле 1945 года Сталин в разговоре с И. Броз Тито и (И. Джиласом изложил свою изменившуюся точку зрения по сей Проблеме. «В этой войне, — заметил он, — не так, как в прошлой, а кто занимает территорию, насаждает там, куда приходит его армия, свою социальную систему. Иначе и быть не может». И если в результате Второй мировой войны Европа не станет целиком социалистической, то это произойдет в третьей, ждать которую придется не так уж долго. Когда кто-то из собеседников высказал мысль, что «немцы не оправятся в течение следующих пятидесяти лет», Сталин поправил: «Нет... лет через двенадцать-пятнадцать они снова будут на ногах... Через пятнадцать-двадцать лет мы оправимся, а затем — снова!»

Основу послевоенной сталинской политики составляла все та же идея расширения и углубления социалистической революции путем вовлечения в орбиту революционного движения все большего числа государств и народов. По свидетельству В.М. Молотова, Сталин рассуждал так: «Первая мировая война вывела одну страну из капиталистического рабства. Вторая мировая война создала социалистическую систему, а третья навсегда покончит с империализмом». В сущности, это была троцкистская теория «перманентной революции», растянутая во времени и осуществляемая с помощью и при активной поддержке страны «победившего социализма». Такую вот трансформацию претерпела к концу Отечественной войны вера в торжество мировой революции. Заложником этой утопичной идеи стал русский народ и Союз ССР с его неисчерпаемыми, как представлялось Сталину, человеческими и материальными ресурсами.

Прикрывая политику неуклонного расширения рамок своей социальной системы миротворческими лозунгами и указаниями на необходимость последовательно проводить в жизнь идеи пролетарского интернационализма, руководители СССР во всеуслышание провозглашали «незыблемую уверенность» в победе социализма и демократии во всем мире. Г.М. Маленков, например, в Докладе о годовщине Октябрьской революции заявил 6 ноября 1949 года, что «не нам, а империалистам и агрессорам надо бояться Войны». Если они развяжут третью мировую войну, то «эта война явится могилой уже не для отдельных капиталистических государств, а для всего мирового капитализма». Однако об известном с 1925 года «алгоритме» Сталина насчет того, что «ежели нападут на нашу страну, мы не будем сидеть сложа руки... мы примем все меры к тому, чтобы взнуздать революционного льва во всех странах мира», при этом не вспоминали. Главным инструментом мировой революции к этому времени представлялись не столько интернациональные усилия революционных масс, сколько вооруженные силы «отечества мирового пролетариата». В уставе Красной Армии имелся пункт, в котором говорилось, что «Красная Армия — армия мирового пролетариата, и ее цель — борьба за мировую революцию». Устремленность к социалистическому миродержавию, сохранявшаяся и в условиях победы социализма в одной

стране, сформировала своеобразный эсэсэсэровский и отнюдь не русский, как порой утверждается, наступательный национализм.

Между тем что касается собственно России, то в официозной исторической науке вплоть до начала 1930-х годов укреплялось основание для национального нигилизма и нигилистического прочтения ее дореволюционной истории. Русская историческая литература XIX века, как и русская классическая литература, подвергалась шельмованию на том основании, что была якобы насквозь великодержавна. Главным националистом изображался выдающийся русский историк В.О. Ключевский. К стоявшим на великодержавно-буржуазных националистических позициях причислялись крупнейшие дореволюционные историки — С.М. Соловьев и Б.Н. Чичерин, а из современников — В.В. Бартольд, В.И. Пичета, Ю.В. Готье, А.А. Кизеветтер, П.Г. Любомиров и другие. В зоологическом национализме обвинялись академики С.Ф. Платонов, М.К. Любавский, С.В. Бахрушин и прочие историки, осужденные по так называемому «делу Академии наук» (1929–1931).

Историки — «зоологические националисты»?

«Дело Академии наук» современники называли по-разному: «дело Платонова», «монархический заговор», «дело Платонова — Тарле», «дело Платонова — Богословского», «дело четырех академиков» (Платонова — Тарле — Лихачева — Любавского). Называлось оно и «делом историков», поскольку из 150 осужденных две трети составляли историки дореволюционной школы, музееведы, архивисты, краеведы, этнографы. «Дело» знаменовало собой один из наиболее острых этапов борьбы историков-марксистов с буржуазной школой историков и одновременно — укрощение большевиками строптивой Академии наук, в составе действительных членов которой вплоть до конца 1920-х годов не было ни одного коммуниста.

При подведении в 1931 году итогов этой борьбы «против Явных и скрытых врагов пролетарской диктатуры и идеологии» наиболее крупные плоды (как считали сами историки-марксисты) Принесла «борьба с противниками национальной политики Советской власти, с представителями великодержавного и национального шовинизма (разоблачение Яворского, буржуазных великорусских историков и прочих)», а также «разоблачение антантофильских и интервенционистских историков (Тарле, Платонова и других)». И, надо сказать, основания для этого были налицо. Объединенные усилия следователей от науки и от политической полиции привели к серии приговоров, вынесенных по «делу» русских историков. Значительная часть подследственных была осуждена на срок от 3 до 10 лет, «участники» военной секции заговора расстреляны (В.Ф. Пузинский, А.С. Путилов, заведовавший ранее Архивом АН СССР, и другие).

15 главных участников «монархического заговора», в том числе и Платонов, по постановлению коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 года получили по пять лет ссылки. В относительно мягких наказаниях, по-видимому, сказался намечавшийся поворот в ситуации с изучением отечественной истории. Тем не менее ущерб, нанесенный «заговором» исторической науке, был огромен. В ссылке скончались С.Ф. Платонов (1933), Д.Н. Егоров (1931). С.В. Рождественский (1934), М.К. Любавский (1936). В 1936 году вскоре после возвращения из ссылки умер Н.П. Лихачев. Так или иначе, большинство представителей русской исторической мысли к началу 1930-х годов были насильственно отстранены от своих занятий из-за их якобы великорусского шовинизма, а значит, и контрреволюционности. Из всех осужденных по «делу» историков к активной научной деятельности удалось вернуться немногим (А.И. Андреев, С.В. Бахрушин, Ю.В. Готье, В.И. Пичета, Б.А. Романов, Е.В. Тарле, А.И. Яковлев и другие). В Библиотеке Академии наук, Археографической комиссии крупных специалистов практически не оставалось. Из старой профессуры уцелел лишь Б.Д. Греков, которого тоже арестовывали в 1930 году.

Среди осужденных по «делу» Платонова был известный ленинградский историк и

краевед Н.П. Анциферов, описавший в своих воспоминаниях «Из дум о былом» (1992) случай, расцененный в духе тех лет как преступный национализм. Профессор МГУ Бахрушин, выступая на Всероссийском краеведческом съезде в 1927 году, призывал собирать сведения и вещи о современном быте разных национальностей СССР. На его выступление живо откликнулись представители разных народов. Среди них оказался и профессор Саратовского университета С.Н. Чернов, заметивший, что при этом не следует забывать «еще одну национальность, русскую. Нужно предоставить и ей право также позаботиться о фиксации исчезающих явлений быта, а также уходящих из употребления вещей. Почему слово «русский» почти изгнано теперь из употребления?» Это выступление вызвало резкие протесты различных националов, обвинивших Чернова в «великодержавной вылазке». Анциферов выступил в поддержку Чернова, пояснив, что «речь идет не о каком-то преимуществе для русских, а о признании прав русской национальности на любовь к своей старине, как это признано за другими нациями». Он призвал быть верным завету Владимира Соловьева: «Люби чужую национальность, как свою собственную». И этого было достаточно, чтобы усугубить вину «преступников».

Действительно, само слово «русский» в определенных кругах советского общества до начала 1930-х годов зачастую ассоциировалось с понятием «великодержавный». Например, в статье, открывающей первый выпуск журнала «Советская этнография», который начал выходить в СССР с 1931 года вместо издававшегося до тех пор журнала под названием просто «Этнография», было предложено выбросить слово «русский» из названия известного ленинградского музея. Автор этой статьи — ответственный редактор журнала, известный специалист по истории народных верований и мировых религий, репрессированный в 1936 году как бывший личный секретарь Г.Е. Зиновьева, Н.М. Маторин вопрошал: «Разве один из крупнейших ленинградских музеев, в составе которого имеется богатый этнографический отдел, не носит до сих пор титул великодержавной эпохи — «Русского» музея, на что обращал внимание уже ряд национальных советских работников» (Советская этнография. 1931. № 1–2). Вплоть до середины 1930-х годов оставались непривычным словосочетание «русская советская живопись». Слова «русские» избегали, заменяя его эпитетами «московские», «наши», «современные», или еще более осторожно — «художники РСФСР». Причины такой национальной «стыдливости» были порождены внушениями критиков, много лет подряд третировавших традиции русского реалистического искусства за его якобы провинциальность и реакционно-националистическую сущность.

Положение с изучением русской истории стало изменяться лишь с избавлением от диктата школы Покровского. Это происходило уже после его смерти, последовавшей 10 апреля 1932 года. Однако еще 21 февраля 1933 года нарком А.С. Бубнов подписал специальное постановление коллегии Наркомпроса РСФСР, утверждающее в качестве стабильного учебника по русской истории для средней школы известную книгу М.Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке». Эта книга, впервые опубликованная в 1920 году, была выпущена в 1932 году уже десятым основным изданием. Всего таких изданий вышло в свет более 90. По своей распространенности она до сих пор превосходит другие книги по отечественной истории. Выпускники средней школы и в 1933–1934 годах все еще должны были усваивать из учебника Покровского, к примеру, что всякий осмеливающийся оспаривать мнение о варягах как первых государях Руси, делает это не иначе, как «из соображений патриотических, т. е. националистических».

Первые признаки поворота к традиционному пониманию Родины и патриотизма

Ниспровержение школы воинствующих борцов с великорусским национализмом и противников «объективно-научной» деятельности старых историографических школ заняло значительную часть 1930-х годов. Вехами на этом пути стал целый ряд партийных и правительственных решений. Постановлением ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 года история была восстановлена в правах самостоятельного учебного предмета.

Первые зримые признаки осознания руководителями социалистической России нелепости «отмены» своей дореволюционной истории проявились на рубеже 1930-х годов. В год пятидесятилетия Сталина и его окончательного утверждения наверху властной пирамиды (1929) стало известно, что он проявляет особый интерес к личности и эпохе Петра Великого, находя их весьма подходящими для проведения исторических параллелей с современностью и для дополнительных (неклассовых) обоснований необходимости собственных жестких методов и стремительных темпов преобразования страны. Сталинского интереса стало достаточно для того, чтобы уже тогда исключить Петра из длинного Ряды российских императоров, которым были приданы все существующие в этом мире человеческие пороки и недостатки. М.Н. Покровский, к примеру, в своем сжатом очерке русской истории поведал о Петре и его семейке кратко, но выразительно: своего сына Алексея он лично пытал, а потом велел тайно казнить, умер Петр от последствий сифилиса, заразив предварительно и свою вторую жену, скончавшуюся то ли от этой же дурной болезни, то ли от алкоголизма; сменивший ее на престоле внук Петра умер пятнадцати лет, не успев поэтому совершить ни одного преступления. Сталин же, по-видимому, полагал, что карикатурная тенденциозность — не самый лучший стиль в освещении истории. У Петра были и положительные качества, и бесспорные заслуги в деле организации России как современного государства. Его эпоха созвучна эпохе первых пятилеток. И вскоре все это советские люди могли узнать и почувствовать, знакомясь с серией талантливых историко-литературных произведений о Петре I, написанных Алексеем Толстым. Такой была одна из форм возврата советским людям дореволюционной и якобы «классово чуждой» пролетариату отечественной истории.

Попытки дискредитировать роман А.Н. Толстого, предпринятые в ходе специальной дискуссии (материалы опубликованы в журнале «Октябрь». 1934. № 7), успехом не увенчались. Историк Г.С. Фридлянд, первый декан созданного в 1934 году исторического факультета Московского университета, находил роман «Петр Первый» неприемлемым из-за гипертрофии идеи государственности, возведенной в принцип, «который мы, ведущие борьбу за отмирание государства и на путях к этому отмиранию укрепляющие государство пролетарской диктатуры, принять не можем». Известный троцкистский теоретик В.А. Ваганян обосновывал неприемлемость самого жанра исторического романа. «Если национальное прошлое, — рассуждал он, — для нас не является объектом идеализации, если национальное расщеплено на классовое — исторического романа, конечно, в прежнем смысле слова нет и не может быть». Национальная идея как таковая, по Ваганяну, это «агрессивная идея буржуазии». Соответственно, исторический роман — «проявление стремительной агрессии национальной идеи к захвату сознания широких масс». Исторические романы решали простую задачу — они утверждали, что «моя страна есть лучшая страна в мире, мой народ — лучший народ в мире и моя история — лучшая история в мире». Поскольку идеализация национального прошлого советскому обществу не нужна, то и исторические романы не нужны. Полезными могут быть лишь «романы на исторические темы», которые, по логике Ваганяна, должны были воспитывать неприятие этого прошлого.

В конце 1930 года ЦК партии и лично Сталин нашли нужным урезонить знаменитого пролетарского поэта Демьяна Бедного, усмотрев в его стихотворных фельетонах «Слезай с печки», «Перерва» и «Без пощады» не только «умелую и необходимую» критику недостатков жизни и быта в СССР, но и достойные осуждения ошибки. Первый из этих фельетонов был напечатан 7 сентября 1930 года в газете «Правда». Стремясь заклеить присущие некоторой части трудящихся черты косности и разгильдяйства, поэт явно сгущал краски, временами опускался до грубости и вульгарности. Общеизвестный порок — лень — предстал в фельетоне не иначе как «наследие всей дооктябрьской культуры».

«Сладкий храп и слюнища возжею с губы.
Идеал русской лени. В нем столько похабства!
Кто сказал, будто «мы не рабы»?

Да у нас еще этого рабства!..
Кто охотник поспать-похрапеть, как не раб?
Освященный всей рабскою жизнью былого,
Русский храп был в чести: не какой-либо храп —
Богатырский! Звучит похвально!»

Далее поэт обобщал:

«Похвальба пустозвонная
Есть черта наша русски-исконная».

В фельетоне высмеивались патриоты, гордившиеся чудесами вроде царь-пушки, которая не стреляет, и царь-колокола, который не звонит:

«Носом землю — убогие, темные! — рыли,
А весь свет перекрыли:
Царь-колокол! Она!
Первый в мире!
Одначе, без звона!
Пушка — первая в мире!
Царь-пушка!
Одначе, пустая игрушка
Для расейского глазу:
Не стреляла ни разу!
В Кремле по священным углам
Стоял исторический хлам.
Расейская старая горе-культура —
Дура,
Федура.
Страна неоглядно-великая,
Разоренная, рабски-ленивая, дикая,
В хвосте у культурных Америк,
Европ.
Гроб!»

Поэт предрекал, что дело социализма будет провалено,

«если не переделаем нашей гнилой,
Нашей рабской, наследственно-дряблой природы».

Фельетон завершался призывом:

«Чтоб ушли бедняки из кулацкой уздечки...
— Слезай, деревенщина, с печки!»

Призыв был обращен к жителям деревни и к горожанам — недавним выходцам из села, которые якобы и были заражены наследственными российскими пороками в наибольшей степени.

Вскоре в «Правде»(1930.11 сентября) появился новый фельетон Демьяна, явившийся откликом на столкновение двух пассажирских поездов на полустанке «Перерва» Московско-Курской железной дороги из-за халатности одной из бригад. Фельетон начинался со слов, что это «поэма — сверх-поэтическая / До ужаса патриотическая», но был направлен против

наших якобы патриотических ценностей. Бедный объявлял причиной крушения повсеместную, возросшую исторически «на расейском болоте» родовую черту, имя которой — «недобросовестность в каждой работе». Поэту ведомо, как выпрямлять эту будто бы свойственную самой природе русского человека черту.

«Добросовестность — это у немцев,
У иноземцев».

Именно с них и надо брать пример.

«Добросовестный спец-иностранец
Немец, американец
Иль японец...
Должен быть у рабочих в немалой чести»

В противном случае участь наша незавидна:

«Враги, нашей гибели ждущие гады,
Прочтут о Перерве и будут так рады...
И ждать, будут ждать: за Перервою первой,
Если дальше позорно так дело пойдет,
Наш советский-де строй сам собой пропадет,
Сокрушивши себя всесоветской Перервой!!!».

Опубликованные «Правдой» стихотворения Д. Бедного «прочитывались» как явно неуважительные по отношению к трудовому русскому человеку.

5 декабря 1930 года «Правда» представила своим читателям новый опус Демьяна с устрашающим названием «Без пощады». В этом фельетоне высмеивается патриотизм прошлых времен — «от Гомера и философа Платона до историка Карамзина и от историка Карамзина до вредителя Рамзина». Последнего поэт и предлагал расстрелять безо всякого снисхождения. Пролетарский поэт выражал крайнее возмущение тем, что напротив ленинского мавзолея «маячит доселе на площади Красной самый подлый, какой может быть, монумент». На постаменте, по словам Д. Бедного, «кочевряжится Минин-Пожарский». Конкретнее:

«Минин стоит раскорякой
Пред дворянским кривлякой,
Голоштаным воякой,
Подряжая вояку на роль палача
И — всем видом своим — оголтело крича:
«В поход, князь! На Кремль! Перед нами добыча!»».

Поэт похвалил отдельных наших предков, которые, дескать, верно судили об этих «героях». Так, пишет он,

«патриот, дворянин и кулак Хомяков
Выдал правду об этом в сокрушительном вздохе:
«Вся Россия была богомерзкий сосуд!
После Смуты, когда наводились «порядки»,
Князь Пожарский был отдан под суд
За взятки!»».

Минин, прибавляет поэт прозой со ссылкой на историка Ивана Забелина, тоже «брал посулы-взятки... мог красть и казну». Для Бедного

«никакой тут особенной нет новизны.
Патриоты извечно по части казны
Неблагополучны:
Патриотизм с воровством неразлучны!»

Он призывает не верить иным историкам, которые в оправдание своих героев могут только божиться:

«Вот ей-богу же,
Минин с Пожарским — не воры!
Вот ей-богу, не воры!»

Сам Д. Бедный точно знает,

«Что на краски октябрьского чудо-парада,
Ухмыляясь, бронзовым взором глядят
Исторических два казнокрада!»

По мнению поэта, во имя исторической справедливости должен бы быть возведен в степень героя и поставлен рядом с Мининым

«Хозя Кокос! Крымчак.
И к тому же — еврей!»

якобы тоже имеющий огромную заслугу в деле освобождения России. Умный Хозя был, уверяет Д. Бедный со ссылкой на Карамзина, тем,

«при помощи чьей махинации
Завербован в союзники Менгли Гирей»,

и Русь в итоге была освобождена от татарского ига. Вообще же, переходя от шуток на серьезный тон, Д; Бедный предложил такие памятники «взрывать динамитом», а

«подлецам и лжецам... патриотам,
Что любят былую Россию оплакивать,
«Величьем России» мозги обволакивать,
Надо это бывшее «величье» печальное,
Рогожно-мочальное,
Его гниль, червоточины все,
Показать им во всей неприглядной красе».

Д. Бедный знает единственного историка, который в таком деле преуспел и которого он всячески рекомендует:

«У Покровского малые школьники даже
Нынче могут об этом всю правду прочесть».

История со стихотворными фельетонами, вызвав восторг у определенной части читателей и чиновников (первые два фельетона к декабрю успели издать отдельной книгой с

подзаголовком «Памятка ударнику»), имела неожиданный финал. 6 декабря 1930 года фельетоны обсудил Секретариат ЦК партии и выпустил постановление. В нем значилось: «ЦК обращает внимание редакций «Правды» и «Известий», что за последнее время в фельетонах т. Демьяна Бедного стали появляться фальшивые нотки, выразившиеся в огульном охаивании «России» и «русского» (статьи «Слезай с печки», «Без пощады»); в объявлении «лени» и «сидения на печке» чуть ли не национальной чертой русских («Слезай с печки»); в непонимании того, что в прошлом существовало две России, Россия революционная и Россия антиреволюционная, причем то, что правильно для последней, не может быть правильным для первой; в непонимании того, что нынешнюю Россию представляет ее господствующий класс, рабочий класс и прежде всего русский рабочий класс, самый активный и самый революционный отряд мирового рабочего класса, причем попытка огульно применить к нему эпитеты «лентяй», «любитель сидения на печке» не может не отдавать грубой фальшью».

Демьян Бедный был обескуражен. В письме И.В. Сталину он писал, что постановление побуждает его к самоубийству: «Может быть, в самом деле нельзя быть крупным русским поэтом, не оборвав свой путь катастрофически». Ответное письмо не было утешительным. Сталин еще раз разъяснил поэту суть его ошибок» Пролетарский поэт, дескать, не должен «возглашать на весь мир, что Россия в прошлом представляла сосуд мерзости и запустения, что нынешняя Россия представляет сплошную «Перерву», что «лень» и стремление «сидеть на печке» является чуть ли не национальной чертой русских вообще, а значит и — русских рабочих, которые, проделав Октябрьскую революцию, конечно, не перестали быть русскими». Отметив все это, Сталин заключил: «Нет, высокочтимый т. Демьян, это не большевистская критика, а клевета на наш народ, развенчание СССР, развенчание пролетариата СССР, развенчание русского пролетариата», и посоветовал поэту по примеру В.И. Ленина переключиться на осознание «не по-холопски понятой» национальной гордости великороссов. В не публиковавшейся до недавнего времени части этого письма Сталин, по существу, обвинял Бедного в приверженности троцкизму. «Существует, как известно, — писал он, — «новая» (совсем «новая»!) троцкистская «теория», которая утверждает, что в Советской России реальна лишь грязь, реальна лишь «Перерва». Видимо, эту «теорию» пытаетесь Вы теперь применить...» («Счастье литературы»: Государство и писатели. 1925–1938. Документы. М., 1997). От историка М.Н. Покровского и мэтров его школы подобных советов и оценок поступить, конечно, не могло. Они сами явно нуждались в рекомендациях такого рода. Возможно, направляя письмо Д. Бедному, Сталин рассчитывал, что и ученые-историки примут к сведению его замечания.

Что касается литературных собратьев Демьяна Бедного, то, конечно, далеко не у всех из них и отнюдь не сразу изменилось отношение к исторической России. 1931 год дает новые образчики русофобии, в частности переиздается книга Осипа Бескина «Кулацкая художественная литература и оппортунистическая критика», содержащая, к примеру, такие пассажи: «Она еще доживает свой век — старая, кондовая Русь с ларцами, сундуками, иконами, лампадным маслом, с ватрушками, шаньгами по «престольным» праздникам, с обязательными тараканами, с запечным медлительным, распаренным развратом, с изуверской верой, прежде всего апеллирующей к богу на предмет уничтожения большевиков, с махровым антисемитизмом, с акафистом, поминками и всем прочим антуражем. Еще живет «росеянство», своеобразно дожившее до нашего времени славянофильство, даже такое боевое противозападничество с верой по-прежнему, по старинке, в «особый» путь развития, в народ-«богоносец», с погружением в «философические» глубины мистического «народного духа» и красоты «национального» фольклора. В современной поэзии наиболее сильными представителями такого «росеянства» являются: Клычков, Клюев и Орешин (Есенин — в прошлом)». Вину Сергея Клычкова литературовед увидел в том, что тот, говоря о СССР, величает нас «Советской Русью». А это — «пиетет перед патриархальной, рабовладельческой Русью», «плацдарм, с которого ведется обстрел ненавистной советской современности». Оказывается, Клычков непочтительно

говорит о мировой революции (только для Главлита), для души же — о национальном. Поэт написал: «Завтра произойдет мировая революция, капиталистический мир и национальные перегородки рухнут, но... русское искусство останется, ибо не может исчезнуть то, чем мы по справедливости перед миром гордились и будем, любя революцию... гордиться!» Литературовед осуждает: «Конечно, великодержавнику Клычкову никогда не понять, не дойти до того, что Октябрьская революция — не русская революция. Ему ведь полагается забыть о ста с лишним народах, населяющих бывшую Российскую империю».

Оскорбительный выпад против исторической России и «кулацких поэтов» содержало выступление поэта А. Безыменского на VI съезде Советов СССР. «В настоящее время, — говорил он, — традицию воспевания всего того отвратительного, что создавала нищету и забитость крестьянства, продолжают кулацкие поэты типа Клюева и Клычкова». От имени пролетарских писателей он объявил «жесточайшую войну кулацким идеологам «Рассеюшки-Руси», а успехи ее пообещал измерять «степенью ликвидации образа того врага, который заключает в себе понятие «Рассеюшка-Русь»». Выступление было закончено стихотворным приговором:

«Рассеюшка-Русь!
Растреклятое слово
Трехполья
болот
и мертвеющих рек».

Л.Б. Каменев, к тому времени отставленный от большой политики, тоже нашел возможность напомнить о должном отношении к исторической России. 27 декабря 1931 года были сданы в печать «Замогильные записки» В.С. Печерина, одного из первых русских политических эмигрантов XIX века. В сочувственной предисловии к этой книге, составленном Каменевым, приведены стихи Печерина, написанные в 1834 году:

«Как сладостно — отчизну ненавидеть.
И жадно ждать ее уничтоженья!
И в разрушении отчизны видеть
Всемирного денницу возрожденья!»

Извиняясь за столь сильно выраженные байронические настроения, автор полагал:

«Любить? — Любить умеет всякий нищий,
А ненависть — сердец могучих пища».

Ленинградский Государственный театр сатиры и комедии внес свой «вклад» в борьбу с исторической Россией. 19 декабря 1931 года здесь состоялась премьера представления «Крещение Руси», шедшего почти до апреля следующего года. В благожелательной рецензии, помещенной в журнале «Рабочий и театр» (1932. № 1) отмечается: «Спектакль имеет ряд смелых проекций в современность, что повышает политическую действенность пьесы», а именно: «Былинные богатыри выступают в роли жандармской охраны, Соловей-разбойник становится олицетворением именитого купечества, Византия перекликается с фашистским Западом. Сам князь Владимир обобщен как представитель самодержавия и не случайно поэтому к концу спектакля принимает образ предпоследнего царя-держиморды. Однако основная, не преодоленная театром, ошибка автора кроется в показе всей «православной Руси» — пришибленным, с расслабленной волевой мускулатурой, появляющимся в неукоснительно пьяном виде и произносящим путанные и непонятные слова Микулой Селяниновичем. Обобщая «культурный» византийский деспотизм до фашизма (связь истории с современностью вообще в спектакле носит отпечаток наивной

механистичности), Н. Адуев (автор текста. — Авт.) не подчеркивает мракобесия деспотов, и в сопоставлении с былинной дикостью расейского князя византийки выглядят как... светочи культуры». Рецензенты тем не менее нашли возможным пожуричь спектакль за «явно недостаточную, социальную, в частности антирелигиозную нагрузку».

Между тем на политико-идеологическом поприще утверждалась тенденция противоположного свойства.

Сталин, февраль 1931-го: «Теперь у нас есть Отечество»

В выступлении на Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 года Сталин заложил краеугольный камень в основание нового идеологического курса. Слову «отечество», использовавшемуся ранее чаще всего как синоним дореволюционной России, было придано новое звучание. Теперь оно прочно связывалось с понятием «наша страна». «В прошлом, — говорил Сталин, — у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, — у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость», и если не хотеть, чтобы наше отечество было побито и утеряло независимость, нужно в «кратчайший срок ликвидировать его отсталость и развить настоящие большевистские темпы в деле строительства его социалистического хозяйства». Новое представление о «социалистическом отечестве» потребовалось для того, чтобы сузить его неопределенные пролетарско-мировые очертания (в представлениях первых лет революции) до реальных границ СССР. Новое понимание отечества позволяло «реабилитировать» патриотизм в его нормальном и привычном для широких масс виде, начать его культивирование как высшей доблести советских людей. Предстояло, как предлагал М.И. Калинин, «все население пропитать советским патриотизмом, чтобы каждый гражданин Советской республики, если даже он самый обыкновенный обыватель, встретившись с гражданином капиталистической страны, всегда чувствовал внутренне превосходство: я — гражданин Советской республики». Теперь такая установка была дана самим Сталиным.

Заявка на русское первенство в международном пролетарском движении. Особенно большую значимость имело письмо И.В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» «О некоторых вопросах истории большевизма», опубликованное в конце октября 1931 года. Русские большевики представляли в письме в качестве некоего эталона для коммунистов других стран: именно они «выдвигали на первый план коренные вопросы русской революции»; именно их интернационализм «является образцом пролетарского интернационализма для рабочих всех стран». В письме утверждалось также, что русский пролетариат является авангардом международного пролетариата, последовательный и до конца революционный интернационализм большевиков является образцом пролетарского интернационализма для рабочих всех стран. Согласно этому не западные марксисты должны давать уроки своим русским товарищам, а наоборот. В статье подчеркивалось, что у «русских большевиков» есть все основания оценивать степень марксистской революционности зарубежных социал-демократов. Несогласие с подобным рода русоцентризмом означало по определению Сталина, «троцкистскую контрабанду».

Вместе с письмом Демьяну Бедному письмо в журнал «Пролетарская революция» заставляло призадуматься многих представителей тогдашней литературной и политической элиты, иных — проявлять большую сдержанность в оценках дореволюционного и современного Отечества. В.И. Пятницкий, к примеру, вспоминает, что его мать любила громко читать четверостишие русского поэта Д.В. Веневитинова (1805–1827):

«Грязь, вонь, клопы и тараканы,
И надо всем хозяйский кнут,
И это русские болваны
Святым отечеством зовут».

Сын полагает, что в этом выражалось резко критическое отношение человека начала тридцатых годов «к окружающей советской действительности». И.А. Пятницкий, отец мемуариста, бесстрашный большевик, обвиненный позднее в троцкизме, видимо, так не считал и опасно говорил жене: «Тише, Юля, тише».

Письмо Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма», начавшаяся критика лозунга «одемянивания» пролетарской поэзии (выдвинут в 1923 г.), под которым велось «огульное охаивание всего прошлого в русском народе» (Правда. 1931. 24 ноября), расшатывали представления о советских коммунистах как принципиальных западниках. А ведь еще совсем недавно Луначарский разъяснял в популярном журнале, что не только социал-демократы и их предшественники «всегда были западниками», но и «наш коммунизм является отпрыском Запада... наш пролетариат, совершивший такую героическую революцию, есть неотъемлемая часть всемирного пролетариата». На этом основании предлагалось с самой жестокой решительностью опровергнуть «всю эту ерунду», будто коммунизм выражает «какую-то особенную, чисто русскую сущность» (Огонек. 1929. № 5).

Приход Гитлера к власти в Германии и закрепление поворота к патриотизму в СССР

Окончательному закреплению поворота к признанию великой роли отечественной истории и патриотических чувств в сплочении советского общества способствовали известные события в Германии. 30 января 1933 года А. Гитлер стал рейхсканцлером, а в августе следующего года, после смерти президента П. Гинденбурга, сосредоточил в своих руках всю законодательную и исполнительную власть в качестве «фюрера и рейхсканцлера». Произошло это в стране, на революционность и интернационализм пролетариата которой российские большевики возлагали особые надежды, видя в классе-собрате явного лидера в грядущем социалистическом переустройстве мира. И вот эту-то страну, с ее просвещенным населением и мощным, как казалось, рабочим классом Гитлеру удалось завоевать с помощью национальных лозунгов и знамен. Развертывая борьбу против нацизма, профессиональные интернационалисты в СССР поначалу не верили в долговременность успеха гитлеровцев, полагая, что они вот-вот «начнут терять свою кратковременную устойчивость», поскольку национализм, «последняя твердыня отживающего капиталистического мира», в их представлении, никак не могла быть прочной.

Редактор советского журнала «Революция и национальности» С.М. Диманштейн говорил в этой связи: «Правительство Гитлера так прямо себя именуется: «правительство национального возрождения», а тех, кто выступает против этого правительства, они клеймят контрреволюционерами, считая себя совершающими национальную революцию». Гитлер, однако, явно преуспевал. Создание исходящей из этого опасности не могло не наталкивать Геологов в СССР также и на мысль о том, что национальный фактор, пожалуй, не слабее интернационального, списывать его со счетов не следует, а подавлять и не использовать — неумно.

Развитие германских событий, без сомнения, ускорило эволюцию сталинского режима в национал-большевистском направлении, все более отклонявшемся от курса на мировую революцию. 19 декабря 1933 года Политбюро ЦКВКП(б) заявило о готовности СССР вступить в Лигу наций и заключить в ее рамках региональное соглашение «о взаимной защите от агрессии со стороны Германии». 18 сентября 1934 года СССР был принят в эту международную организацию. Вскоре после этого Сталин начал говорить и вовсе неожиданное. К примеру, американский журналист, спросивший Сталина, правильно ли он понимает, что СССР «в какой-либо мере оставил свои планы и намерения произвести мировую революцию», получил ответ: «Таких планов и намерений у нас никогда не было» (Правда. 1936. 5 марта). Смертные приговоры в 1936 и 1938 годах недавним руководителям Коминтерна Зиновьеву и Бухарину должны были, помимо всего прочего, создавать впечатление о действительности намерений руководства СССР отказаться от

непосредственного курса на мировую революцию.

Дальнейшему отходу от левацкого интернационализма способствовали решения VII конгресса Коминтерна. Более чем за год до конгресса, 7 апреля 1934 года Г. Димитров в разговоре с членами Политбюро ЦК ВКП(б) поставил вопрос: почему в решительный момент миллионные массы идут не с коммунистами, а, скажем, как в Германии, с национал-социалистами? Поиски ответов на этот вопрос привели к принципиальному выводу: причина кроется в неправильном подходе к национальной психологии народных масс и национальным традициям, к которым коммунисты Проявляли явное пренебрежение. Ранее в документах Коминтерна о патриотизме говорилось обычно в критическом смысле, нередко это понятие отождествлялось с шовинизмом.

По предложению Сталина Димитров был избран генеральным секретарем Исполкома Коминтерна. Новое руководство Коммунистического Интернационала вместе с Политбюро ЦК ВКП(б) начало возвращать международную организацию, как впоследствии стало говорить, «к марксистско-ленинским взглядам на Отечество, патриотизм и идеям, оказавшимся забытыми или искаженными в практике революционной борьбы предшествующих лет», не допуская какого-либо нигилизма по отношению к национальной проблематике своей страны. «Мы, коммунисты, — подчеркивал Димитров на VII Всемирном конгрессе Коминтерна 2 августа 1935 года, — непримиримые принципиальные противники буржуазного национализма во всех его разновидностях. Но мы не сторонники национального нигилизма и никогда не должны выступать в качестве таковых». Поворот казался столь крутым, что многим пораженным левизной коминтерновцам поначалу казалось: «Москва ликвидирует пролетарский интернационализм и начинает культивировать в рабочих массах преувеличенный патриотический национализм».

Исправление левацких ошибок в отношении к патриотизму и национальной психологии народа в самом СССР началось со снятия проклятия с «великорусского национализма». Партийное постановление 1921 года решало этот вопрос однозначно: из двух возможных уклонов в национальном вопросе главную опасность представляет великорусский национализм. Презумпция была снята на XVII съезде партии, который предписал всем парторганизациям руководствоваться «положениями и задачами, выдвинутыми в докладе т. Сталина» от 26 января 1934 года. В докладе значилось, что «главную опасность представляет тот уклон, против которого перестали бороться и которому дали, таким образом, разрастись до государственной опасности». Как показали дальнейшие события, репрессии в последующем чаще всего сопрягались с обвинениями в местном национализме.

Арьергардные бои с «русским национализмом»: «Дело славистов»

Избавление от догматизма, признание значимости национального фактора и патриотизма Коминтерном и правящей элитой СССР не могли свершиться в одночасье, требовали целого ряда лет, если не десятилетий. Наряду с начавшимся поворотом в реальной жизни страны начала 1930-х годов уживались тенденции прямо противоположной направленности. Официально признанной главной опасностью для большевистской власти оставался в то время «великорусский национализм», искоренение его возможных носителей нанесло неисчислимый ущерб русскому народу, его интеллигенции. Особая роль в нейтрализации национализма отводилась карательным органам. Так, в конце 1933 — начале 1934 года в Москве, Ленинграде и ряде других городов «славными чекистами» были арестованы «члены широко разветвленной фашистской организации», именуемой «Российской национальной партией». В общей сложности ими оказались (с учетом параллельных дел на периферии) более ста интеллигентов-гуманитариев, значительную часть которых составляли русисты-слависты-филологи — специалисты по истории древнеславянской письменности, славянскому фольклору, сравнительной грамматике и истории славянских языков.

На этот раз события разворачивались следующим образом. В декабре 1933 года один из обвиняемых в участии в «эсеровской организации» дал показания против выдающегося ученого, члена-корреспондента АН СССР Н.Н. Дурново и его сына, также слависта, А.Н. Дурново, назвав их участниками «националистической организации, ведущей активную антисоветскую работу». 28 декабря они были арестованы. За ними через несколько дней последовали невеста А.Н. Дурново Варвара Трубецкая и ее отец В.С. Трубецкой (брат Н.С. Трубецкого). Затем в январе и феврале 1934 года арестовали еще ряд славистов и русистов, связанных тем или иным образом с семьей Дурново: Г.А. Ильинского, А.М. Селищева, В.В. Виноградова, В.Ф. Ржигу, И.Г. Голанова, П.А. Расторгуева, В.Н. Сидорова, Ю.М. Соколова, А.И. Павловича, Н.И. Кравцова и других. По ходу следствия к ним подключались новые московские и ленинградские интеллигенты. Среди них были искусствовед, директор Русского музея Н.П. Сычев и известный реставратор П.Д. Барановский, решительно протестовавший против планируемого уничтожения храма Василия Блаженного и демонстративно отказавшийся от подготовки памятника к сносу. 29 марта 1934 года все они (33 человека) были осуждены как члены «контрреволюционной фашистской организации».

В московских и ленинградских следственных делах был собран обильный «компромат» на новых «руководителей и членов организации». Среди них значились крупнейшие ученые страны — академики В.И. Вернадский, М.С. Грушевский, Н.С. Державин, Н.Д. Зелинский, В.М. Истрин, Н.С. Курнаков, Б.М. Ляпунов, В.Н. Перетц, М.Н. Сперанский. Вопрос об аресте академиков решался на самом высоком уровне, и там сочли нужным ограничиться лишь двумя учеными-славистами старой школы, сохранявшими независимость взглядов, — М.Н. Сперанским и В.Н. Перетцем. Последний был объявлен националистом и русским и украинским Одновременно. Обоих арестовали в ночь на 12 апреля 1934 года. Историк М.С. Грушевский, очевидно, избежал ареста лишь в связи с кончиной (25 ноября 1934 г.), поскольку посмертно его объявили главой «контрреволюционного центра», но уже не российского, а украинского. Слависты оказались в особо невыгодном положении еще из-за того, что в то время шла борьба с «панславизмом», отношения со славянскими странами «санитарного кордона» были крайне напряженными и даже общее происхождение славянских языков и народов было «опровергнуто» академиком Н.Я. Марром, «доказавшим», что русский язык «оказался по пластам некоторых стадий более близок к грузинскому, чем... к любому индоевропейскому, хотя бы славянскому».

Первоначально обвинения арестованным сводились к следующему. На рубеже 1920-х и 1930-х годов в Москве под руководством академика М.Н. Сперанского группа славистов якобы начала готовить свержение советской власти и восстановление монархии. Среди арестованных были лица только со славянскими фамилиями. «Иностранцев» в связях с монархистами не подозревали. В своих действиях группа Сперанского руководствовалась-де указаниями «закордонного русского фашистского центра, объединяющего эмигрантские группы и возглавляемого князем Н.С. Трубецким». Имелись в виду, конечно же, евразийцы. Обнаруженное во время ареста у одного из обвиняемых собрание статей Н.С. Трубецкого «К проблеме русского самопознания» (Париж, 1927) расценивалось как «платформа русского фашизма». Координация действий московского и венского центров была инкриминирована члену-корреспонденту АН СССР Н.Н. Дурново, который в середине 1920-х годов находился в заграничной командировке, его сын к тому же стал родственником князей Трубецких.

Однако М.Н. Сперанский, по ходатайству младшего брата Г.Н. Сперанского (в те годы — директора Института охраны материнства и детства и, что важнее всего, главного кремлевского педиатра, лечившего детей членов Политбюро), был вскоре вызволен из тюрьмы и содержался до суда дома. Может быть, и в этой связи с апреля 1934 года следствие приняло «уточненное» направление: славянская филология — реакционная наука, которая получила широкое распространение в фашистской Германии; читая лекции в университете, обвиняемые толкали молодежь в объятия религии; публикуя книги и статьи в буржуазных странах, они наносили большой вред нашей идеологии. Такие же обвинения содержал и «научный доклад», оглашенный в Ленинграде в Институте языка и мышления в конце 1934

года. Славянская филология, утверждалось в нем, «была всегда наукой заведомо и насквозь пронизанной зоологическим национализмом», а в настоящее время в качестве своей теоретической базы имеет «идеализм фашистского толка». Из сказанного видно, что все относившееся к собственно русскому и славянскому вопросам, вплоть до середины 1930-х годов маркировалось в СССР как фашизм. Из осужденных по делу «русской национальной партии» одиннадцать были расстреляны в местах заключения в 1937–1938 годы, в том числе Н.Н. и А.Н. Дурново, Г.А. Ильинский, В.С. и В.В. Трубецкие. Лишенные академических званий и приговоренные к ссылке академики прожили недолго. В.Н. Перетц скончался в сентябре 1934 года, М.Н. Сперанский — в апреле 1938-го. Результатом «очищения» славяноведения от «фашистов» стало прекращение исследований по славистике и Преподавания славяноведческих дисциплин. Подготовка славяноведов была возобновлена в Москве лишь в 1939-м на историческом и в 1943 году — на филологическом факультетах МГУ.

Война заставила изменить отношение и к славянофилам. Вплоть до начала Второй мировой войны они чаще всего изображались советскими историками как группа «националистически настроенной буржуазии», требовавшая объединения славян под русским царем. На приеме правительственной делегации Чехословакии во главе с Э. Бенешем, И.В. Сталин, открестившись от родства со «старыми славянофилами», тем не менее заявил: «Мы, новые славянофилы-ленинцы, славянофилы-большевики, коммунисты, стоим не за объединение, а за союз славянских народов... Вся история жизни славян учит, что этот союз нам необходим для защиты славянства». Надо, однако, принимать во внимание время, когда стали возможны такие речи. На дворе стоял март 1945 года.

Возвращаясь от этой даты в довоенное советское прошлое, мы снова оказываемся в обстановке преследований режимом носителей национально-патриотических идей и борьбы за преодоление культурного наследия русского народа. Видимо, одно из первых судилищ над русскими патриотами, объявленных фашистами, состоялось за десять лет до «дела Российской национальной партии». 1 ноября 1924 года в Москве был арестован писатель Алексей Ганин. При аресте у него были изъяты тезисы, называвшиеся «Мир и свободный труд — народам». На допросах писатель уверял, что тезисы подготовлены для романа, над которым он начал работать. Поскольку в этом «документе» русские люди призывались на борьбу с интернационально-коммунистическим режимом во имя спасения национальной России, то ссылки на роман писателя не спасли. Мировоззрение Панина было квалифицировано как фашистское. Чекисты арестовали еще 12 человек — начинающих поэтов и журналистов, вчерашних крестьян, мелких служащих, группировавшихся вокруг А. Ганина и разделявших патриотические убеждения. В ЧК эта группа получила название «орден русских фашистов». Главу «ордена» с шестью товарищами расстреляли 30 марта 1925 года. Остальные семеро пошли на Соловки, откуда вернулось лишь двое.

Свой «вклад» в борьбу с культурным наследием народов России во имя грядущей «светлой жизни» вносили в 1920–30-е годы борцы с традициями прошлого в литературе и культуре. С вульгарно-классовой точки зрения традиции эти расценивались не иначе как феодально-помещичьи и буржуазные. Образчиком такого понимания дореволюционной культуры и ее творцов может служить выступление Вс. Вишневского на одной из армейских партконференций в июле 1921 года. «Старая культура, — внушал он красноармейцам, — была фактически насквозь пропитана буржуазным духом». И пояснил это на конкретных примерах. Взять Пушкина. Он был камер-юнкером его величества царя и гордился своим дворянством. Не признавал никаких революций — следовательно, был контрреволюционером. Лермонтов был аристократом в полном смысле этого слова. Некрасов — из помещиков. Лев Толстой — граф. Писать-то он писал хорошо, но народ в «Войне и мире» является лишь фоном, а главное разыгрывается между немногими аристократами, для которых слово «мужик» было бранным, почти неприличным. Чехов — происхождением из мещан и, безусловно, также один из последних представителей упадочничества. Его герои бьются от жира в провинции, скучают от безделья, ноют без

конца. Кольцов считался народным поэтом, но на самом деле это типичный представитель кулачества. Горький, правда, в значительной степени близок к народу, но и у него встречается немало высказываний далеко не пролетарской идеологии. В музыке — то же самое. Глинка — помещик; достаточно сказать, что у его отца был собственный оркестр из крепостных. Римский-Корсаков — придворный капельмейстер, писал лженародные оперы, непонятные крестьянину. Музыка Чайковского — яркий образец безысходного упадочничества и пессимизма, чуждого рабочему классу. Все эти симфонии, сонаты, балеты совершенно непонятны народу. Что касается балерин, певиц в опере, оперетте, то все или почти все они фактически работали в роли привилегированных проституток и зарабатывали неплохо. Трамплином же у них, конечно, была кровать дирижера или какого-нибудь князя (Литературная Россия. 1995. 7 июля).

Естественно, таким образом представленная культура и традиции не заслуживали ничего другого как быть сломанными и отброшенными с тем, чтобы дать простор развитию социалистического содержания интернациональной культуры. Например, Н.И. Бурухарин не только думал, что «завоевать» буржуазную культуру целиком, не разрушая ее, так же невозможно, как «завоевать» буржуазное государство», но и требовал: «старый театр надо сломать, 14 кто не понимает этого, тот ничего не понимает». Любителей ломать оказалось предостаточно. Не последним среди них был Вс. Мейерхольд с его девизом «К искусству всего земного шара, к отречению от России». Как отмечали театроведы, в своих спектаклях он стремился показать русскую жизнь в самом «пошлом безобразии».

С этой же точки зрения роман Льва Толстого «Война и мир» представлялся не более чем попыткой «реабилитировать дворянство», Чайковский объявлялся «квасным патриотом», Горький — «псаломщиком русской культуры». А.В. Луначарский в 1924 году заявил, что если Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого и признавать великими, то только с условием, что они-де велики «вопреки этой проклятой старой России, и все, что в них есть пошлого? ложного, недоделанного, слабого, все это дала им она». О великом Репине писали, что он как «свой» (для дореволюционного режима) художник «умел скрывать объективную классовую сущность буржуазии»; Сурикова объявляли защитником «реакционно-монархического национализма, опиравшегося на кулачество». Смысл подобных писаний, как отмечалось после известного отрезвления середины 1930-х годов, «сводился к тому, чтобы, прикрываясь «борьбой» против великодержавного шовинизма, под шумок объявить целиком всю русскую культуру и искусство помещичье-буржуазным, реакционно-националистическим» (Правда. 1937. 13 августа).

Особенно впечатляющим был изобретенный литературоведом В.Б. Шкловским способ использования произведений классиков русской культуры не во вред, а к благу советских людей. Он полагал, что «Капитанская дочка», «Герой нашего времени», «Бесы» — «все это запас неправильных фактов». Опровергать их в предисловиях — занятие непосильное: «Дать написать Машбиц-Верову предисловие к Александру Блоку — это значит выписать мухе путевку на право управления паровозом». Однако задачу Решать надо, ибо «каждая эпоха имеет право переделывать предыдущую», а уж советская тем более. Поэтому, предлагает Шкловский, «с Толстым, Пушкиным, Лермонтовым и Достоевским нужно браться по линии изменения сведений, которые они сообщают». К примеру, в кино, которое обладает огромной силой внушения, Мы должны «создавать вещи, параллельные произведениям классиков... вдвинуть в сознание не ложь, а новый материал. Кинокартина будет существовать рядом с литературным произведением, пользуясь его материалом и в то же время вытесняя его. Иначе и быть не может. Гражданский мир — удел кладбища» (Советский экран. 1927. № 33). Как здесь не вспомнить исторический отдел министерства правды, созданный воображением Джорджа Оруэлла, в полной мере реализовавшего идею В.Б. Шкловского.

В резолюции Первой Всесоюзной конференции пролетарских писателей (январь 1925 г.) «контрреволюционным» объявлялось не только все прошлое литературы. Контрреволюционерами считались и «попутчики» — непролетарские писатели, в том числе

и стоявшие на платформе советской власти, но якобы застывшие перед «гранитным монументом буржуазно-дворянской литературы», «проникнутые духом национализма, великодержавности, мистицизма». «Монумент» предстояло разрушить до основания. Как это делать? — Недостатка в советах не было. «Во имя нашего Завтра, — призывал еще в 1918 году. Владимир Кириллов в своем знаменитом стихотворении «Мы», — сожжем Рафаэля, / Разрушим музеи, растопчем искусства цветы». Газета «Искусство коммуны», издававшаяся в Петрограде, утверждала: «Следует больше жалеть о сошедшем с нарезки винте, чем о разрушении храма Василия Блаженного»; «Разрушать это и значит создавать, ибо разрушая, мы преодолеваем свое прошлое»; «Мы прекрасны в неуклонной измене своему прошлому». Владимир Маяковский в стихах с мрачным названием «Радоваться рано» (1918) и выговаривал за нерадивость, и наставлял одновременно, намечая разнообразнейшие цели для уничтожения:

«Белогвардейца
найдете — и к стенке.
А Рафаэля забыли?
Забыли Растрелли Вы?
Время
пулям
по стенкам музеев тренькать».
«А царь Александр
на площади Восстаний
стоит?
Туда динамиты!
Выстроили пушки по опушке...
А почему
не атакован Пушкин?»

У поэта были и соображения о том, как решать международные и межнациональные проблемы. Так, на Генуэзскую конференцию (1922) Маяковский советовал ехать, «осматривая хозяйскими глазами грядущую Мировую Федерацию Советов», в исторической перспективе — «в мире без России, без Латвий, жить единым человечьим общежитьем».

Маяковский, постигавший законы истории не иначе как по трудам главных «пролетариатоводцев» планеты, не затруднялся и с ответом на вопрос о характере общности, появляющейся в СССР после 1917 года. В социалистическом отечестве, полагал он, трудясь над поэмой «Хорошо» (1927), и нация соответствующая социалистическая — и никаких других. «Разнедоуменные» вопросы на этот счет

Дескать
«что это за нация такая «социалистичья»,
и что это за «социалистическое отечество»?
...Такого отечества, такой дым
Разве уж настолько приятен?
...
У вас и имя Россия утеряно.
Что это за отечество у забывших об нации?
Какая нация у вас?
Коминтерина?»),

— могли, по Маяковскому, возникать лишь у «национальных трутней» старой формации — у богатых, буржуев и прочих врагов социалистической республики. Таким втолковать новое понимание отечества и нации способны лишь «лубянская лапа Че-Ка» да

«товарищ Маузер».

Посрамление революционно-утопических идей в языковом строительстве

На свой манер утверждали интернационализм в противовес рациональной ограниченности» и «великорусскому шовинизму» революционеры от языковедения. «Новое учение о языке», сформулированное академиком Н.Я. Марром в 1923–1924 годах, было провозглашено «единственно правильным» и «марксистским». Доклад Марра, прозвучавший на знаменитой конференции историков-марксистов (декабрь 1928 — январь 1929), М.Н. Покровский назвал великолепным и якобы доказывающим, «что к нашим, материалистическим выводам можно прийти не только от изучения классовой борьбы... но и от изучения истории человеческой речи».

Вопреки обычным лингвистическим представлениям о постепенном распаде единого праязыка на отдельные, но генетически родственные языки, «новое учение» утверждало прямо противоположное, а именно, что языки возникали независимо друг от друга. Марр полагал, что первичная звуковая речь состояла всего из четырех элементов — **сал, бер, ион, рош**. Считалось, что эти элементы («диффузные выкрики», как говорил наиболее влиятельный последователь Марра академик И.И. Мещанинов) возникли вместе с другими искусствами в эволюции трудового прогресса, представлявшего собой магию, и долгое время не имели никакого словарного значения. Элементы (чаще всего в модифицированном виде) без труда обнаруживались в каждом из слов любого языка. В своем развитии языки, по Марру, претерпевали процессы скрещивания, в результате взаимодействия два языка превращались в новый третий язык, который в равной степени являлся потомком обоих языков.

Теории Марра были созвучны представлениям 1920-х годов о близкой мировой революции и надеждам многих еще успеть поговорить с пролетариями всех континентов на мировом языке. Подобно тому, писал Марр, «как человечество от кустарных разобщенных хозяйств и форм общественности идет к одному общему мировому хозяйству... так и язык от первоначального многообразия гигантскими шагами продвигается к единому мировому языку». В Советском Союзе Марр видел не только создание новых национальных языков, но и то, как в результате их скрещивания (взаимопроникновения) развивается процесс «снятия множества национальных языков единством языка и мышления».

С момента основания в 1921 году Яфетического института (с 1931 г. Институт языка и мышления) его планы предусматривали разработку проблем языка будущего. В феврале 1926 года была намечена к учреждению группа по прикладной лингвистике, которая имела задание установить теоретические нормы будущего общечеловеческого языка. Один из основных тезисов «нового учения о языке» Марра гласил, что «будущий всемирный язык будет языком новой системы, особой, доселе не существовавшей, как будущее хозяйство... будущая внеклассовая общественность и будущая внеклассовая культура. Таким языком, естественно, не может быть ни один из самых распространенных языков мира, неизбежно буржуазно-культурный и буржуазно-классовый». Именно этот тезис был повторен И.В. Сталиным на XVI съезде партии. «В период победы социализма в мировом масштабе, когда социализм окрепнет и войдет в быт, — говорил он, — национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым».

«Революционная» лингвистическая теория академика Н.Я. Марра, важнейшее достижение которой было утверждено таким образом на съезде партии, высоко ценилась и за другие «достоинства». В докладе «Основы планирования научно-исследовательской работы», с которым Н.И. Бухарин выступал 6 апреля 1931 года на 1-й Всесоюзной конференции по планированию научно-исследовательской работы, было отмечено: «Во всяком случае, при любых оценках яфетической теории Н.Я. Марра необходимо признать,

что она имеет бесспорную огромную заслугу как мятеж против великодержавных тенденций в языкознании, которые были тяжелыми гириями на ногах этой дисциплины».

Учение Н.Я. Марра, имевшее такую поддержку, долгое время навязывалось его последователями и после смерти ученого (20 декабря 1934 г.) как якобы единственно приемлемое для советской науки. Однако отрицание Марром национальных границ, особой роли русского языка в процессе перехода к мировому на территории СССР, полное отвержение старой науки, требование форсировать создание искусственного всемирного языка, дружба Марра с Покровским, сходство некоторых его идей с идеями Бухарина — все это вынудило Сталина в послевоенные годы развенчать «новое мышление». После выступления Сталина по вопросам языкознания в 1950 году Марр, равно как и Покровский, оказался вульгаризатором марксизма, вроде «пролеткультовцев» или «рапповцев». В оценках современных ученых «новое мышление о языке» характеризуется как абсолютно ненаучная теория, включавшая в себя самые нелепые и фантастические идеи, соединенные с политической фразеологией, свойственной 1920-м — началу 1930-х годов, и послужившая лишь для того, чтобы осуществить полный разгром научного языкознания.

Утопические представления о возможности окончательного решения национально-языковой проблемы при социализме разделял в 1920-е годы А.М. Горький. В 1926 году он был весьма раздосадован в своем далеком Сорренто, получив с Украины письмо с предложением перевести его роман «Мать» на украинский язык и издать для молодежи в сокращенном варианте. Протестуя против такой затеи, он отвечал: «Меня очень удивляет тот факт, что люди, ставя перед собой одну и ту же цель, не только утверждают различие наречий — стремятся сделать наречия «языком», — но еще и угнетают тех великороссов, которые очутились меньшинством в области данного наречия. При старом режиме — посылно — протестовал против таких явлений. Мне кажется, при новом режиме следовало бы стремиться к устранению того, что мешает людям помогать друг другу. А то выходит курьезно: одни стремятся создать «всемирный язык», другие же действуют как раз наоборот».

О самом простом способе решения такой задачи можно прочесть в сборнике статей А.А. Богданова «О пролетарской культуре» (М., 1924). Еще в 1919 году этот знаменитый автор выступил за преобразование в интересах мировой революции «варварской орфографии английского языка в рациональную, — быть может, и с некоторыми грамматически-упрощающими реформами», после чего объявить этот язык «международно-пролетарским» со всеми практическими мерами, из этого вытекающими. Идею создания общего языка трудового человечества в том же году излагал и Илья Эренбург. «Нет сомнения, — писал он, — вскоре строительство всемирного языка станет задачей не отдельных чудаков, а всего человечества... Интернациональные рабочие организации начинают понимать назревшую необходимость. Возможно, эсперанто не устоит, будет сметено чем-либо более совершенным. Для меня ясно одно: человечество приближается к тому возрасту, когда вместо лепета предков оно создаст себе новый, единый язык».

Эсперантисты, однако, видели решение национально-языковых проблем именно в русле своего движения. Они полагали, что международным языком революционного пролетариата должен стать искусственный язык, созданный в 1887 году Л. Заменгофом на основе латинской графики, грамматических и лексических элементов европейских языков. Эсперанто рекламировался как язык простой, логичный, гибкий, благозвучный, нейтральный по отношению ко всем национальным языкам. И главное — легкий для изучения. Он базируется на шестнадцати не допускающих исключений правилах грамматики. Рабочему со средними способностями, уверяли поклонники эсперанто, достаточно позаниматься три-четыре месяца по часу в день, и он будет свободно читать, писать и говорить на этом языке. В мировом движении эсперантистов объединялись сторонники разных «прогрессивных» политических партий (социал-демократы, христианские социалисты, анархисты и др.), а также беспартийные либералы, вдохновлявшиеся мечтами о мировом безнациональном содружестве людей.

Октябрьская революция вызвала к жизни «красный эсперантизм». Его идеологи, принявшись за «материалистическое» обоснование проблемы международного языка, утверждали, что начавшееся объединение общественного хозяйства в мировом масштабе с неизбежностью приведет к падению разделяющих народы классовых, государственных и языковых границ. И если еще не настало время говорить о едином мировом языке, то о всеобщем вспомогательном языке, втором для каждого, говорить было уже пора. Введение такого языка должно было, по мысли «материалистов», ускорить диктуемый ходом истории процесс ассимилирования и интернационализации существующих языков, всемерно помогать стиранию национальных различий. «Установление же единообразной коллективистской мировой системы, — писал один из лидеров советских эсперантистов Э.К. Дрезен в своей книге «За всеобщим языком: Три века исканий» (1928), — будет одновременно означать уничтожение 800 сложившихся... языков и приведение их к единому виду».

В 1917 году в России действовало около ста объединений и кружков эсперантистов, в последующем их число быстро росло. В 1921 году возник Союз эсперантистов советских стран, переименованный позднее в Союз эсперантистов советских республик этого времени и по 1937 год эсперантизм в СССР был популярным общественным движением, пользующимся поддержкой властей. Эсперанто пропагандировали как залог международной революции, как цемент для связи международного пролетариата, фундамент будущей всемирной федерации рабоче-крестьянских республик. Выдвигались предложения «немедленно объявить всему миру, что Российская Рабоче-Крестьянская республика при всех международных политических, экономических и торгово-промышленных сношениях с другими государствами будет пользоваться отныне исключительно международным вспомогательным языком Эсперанто». Заместитель редактора «Известий ВЦИК» П.М. Керженцев писал в январе 1919 года на страницах этой газеты: «Первая в мире Социалистическая Республика имеет все основания для того, чтобы поставить на очередь дня вопрос о международном языке и приступить практически к его разрешению: она не только может, но и должна во имя идеалов, исповедуемых и движущих ее, взять на себя инициативу в практическом разрешении вопроса о международном языке, обратившись к другим народам с призывом последовать в этом вопросе за нею».

Обучение искусственному международному языку организовывалось на добровольных началах, но бывали случаи, когда он преподавался и в приказном порядке. По воспоминаниям бывшего красного латышского стрелка, комиссара полка имени Степана Разина 25-й Чапаевской дивизии, во время Гражданской войны существовало глубокое убеждение о грядущей мировой революции и о необходимости интернациональной помощи в случае восстания пролетариата в европейских странах. Естественным образом возникал вопрос, на каком языке бойцы Красной Армии будут общаться с народами Западной Европы. И вот в 1921 году, Приказом по армии, в которую входила 25-я дивизия, было предписано всему личному составу изучать эсперанто под ответственность комиссаров частей. Комиссар получил учебник и проводил занятия в течение двух лет. По его словам, язык изучали охотно, Усваивался он отлично, отстававших не было. В 1923 году комиссар был направлен на высшие командные курсы и его преподавательская деятельность прервалась. Тем не менее, до глубокой старости он пребывал в уверенности: «будь занятия не по два часа в неделю, а по четыре, через год весь полк бы говорил на эсперанто» (Огонек. 1988. № 8). На «гражданке» международный язык изучали в клубах и кружках, в общеобразовательной и высшей школах. К концу 1920-х годов организации эсперантистов имелись во всех крупных городах, язык изучали десятки тысяч человек. «Лучшие из них», как писал усвоивший эсперанто школьником Л.З. Копелев в книге «И сотворил себе кумира» (1978), принимались в особый союз «Sennaciĉa Asocio Tutmonda — SAT» («Всемирный Безнациональный Союз»). Принятым выдавались членские билеты — зеленые книжечки с именем и фамилией, написанными латинскими литерами, и значки: зеленая пятиконечная звезда в красном кружке. На вопрос о национальности члены союза должны были гордо отвечать: sennaciulo

(сеннациуло, без национальности) и satano (сатано, член SAT).

Однако в условиях 1920-х годов, когда основные массы населения СССР оставались неграмотными либо имели лишь начатки образования на родных языках, эсперантизация не могла стать всеобъемлющей. В конце 1920-х годов мировое движение эсперантистов встретило с трудностями из-за раскола между революционной частью, стоявшей на позициях Коминтерна, и «оппортунистами». В Советском Союзе эсперантисты оказались под подозрением из-за близости их руководителей к троцкистам и зиновьевцам. В результате в 1937 году эсперанто «превратился» из языка международного революционного пролетариата в «язык шпионов». Члены ЦК Союза эсперантистов советских республик во главе с генеральным секретарем Эрнестом Дрезеном были арестованы, движение разгромлено. Оно возродилось лишь в 1956 году.

Научное обеспечение государственной языковой политики в СССР в 1920–30-е годы осуществлялось все же не по рекомендациям А.А. Богданова и эсперантистов, и даже не по теории Н.Я. Марра, а по разработкам ученых, сгруппировавшихся вокруг существовавшего в 1925–1937 годах Всесоюзного центрального комитета нового алфавита. Однако и среди этих специалистов было немало энтузиастов, выступавших за переход на латиницу не только сохранявших еще оригинальность алфавитов грузинского, армянского и еврейского языков, но также и русской письменности.

Хотя революция сделала явью многие мечты человечества, но «вавилонское столпотворение языков далеко еще не изжито» сетовал, например, в 1929 году известный востоковед-семитолог Н.В. Юшманов. И если «работники по всемирной речи — космоглоттисты, — отмечал он далее с сожалением, — уже давно перешли от мечты-максимум («единому человечеству единый язык») к мечте-минимум («каждому народу свой язык и один общий язык для всех»)), то работники по всемирному алфавиту (космоглифисты) не отрекались еще от своей мечты-максимум: «привести все человечество к единому письму». Правда, реформаторам пока никак не удавалось преодолеть сопротивление консерваторов: «допрос о латинизации русского языка столько же раз проваливался, сколько ставился».

В ноябре 1929 года по инициативе Наркомпроса РСФСР была создана специальная комиссия по разработке вопроса о латинизации русского алфавита, в которую были включены специалисты полиграфии, преподаватели русского языка, ученые-языковеды и другие. Возглавлял комиссию Н.Ф. Яковлев. На первом же заседании 29 ноября комиссия приняла «тезисы» председателя, в которых, в частности, отмечалось, что «русский гражданский алфавит в его истории является алфавитом самодержавного гнета, миссионерской пропаганды, великорусского национал-шовинизма», что алфавит этот и после его частичной реформы в 1917 году «продолжает оставаться алфавитом национал-буржуазной великорусской идеологии», что в настоящее время он «также служит главным препятствием делу латинизации, как других национальных по форме алфавитов (еврейский, армянский, грузинский и т. д) так и графики, построенной на основе кириллицы (белорусская, украинская, восточно-финские и др.)». Введение нового алфавита предназначено было сменить национальные разновидности латинского алфавита во всем мире и явиться одной из решающих предпосылок, которая небывало облегчила бы языковое и культурное взаимообогащение национальностей. И, пожалуй, самое главное: международный алфавит на латинской основе мыслился как «шаг на пути к международному языку».

14 января 1930 года комиссия провела заключительное заседание и постановила: «Признать... что переход в ближайшее время русских на единый интернациональный алфавит неизбежен». В постановление были включены соображения общественно-политического, экономического и педагогического характера в пользу реформы. В нем значилось и следующее: «Русский гражданский алфавит является пережитком классовой графики XVIII–XIX веков русских феодалов-помещиков и буржуазии... Он до сих пор связывает население, читающее по-русски, с национально-буржуазными традициями русской

дореволюционной культуры», переход же на новый алфавит «окончательно освободит трудящиеся массы русского населения от всякого влияния буржуазно-национальной и религиозной по содержанию дореволюционной печатной продукции». Комиссия не сомневалась, что латинизация вызовет «бешеное сопротивление со стороны всех реакционных элементов, а также граждан, не вполне порвавших с чуждой интересам пролетариата идеологией», но уверяла, что время для латинизации пришло, что она будет поддержана всей передовой советской общественностью, и в итоге, согласно Ленину, представит «незначительные трудности». Комиссия предлагала осуществить переход на латиницу в течение предстоящих четырех лет, обещая в результате определенные выгоды экономического порядка уже в последний год первой пятилетки.

В наиболее полном виде доводы в пользу латинизации русского алфавита представлены в статье Н.Ф. Яковлева, опубликованной в шестой книге периодического издания «Культура и письменность Востока». Основной аргумент противников реформы представлялся автором так: «Переход на новый алфавит, ломая 200-летнюю историческую традицию русской культуры, фактически поведет к деградации этой культуры». Отводя этот аргумент, Яковлев утверждал: «Ломая эту традицию феодально-помещичьей и буржуазной культуры, мы тем самым обеспечиваем расцвет русской национальной культуры с пролетарским содержанием»; «Современный русский алфавит не соответствует темпу развития русской социалистической по содержанию культуры и именно для того, чтобы обеспечить ее дальнейший рост и расцвет, мы должны перейти на более совершенную форму графики». Далее утверждалось, что «латинская графика, как и физиология глаза и руки современного человека, ближе соответствует современному уровню развития техники, тогда как графические формы современного русского алфавита отвечают более низкому уровню развития производительных сил, а следовательно, и технике чтения и письма дореволюционной царской России». Снова обещались материальные выгоды от латинизации за счет сокращения расходов бумаги и пр. Самая же главная выгода усматривалась в идеологической области, поскольку «политически единый алфавит явится отражением в графике единства всех народов СССР и единства пролетарского содержания их культуры при всем разнообразии ее национальных форм», он «укрепит единение народов СССР с трудящимися массами Востока и Запада».

Реформаторы не реагировали на возражение оппонентов, вторые отмечали явную противоречивость в их доводах — революционным признавался алфавит, который «до сих пор во многих местах служит колонизаторской политике европейских государств», а русский давно уже перестал быть таким орудием и, равное, «является единственным алфавитом, на котором издано полное собрание сочинений Ленина» (Вечерняя Москва. 1930. 7 января). Переход на новый алфавит предлагалось осуществить в течение первой пятилетки. И хотя этого не произошло, И. Хансузаров в своей книге «Латинизация — орудие Ленинской национальной политики» (1932) продолжал уверять, что интернационалист может отстаивать только латинский алфавит, так как он станет основным для всех народов при «грядущей победе мировой революции». Всякие же попытки рассматривать русский алфавит как основу письменности нерусских народов клеймились как контрреволюционные действия, которые «льют воду на мельницу буржуазии средневековья».

А.В. Луначарский и в этом случае считал своим долгом поддерживать энтузиастов-революционеров. Дух сторонников реформы письменности он укреплял не только своим авторитетом, но и ссылками на В.И. Ленина. В специально написанной по этому поводу статье «Латинизация русской письменности», опубликованной в «Красной газете», Луначарский вспоминал о своем обсуждении этого вопроса с Лениным. О реформе русской письменности последний, по словам Луначарского, высказался так: «Если мы сейчас не введем необходимой реформы — это будет очень плохо, ибо и в этом, как и в введении, например, метрической системы и григорианского календаря, мы должны сейчас же признать отмену разных остатков старины». Удерживало Ленина одно — опасность испортить дело спешкой: «Если мы наспех начнём осуществлять новый алфавит или наспех

введем латинский... А мы можем наделать много ошибок и создать лишнее место, на которое будет устремляться критика, говоря о нашем варварстве я не сомневаюсь, что придет время для латинизации русского шрифта, но сейчас наспех действовать будет неосмотрительно». По свидетельству Луначарского, в течение всего времени» Когда он руководил Наркомпросом РСФСР, поступало немало предложений о введении латинского алфавита. Он с одобрением отозвался о работе комиссии Н.Ф. Яковлева, которая уже сформировала принципы составления нового алфавита, и выразил Уверенность в том, что «в конце концов эта идея возобладает и в жизнь введена будет».

Серьезный удар по таким представлениям был нанесен в 1933 году решениями высших органов власти в СССР о необходимости перевода письменностей советских народов на кириллицу. Принципиальное решение о замене латинского алфавита у малочисленных народов кириллицей было принято комиссией под руководством М.И. Калинина в октябре этого года. По настоянию Марра грузинский и армянский алфавиты тогда же было решено не менять. Вернувшись с заседания этой комиссии в Ленинград 15 октября, Марр заявил спешно созданным сотрудникам: «Имеем неотложное задание — «латиницу» у более сорока советских народов заменить русским алфавитом». Во время заседания ученого совета Марру вручили письмо от Л.П. Берия. «Будете в Москве, звоните товарищу Сталину, он Вас примет», — значилось в нем. Приказ сразил академика в буквальном смысле слова — он рухнул на пол. Причиной стала мелькнувшая мысль: Сталин повторит то, что Марр услышал после совещания у Калинина от одного из присутствовавших: «Вы провалили унификацию письма в СССР».

Однако первое официальное постановление Президиума ЦИК, реализующее эти решения, появилось лишь 1 июня 1935 года. В нем предписывалось перевести на кириллицу письменности народов Севера. Против ускоренной смены алфавитов выступал Всесоюзный центральный комитет нового алфавита, распущенный в 1937 году. В 1939 году было объявлено, что с ростом культурного уровня народов СССР латинизированный алфавит перестал удовлетворять потребности развития языков, поскольку он не обеспечивал всех условий к сближению с культурой великого русского народа. Русский язык повсюду изучался в школах в качестве второго языка. Решение об этом было принято в октябре 1937 года на пленуме ЦК партии, а 13 марта 1938 года издано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». 7 июля этого года «Правда» уже сообщала, что русский язык становится международным языком социалистической культуры, «как латынь была международным языком верхов раннего средневекового общества, как французский язык был международным языком XVIII и XIX веков». В соответствии с постановлением СНК и Центрального комитета партии правительства союзных и автономных республик ввели с нового учебного года обязательное преподавание русского языка в нерусских школах. Латинизированная ранее письменность народов СССР с 1937 года переводилась на русский алфавит. К ноябрю 1939 года уже все народы РСФСР (около 40), пользовавшиеся латинским алфавитом, перешли на русский шрифт Соответствующие законы принимались и в союзных республиках. Эксперименты по революционизированию языков советских народов были прекращены, у, В целом российская история 1920-х и доброй части 1930-х годов свидетельствует, что навязчивая идея мировой революции, радевшая умами властвовавшей тогда элиты, дорого обошлась стране, ее народу. На протяжении всего этого времени не прекращалось шельмование исторического прошлого России, ее традиционной культуры, глумление над патриотическими чувствами народа. «Десятки партийных ораторов и сотни услужливых перьев на все лады изощрались в насмешливых проклятьях «русопятам», «русотяпам», «русопетам», «мы расстреляли толстозадую бабу Россию»» и в тому подобных неисчислимых мерзостях. Уродливые формы, рожденные «пафосом космополитизма и псевдоинтернационализма» (А. Толстой), принимало отрицание всего прошлого литературного наследия, стремление противопоставлять Пролетарскую культуру всей культуре человечества, вандализм отношении исторических памятников «проклятому

прошлому». Атмосфера в стране была такова, что даже употребление в стихах слов «родина», «отечество», «Россия» считалось предосудительным, старомодным, взятым напрокат у чуждых революционному духу поэтов. Уже вторая половина 1920-х годов убедительно показала, что сулит духовной культуре доведенный до абсурда классовый подход. Врагами объявлялись все, кто не соглашался с антинациональной политикой властей. Псевдоинтернационалистам повсюду мерещился великодержавный шовинизм великороссов, который искоренялся с беспримерной жестокостью. Над подданным бывшей Российской Империи осуществлялся эксперимент по превращению его в некоего homo sovieticus — гражданина Всемирного Союза ССР. Собственно СССР рассматривался в программе Коминтерна государством, в котором международный пролетариат впервые обретает отечество и вместе с другой его частью, остающейся за пределами Союза, под руководством единой мировой коммунистической партии борется за установление Мировой диктатуры. Своеобразное великодержавие таких устремлений находило выражение в плохо скрываемом желании — схватить за шиворот и сразить весь капитализм, как только мы будем для этого достаточно сильны. Освобождение от экспансионизма такого рода потребовало многих лет.

Глава 2

РУССКИЙ НАРОД И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ

Культивирование патриотизма как средства отражения внешней угрозы

Утвердить навсегда характерные для 1920-х годов представления об интернационализме, патриотизме, русском языке, русской истории и ее деятелях не удалось. Отмеченная еще В.И. Лениным полоса «самого резкого расхождения с патриотизмом» оказалась сравнительно недолгой. Социализм в России осуществлялся не по троцкистским установкам, а по сталинским — как «социализм в одной стране». Благодаря этому идея мировой революции наполнялась новым содержанием, предполагая создание царства справедливости на отвоеванной у капиталистов территории. Все большей поддержкой среди народа пользовалась идея превратить Союз ССР в могучую индустриальную державу, способную защитить революцию и оказать помощь зарубежным трудящимся братьям в их справедливой борьбе. Политическая история страны обнаруживает процесс постепенного укрепления позиций большевиков-государственников и оттеснения от руководства космополитов-коммунистов, пораженных болезнью «левизны».

С точки зрения Л.Д. Троцкого, такое развитие было недопустимым отступлением от принципов К. Маркса и В.И. Ленина, возможным лишь благодаря национальной ограниченности их учеников, проповеди ереси «национального большевизма» (отождествляемого Троцким с понятиями «национальный социализм», «национальный коммунизм», «социал-патриотизм»). Современные троцкисты вслед за своим основоположником твердят: «Сталин... выкинул ленинскую программу мировой революции и к осени 1924 года заменил ее националистической ложью «социализма в отдельной стране»»; «Сталин и Бухарин, со своей идеологией «социализма в отдельной стране», служа нарождавшейся бюрократии, попрали интернационалистский коммунизм Ленина и Троцкого».

Однако нельзя утверждать, что такие ученики В.И.Ленина, как И.В. Сталин и его приверженцы, сразу и во всем изменили учителю. Вплоть до второй половины 1930-х годов в партийной среде были весьма распространены представления о том, что Москва и другие крупные города не могут быть хранителями национальных особенностей, они перемалывают и обезличивают огромное количество национальностей, подобно Нью-Йорку. М.И. Калинин в 1931 году говорил, что у нас в СССР «по существу вырабатывается даже не русский

человек, а вырабатывается новый тип человека — гражданин Советского Союза» со свойственным только ему патриотизмом или (по М.Н. Покровскому) национализмом. Ранее в ноябре 1927 г) Калинин делал особый упор на то, что «мы — государство, и мы должны сделать советским все население, все население пропитать советским патриотизмом». Своеобразным (ориентиром в данном случае могли выступать ведущие буржуазные страны. К примеру, говорил Калинин, «каждый англичанин пропитан английской напыщенностью, он думает, что ничего нет лучше, чем Англия. Вы видите, как буржуазия умеет пропитывать патриотизмом свои государства»). Таким образом, можно сказать, что к началу 1930-х годов в СССР существовали зачатки представлений о нации как советском согражданстве и о свойственном ей патриотизме (национализме).

Движение общественной мысли в этом направлении во многом питалось иллюзиями о том, что во второй пятилетке удастся окончательно ликвидировать классы и полностью уничтожить причины, порождающие классовые различия и эксплуатацию, а также преодолеть пережитки капитализма в экономике и сознании людей, превратить все трудящееся население «в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества». Но гораздо более важным фактором, вынуждавшим руководителей советского государства отыскивать дополнительные возможности для сплочения населения вокруг идей с более высоким объединяющим потенциалом, нежели пропаганда международной классовой солидарности рабочих и союза рабочих и крестьян внутри СССР, стал приход к власти Гитлера в Германии.

Уже 3 февраля 1933 года, на другой день после формирования фашистского правительства «национальной концентрации», Гитлер заявил на совещании командования рейхсвера, что его первейшей целью является воссоздание мощных вооруженных сил, отвоение новых рынков сбыта, захват нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация.

Это означало, что в ранг государственной политики страны, которая занимала второе место в капиталистическом мире по индустриальной мощи, возводились цели, давно известные советской мировой общественности по устным и печатным выступлениям Руководителей нацистской партии.

Выдвижение истории и патриотизма на острие государственной политики

Осознание неизбежности войны заставило руководство Союза ССР пересмотреть свои прежние взгляды на роль исторической дисциплины в школьном и вузовском образовании. Было признано необходимым использовать ее как мощное средство целенаправленного формирования общественного исторического сознания и воспитания патриотических чувств. С марта 1933 года работала комиссия при Наркомпросе РСФСР по написанию нового учебника по истории России и СССР. Первые опыты оказались неудачными. Учебники писались в духе худших традиций национал-нигилистской школы М.Н. Покровского. Через год, 8 марта 1934 года, на совещании историков уже открыто говорилось о необходимости разрыва с «социологизаторством» и возвращении к преподаванию так называемой «прагматической истории». «Нам нужен большевистский Иловайский», — прозвучало на этом совещании. Д.И. Иловайский (1832–1920) был представителем консервативно-охранительного направления в дореволюционной историографии и публицистике и автором популярных учебников по истории для гимназий, широко издаваемых с 1860-х годов.

20 марта 1934 года вопрос об учебнике по истории стал предметом обсуждения на расширенном заседании Политбюро. Подготовленные учебники для средней школы были забракованы. «Что это такое? — спрашивал И.В. Сталин. — «Эпоха феодализма», «эпоха промышленного капитализма», «эпоха формаций» — все эпохи и нет фактов, нет событий, нет людей, нет конкретных сведений, ни имен, ни названий, ни самого содержания. Это никуда не годится... Нам нужны учебники с фактами, событиями и именами. История должна быть историей. Нужны учебники древнего мира, средних веков, нового времени,

истории СССР, история колониальных и угнетенных народов». В ходе заседания был сформулирован важный тезис о роли русского народа в отечественной истории. А.С. Бубнов решил уточнить, какой учебник нужен: «История СССР», или «История народов России». Сталин уточнил: «История СССР. Русский народ в прошлом собирал другие народы. К такому же собирательству он приступил и сейчас». В этой же связи он заявил, что схема Покровского — не марксистская схема, и вся беда пошла от времен влияния Покровского.

По итогам обсуждения были сформированы и утверждены авторские группы по написанию новых учебников по истории. В 1934–1937 годах прошел конкурс на составление лучшего учебника по истории СССР. В его ходе отразилось столкновение национально-русской и национал-нигилистской позиций. Член конкурсной комиссии Бухарин полагал, что учебник должен содержать описание вековой русской отсталости и «тюрьмы народов». Этапы становления Руси — принятие христианства, собрание русских земель, воссоединение Малороссии с Россией предлагал рассматривать с нигилистических позиций. В проекте учебника, подготовленного группой И.И. Минца, все события делились на революционные и контрреволюционные. Контрреволюционерами были представлены, например, Минин и Пожарский. Воссоединение Малороссии с Россией объявлялось порабощением «украинского народа», а Богдан Хмельницкий изображался реакционером и предателем.

Не дожидаясь итогов конкурса, СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли 15 мая 1934 года известное постановление «О преподавании гражданской истории в школах СССР». В нем содержались указания о подготовке к июню 1935 года новых учебников по истории, о восстановлении с сентября 1934 года исторических факультетов в ЛГУ и МГУ. (Как ни странно, Московский университет получил имя М.Н. Покровского и носил его до тех пор, пока не обнаружилось более достойное — М.В. Ломоносова, присвоенное университету в мае 1940 г.) 9 июня 1934 года ЦК ВКП(б) принял постановление о введении элементарного курса всеобщей истории и истории СССР в начальной и неполной средней школе. V; В этот же день опубликованная в «Правде» статья «За Родину возводила в ранг высших общественных ценностей понятия родины и патриотизма. Советский патриотизм, «любовь и преданность своей родине», определялся как высшая доблесть советского человека. Честь и слава, мощь и благосостояние Советского Союза провозглашались высшим законом жизни патриотов. Закон предписывалось чтить всем советским людям. Иного выбора им не предоставлялось: «Тот, кто поднимет руку на родину, — значилось в передовице «Правды», — тот, кто изменит ей, должен уничтожен».

Власти полагали, что научить «родину любить» поможет, помимо профессиональных пропагандистов и историков, публикуемое в этом же номере газеты от 9 июня 1934 года Постановление ЧИКСССР о дополнениях «Положения о государственных преступлениях» статьями об измене родине. Такой грех, указывалось в статьях, будет караться расстрелом, а недостаточно патриотичные члены семей, способствовавшие измене, знавшие о ней, но не доведшие это до сведения властей, — наказываться лишением свободы от 5 до 10 лет. Неведавшие же об измене члены семьи подлежали лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на пять лет.

Казалось бы, слово «родина», встречающееся в газетной статье в качестве синонима «родной страны» и «отечества», в любом государстве мира способно возбудить интерес разве что досужего стилиста. Но это же слово, возвращенное к жизни в СССР в 1934 году, привлекло к себе внимание едва ли не большее, чем расстрельные статьи положения о государственных преступлениях, в которых оно также фигурировало. Слово символизировало начало нового этапа во взаимоотношениях советской власти и советского общества. Власть давала знать, что перестает считать Союз ССР отечеством исключительно мирового пролетариата и признает его прежде всего отечеством живущих здесь людей. Для народов СССР слово это стало добрым предзнаменованием, означавшим если не отказ, то хотя бы некоторое отступление властвующего режима от революционного утопизма и авантюризма. Передовица «Правды» вселяла надежду на то, что правящие круги впредь в своей внутренней и внешней политике станут руководствоваться национальными

интересами русского и объединенных с ним других народов страны.

Оппоненты тогдашней ВКП(б) — изгнанные за границу меньшевики и троцкисты и их сторонники внутри СССР — появление слова «родина» (писавшегося пока еще со строчной буквы) в лексиконе большевиков расценили как лишнее доказательство контрреволюционного перерождения сталинского режима. Большевикский журнал «Социалистический вестник» (издавался в Берлине с 1921 г.) в номере от 25 июня 1934 года откликнулся на событие в СССР собственной передовицей. Ее заголовок повторял название правдинской статьи, но был приведен в кавычках. Уже одно это могло выражать сложную гамму чувств авторов журнала: изумленное непонимание, сожаление, неприятие, осуждение.

Авторы отклика были, конечно, правы, утверждая, что новый призыв большевиков есть свидетельство «лихорадочной предвоенной атмосферы, в которой уже живет весь мир», и руководители СССР в этих условиях решили прибегнуть к крайнему средству замене ставшего уже традиционным для большевиков «социалистического отечества» давно сданной в архив «родиной». Слова и лозунги социально-политического словаря, опять же во многом верно отмечал орган меньшевиков, «имеют помимо своего логического и вещного смысла — эмоционально-психологический. Этот смысл неразрывно срастается с ним в ходе их исторического развития, в процессе того применения и использования, которое выпадает на их долю, как идеологических орудий в отнюдь не идеологической борьбе групп, классов, наций, государств, и его — не могут вытравить никакие, логически самые безупречные комментарии. В массовом восприятии они, вопреки всем комментариям! сохраняют вполне определенное эмоционально-психологическое звучание, и только на это звучание могут рассчитывать кто бросает их в массы».

Именно поэтому меньшевики считали невозможным ни при каких условиях реабилитировать слово «родина», которое, по их утверждениям, навсегда «дискредитировано в революционном и социалистическом сознании». Напоминалось, что это слово было знаменем белогвардейцев в их борьбе против революции. Большевики предостерегали своих более удачливых соперников, что возвращение «родины» в политический лексикон может означать устранение специфически революционного содержания понятий «социалистическое отечество» и «советский патриотизм», что они бросают в массы призывы, «буквально повторяющие лозунги правительств неревolutionных и контрреволюционных и так же апеллирующие не к революционно-социалистическому, а к географически-националистическому, «зоологическому» патриотизму».

Меньшевики пугали далее, что словом «родина» большевикская диктатура сама вызывает из толщи народной тех духов, которые несут смерть не только ей, но и революции. Большевикский журнал утверждал, что одержать победу в войне СССР может лишь как страна революции, трудящиеся массы которой защищают не «честь и славу» той «пяди земли», на которой они сидят, не «мощь» нации, к которой они привязаны рождением, а те новые формы общежития, которые рождаются социализмом. Иначе говоря, меньшевики пытались отговорить большевиков от намерения вести предстоящую войну как войну «национально-патриотическую», а не «народно-революционную», предлагая делать ставку исключительно на «единство мирового пролетариата». Если бы авторы «Социалистического вестника» решили при этом опереться на авторитет Ленина, они могли напомнить его установку, пролетариат должен интересоваться судьбами стран «лишь поскольку, поскольку это касается его классовой борьбы, а не в силу чего-то буржуазного, совершенно неприличного в устах социал-демократа «патриотизма»».

Л.Д. Троцкий в своем «Бюллетене оппозиции» как «большевик-ленинец» также осудил «большевиков-сталинцев» за их поворот 1934 года. Поворот этот якобы означал, что в СССР «курс на международную революцию ликвидирован вместе с изгнанием Троцкого», что сторонники Сталина просто забывают обо всем остальном мире: они действуют, думают и чувствуют только «по-русски», что в СССР завершился процесс, давно развивавшийся по нисходящей линии — «от революционного патриотизма к национал-реформизму». Приверженцы подобных оценок и спустя десятилетия стояли на своем: коммунизм-де по

своей сути космополитичен, ему предки не нужны, кампания против космополитов осуждалась как выступление против коммунизма, обращение к русскому патриотизму считалось недопустимым даже во время войны.

В августе 1934 года И.В. Сталин, А.А. Жданов и С.М. Киров решили содействовать скорейшему написанию новых учебников по истории. Они подготовили «Замечания» о конспектах учебников по «Истории СССР» и «Новой истории». Замечания были незамедлительно одобрены Политбюро ЦК и доведены до сведения историков, участвовавших в создании учебников. Таким образом, на протяжении 1930–1934 годов определился курс на превращение СССР в родину советских патриотов. В качестве силы, призванной по-новому собирать другие народы, был признан русский народ. По сталинской футурологии, русские должны были стать своеобразным цементом «зональной» группы народов и превратить ее в одну из переходных форм на пути к безнациональному человечеству.

Развенчание Энгельса

В июле 1934 года Сталин отважился на выражение несогласия с самим Ф. Энгельсом. Он усомнился в искренности его интернационализма, усмотрев в его работах 1890–1891 годов ошибки такого же свойства, что и у Д. Бедного. А произошло это так. В.В. Адоратский, один из тогдашних «выдающихся» историков-марксистов, подготовил к публикации в «Большевике» русофобскую статью Энгельса «Внешняя политика русского царизма» (1890).

Сталин воспротивился. Он написал целый трактат для членов Политбюро, доказывая нецелесообразность помещения статьи в главном партийном журнале. В этом случае ее стали бы рассматривать как «руководящую», а она не такова и представляет собой всего лишь «памфлет против русского царизма», в котором Ф. Энгельс, явно увлекаясь, грешит против истины, переносит ответственность за деяния царизма на русский народ. «Опасность мировой войны, — значилось в этой статье, — исчезнет в тот день, когда дела в России примут такой оборот, что русский народ сможет Доставить крест над традиционной завоевательной политикой своих царей и вместо фантазий о мировом господстве займется своими собственными жизненными интересами внутри страны».

Далее в сталинском письме подчеркивалось, что русская история, внешняя политика правителей России «со всеми ее мерзостями и грязью вовсе не составляла монополии русских царей... Завоевательная политика также присуща — не в меньшей, если не в большей степени — королям и дипломатам всех стран Европа. (Это, помимо всего прочего, имеет непосредственное отношение и к известному тезису Покровского об «абсолютном зле» в истории, и к положению о России как «тюрьме народов», в сравнении с которой многие страны Запада по результатам их многовековой национальной политики заслуживают наименования «кладбища народов».)

Самым же неприятным для всех ультра-интернационалистов было обвинение Сталиным Энгельса в обыкновеннейшем немецком национализме, ибо в письме на имя Августа Бебеля в 1891 году он прямо утверждал, что грядущую войну буржуазной Германии с царской Россией следует рассматривать не империалистической, не грабительской, не антинародной, а освободительной. «Победа Германии, — писал Ф. Энгельс, — есть, стало быть, победа революции... Если Россия начнет войну, — вперед на русских и их союзников, кто бы они ни были!» (Большевик. 1941. № 9).

Развенчание одного из классиков, без сомнения, было явным признаком отхода от некритического ультраинтернационализма, безраздельно властвовавшего над умами главных идеологов в СССР. Имя Маркса, не скрывавшего неприязни к России и славянским народам, тогда названо не было. Ценный обзор замалчивавшихся работ К Маркса, исполненных такой неприязнью, выполнен историком русского зарубежья Н.И. Ульяновым (1969). Одна из таких работ К. Маркса «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» впервые полностью на русском языке опубликована только под занавес «перестройки» (Вопросы

истории. 1989. № 1–4).

Почему бухаринская трактовка общности советских людей была не принята властью

Реакция на реабилитацию понятий «родина» и «патриотизм» в СССР тоже была неоднозначной. Два года спустя после издания знаменитой правдинской статьи «За родину!» заведующий отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Б.М. Таль вынужден был дать жесткую установку тогдашним СМИ: «Кое-кто думает еще, что слово «патриотизм» — не наше слово, что оно не сочетается со словом «советский». Это — глубочайшая ошибка, которую должна рассеять наша печать».

Одну из важнейших ролей в исправлении подобных «ошибок» и в утверждении новых советских идеологиях должен был, видимо, сыграть Н.И. Бухарин. В феврале 1934 года он получил назначение на пост ответственного редактора газеты «Известия» и контролировал ее вплоть до августа 1936 года (официально числился редактором до 16 января 1937 г.). Будучи арестованным, писал Сталину 10 декабря 1937 года, что «в связи с предвоенным временем» ему стала вполне понятной «большая и смелая политическая идея генеральной чистки» от всех «а) виновных, в) подозрительных и с) потенциально подозрительных». Страстно желая остаться среди чистящих, Бухарин соглашался быть высланным в Америку, уверял, что проведет там «кампанию по процессам, вел бы смертельную войну против Троцкого... вел бы это дело с большим размахом и прямо с энтузиазмом». За период редакторства «Известий» Бухарин поместил на страницах газеты немало своих статей, напрямую связанных с осмыслением изменений в жизни советского государства и общества, с сущностью рожденных социализмом «новых форм общежития», с выработкой новой национально-государственной идеологии.

Уже в одной из первых публикаций нового ответственного редактора читателей «Известий», в том числе и оппонентов из «Социалистического вестника» и «Бюллетеня оппозиции» (а главное, их возможных сторонников в СССР), заверяли, что СССР остается государством, в котором пролетариат впервые обрел «свое отечество», сиречь «свою пролетарскую родину». Процесс рождения последней предлагалось рассматривать как процесс завоевания пролетарского отечества и борьбы за государственную власть, сопровождающиеся «крупнейшими перегруппировками классов и огромными идеологическими сдвигами». Само понятие родины наполнялось при этом конкретным и все более многообразным содержанием. Бухарин предлагал различать сначала «идею» пролетарской родины, потом ее «первые исторические наброски», затем «первые фазы ее реального развития» и, наконец, социалистическую родину как «огромный полнокровный организм». Вместе с тем автор успокаивал не в меру огорченных приверженцев старых догм, заверяя, что любовь к родине, равно как и советский патриотизм, «не есть зоологический расизм, шовинистическое мракобесие, глупая национальная ограниченность и тупоумие буржуазных патриотов. Это есть любовь к труду, культуре, историческому будущему человечества, любовь к самым благородным идеям века». Главное — «советский патриотизм есть доблесть всего международного пролетариата, который хочет победить и который победит наверняка» (Известия. 1934.6 июля).

Новое соотношение сил, возникшее с появлением на международной арене гитлеровского политического режима, стало основой бухаринского прогноза развертывания последующих событий планетарного масштаба. Ответ на вопрос, каким будет мир, для Бухарина не представлялся сложным и был дан в характерном для автора трагедийно-оптимистическом духе. Он писал, что сейчас претендентами на власть, окончательную победу являются лишь фашизм и коммунизм». Либерально-демократические силы всех видов виделись им как находящиеся в положении наименьшего исторического «благоприятствования». Победа коммунизма в предстоящей «циклопической борьбе гигантов» не вызывала у автора никакого сомнения. «СССР не боится войны, — заявлял Бухарин, возвращаясь к этому вопросу некоторое время спустя. — Не боится постольку и в

том смысле, что считает свою победу обеспеченной. <...> Великие завоевания социалистической страны, сплоченность народных масс, единство партии, качества великолепного руководства сыграют свою решающую роль». В случае если дело дойдет до войны, то стареющий капитализм никак не сможет выиграть сражение. После же того как «засияет красная звезда по всей земле», по уверениям Бухарина, «все процессы мировой стройки пойдут гораздо быстрее, чем шли у нас: будет взаимная помощь, не будет никакого «окружения», могучая техника взлетит на огромные высоты»; «мировая община коммунизма осенит своим крылом все страны»; прошлое сохранится в «Организованной памяти человечества» лишь как эпоха варварства, вспоминать о которой человек будущего станет с чувством благодарности к «тем смелым, что смели капитал: пролетариям — простым и благородным героям».

Таким образом, было найдено ключевое понятие, послужившее в дальнейшем основой представлений о сущности той общности людей, которая, согласно Н.И. Бухарину, оформлялась в Советском Союзе в 1930-е годы. В передовой статье «Известий» от 27 января 1935 года о ней было сказано: «Трудящиеся массы Союза разных национальностей сплотились в героический народ нашей страны». СССР представлялся теперь Бухариным как носитель «великой идеи целостного человечества, в котором не будет классов и в котором все народы, все нации будут объединены в едином организованном обществе коммунизма». В более конкретном плане СССР рассматривался как «уже новый мир, мир братства, составная часть будущей всечеловеческой общины», знаменующая второе рождение человечества — «не как биологического вида, а как единого и целостного человеческого общества».

В обстановке своеобразного головокружения от успехов на самых различных направлениях перестройки страны в 1934–1936 годы из уст отечественных влиятельных политиков прозвучало немало прокламаций, явно завышавших уровень реальных достижений. Г.Е. Зиновьев, представляя в апреле 1934 года читателям сборник статей и речей И.В. Сталина по национально-колониальному вопросу, утверждал, что «теперь национальный вопрос в СССР разрешен, и наше разрешение этого вопроса служит великим образцом для всего мира». Секретарь ЦИК А.С. Енукидзе, обосновывая необходимость пересмотра Конституции СССР, заявил в феврале 1935 года: «К VII съезду Советов Союза ССР наша страна пришла с огромными победами. Социализм победил окончательно и бесповоротно». Секретарь Исполкома Коминтерна Д.З. Мануильский доложил то же самое в августе 1935 года Всемирному конгрессу 3-го Интернационала: «Между VI и VII конгрессами Коммунистического Интернационала произошло крупнейшее в жизни народов событие — окончательная и бесповоротная победа социализма в СССР». Выступая в июне 1935 года с речью на сессии ЦИК Татарской АССР, член Политбюро А.А. Андреев отметил череду празднования в СССР юбилеев и «огромных успехов», достигнутых национальными областями и республиками. «Мы вправе сказать, — заявил он в этой связи, — что национальный вопрос в нашей Советской стране может считаться окончательно решенным. Мы его решили не только для себя, но дали образцы решения национального вопроса и для рабочих других стран в грядущей мировой пролетарской революции» (Известия. 1935.6 июля).

В полном соответствии с духом времени Н.И. Бухарин находил тогда явно устаревшим и смешным гоголевское уподобление России птице-тройке, которая быстро мчится в неизвестную даль. Нех восклицал Бухарин, «она мчится на сверхмощных паровозах! И она имеет определенный маршрут: она идет к станции, имя которой — великая мировая коммунистическая община». Он утверждал также, что в стране складывается «настоящая и истинная человеческая культура» и, главное, — здесь вырастает новая историческая общность людей. В наиболее развернутом виде представления о ней изложены в специальной статье под названием «Героический советский народ», опубликованной 6 июля 1935 года.

Новая общность, утверждал Н.И. Бухарин, вырастает на основе обобществления

производства и новых отношений собственности; «мы движемся к бесклассовому обществу»; «идет великое объединение творческих сил общества»: колхозное крестьянство в своем общественном бытии, а, следовательно, все более и более и в своем общественном сознании, приближается к рабочим. Эти классы вместе с интеллигенцией и другими социальными категориями «необычайно быстро и плотно объединяются на базе растущего единого социалистического хозяйства». На этой же базе идет объединение и по второй линии — «по линии все более и более тесного единства между трудящимися разных национальностей: единство цели, единство руководства, единство планового хозяйства, колоссальное возрастание реальных связей — хозяйственных и культурных, — все это приводит к необычайному сплочению народов, развивающих свою (ибо национальную по форме) и в то же время общую (ибо социалистическую по содержанию) культуру». Объединение творческих сил по этим двум линиям в итоге и порождает новую общность. «Так, — резюмирует Бухарин, — вырастает новая реальность: «героический советский народ», многонациональный и объединяющий силы пролетариата, колхозного крестьянства и советской интеллигенции с «головной» своей пролетарской частью, переделывающей всех по образу своему и подобию». Процесс этот, считал нужным специально отметить создатель концепции новой общности, еще не подошел к своему завершению, «ибо есть остатки старых порядков» в экономике и в сознании людей.

В последующих работах, констатируя появление все новых и новых факторов и примет ускоряющегося сплочения советского общества, Н.И. Бухарин писал, что процесс формирования новой исторической реальности приобретает более законченные очертания. Подводя итоги «революционного» 1935 года, он вновь отметил, что на основе необычайно быстрого сближения колхозного крестьянства с рабочим классом, гигантского роста новой интеллигенции, высокого подъема национальных республик и областей, расширения связей между народами вкупе с «неслыханно быстрым развертыванием великой демократии» «сам собой получается вывод об образовании в новом смысле, как более или менее однородной величины — советского народа, совокупности работников социалистического общества, превращающегося в общество бесклассовое». В статье от 1 мая 1935 года Бухарин вновь пишет об «огромной исторической истине» по поводу того, что «целое» впервые создается в СССР: «Хозяйственное единство — социалистическое народное хозяйство — с точки зрения классов, означает растущее единство масс, решительное сближение между пролетариатом, крестьянством, служащими (в том числе с интеллигенцией), и таким образом «создается у нас единый народ, взятый не как этнографическая, а как социальная категория. С другой стороны, на основе ленинско-сталинской национальной политики, материального и культурного роста национальных областей, создается новая многонациональная общность, единый советский народ, с новым содержанием, где, при росте национальных культур, вырастают теснейшие узы нерушимой дружбы наций». Наконец, в одной из своих последних статей, опубликованной 14 июня 1936 года после полуторагодичной разработки темы, Н.И. Бухарин пришел к констатации: «У нас впервые вырос целостный народ, единый и суверенный, консолидированный и по вертикали (классы), и по горизонтали (нации)».

Конкретизируя этот вывод, редакционная статья «Известий» утверждала, что основные перемены в отношениях между нациями в СССР и завершающий этап становления новой общности приходятся на последние три года. «С 1934 года не только произошло сближение между рабочими, крестьянами, интеллигенцией, но и между народами Союза. И по линии классов, и по линии наций произошло громадное сплочение всех в единый многонациональный советский народ, общая родина которого — СССР». В ходе всенародного обсуждения проекта новой Конституции газета публиковала предложения читателей узаконить представления о советской нации. «А еще лучше, — значилось в одном из писем, — если у нас будет нарождаться новая национальность — советская национальность. Это самый правильный и почетный выход из положения». В последней из своих статей Н.И. Бухарин провозглашал, что «пролетариат стал носителем идеи нации, интернационализм понес знамя национальных культур», а в СССР «история сложила

первый, громадной прочности, массив междунационального социалистического товарищества» (Известия. 1936.6 июля).

Однако Н.И. Бухарину не удалось стать признанным родоначальником теории новой общности, хотя все основания для этого были налицо. Дело в том, что героический советский народ в его понимании возникал, в сущности, на отрицании национальных традиций и ценностей народов, на месте якобы аморфной, малосознательной массы в стране, где обломовщина была самой универсальной чертой характера, на месте многонациональной России способной вызывать, по Бухарину, лишь презрительное удивление: «Эта расейская растяпа! Эти почти две сотни порабоженных уродов, растерзанных на куски царской политикой! Эта азиатчина! Эта восточная «лень»! Эта неразбериха, безалаберщина, отсутствие элементарного порядка!» (Известия. 1936.21 января). В этой связи становится особенно понятным выступление Бухарина против поэтов Павла Дружинина и Сергея Есенина в поистине «Злых заметках», опубликованных в «Правде» 12 января 1927 года. Демонстрируя крайнюю степень классового шовинизма, Бухарин не мог простить П. Дружинину простой констатации факта:

О, Русь чудесная! Жива ты,
Как живы русские блины».

С возмущенным изумлением литературовед из Политбюро отнесся и к строчкам:

«Своя земля как кладень древний.
Над ней кочуют свет и мрак.
И в каждой хате есть царевна,
И в каждой улице дурак.
На них цветные сарафаны
И заливчатские штаны...
На кой же чорт иные страны,
Кромя советской стороны!»

С готовностью согласившись с поэтом насчет дураков и их Изобилием на Руси, «литературовед» отметил не только стилистические ошибки стиха, но и фактические. Царевны, дескать, «потеряли популярность в народе», посему «в свое время были немного перестреляны». А сквозящее в стихах настроение, что-де неплохо было бы заняться сохранением исконных ценностей России и обустроить ее по-человечески, вместо того чтобы осчастливливать другие страны, было расценено Н.И. Бухариным как покушение на святая святых — саму идею мировой революции.

Позиция поэта была квалифицирована с пролетарской прямоотой. Ему, как и всем другим «господам, неумеренным потребителям блинов», было заявлено: «Это уже не только «национальная ограниченность», это просто-напросто шовинистическое «свинство» и «юродство», которое входит как составная часть в «совокупную идеологию новейшего национализма «а ля мужик росс»». В этом же ключе оценивалось и творчество Сергея Есенина, «Идейно Есенин, — по Н.И. Бухарину, — представляет самые Отрицательные черты русской деревни и так называемого «национального характера»... обожествление самых отсталых форм Общественной жизни вообще», которое опять же проявляется «под колпаком юродствующего квазинародного национализма», оценке Есенина как националиста бухаринская позиция вполне совпадала с троцкистской. (Л.Д. Троцкий не мог простить слов, оброненных им однажды за столиком в берлинском ресторане, что, мол, «не поедет в Россию, пока там правит Троцкий-Бронштейн». Именно эти «националистические» слова и стали, как полагают современные есениноведы, причиной убийства поэта в Ленинграде 24 декабря 1925 г.) Талант национального русского поэта для деятелей типа Троцкого и Бухарина был своего рода отягчающим обстоятельством. Именно из-за своего таланта С.

Есенин становился особенно вредным и нетерпимым, поскольку талантливо воспевал не «великие образцы борьбы за свободу и социализм», а совсем иное — якобы наше «рабское прошлое».

Вероятно, у Н.И. Бухарина мог также быть и сугубо личный мотив присмотреться внимательнее к поэзии Есенина. Дело в том, что 16 ноября 1924 года в тифлисской газете «Заря Востока», а вскоре и в московском журнале «Прожектор» (1925. № 2) появились первые публикации есенинского стихотворения «Русь бесприютная». В 1926 году оно было включено во второй том «Собрания стихотворений» Есенина. Поэт вспоминает в нем недавнюю братоубийственную Гражданскую войну — «эту дикость подлую и злую», которая помимо всего прочего обездолила, превратила в беспризорников сотни тысяч детей.

«Мальчишки лет семи-восьми
Снуют средь штатов без призора
Бестелыми корявыми костями
Они нам знак
Тяжелого укора».

В иных условиях, говорит Есенин об этих беспризорниках, снующих между советскими республиками (штатами),

«то были б тысячи
Прекраснейших поэтов»,

и продолжает:

«В них Пушкин,
Лермонтов,
Кольцов,
И наш Некрасов в них,
В них я.
В них даже Троцкий, Ленин и Бухарин.
Не потому ль моею грустью
Веет стих,
Глядя на их
Невымытые хари».

Нарочитая двусмысленность стиха бросала тень на трех политических олимпийцев страны, в особенности — на Н.И. Бухарина. Как известно, рифма имеет и смысловое значение. Возвращая читателя к определенной строке, она выделяет и ассоциативно связывает срифмованные слова, усиливая их смысловую роль. Этим стремлением к увеличению выразительности, смысловой насыщенности стиха и вызвана эмоционально заостренная рифма «Бухарин — хари». Не исключено, что знаток и ценитель поэзии Н.И. Бухарин, сознавая силу воздействия рифмы на читателя, не мог оставить ее без внимания. Возможно, эта деталь также сыграла свою роль в формировании отношения политика к поэту. По крайней мере, приличных слов в его адрес в «Злых заметках» Бухарин явно не выбирал. В публикациях произведений Сергея Есенина с 1926 по 1990 год выделенные выше строки не приводились и даже положенные в таких случаях отточия в текстах не ставились.

Выступая 26 января 1927 года с речью на XXIV Ленинградской губпартконференции, Н.И. Бухарин в разделе «Наша политика в национальном вопросе» вновь отметил «главную опасность»: больше всего должен сказать о великорусском шовинизме. Недавно мне случилось в «Правде» выступить против Есенина, потоку что значительная часть нашей литературы в настоящее время прямо вопит на «истинно русский» лад». Эти и подобные

откровения Бухарина в наше время широко представлены в печати, как СО знаком «плюс», так и со знаком «минус». Вряд ли можно принимать их просто как некие «призрачные хулы на покойного Николая Бухарина за (покойного же) Сергея Есенина». Значимость их важнее.

Бухаринское клеймо на имени поэта проступало довольно долго. Поэты есенинского круга подвергались репрессиям на протяжении всех 1930-х годов. Ныне эти мрачные страницы отечественной культуры включены в книгу С.Ю. и С.С. Куняевых «Растерзанные тени» (1995). Нелишне напомнить также, что в 1949 году Секретариат ЦК ВКП(б) уволил директора издательства «Советский писатель» Г.А. Ярцева, в вину которому было поставлено включение в издательский план 1949 года около трех десятков книг, названных «идейно-порочными». В их числе фигурировал и Сборник избранных произведений С. Есенина. Тем не менее можно утверждать, что в основном «реабилитация» есенинской поэзии (как и многих других величайших русских национальных ценностей) произошла в годы Великой Отечественной войны. Гораздо раньше обнаружилась несостоятельность бухаринских оценок поэта и голоса родной русской земли, звучащего в его стихах. По крайней мере, к 1936 году Н.И. Бухарин как большевик стал уже явно «неактуален» из-за своей «негибкости» в русском вопросе. Именно тогда он был впервые и самым грубым образом одернут за «ошибку», которая до недавнего времени никому не ставилась в вину — за откровенную русофобию, что, впрочем, было сделано своевременно: на горизонте маячила война, и такое непочтение к народу, получившему уже с высочайшего сталинского соизволения титул «первого среди равных» советских народов и «великого», становилось явным анахронизмом, ибо, как указала «Правда» от 1 февраля 1936 года, «ненависть к русскому народу включает в себя, конечно, ненависть ко всему советскому». Отныне коммунистам не подобало трактовать историю в духе «легкого интернационализма» (именно это словосочетание было выбрано для определения сущности бухаринской теории) и нерасчетливо «отгораживаться от положительной оценки прошлого своей страны». Как в этой связи не вспомнить Ф.М. Достоевского, написавшего в свое время: «Стать русским значит перестать презирать народ свой».

Подобные же коррективы вносились и в отношении к русскому художественному наследию. «Советским художникам, — давала новую установку «Правда» (1937. 13 августа), — следует помнить, что интернационализм «интернационализму» рознь. Один из них, подлинный ленинско-сталинский интернационализм, основан на чувстве национальной гордости художника своим народом, то есть тем вкладом, который этот народ тоже вносит во всемирное дело борьбы за социализм. И есть другой «интернационализм», левацко-нигилистический, основанный на чувстве полного равнодушия и презрения к народу своей нации. Художник, исповедующий такой, с позволения сказать, «интернационализм», ратует за безнациональное искусство, искусство «вообще» просто потому, что ему одинаково безразлична и чужда героическая борьба как своего, так и остальных народов. Этот анархический безнационализм «Иванов, не помнящих родства» основывается на отказе художников от демократических и социалистических элементов национальной культуры своего народа, на отказе от лучших традиций русского реалистического искусства и присущ формализму». В частности, резкой критике была подвергнута позиция «авербаховского приспешника» А. Михайлова, утверждавшего в ходе дискуссии по вопросам искусствознания, что «ни о каком специфике национального искусства не может быть и речи», и, к примеру, в условиях начала 1930-х годов, «в области русского населения нет национального искусства. Искусство там развивается не в форме национального, великорусского искусства, оно развивается в формах тех художественных выражений, которые имеются у нас вообще, — скажем, — пролетарское искусство, мелкобуржуазное искусство и т. д.». «Правда» призывала русских советских художников отбросить подобное «левацко-нигилистическое отношение к истории своего народа и его культуры».

Будущность наций и Конституция 1936 года

Сталин, по сравнению со многими другими наследниками дела Ленина в России, оказался в состоянии в наибольшей степени освободиться от врожденной русофобской болезни. Преодоление национальных различий в обстановке 1930-х годов он видел иначе, чем, к примеру, Н.И. Бухарин. В отличие от последнего Сталин ничего не писал о новой общности или новой нации, но Поступал в соответствии со своим видением пути к «светлому будущему». 18 марта 1929 года он закончил работу над статьей «Национальный вопрос и ленинизм», в процессе создания которой пришел к выводу о том, что в будущем, прежде чем национальные различия и языки начнут отмирать, уступая место общему для всех мировому языку, сначала будет происходить их объединение вокруг «зональных экономических центров для отдельных групп наций с отдельным общим языком». Сталин, однако, посчитал тогда несвоевременным публиковать это откровение, хотя возможности такие у него имелись. По-видимому, причина заключалась в том, что вывод Сталина по существу мало чем отличался от положений, критиковавшихся им самим у Троцкого, Зиновьева, других представителей «левацкого интернационализма» и весьма сомнительных, на наш взгляд, «уклонистов к великодержавному шовинизму».

Новое качество в общности советских народов было отмечено в связи с выводом о завершении перехода к социализму и принятием Конституции СССР 1936 года. По Сталину, она стала результатом уничтожения эксплуататорских классов, «являющихся основными организаторами междунациональной драки», наличием у власти класса — носителя идей интернационализма; фактического осуществления взаимной помощи народов во всех областях Хозяйственной и общественной жизни; наконец, результатом расчета национальной культуры народов СССР. «Изменился в корне облик народов СССР, исчезло в них чувство взаимного недоверия, развилось в них чувство взаимной дружбы и наладилось, таким образом, настоящее братское сотрудничество народов в системе единого союзного государства». Подчеркивалось далее, что в отличие от буржуазных конституций, в основе своей являющихся «националистическими, т. е. конституциями господствующих наций», новая Конституция СССР, наоборот; — глубоко интернациональна. Она исходит из того, что все нации и расы равноправны независимо от их прошлого и настоящего положения наделены одинаковыми правами во всех сферах хозяйственной, общественной, государственной и культурной жизни общества», и обращает на себя внимание, что Конституция СССР 1936 года конституции союзных республик, принятые на ее основе, не упоминали о национальных меньшинствах, о существовавших в то время национальных районах и сельсоветах. Исключение состав — Конституция Узбекской ССР, особо выделявшая среди районов республики два национальных района: казахский — Верхне-Чирчикский и казахо-каракалпакский — Кенимехский. Все остальные союзные и автономные республики такого выделения не делали. Ожидалось же, что по новой Конституции союзные республики помимо автономных республик и областей будут иметь в своем составе десятки национальных округов и районов (Революция и национальности. 1936. № 10). Ничего не говорилось и о политике «коренизации», которой придавалось большое значение на предыдущем этапе развития. Сталин объявил, что в Советский Союз входило «около 60 наций, национальных групп и народностей», несмотря на то, что перепись населения 1926 года фиксировала в три раза больше национальностей, проживающих в стране. Все это не могло не говорить о коренном изменении политики в отношении национальных меньшинств и малых народов. Поощрявшийся ранее процесс развития национальных меньшинств, их языков и культуры направлялся в новое русло.

В начале 1936 года пресса отмечала большие успехи на языковом фронте строительства социалистической культуры, выразившиеся, в частности, в переходе на латинизированный алфавит 68 национальностей, или 25 млн. советских граждан. Подчеркивалось, что Сталин с самого начала работы по созданию нового алфавита давал важнейшие руководящие указания по организации этого дела. Для развития успеха президиум Совета Национальностей ЦИК СССР предлагал созвать всесоюзное совещание по вопросам языка и письменности национальностей СССР и рассмотреть на нем широкий круг проблем, связанных с

развертыванием работы по оказанию систематической помощи национальностям в развитии литературного языка и научной разработки орфографии, терминологии и словарей, с подготовкой языковедческих кадров в центре и на местах. Однако И.В. Сталин и В.М. Молотов неожиданно выступили против созыва совещания.

Более того, в мае 1936 года отдел науки, научно-технических изобретений и открытий ЦК партии предложил осудить латинизацию как «левацкий загиб Наркомпроса и т. Луначарского», поскольку «враги» использовали ее для отрыва трудящихся национальных республик и областей от общей семьи народов СССР: «Прикрываясь разговорами о «международном характере» латинской основы, они отстаивали ориентацию на буржуазную культуру Западной Европы» (Источник. 1994. № 5). В феврале 1937 года секретарь Совета Национальностей ЦИК СССР прямо заявил, что наша задача — «это сближение алфавитов и даже родственных диалектов и языков отдельных национальностей», и прояснил в этой связи смысл оценки количества наций, прозвучавшей во время принятия новой Конституции: «Сталин указал, что в Советский Союз входят около 60 наций, национальных групп и народностей. Мы же во ВЦКНА только на латинской основе имели 71 алфавит. Видимо, в деле латинского алфавита кое-что есть по отношению к малым народностям надуманного и вредного, что не сближает малые национальности с основными народами, а разъединяет и отталкивает их». В результате появилось постановление Политбюро от 2 июля 1937 года, ликвидировавшее Всесоюзный центральный комитет нового алфавита (основан в 1925 году для осуществления языковой политики), как учреждения, выполнившего свою задачу.

Новая Конституция уже не рисовала перспективу превращения СССР в будущем в мировую республику. Она исходила из представлений об отечестве, суженном до реальных границ государства. Отношение к его прошлому резко менялось. Этот поворот был явно обозначен в год принятия Конституции. В начале 1936 года Бухарин, живописуя в «Известиях» блеск большевистских достижений в перестройке страны, привычно пытался усиливать их сопоставлениями с позорной отсталостью дореволюционной России, темнотой и убожеством ее народов. «Нужны были именно большевики... чтобы из аморфной, малосознательней массы в стране, где обломовщина была самой универсальной чертой характера, где господствовала нация Обломовых, сделать ударную бригаду мирового пролетариата!»

Упражнениям такого рода, начатым в свое время с легкой Ленина, было решено положить конец. Бухарина поправили так, будто решили провести через строй перед всей страной, приговор, предreshавший судьбу этого политического деятеля, был вынесен на страницы центральной партийной газеты. Передовая статья редактировавшейся Л.З. Мехлисом «Правды» от 30 января 1936 года гласила: «Только любители словесных выкрутасов, мало смыслящие в ленинизме, могут утверждать, что в нашей до революции «обломовщина была самой универсальной той характера», а русский народ был «нацией Обломовых»». Народ, который дал миру таких гениев, как Ломоносов, Лобачевский, Попов, Пушкин, Чернышевский, Менделеев, таких гигантов человечества, как Ленин и Сталин, — народ, подготовивший и решивший под руководством большевистской партии Октябрьскую революцию, — такой народ называть «нацией Обломовых» может лишь человек, не отдающий себе отчета в том, что он говорит.» Бухаринская статья была отождествлена с фашистской пивной «в доказательство того, что русские даже не люди», и с ненавистью, которая «в первую очередь направляется на русский народ» именно потому, что клеветники великолепно понимали реальную роль этого народа в борьбе за превращение России в «великую пролетарскую державу».

В свое оправдание Бухарин писал Сталину: «Я понимаю хорошо, что ты ведешь огромную большую политику, готовишь страну к великой победе, хочешь опереться на все достойное — в том числе и на великие национальные традиции. Поэтому особенно тебя резанула «нация Обломовых». Я же, как объяснял, хотел особо подчеркнуть национально-освободительную роль большевизма и рабочего класса. Нехорошо сделал» (Исторический архив. 2001. № 3). Однако, пытаясь исправиться, он уже не мог сойти с наезженной колеи. В

новой передовой статье редактируемой им газеты звучали старые мотивы: «Еще недавно имя «русский» было равнозначим имени жандарма, попа, карателя, купца-обиралы, было нарицательным именем политики, несущей голодную смерть, болезни и вымирание, гибель национальной культуры», и только теперь оно «стало близким и братским именем передового отряда борцов за социализм». «Правда» (1936.10 февр.) снова вознегодовала: «Разве «русский» вообще (русский народ?) был для трудящихся других народов «равнозначим имени жандарма»», разве он не боролся против жандармов? Утверждалось, что «в таком тоне о русских (вообще, в целом) говорили петлюровцы, дашнаки, грузинские меньшевики и федералисты, мусаватисты, алаш-ордынцы и т. п.».

«Правда» призывала преодолеть ««левацкий интернационализм», непонимание того, что коммунисты отнюдь не должны отгораживаться от положительной оценки прошлого своей страны». Дело изображалось таким образом, будто «партия всегда боролась против каких бы то ни было проявлений антиленинской идеологии «Иванов, не помнящих родства», пытающихся окрасить все историческое прошлое нашей страны в сплошной черный цвет». Однако тут же переносился акцент на предстоящую фазу этой борьбы: «Мы разгромим все гнилые, антиленинские концепции, клеветнически извращающие наше прошлое». Концепция, которую предстояло создать и утвердить, должна была отражать «богатый, полный глубокого содержания исторический путь, вписавший столько славных страниц в историю человечества». Хорошо знать «замечательную», как подчеркивалось, историю страны было необходимо, чтобы «со всей сознательностью любить свою великую Родину».

История должна быть великим оружием в борьбе за государственные интересы

Противостояние «Известий» и «Правды» в трактовке истории русского народа приобретало особое значение, поскольку вплеталось в контекст решения более масштабной задачи об исторической науке и историческом образовании в стране. 27 января 1936 года газеты напечатали постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР создания специальной комиссии под руководством Жданова для просмотра, улучшения, а в необходимых случаях и для переделки уже написанных учебников по истории». Были опубликованы также «Замечания» Сталина, Жданова и Кирова по поводу конспекта учебника по истории СССР от 8 августа 1934 года. Передовица «Правды», разъяснявшая смысл этих документов, призывала Историков к борьбе «с анти-ленинскими традициями школы Покровского и в методе и в конкретной картине русской истории», к ликвидации присущих этой школе «полуменьшевистских полуцентристских идей и троцкистской контрабанды». СНК и ЦК указали, что «задача преодоления этих вредных взглядов» имела важнейшее значение для дела нашего государства, нашей партии и для обучения подрастающего поколения». «Пришло время... — писал в том же номере газеты один из членов конкурсной комиссии, — чтобы мы дали нашей молодежи учебники истории, готовящие ее к предстоящим великим боям на международной арене. История в руках большевиков должна быть конкретной наукой, объективной правдой и тем самым великим оружием в борьбе за социализм».

Знаком решительных перемен на историческом фронте стала ликвидация Коммунистической академии, возглавлявшейся ранее Покровским. К преодолению ошибок его школы были привлечены ранее осуждавшиеся как «великорусские националисты» Историки дореволюционной школы (С.В. Бахрушин, Ю.В. Готье, Греков, В.И. Пичета, Е.В. Тарле, А.И. Яковлев и др.). Выученики школы Покровского» (Н.Н. Ванаг, А.Г. Пригожин, С.Г. Тъмсинский, Фридлянд и др.), не сумевшие правильно сориентироваться в новых условиях, были репрессированы. Основание «национальной школы советских историков связывается с именем ученика Ключевского академика Б.Д. Грекова, возглавлявшего академический институт истории в 1937–1953 годах.

Новизна «подлинной» концепции была связана с трактовкой места и роли русского народа в отечественной и мировой истории. Уже первая статья-отповедь Бухарину утверждала: «Трудящиеся всех наций Советского Союза на деле знают, какую огромную

помощь оказал им великий русский народ. Они идут с ним рука об руку по одному пути, к одной цели». Тема эта развивалась в последующих статьях: «Все народы — участники великой социалистической стройки — могут гордиться результатами своего труда; все они — от самых маленьких до самых больших — полноправные советские патриоты. И первым среди равных является русский народ, русские рабочие, русские трудящиеся, роль которых во всей Великой пролетарской революции, от первых побед и до нынешнего блистательного периода ее развития, исключительно велика». «Наш великий народ, давший такие блестящие образцы борьбы за освобождение человечества... занимает почетное место в братской семье трудящихся всех стран... На его богатейшей истории будут воспитываться многие поколения борцов за мировой коммунизм» (Правда. 1936.1,10 февраля).

Чем были нехороши «Богатыри» Демьяна Бедного

На протяжении 1936-го и последующих лет «Правде» и другим центральным изданиям приходилось не раз обращаться к русской теме и по другим поводам. В канун принятия новой Конституции СССР значимость новой исторической концепции была наглядно продемонстрирована в случае с постановкой А.Я. Таировым в Камерном театре Москвы пьесы Д. Бедного «Богатыри». Герои былинного эпоса были выведены в спектакле в карикатурном виде. В сниженных комедийных тонах изображался князь Владимир и его дружина. Шаржировано нарисован княжеский двор и постоянно пьяные «застольные» богатыри из княжеской дружины, противопоставляемые богатырям настоящим — Илье, Добрыне. Положительными героями в комедии сделаны разбойники — Угар и его друзья из беглых крестьян. Интрига спектакля сводилась к приключениям витязя Соловья, который вместо княжны Забавы похищает княгиню Рогнеду, к сатирически изображенной женитьбе Владимира на болгарской княжне и к победе Угара с товарищами над Соловьем и богатырями из княжеской дружины.

В духе антирелигиозных кампаний 1920-х годов в спектакле было представлено крещение Руси. По тексту либретто, написанного Демьяном Бедным, князь только что крестил Русь. В отечественной истории это было несомненным шагом вперед в сравнении с язычеством. В спектакле же, согласно устоявшимся вульгарно-атеистическим канонам, событие подавалось в издевательском духе, как якобы произошедшее исключительно «по пьяному делу». Князь «*винища греческого вылакал, спьяну смуту и народе сделал*», только и всего. Что касается самой религии, то «*старая вера пьяная была, / А новая и того пуще*».

Спектакль был поспешно представлен отдельными театральными критиками как «восхитительная вещь» и даже как некая «русификация» Камерного театра, проведенная «с большой сдержанностью и вкусом». В рецензии на спектакль отмечалось: подлинные богатыри (удалые разбойники во главе с Фомой) — это народ; (Владимировы богатыри ничтожны и жалки, именно они олицетворяют слабую и отсталую Древнюю Русь; получилась подлинная народно-комическая опера; рабочий зритель приветствовал автора и участников спектакля от имени его первых зрителей).

Казалось, что постановку с использованием музыки великого русского композитора А.П. Бородина ожидал большой успех в сравнении со спектаклем «Крещение Руси», однако реакция на «Богатырей» оказалась совершенно иной. На премьере спектакля был Председатель СНК СССР В.М. Молотов. Посмотрев один акт, он демонстративно встал и ушел. Режиссеру передали его возмущенную оценку: «Безобразие! Богатыри ведь были замечательные люди!». Пьеса Д. Бедного никак не соответствовала изменившемуся Прощению к истории, и она была незамедлительно осуждена специальным постановлением Политбюро ЦК от 14 ноября 1936 года. В нем отмечалось, что опера-фарс «а) является попыткой возвеличения разбойников Киевской Руси, как положительный революционный элемент, что противоречит истории и насквозь фальшиво по своей политической тенденции; б) огульно чернит богатырей русского былинного эпоса, в то время как главнейшие из богатырей являются в народном представлении носителями героических черт русского

народа; в) дает антиисторическое и издевательское изображение крещения Руси, являвшегося в действительности положительным этапом в истории русского народа, так как оно способствовало сближению славянских народов с народами более высокой культуры». В результате пьеса была запрещена и снята с репертуара как чуждая советскому искусству. Главе комитета по делам искусств при СНК Союза ССР П.М. Керженцеву предложено написать статью для «Правды» в духе принятого решения. Уже на следующий день статья была опубликована. Спектакль был подвергнут в ней подлинному разгрому. Официальная реакция на постановку, усиленная многочисленными собраниями творческой интеллигенции, воочию демонстрировала серьезность намерений власти отбросить негодные традиции в изображении «замечательной» истории русского народа.

При обсуждении постановки на многочисленных собраниях деятелей театра, в СМИ звучала резкая критика искажения в пьесе Демьяна Бедного древнейших, отраженных в эпосе и летописях пластов русской истории. И действительно, по позднейшим оценкам, спектакль был, если мыслить о нем в булгаковских образах, как бы совместной стряпней Швондера и Шарикова, которая переходила все границы в оплевывании Родины. Поэтому вряд ли можно удивляться, что новый опус Д. Бедного был осужден как «печальная отрывка» вывихов, отмеченных Сталиным еще в декабрьском (1930) письме поэту. И автор пьесы, и Камерный театр во главе с Таировым, по словам руководителя Всесоюзного комитета по делам искусств П.М. Керженцева, своей новой постановкой «радовали» не народы Союза, а «только наших врагов», поскольку героика русского народа, богатырский эпос, дороги большевикам, как дороги «все лучшие героические черты народов нашей страны».

Наиболее резкая критика прозвучала, пожалуй, со стороны литературных собратьев незадачливого автора пьесы. Выступая на бюро секции поэтов Союза советских писателей, А.А. Сурков говорил: «Вся пьеса Демьяна Бедного проникнута вульгарным отношением к вопросам истории. Фашистская литература говорит, что в России нет народности, не имелось и государственности. В связи с такой трактовкой вся концепция Демьяна Бедного имеет политически вредное направление». В таком же духе отзывался о «Богатырях» и А.А. Фадеев. В пьесе, по его мнению, автор «вольно или невольно, но твердо проводил идеологию фашистов, пытался опорочить народных героев прошлого, дал неверное описание русской истории». О сознательном проведении фашистской идеологии, говорить, очевидно, не стоило. Однако осудить очередное русофобское искажение отечественной истории было не только справедливо, но и необходимо.

Критика русофобии в работах Н.И. Бухарина, Д. Бедного и др. явно направлялась из высших кремлевских сфер. Однако она отнюдь не говорила о переходе Сталина и всего его окружения на националистические русофильские позиции. Интернационализм — доктрина, предполагающая, в конечном счете, преодоление национальных различий, иначе говоря, доктрина национал-нигилистическая, нациофобская по своей природе. Русская нация в силу своей многочисленности и устойчивости могла вызывать у интернационалистов наибольшие опасения насчет осуществимости их замыслов. Освободиться от русофобии большевики-интернационалисты так просто не могли. Вопреки доктрине приходилось маскировать свой генетический порок, постепенно выходить на путь уступок русским национальным чувствам, использовать русский национализм для достижения тактических целей, в частности для того, чтобы умерять чрезмерные притязания националистов иных национальностей. Русофобия имеет не только нравственно-этические и социально-психологические измерения. В историческом плане ее можно определить как политику, с большим трудом совершающую переход от национально-нигилизма к признанию благотворной роли национальной идеи, национального и национально-государственного патриотизма. В наибольшей степени национальный негативизм в истории нашей страны в XX веке сказался и сказывается на русской нации. Отсюда — русофобия как игнорирование и боязнь русского национального фактора при решении политических судеб России и решении русского национального вопроса.

Как троцкисты-бухаринцы были национал-шовинистами

По Сталину, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин и их последователи исходили из того, что «при победе социализма нации должны слиться воедино, а их национальные языки должны Превратиться в единый общий язык», что «уже пришла пора для того, чтобы ликвидировать национальные различия». В заключительном слове по докладу на XVI съезде партии (1930) Сталин демонстративно подчеркнул: «Теория слияния всех наций, скажем, СССР в одну общую великорусскую нацию с одним общим великорусским языком есть теория национал-шовинистическая, теория антиленинская», а будущий общий язык не будет великорусским.

Сопоставление положений цитируемого доклада и написанной несколько ранее его же статьи обнаруживает: отличие И.В. Сталина от «уклонистов» заключается лишь в том, что последние были готовы форсировать процессы слияния наций уже в обстановке начала 1930-х годов, а Сталин эту же задачу выносил в неопределенное но, по-видимому, не столь уж отдаленное будущее. Курсирование по рецептам «уклонистов» могло сопровождать гораздо большей степенью насилия над национальностями, чем при Сталине. Причислявшийся в недавнем прошлом к гуманистам Н.И. Бухарин в своем труде «Экономика переходного периода» (1920) «теоретизировал» на сей счет отнюдь не с гуманистических позиций: «Пролетарское принуждение во всех формах, начиная от расстрела и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи». Г.Е. Зиновьев призывал в 1918 году коммунистов Петрограда во имя торжества социализма пожертвовать каждым десятым россиянином. «Мы должны, — говорил он, — увлечь за собой 90 миллионов из ста, населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить — их надо уничтожать» (Северная Коммуна. 1918.19 сентября).

Отмежевываясь от «шовинистов», И.В. Сталин в начале 1930-х годов посчитал целесообразным выступить в роли правоверного интернационалиста и сполна получить дивиденды за осуждение политических противников и прислуживающих им «теоретиков» в известном уклоне, обнаружить каковой у каждого из них не составляло особого труда. Скажем, заявил А.И. Рыков в 1919 году, что «термин «независимость» по отношению к советским государствам распространяется главным образом на национально-культурную жизнь этих государств». Разве на этом основании нельзя осудить его за выдвигание концепции ограниченного национального суверенитета и великодержавие? Можно!

Реестр прегрешений такого рода у бывших соратников И.В. Сталина в начале 1930-х годов был составлен моментально. Стоит полистать 3–4 книги выходивших тогда журналов, и обнаружишь следующее. Выступавшему на VIII съезде партии (1919) Л.Б. Сунице припомнили его заявление о том, что пролетарская революция может победить только в том случае, если игнорировать национальные моменты, и что «принцип права наций на самоопределение должен быть отвергнут самым решительным образом». М.П. Томский заблуждался, утверждая: к самоопределению и национальному движению «мы относимся как к неизбежному злу». Роза Люксембург, ГЛ. Пятаков, Е.Б. Бош, Н.И. Бухарин, вместе взятые, виноваты, поскольку под их левой фразой «для пролетариата не существует национального вопроса» скрывается, по сути, «самый явный великодержавный шовинизм». Бухарин, в отдельности, уличался еще в том, что выступал против требований Сталина о необходимости борьбы с националистами на двух фронтах. Какое значение, спрашивал он, имеет узбекский шовинизм в международном масштабе? Другое дело — русский. Оказывается, «в этой недооценке значения «мелких» народностей и заключается, по существу, великодержавный подход, несмотря на анти-великодержавную фразеологию». Троцкист В.А. Ваганян был обвинен в забвении того, что лозунг национальной культуры является буржуазным только в условиях буржуазного государства и что он становится пролетарским под эгидой Советской власти. «Забыв об этом, Ваганян скатился к махровому

великодержавничеству, прикрываемому крылатыми фразами об интернациональной культуре». Г.Е. Зиновьев — «солидаризировался с ваганыновским отрицанием лозунга строительства национальной по форме пролетарской по содержанию культуры», за что лично Сталиным уличен как «сторонник колонизаторства». Он же, Зиновьев, уступал с пресловутой великорусско-шовинистической теорией борьбы двух культур, в соответствии с которой допускал, что на Украине при свободном развитии языков «через ряд лет победит дат язык, который имеет больше корней, более жизненный, более культурный» — русский, значит. Ему же, Зиновьеву, поставлена в вину констатация «чересполосицы» в государственном строительстве: «Единая централизованная партия и рядом с этим федерация государств. Тут одно должно уступить другому. Я думаю, не надо быть пророком, чтобы предсказать, что элементы федерации в государственном строительстве в будущем уступят чисто пролетарской тенденции к единству». К.Б. Радек, «один из видных руководителей люксембургизма», после решений X–XII съездов партии не просто уклонялся, а по буржуазному извращал учение партии по национальному вопросу. Он утверждал, что территории всех национальных советских республик «не имеют условий для самостоятельной жизни. Но если мы сегодня откажемся от Туркестана, то завтра он сделается английским... Поэтому окраины, которые мы имеем, мы должны удерживать в своих руках». Здесь — «ясное слияние люксембургизма с великодержавничеством».

Оказалось также, что А.И. Рыков, будучи председателем Совнаркома, якобы избрал его трибуну для того, чтобы «издеваться над национальной политикой партии». При обсуждении союзного бюджета он возражал против значительно более быстрого роста бюджетов остальных национальных республик по сравнению с ростом бюджета РСФСР и заявлял, что считает «совершенно недопустимым, что туркмены, узбеки, белорусы и все остальные народы «живут за счет русского мужика»». Хотя руководитель правительств СССР и РСФСР и не осмеливался выносить этот вопрос в ЦК партии, его выступление в Совнаркоме было расценено как воспитание своей группы на основе «великодержавной составляющей часть рыковской политической физиономии». Действительно, А.И. Рыков выделялся среди российских политических деятелей своим стремлением различать в конкретных регионах конкретные виды шовинизма, вовсе не обязательно великорусского. Например, он заявил на объединенном пленуме ЦК и ЦКК (июль — август 1927 г.), что РСФСР является наиболее отсталой из республик по оплате культработников. Так сказать, «великодержавная» народность была в этом отношении наиболее отсталой, отметил он. Наиболее передовыми в данном случае были Украина и Закавказье. Попытка выровнять положение была расценена украинскими товарищами как великодержавный шовинизм. «Было правильно, — замечал Рыков, — когда в Тамбовской губернии получали на 40–50 рублей меньше, это было в интересах национального самоопределения, а когда получают на 2–3 рубля больше, то это великорусский шовинизм». Показательно также высказывание председателя Совнаркома о том, что термин «колониальная политика» может употребляться «только в том смысле, что колониальная политика, например, Великобритании, заключается в развитии метрополии за счет колоний, а у нас колоний за счет метрополии».

Авторов обвинений «уклонистов» в великодержавничестве и великорусском национализме совершенно не смущало противоречие, игнорируемое при выстраивании своих инвектив. Зачастую оказывалось, что «великодержавники» (от Троцкого до Бухарина и Рыкова) были готовы к расчленению «великой державы» и раздаче ее по частям своим возможным зарубежным союзникам. С.М. Диманштейн, например, прежде чем самому попасть в число уклонистов, утверждал в своей книге «За ленинско-сталинский интернационализм» (1935), что организации вредителей — группа Л.К. Рамзина, меньшевистская группа В.Г. Громана и многие другие — имели в своем контрреволюционном идеологическом арсенале такое оружие, как великодержавный национализм, что контрреволюционная «Промышленная партия» пыталась назвать себя русской национальной партией. При этом обвинитель клеймил обвиняемых за то, что они якобы «предлагали мировым империалистам в уплату за интервенцию уступить Украину,

Закавказье, Белоруссию и т. д.».

Статья И.В. Сталина «Национальный вопрос и ленинизм» (1929) тоже неубедительно представляла оппонентов его национальной политики великодержавными националистами. Однако ко времени публикации становились актуальными другие положения этого «классического произведения». Приметы «второго этапа всемирной диктатуры пролетариата», на котором только якобы должны складываться зональные экономические центры «для отдельных групп наций с отдельным общим языком для каждой группы», начинали угадываться в Союзе ССР, поскольку зональный экономический центр (иначе говоря, всероссийский рынок) существовал здесь уже более века. Обвинений в уклоне К великодержавному национализму самому Сталину в 1949 году ждать было неоткуда.

Противодействие ассимиляции — контрреволюция?

Перспективы «окончательного» решения национального вопроса к концу 1940-х годов стали определеннее. Устоять перед соблазном форсировать интеграционные процессы в национальной сфере Сталину было, видимо, нелегко, ибо революционер он на то и революционер, чтобы форсировать все и вся. В данном же случае можно было и на высший авторитет опереться. Предупреждал же Ленин, что социализм есть «гигантское ускорение» сближения и слияния наций, а пролетариат «не только не берется отстоять национальное развитие каждой нации, а напротив, предостерегает массы от таких иллюзий». Сталин, как известно, любил повторять в нужный момент: «Против Ленина — не пойдем!»

По крайней мере, рассмотрение в Верховном Суде СССР дела группы лиц, связанных с работой Еврейского антифашистского комитета (май — июль 1952 г.), продемонстрировало, что выступать за развитие национальных культур в СССР в определенных случаях становилось уже просто небезопасно. По сути дела устанавливалось, что расцвет социалистических наций в его единственно правильной и законной интерпретации никоим образом не должен означать сопротивления ассимиляции, а тем паче борьбы против нее. Последнее расценивалось уже как преступление. Убедиться в этом позволяет диалог между генерал-лейтенантом юстиции А.А. Чепцовым (председателем Военной коллегии Верховного суда СССР) и И.С. Фефером (поэтом, бывшим секретарем ЕАК, одним из подсудимых по «делу ЕАК»):

ЧЕПЦОВ: ...Борьба против ассимиляции и составляет несуществующую еврейскую проблему которую пытался разрешить.

Это правильно?

ФЕФЕР: Да, верно... Но в тот период я часть того, что мы делали, не считал националистической работой. Я, например, не считал, что противодействие ассимиляции является националистической деятельностью.

ЧЕПЦОВ: Вы пришли в «Эйникайт» (Антифашистская газета на идиш, издававшаяся комитетом вплоть до его закрытия 20 ноября 1948 г. — *Авт.*) А чтобы бороться против ассимиляции за культурную автономию евреев?

ФЕФЕР: Нет, за рост еврейской культуры.

ЧЕПЦОВ: Но это тоже националистическая задача.

ФЕФЕР: Я тогда это не считал националистической задачей.

ЧЕПЦОВ: А борьба против ассимиляции, что это такое? Значит, вы вели с самого начала антисоветскую деятельность.

ФЕФЕР: Националистическую деятельность...

ЧЕПЦОВ: Что вы поправяете. Всякая националистическая деятельность есть антисоветская деятельность.

Л.М. Квитко, проштудировав в тюрьме труды Ленина и Сталина по национальному вопросу (а этим, как видно из материалов «дела ЕАК», усердно занимались и подследственные и следователи) и оценив свою роль в развитии национальной и интернациональной культуры в СССР, пришел к заключению, которое не вызвало никаких

поправок председательствующего, других членов суда, и, видимо, могло вполне удовлетворить самого Сталина. Это заключение, которое по своей претензии на глубину обобщения и категоричность можно назвать законом, гласит: «Еврейская культура была нужна, как нужна была и литература всех национальных меньшинств для того, чтобы к известному периоду подготовить массы на их родном языке к ассимиляции» (Неправедный суд. М., 1994).

Как видно из диалогов в Верховном суде СССР, «законные» представления о расцвете национальной культуры стали весьма своеобразными, превратившись в полную противоположность изначальному смыслу слова «расцвет». Представления о национальной культуре как таковой у А.А. Чепцова скорее соответствуют ваганяновской формуле, гласящей, что лишь «через уничтожение национальной культуры может быть достигнута подлинная общность культуры для всего общества». Фактически эта же мысль звучит и в выступлении сталинского соратника Л.М. Кагановича, осуждавшего на июльском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС националистическую деятельность Л.П. Берии. «В результате осуществления нашей политики по национальному вопросу, — говорил он, — на основе победы единого социалистического уклада в народном хозяйстве, мы создали новые социалистические нации. Эти социалистические нации нужно все больше и больше объединять для их расцвета, а не противопоставлять. Берия вел к разъединению наций».

Некоторые ученые, доказывая, что Сталин не был сторонником слияния наций и не мог проводить такой политики, приводят в доказательство сталинскую же отсылку к ленинской работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», где содержится указание на то, что национальные различия «будут держаться еще очень и очень долго после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе». Отсылка эта не должна бы никого вводить в заблуждение. Речь у В.И. Ленина идет о национальных различиях, а не о нациях как таковых. Между тем очевидно, что историческое время существования тех и других не совпадает. Иначе говоря, Ленин лишь констатировал, что придет время, когда наций не будет, а национальные различия (как производное от наций) еще сохранятся. Сталин же, на наш взгляд, для успокоения приверженцев национальной идеи и расцветающих наций неправомерно отождествил эти явления.

Отличительные черты сталинской национал-большевистской политики

Национальная политика, осуществлявшаяся советским государством с 1917 года до середины 1950-х годов, часто именовалась ленинско-сталинской. Тем самым подчеркивалось, кем именно определялись основы политики. Нередко политика называлась сталинской, и в этом тоже был свой резон, поскольку после Ленина именно Сталин практически направлял ее курс. Разумеется, истоки национальной политики связывали также с именами основоположников марксизма. Однако практическое значение для рассматриваемого периода имела сталинская интерпретация наследия К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина в теории национального вопроса.

Практическую национальную политику с 1930-х годов Сталин направлял по новому руслу, утверждая свой «национальный большевизм», нацеленный на превращение населения страны в некую новую общность людей, главной ценностью которой были бы реабилитированная в 1934 году своеобразная разновидность национализма — патриотизм, высокое понятие — Родина. Однако все это — и порядком подзабытые к тому времени понятия, и сама русскость, проступавшая в отличительных чертах утверждаемой новой общности, допускались не по особой любви, а по необходимости: вокруг русского народа сплотить новую общность было легче, чем на его отрицании. Выступая на заседании Политбюро 15 марта 1934 года, Сталин рассуждал здраво: раз русский народ в прошлом собирал другие народы, эту же роль он должен играть и сейчас. Поэтому уже к концу 1930-х годов утверждаются представления о русском языке как языке интернациональной культуры. При этом следует, конечно, иметь в виду, что русская культура сама по себе мало чего

стоила, если не становилась советской.

Приверженцы «левацкого интернационализма» до сих пор недоумевают. Дескать, неожиданно и ни к чему все это было, «поскольку раньше вся официальная идеология строилась на том, что советский человек в своих эмоциях и поступках руководствуется любовью к революции и коммунизму, чувством братства и солидарности с трудящимися всех стран, а не любовью к своему отечеству и к своему национальному корню. Понятия «отечество», «родина», «патриотизм» относились к миру призраков дореволюционного прошлого и несли отрицательный привкус старой, царской России. И вдруг эти слова... получили высшую санкцию — от самого вождя партии и государства» (Синявский А.Д. Русский национализм // Синтаксис. 1989. № 26). В качестве признаков постсталинской эпохи приверженцы такого «интернационализма» утверждают нечто противоположное. Предельно откровенно и четко его суть выражена Г.С. Померанцем в статье «Человек без прилагательного», обратившей на себя внимание читателей не только нашей страны, но и русского зарубежья. «У сверхдержав, — писал автор, — нет прогрессивной национальной задачи. Идея их может быть только вселенской, космополитической. Интеллигенция не имеет права на патриотизм. Она может опираться только на международную солидарность ученых, писателей, всех людей доброй воли через головы национального мещанства». По определению сегодняшних дней, «космополитизм означает бытие миром, в едином мировом гражданстве, в со-бытии, со-разумении, со-вести, со-знании. Ныне такое мировое согражданство не утопический проект, а тривиальное условие выживания». И для убедительности прибавляется: «Сама европейская культура есть живейший пример такого согражданства».

Сталинское учение о нациях, развиваемое в 1930–40-е годы без видимого вмешательства «главного теоретика национального вопроса» (до опубликования в 1949 г. работы 1929 г. «Национальный вопрос и ленинизм» и появления в 1950 г. «классического» труда по языкознанию), тем не менее уже при его жизни вплотную подошло к утверждению новых представлений о «социалистической исторической общности людей», возникающей в результате объединения отдельных групп наций вокруг зональных экономических центров и пользующихся отдельным общим языком. Н.И. Бухарин, как показано выше, в 1935–1936 годы создал своеобразную концепцию о советском народе как новой общности людей. Однако он не стал признанным родоначальником теории новой общности. Видимо потому, что «героический советский народ» и *homo soveticus* в его понимании возникали на отрицании национальных традиций и ценностей народов. В модифицированном виде эти идеи пытались воскресить и позже.

В 1944 году на совещании историков в ЦК ВКП(б) М.В. Нечкина предложила определить, что «советский народ — это не Нация, а какая-то более высокая, принципиально новая, недавно возникшая в истории человечества прочнейшая общность людей. Она объединена единством территории, принципиально новой общей хозяйственной системой, советским строем, какой-то единой новой культурой, несмотря на множественность Языков». Однако предложение не привлекло должного внимания и не стало предметом дискуссии, видимо, из-за его опасной близости к бухаринским рассуждениям леворадикального толка в 1930-е годы.

Сталинская позиция в этом отношении была внешне свободна от «левизны». Его интерпретация советской общности (используя выражение Сталина, можно говорить о ней как о зональной социалистической общности людей) изображала ее как результат развития лучших черт советских наций и прежде всего русского народа, субстратом ее культуры в значительной степени также выступала русская культура. Удельный вес русской составляющей в формировании новой общности советских людей был настолько велик, что Сталин порой по существу отождествлял ее с русским народом. Показательным в данном случае представляется тост Сталина за русский народ, произнесенный 6 июля 1933 года во время посещения его дачи делегацией художников (И.И. Бродский, А.М. Герасимов, Е.А. Кацман). «Давайте выпьем за советский Народ, за самую советскую нацию, за людей,

которые раньше всех совершили революцию. За самую смелую советскую нацию. Я специалист по национальным делам. Я кое-что в эти дни прочитал. Я сказал как-то Ленину: самый лучший народ — русский народ, самая советская нация... Выпьем за советскую нацию, за прекрасней русский народ».

Для чего понадобился титул «старший брат» для русского народа

В конце 1937 года была изобретена чрезвычайно удачная в пропагандистском отношении концепция, объяснявшая место русского народа в советской семье народов. К прежним титулам русского народа — «великий», «первый среди равных» — добавлялся новый — «старший брат». В предпоследний день года в «Ленинградской правде» была помещена статья А. Садовского «Старший среди равных». В ней говорилось: «Когда русский народ поднялся во весь рост, свободолюбивый, талантливый, мужественный, справедливый, как всякий народ, несущий на своих знаменах свободу, он по-братски был признан первым другими народами СССР. Так братья, равные в дружной семье, отдают первенство старшему». Концепция «русского народа как старшего брата» нашла выражение в брошюре Б.М. Волина «Великий русский народ», выпущенной в свет в августе 1938 года. В ней утверждалось: «Народы СССР гордятся своим старшим собратом, первым среди равных в братской семье народов — русским народом».

Создание и закрепление за русским народом образа «старшего брата» произошло, вероятно, не без влияния книги Анри Барбюса «Сталин», широко разошедшейся по стране в 1936 году. Знаменитый писатель обожествлял Ленина и Сталина — вождей «всех лучших людей земного шара». Он уверял, что лучшее в судьбе каждого находится в руках «человека с головой ученого, с лицом рабочего, в одежде простого солдата», который по ночам «бодрствует за всех и работает». Ему казалось также, «что тот, кто лежит в мавзолее посреди пустынной ночной площади», тоже «бодрствует надо всеми... он — отец и старший брат, действительно склонявшийся надо всеми». Какой, однако, прок от усопшего старшего брата для рядового прагматика и материалиста. К здравствующему русскому народу подобное выражение подходило куда как больше, да и многие в СССР желали именно такого отношения великого народа к своим «собратьям».

Новая составляющая концепции об исторической роли русского народа («старший брат») понадобилась, скорее всего, для новой трактовки старой задачи о ликвидации фактического неравенства наций. В 1920-е годы это решение трактовалось с явно русофобской прямолинейностью. «Одно из драгоценнейших прав отсталых наций в Советском Союзе, — говорилось в книге Г.С. Гурвича «Основы Советской Конституции» (1929), — есть их право на активную помощь, и праву этому соответствует обязанность «державной нации» оказать помощь, которая есть только возвращение долга». Державная русская нация для удобства взимания с нее долга из числа субъектов федерации была просто-напросто исключена, ресурсами РСФСР и русского народа бесконтрольно распоряжался наднациональный союзный Центр.

Новое титулование народа позволяло, по существу, дезавуировать заявления об окончательном разрешении национального вопроса, с которыми поспешили в очередной раз выступить «леваки» из тогдашнего партийного руководства. Однако они не предусмотрели, что заявления такого рода вели к нежелательным (Практическим последствиям. К примеру, председатель СНК РСФСР Д.Е. Сулимов заявлял: «Автономные республики и области (РСФСР) в своем культурном и хозяйственном развитии достигли такого уровня, когда смело можно говорить, что они в исключительно короткий срок прошли огромный путь хозяйственного и культурного возрождения и догнали основные русские районы и области; Не случайно Татария, Башкирия, Кабардино-Балкария одними ИЗ первых награждены высшей наградой нашей страны — орденом Ленина» (Правда. 1937. 15 января). Это означало, что дальнейшая помощь русского народа отсталым народам и регионам не требовалась. В интересах же соблазненных «приманкой русофобства» (Г.П. Федотов)

«отставших» народов было продолжение политики ликвидации «остатков» национального неравенства.

Перспектива, вырисовывавшаяся в свете заявления Сулимова, вызвала целый хор протестующих голосов. С.М. Диманштейн, к примеру, писал в своей книге «За ленинско-сталинский интернационализм»: «В области окончательного разрешения всех вопросов, связанных с ликвидацией остатков национального неравенства, предстоит еще колоссальная работа, в которую должны привлекаться широкие массы как самих бывших угнетенных национальностей, так и тех народов, которые находятся на более передовых позициях». В 1938 году этот же вывод обосновывался то во влиятельном теоретическом журнале: «Несмотря на колоссальные успехи национальных республик в деле изживания былой отсталости, все же нельзя еще говорить о полной ликвидации всяких элементов фактического экономического и культурного неравенства. Вследствие этого остаются в силе и особые задачи ленинско-сталинской национальной политики, связанные с волосом ликвидации этого неравенства, на основе нового, несравненно более высокого уровня, достигнутого передовыми частями вашего Союза» (Советское государство. 1938. № 2).

Это означало, что время отказываться от курса на выравнивание уровней экономического развития и от помощи передовых народов отстающим собратьям, от курса X съезда партии еще не пришло. В частности (точнее, в первую очередь), русский народ еще должен был проявить себя в решении «особых задач» национальной политики. Иначе говоря, донорскую роль, которую играл до этого русский народ, надо было пролонгировать. Но поскольку требовать от него помощи, как в 1920-е годы, по долгу бывшей угнетающей нации в конце 1930-х годов было уже невозможно (это опрокидывало обнародованные ранее Сталиным выводы о преодолении недоверия между народами и победе дружбы), русский народ к своим званиям «великого» и «первого среди равных» получил еще и «старшего брата» в придачу. В обязанности последнего, как известно, входит и помощь младшим братьям. Именно на эту функцию и обращалось внимание в передовой статье газеты «Правда» от 14 февраля 1938 года. «В этой братской семье народов русский народ — старший среди равных», — говорилось в ней. Однако практически это предлагалось понимать так, что «свое положение ведущего в семье равных советских республик русский народ использовал, прежде всего, чтобы помочь подняться, расправиться, развиваться тем народам, которых наиболее угнетало царское правительство, которые всего больше отстали в экономическом и культурном развитии». Таким образом, обозначившаяся было коллизия в экономических отношениях между «братьями» разрешилась в пользу продолжения помощи со стороны «старшего брата».

Из этого следует, что Конституция 1936 года не стала окончательным шагом в решении национального вопроса. Порочная практика прошлого, когда национальный вопрос решался в основном за счет крупнейшей республики — РСФСР, преодолена не была. Титулование «старший брат» должно было психологически компенсировать исполнение обременительной обязанности. Нехитрым приемом предписанная ранее расплата по историческим долгам сравнивалась с отношениями в семье, где старшие братья трогательно заботятся о младших. Концепция «старшего брата» естественным образом дополнялась мифологемой «младшего брата», психологический комплекс которого проявляется в том, что он по праву слабого и избалованного «требует от старшего удовлетворения всех своих потребностей и прихотей и в то же время постоянно упрекает его в том, что он старший» (С.В. Чешко).

В описании отношений между народами СССР с середины 1930-х годов в прессе и литературе присутствовала изрядная доля демагогической риторики и ложного пафоса, неспособных отразить сложнейшие жизненные противоречия. Образчиком нового языка в этом смысле может служить, помещенная в «Правде» от 4 декабря 1936 года статья о дружбе народов. В ней сложно обнаружить все штампы, характерные для публицистической и научной прозы 1930–50-х годов. Изображение отношений в духе этакой заздравности и беспроблемности (дескать, нет для дружбы преград, помимо созданных и создаваемых врагами Народа и национал-уклонистами), навязчивая фиксация общественного

сознания на бескорыстности помощи и взаимопомощи, на возможности, опираясь на поддержку «брата» и мудрость Сталина, легко разрешить все внутренние и мировые проблемы, не могли не породить новых издержек и лицемерия в межнациональных отношениях.

Действительно, трудно поверить в успех способа национального освобождения народов Востока, который был предложен первым секретарем ЦККП Узбекистана на XVIII съезде партии, узбекский народ, — говорил У.Ю. Юсупов, — опираясь на помощь великого русского народа... может показать на своем примере всем угнетенным народам Востока, что если хочешь освоиться, — иди за красной Москвой, иди за великим Сталиным, иди за русским народом, и тогда будет обеспечен успех».

Вместе с тем, по нашим наблюдениям, штамп «старший брат» по отношению к русскому народу до начала Отечественной войны использовался редко. В выступлениях Сталина он не употреблялся. Для обозначения функциональной роли, выражаемой этим понятием, ему было достаточно термина «интернационализм» и других простых и привычных слов. Так, в беседе с А.М. Коллонтай, состоявшейся в 1939 году, говоря о перевооружении армии, о роли тыла в войне, о предстоящих испытаниях, Сталин особо подчеркнул: «Все это ляжет на плечи русского народа. Ибо русский народ — великий народ. Русский народ — это добрый народ. У русского народа, среди всех народов, наибольшее терпение. У русского народа ясный ум. Он как бы рожден помогать другим нациям, русскому народу присуща великая смелость, особенно в трудные времена, в опасные времена. Он инициативен. У него стойкий характер. Он мечтательный народ. У него есть цель. Потому ему и тяжелее, чем другим нациям. На него можно положиться в любую беду. Русский народ неисчерпаем» (Наш современник. 1998. № 6). Как видим, уже в 1939 году Сталин говорил о русском народе в частной беседе точно так, как это прозвучало на всю страну в его выступлении на знаменитом приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года.

Выражение «старший брат» приобрело широкое распространение в годы Отечественной войны, и особенно после публикации в «Правде» (1942. 31 октября) письма узбекского народа к бойцам-узбекам, сражавшимся на фронте. Письмо представляло собой выдающийся образец цветистой восточной прозы, оно впечатывало в сознание запоминающийся образ:

«В дом твоего старшего брата — русского, в дом твоих братьев — белоруса и украинца — ворвался германский басмач. Он несет коричневую чуму, виселицу и кнут, голод и смерть. Но дом русского — также и твой дом, дом украинца и белоруса — также и твой дом! Ибо Советский Союз — дружная семья, где каждый живет, хотя и в своем доме, но двор и хозяйство едины и неделимы. А в дружной семье раздора не бывает, как его нет и в семье советских народов. В нашей стране нет межей, которые бы разделяли наши дома. Но если разбойник отнял дом у твоего брата, — верни ему дом — это твой долг, узбекский боец! Это ваш долг, все советские бойцы!»

Аналогичные письма публиковались и от имени других народов страны. Их популяризации служила книга «Наказ народа: Письма народов СССР к бойцам-фронтвикам» (М., 1943).

Концепция «старшего брата» оказалась довольно живучей. Она благополучно пережила и развал СССР. Ныне, как и прежде, она выражается в разного рода послаблениях «младшим братьям». К примеру, по данным на 1995 год, среди регионов-доноров, за счет которых существовала Россия в целом и подавляющее большинство субъектов-реципиентов, «не было ни одной республики... все они относились к дотационным регионам» (В.Н. Лысенко). Известный социолог В.Н. Иванов отмечал в 1997 году: «В последнее время... республики практически не участвовали в финансировании депрессивных регионов, социальных программ, армии и ряда других жизненно важных институтов Федерации». Ю.М. Лужков,

выступая в 1996 году в Совете Федерации на обсуждении бюджета, сожалел, что возглавляемому им субъекту Федерации не удастся побыть в роли младшего брата, и стать, к примеру, одним из городов Татарстана. «В этом случае, — говорил он, — город Москва, потеряв самостоятельность, приобретет могучий, небывалый экономический потенциал, потому что те налоги, которые платит Татарстан и некоторые другие республики в соответствии с какими-то особыми условиями, которые должны быть абсолютно равными в Российской Федерации, несоизмеримы с тем, что платит Москва или другой областной или краевой субъект Российской Федерации».

Государственная идея должна быть понятна школьникам младших классов у, Концепция отечественной истории, отражавшая с середины 1930-х годов новое видение исторической роли русского народа, складывалась в ходе подготовки нового школьного учебника по Истории и сопровождалась постоянной критикой участников конкурса в нежелании отречься от схемы Покровского. Авторы почти всех 46 конкурсных рукописей учебников, заявил А.С. Бубнов на заседании жюри конкурса 25 января 1937 года, проводят антиисторическую линию при анализе процесса «собираения Руси», образования и укрепления Московского княжества. Украина, по его словам, имела альтернативу — либо быть присоединенной к католической Польше, стать добычей Турции и Крымского хана, либо войти в единое Московское царство; в сложившихся исторических условиях признание Хмельницким протектората Москвы было наименьшим злом для украинского народа. Так же следовало рассматривать и присоединение Грузии к России, «все это, — как полагал один из главных участников конкурса, — обязывает историков... пересмотреть свою старую точку зрения, которая изображала колониальную политику России как сплошное черное пятно в истории русского государства» (Историк-марксист. 1937. № 3).

Написанный с новой точки зрения историками Московского государственного педагогического института во главе с А.В. Шестаковым «Краткий курс истории СССР» для 3-го и 4-го классов рассматривал советский период в преемственной связи с Общим развитием российской государственности. Рукопись этого учебника в наибольшей мере соответствовала требованиям правительственной комиссии и была признана лучшей. Ее доработку осуществляла специальная группа ученых под руководством А.А. Жданова, в которую были включены опытные историки старой школы К.В. Базилевич, С.В. Бахрушин, Б.Д. Греков, Н.М. Дружинин, В.И. Пичета и др. Утвержденный 22 июля текст являл собой «своеобразный сплав двух главных идей — идеи возвеличивания Фарой государственности и идеи неизбежности и благотворности победы социализма в России». 22 августа в «Правде» было опубликовано постановление жюри комиссии. Оно гласило: «Краткий курс истории СССР» под редакцией профессора А.В. Шестакова считать одобренным Правительственной Комиссией и рекомендовать в качестве учебника для третьего и четвертого классов».

Учебник был запущен в массовое производство. В начале октября 1937 года издание вышло в свет. Сквозь все содержание учебника красной нитью прошла тема патриотизма, любви к Родине и ее истории. В период, когда надвигалась угроза фашизма, эта тема звучала особенно злободневно. Воплощенные в нем государственно-патриотическая концепция отечественной истории, идея преемственности лучших традиций предков новыми поколениями соотечественников повторялись другими учебниками.

Для занятий в высшей школе были рекомендованы переизданные тогда же курс русской истории В.О. Ключевского, материалы из учебника по русской истории С.Ф. Платонова, другие работы историков старой школы. Решено было переиздать «Историю XIX века» французских историков Э. Лависса и А. Рамбо, с частью, посвященной истории России. Все это было призвано в какой-то мере заполнить пустоту, образовавшуюся на месте «школы Покровского».

Первая заявка на русское первенство в мировой культуре

Новые представления о советском народе стали широко пропагандироваться с

принятием новой Конституции СССР. В связи со столетием гибели А.С. Пушкина центральная партийная газета «Правда» 10 февраля 1937 года посвятила поэту передовую статью «Слава русского народа». В ней заявлено: «Единый в своем национальном многообразии советский народ торжественно чтит Пушкина как веху своей истории». Частичная реабилитация поэта состоялась еще раньше — с принятием 27 июля 1934 года постановления Политбюро ЦК о мероприятиях, связанных со 100-летием со дня смерти поэта. В статье, имеющей характерное название «В защиту Пушкина» (Правда. 1935. 20 апреля), говорилось о необходимости борьбы с «вульгаризацией социологического метода Маркса» и недопустимости превращения художественных произведений в «голый социально-экономический документ». В частности, отмечалось, что из литературоведческих работ Д. Благого «Социология творчества Пушкина» (1931), «Три века русской поэзии» (1933) невозможно понять, почему Пушкин был для Ленина «лучше» Маяковского. «До самых корней своего творчества Пушкин был именно «буржуй» — это с очевидностью вытекает из всего социологического анализа, произведенного Благим». В 1937 году произошло превращение поэта из «буржуя» в «интернационалиста». Теперь подчеркивалось: «Пушкин глубоко национален. Поэтому он стал интернациональным поэтом», и русский народ, оказывается, «вправе гордиться Своей ролью в истории». А об изображении его прошлого Н.И. Бухариным и школой М.Н. Покровского «Правда» вскоре выразилась и вовсе уничтожающе: «Можно только удивляться, как эта антинародная ересь печаталась».

В 1938 году журнал «Большевик» давал новую установку в Трактовке XIX века отечественной истории. Она содержалась в предисловии Е.В. Тарле к «Истории XIX века» французских историков Э. Лависса и А. Рамбо, помещенном не только в вышедшем в печати томе, но и на страницах партийного журнала. Роль России и русского народа в мировой истории представлялась здесь в духе, диаметрально противоположном «школе Покровского». Россия, писал Тарле, была не только жандармом Европы; от начала и до конца XIX в. она оказывала «колоссальное влияние на судьбы человечества... Этот век был временем, когда русский народ властно занял одно из центральных, первенствующих мест в мировой культуре». Россия дала миру не только «четыре титанов» — Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, одно из первых мест заняли русские и в области живописи (Суриков, Репин, Верещагин, Серов), и в музыке (Глинка, Мусоргский, Римский-Корсаков, Даргомыжский, Рахманинов и Чайковский), и в точной науке (Лобачевский, Менделеев, Лебедев, В. Ковалевский). Этот век «был временем, когда впервые особенно ярко проявилось мировое значение русского народа, когда впервые русский народ дал понять, какие великие возможности и интеллектуальные и моральные силы таятся в нем и на какие новые пути он может перейти сам и в будущем повести за собой человечество» (Большевик. 1938. № 14).

Таким образом, в 1937–1938 годах получало зримые очертания новое отношение к отечественной истории, к ее преподаванию, к «собирающей» роли в ней русского народа. Это означало, что на роль главной преобразующей силы в стране и мире наряду с пролетариатом выдвигался русский народ. В этой связи становилось неуместным числить его исключительно среди «наций, которые являлись нациями угнетающими», как это делала Программа РКП(б), принятая на VIII съезде партии в 1919 году.

Вместе с тем пропагандисты постоянно твердили, что в СССР Обеспечивается расцвет всех народов страны. Парадная книга, выпущенная редакцией «Правды» к 20-летию советской власти и воспевающая «глубину и жизненность большевистской национальной политики», провозглашала: «Народы не расстаются с богатствами национальной культуры. Им дорого их своеобразие. Но оно дорого и большевикам». Ленин и Сталин представлялись в этой книге «народными героями на легендарном фоне национальной героики, в пышном окружении старинного поэтического орнамента» (Творчество народов СССР. М., 1938).

С середины 1930-х годов средства массовой информации начали чаще отмечать бескорыстную помощь России и русских другим республикам и народам страны. «Всей силой своего могущества, — утверждала центральная партийная газета, — РСФСР

содействует бурному росту других братских советских республик. И если раньше у других народов, населяющих Россию, со словом «русский» часто ассоциировалось представление о царском гнете, то теперь все нации, освобожденные от капиталистического рабства, питают чувство глубочайшей любви и крепчайшей дружбы к русским собратьям... Русская культура обогащает культуру других народов. Русский язык стал языком мировой революции. На русском языке писал Ленин, на русском языке пишет Сталин. Русская культура стала интернациональной, ибо она самая передовая, самая человеческая, самая гуманная» (Правда. 1937. 16 января). Вариации на эти темы позднее уже не сходят со страниц периодической печати и языка пропаганды.

Первые «низкоклонники» перед Западом в советское время

Составной частью работы по воспитанию советского патриотизма стала борьба с носителями «низкоклонства» перед заграницей, свойственного отдельным представителям как старой интеллигенции, так и новой политической элиты, ориентированной на Запад. Первая страница истории борьбы с низкоклонством была связана с именем выдающегося представителя старшего поколения математической профессуры академика Н.Н. Лузина (1883–1950). Лидеры российской математики долгое время после революции не проявляли должного почтения к новым властителям страны. Во время I Всесоюзного съезда математиков (Харьков, июнь 1930 г.) они прохладно встретили предложение послать приветствие проходившему тогда же XVI съезду ВКП(б). Во время процесса над «Промпартией» не оказалось подписи Лузина под обращением физиков и математиков Москвы с призывом к зарубежным ученым поднять протест против интервенционистских намерений иностранных держав по отношению к СССР. Главное же «преступление» Лузина заключалось в том, что он, якобы «примыкавший к правой, черносотенной группе профессоров в дореволюционное время, остался правым и после революции». В 1930 году учитель Лузина Д.Ф. Егоров, почетный академик АН СССР, директор института математики и механики МГУ, президент Московского математического общества, был арестован и в сентябре следующего года умер в ссылке. Был арестован и в 1937 году расстрелян ученик Егорова, ученый-энциклопедист и религиозный философ П.А. Флоренский.

27 июня 1936 года Н.Н. Лузин опубликовал в «Известиях» заметку под названием «Приятное разочарование», в которой поделился впечатлениями о математической подготовке выпускников одной из московских школ. Возможно, похвалой школе Лузин хотел снискать благоволение высших сфер. Однако газетная заметка была использована для компрометации выдающегося ученого, не разделявшего вульгаризированных представлений о том, что «математика имеет в классовом обществе классовый характер, ход ее развития... определяет классовая борьба», и продолжавшего будто бы считать, что «теория чисел и непрерывных функций обосновывает индивидуализм, анализ с его непрерывностью направлен против революционных идей, теория вероятностей подтверждает беспричинность явлений и свободу воли, а вся математика в целом находится в соответствии с... православием, самодержавием и народностью» (Э.Я. Кольман).

Действительным прегрешением академика против советского патриотизма можно было посчитать то, что он, подобно многим другим крупным ученым, нередко публиковал свои работы в зарубежных издательствах. Как объяснял П.Л. Капица в письме к В.М. Молотову от 6 июля 1936 года, делалось это «главным образом по двум причинам: 1) у нас скверно печатают — бумага, печать; 2) по международному обычаю, приоритет дается только (в том случае), если работы напечатаны по-французски, немецки или английски». Не принимая в расчет подобные соображения, было решено не считать Лузина советским патриотом. «Акад. Н. Лузин, — писал директор школы, которого не устроил отзыв академика о его воспитанниках, — считает нужным показать себя как советского «сверхпатриота». Но его «патриотизм» неубедителен, потому что в нем нет искренности». «Правда» продолжала числить Лузина среди других патриотов — патриотов российского самодержавия, глубоко

презиравших и свою родину и «самый русский народ, его труд, его язык, его песни, им рожденные искусство и науку». Достигнув своего апогея и грозившее, казалось бы, самыми суровыми карами, «дело Лузина» в начале августа 1936 года сошло на нет.

Н.Н. Лузин уцелел, отделавшись выговором со строгим предупреждением. Решающую роль в таком исходе сыграло заступничество Г.М. Кржижановского и ряда других крупнейших ученых — В.И. Вернадского, П.Л. Капицы, А.Н. Крылова, С.А. Чаплыгина, которые отвели нелепые обвинения в приверженности Лузина к «фашистски модернизированным» черносотенным взглядам и ярлыки вроде «недобитый враг», «разоблаченный враг в советской маске». «Позже я понял, — отмечается в книге «Жизнеописание Л.С. Понтрягина, математика, составленное им самим» (1998), — что Советскому правительству нужно было разогнать школу русского математика Н.Н. Лузина. Уничтожить его самого они не решились». Положительным результатом «дела» было решительное осуждение известного «преклонения перед заграничным штампом». «Низкопоклонническое отношение к громким именам буржуазных ученых» в открытой форме становилось невозможным. Позитивным было и то, что многие советские ученые по ходу воспитательной кампании обязались впредь печатать свои лучшие работы в Советском Союзе, а руководство Академии наук уже не могло больше мириться с «безобразно медленными темпами работы своего издательства».

Однако уже через несколько месяцев главное место среди «низкопоклонников» заняли неожиданно новые фигуры. Ими оказались троцкисты — новые Смердяковы.

Преобразование троцкистско-бухаринских оппозиционеров из «великодержавников» в «низкопоклонников»

25 января 1937 года во время процесса по делу так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра» в «Правде» появилась статья И.Г. Лежнева «Смердяковы», внушавшая, что именно троцкисты «раболепно преклонялись перед капитализмом», в частности, перед фашистской Германией. Взгляды троцкистов на родину, их моральный облик, мастерство маскировки позволяли увидеть в них «новое издание Смердяковых». Развивая эту тему, Д.И. Заславский ставил троцкистов ниже даже фашистов, игра которых на чувствах буржуазного национализма не позволяла соглашаться отдавать часть своей родины иностранному врагу. «У троцкистов даже этого чувства буржуазного национализма нет в душе. Они ничем, решительно ничем никогда не были связаны с народом». Их поступки — поступки людей, у которых «не было и нет отечества». Алексей Толстой, раскрывая связь низкопоклонства и антипатриотизма, отмечал, что иммунитетом против троцкизма обладают только патриоты. Троцкизм такого иммунитета не имел, поскольку с самого своего зарождения «нес в себе отрицание понятия родины». Троцкого, Зиновьева и их сторонников отличало высокомерно-презрительное отношение к народным массам. Октябрьская революция была для них «только трамплином, с которого они намеревались возносить их личное честолюбие. Народы федерации советских республик рассматривались ими как пушечное мясо. Любой троцкист расхохотался бы вам в лицо, упомяни ему о такой «старомодной пошлости», как любовь к родине». Размышления писателя заключались выводом: «Как будто бы выходит, что всякий гражданин, не любящий свою родину, — троцкист, диверсант и шпион. Да, так выходит. Такова особенная и необычная форма нашей революции...» (Известия. 1937. 14 июня). Позднее писатель с облегчением констатировал, что после изъятия троцкистов и троцкиствующих в стране «легче стало дышать».

На XVIII съезде партии понятие «низкопоклонник» было распространено едва ли ни на всех вычищенных из общества «врагов народа». Отдавая дань классовому шовинизму, Сталин объявил: «Троцкистско-бухаринская кучка шпионов, убийц и вредителей, пресмыкавшаяся перед заграницей, проникнутая рабым чувством низкопоклонства перед каждым иностранным чинушей и готовая пойти к нему в шпионское услужение» есть лишь

«кучка людей, не понявшая того, что последний советский гражданин, свободный от цепей капитала, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства».

Первые заявки на необходимость борьбы с космополитизмом

По мере изживания крайностей национального нигилизма в 1930-е и первой половине 1940-х годов заявила о себе и тема необходимости преодоления космополитизма. Отметим некоторые, связанные с этим исторические факты. Так, писатель И.И. Катаев в связи с бухаринскими инвективами в адрес русского народа в 1936 году писал: «Мы знаем... что это не была «нация Обломовых», — иначе в недрах этой нации не выросли бы люди класса, подготовившего и совершившего великую социалистическую революцию. И уж, конечно, «нация Обломовых» не могла бы создать ни русской культуры, ни драгоценного русского искусства, ни даже романа «Обломов»». Одновременно Катаев призывал: «Безнадежных «космополитов», отщепенцев, эту вялую богему, не помнящую родства, надо поскорее выместить вон из искусства. А нам, советским русским литераторам, нужно заново и по-настоящему полюбить и русский язык, и русскую природу, и русскую песню, и все то хорошее и своеобразное, что есть в нашем народе, — а этого немало» (Красная новь. 1936. № 5). А.Н. Толстой в докладе на сессии АН СССР, посвященной 25-летию Советской власти (ноябрь 1942 г.), наметил несколько этапов развития советской литературы: от Октября до 1929-го, от начала 1930-х годов до Отечественной войны, и с 1941 года. К этому времени литература, по мнению писателя, «от пафоса космополитизма, а порою и псевдоинтернационализма — пришла к Родине, как к одной из самых глубоких и поэтических своих тем». На первых этапах «момент отрицания всего прошлого литературного наследия, заклеивания его дворянским и буржуазным индивидуализмом и классово враждебной литературой, принимал... уродливые формы». Лишь с 1941 года, по мнению А.Н. Толстого, «советский писатель увидел исторически обусловленный, подлинный народный русский характер... и впервые, как колокол града Китежа, зазвучали в советской литературе слова: святая Родина». А.А. Фадеев в письме Вс. Вишневскому (весна 1943 г.) отмечал, что на прошедших совещаниях литераторов, композиторов, художников «один из наиболее острых вопросов... был вопрос о сущности советского патриотизма, взятый в национальном разрезе. Есть люди, которые не очень-то хорошо понимают, почему мы так заостряем теперь вопрос о национальной гордости русского народа... Дело в том, что среди известных кругов интеллигенции еще немало людей, понимающих интернационализм в пошло-космополитическом духе и не изживших еще рабского преклонения перед всем иностранным». Драматург А.П. Штейн на совещании кинодраматургов (июль 1943 г.) подчеркнул: «Наша русская литература — самая великая и первая литература мира... Никакого космополитизма здесь не может быть, он вреден и губителен для искусства». Публицист Х.Г. Аджемян в полемике с Е.Н. Городецким на совещании в ЦК ВКП(б) летом 1944 года заявил, что обвинение в великодержавном шовинизме «чаще всего играет роль фигового листка, тщетно скрывающего другой порок, имя которого — космополитический интернационализм».

Достижения в разработке «русской темы» к началу Отечественной войны

Как только определились контуры новой концепции отечественной истории, с ее позиций стали систематически выявляться изъяны прежнего подхода. К примеру, анализ содержания вышедшей с конца 1920-х годов Малой Советской Энциклопедии обнаруживал, что история борьбы русского народа за независимость давалась в ней схематично и убого, то и дело встречалось стремление принизить великий народ; ни слова ни о борьбе со шведскими феодалами в XIII в., ни о битве 1240 года, ни о Ледовом побоище; об Александре Невском в первом издании говорится лишь, что он «оказал ценные услуги

новгородскому торговому капиталу», во втором издании его имя вовсе выброшено; первое издание внушает читателям, что ни татарского ига, ни порабощения не было, что это — «названия, данные русскими историками-националистами», во втором издании в статье о монгольском нашествии всего четыре строки, сообщающих, что «монгольское нашествие — утвердившееся в европейской феодальной и буржуазной истории обозначение движения монголов в Европе в XIII веке»; важнейшему историческому событию — Куликовской битве — уделено всего 10 строчек; «Слово о полку Игореве» трактуется только как история неудачного похода русских; Кутузов обрисован как серый посредственный генерал, известный тем, что «потерпел поражение при Аустерлице» (Правда. 1938. 7 июля).

Своеобразный итог достижений и явных пропагандистских пережестов в новой разработке тематики русского народа в 1930-е годы представлен в статьях девятого тома Малой Советской Энциклопедии, выпущенного в свет незадолго до Отечественной войны, в марте 1941 года. В нем констатируется: «Ленинско-сталинская национальная политика сделала нерушимой дружбу народов Советского Союза. Она создала единый великий советский народ». В отличие от начала 1930-х годов, когда все еще подчеркивалось, что в дооктябрьском историческом прошлом «великороссы, будучи в меньшинстве (43 % населения России), угнетали 57 % остального населения самым варварским, самым недопустимым образом», теперь утверждается нечто противоположное: «Много веков творил историю своей страны великий русский народ вместе с другими народами России и во главе их вел героическую освободительную войну против насилий и издевательств Над его прекрасной родиной со стороны бояр и царей, царских палачей, помещиков и капиталистов». Оказалось, что и «русификаторская националистическая политика варварского царизма и буржуазии была всегда враждебна великому русскому трудовому народу — другу и организатору революционной борьбы трудящихся всех угнетенных национальностей против шайки Романовых, Пуришкевичей, Милюковых и Керенских».

Продолжателями антинародной политики в советское время изображались «злейшие враги народа — Троцкий, Бухарин с их бандитскими шайками, буржуазные националисты», которые «силились опорочить русскую культуру». О Н.И. Бухарине говорилось: «Иуда Бухарин в своей звериной вражде к социализму писал о русском народе как о «нации Обломовых». Это была подлая клевета на русскую нацию, на мужественный, свободолюбивый русский народ». Русский народ закреплялся на месте «первого среди равных», почитаемого и любимого всеми другими народами СССР, из-за его «высоких революционных достоинств», «благородных качеств», «прекрасного языка», «замечательной, наиболее передовой культуры». Словно предвосхищая основные направления послевоенной кампании по борьбе за утверждение первенства русской культуры, автор энциклопедической статьи писал: «Русская литература и русское искусство занимают первое место среди самых совершенных образцов мирового человеческого гения. Нет такой отрасли мировой науки и человеческой деятельности, где бы русский народ не был представлен своими талантливейшими сынами».

Здесь же присутствует и тема борьбы с антипатриотами и «низкопоклонниками», намеченная раньше и приобретающая уже явные признаки ксенофобии. Огульно утверждалось, например, что ««самодержцы всероссийские» с их придворными кликами из русских проходимцев и иностранных прохвостов (вроде «истинно-русских» немцев Биронов, Бенкендорфов, Плеве, Ранненкампов, Врангелей и др.), выступавшие палачами-русификаторами, в действительности не только никогда не были патриотами страны русского народа, но всегда являлись заядлыми врагами русской культуры, презиравшими прекрасный, богатый и яркий русский язык, позорившими русское национальное достоинство».

Воспитание населения в героико-патриотическом духе средствами литературы и искусства

Новая историческая концепция, утверждавшаяся в 1936–1937 годах, отнюдь не была лишь событием науки. В условиях подготовки к войне она становилась основой массовой пропаганды, героико-патриотического воспитания, духовной мобилизации населения на защиту Родины. Традиции Гражданской войны и пролетарской солидарности для Отечественной войны мало подходили. Новый подход к прошлому позволял многократно усилить классовое и интернациональное направление в идеологии историко-патриотическим.

Этим целям служили и широкое празднование столетия памяти А.С. Пушкина в начале 1937 года, и выход на экраны в июле кинофильма «Петр Первый», в котором российский император неожиданно предстал перед зрителями откровенно положительным героем, величайшим государственным деятелем, пекущемся исключительно о благе отечества. 7 сентября состоялось открытие Бородинского исторического музея, приуроченное к 125-летию войны с Наполеоном и сопровождаемое многочисленными патриотическими статьями в газетах, прославлявшими в нарушение революционно-пролетарских традиций фельдмаршала Кутузова и других полководцев, еще недавно изображавшихся врагами трудящихся и реакционерами. «Великое прошлое русского народа в памятниках искусства и предметах вооружения» стало основной темой выставки, открытой в Эрмитаже 7 сентября 1938 года. История страны представляла перед зрителем в ее вещественном, документальном выражении, оживала на щитах и стендах. Среди полководцев, — как подчеркивалось в «Известиях», — особенно выделяется фигура фельдмаршала А.В. Суворова.

В ноябре 1938 года на экраны Союза был выпущен фильм «Александр Невский». Это был, как писала «Правда», «патриотический фильм о величии, мощи и доблести русского народа, его любви к родине, о славе русского оружия, о беззаветной храбрости в борьбе с захватчиками русской земли». Невский стал героем поэмы К. Симонова «Ледовое побоище» (написана в 1937 г., опубликована в начале 1938-го). Поэт наделил князя не только патриотическими, но и в какой-то мере ксенофобскими качествами. Немцы в представлениях князя, нарушая русскую границу

«влезают к нам под кровлю
За каждым прячутся кустом,
Где не с мечами — там с торговлей,
Где не с торговлей — там с крестом».

Правда, сам поэт ксенофобом не был. Он не сомневался, что «не нынче-завтра грохнет бой», советскому народу придется «одним движением вперед» пойти на защиту своей родины, и в этих условиях германский народ покончит с фашизмом. Настанет час, когда этому

«фашизм стряхнувшему народу
Мы руку подадим свою.
В тот день под радостные клики
Мы будем славить всей страной
Освобожденный и великий
Народ Германии родной».

Большой общественный резонанс имела опера «Иван Сусанин», премьера которой состоялась в апреле 1939 года. В ее дореволюционном варианте («Жизнь за царя») Сусанин жертвовал своей жизнью ради спасения царя от пленения поляками в Смутное время. В новом варианте Сусанин спасает не царя, а Москву. Финальный эпизод (яркая толпа приветствует ликующим хором «Слава, слава!» вступающих на Красную площадь победителей во главе с Мининым и Пожарским) «Правда» представляла как «момент, когда зрители и артисты сливаются воедино, и кажется — одно огромное сердце бьется в зале. Народ приветствует свое героическое прошлое, своих витязей, своих бесстрашных

богатырей. Чудесное, незабываемое мгновение».

Значительным событием культурно-политической жизни столицы стала открытая в конце февраля 1939 года в Государственной Третьяковской галерее выставка, на которой впервые за годы советской власти были представлены свезенные из разных городов страны около 400 лучших полотен русских художников XVIII–XX веков, работавших в области исторической живописи (В. Васнецов, В. Верещагин, В. Перов, И. Репин, Г. Угрюмов и др.). Выставка, как отмечали газеты того времени, знакомила трудящихся «с великими событиями прошлого, с героизмом русского народа, проявленным им в борьбе за независимость и свободу родины», имела «громадное политико-воспитательное значение», вселяла «в сердце посетителя воодушевление, уверенность в силах нашего могучего народа, на протяжении своей долгой истории не раз побеждавшего врагов и сумевшего отстоять свою независимость и свободу». В октябре 1939 года широко отмечалось 125-летие со дня рождения «великого поэта-патриота» М.Ю. Лермонтова.

Историческое и национальное самосознание народов СССР во многом обогащалось творчеством советских писателей. Во второй половине 1930-х годов они все чаще обращались к созданию образов выдающихся государственных и военных деятелей прошлого, к раскрытию поворотных событий в истории страны и отдельных народов. Наибольшую известность тогда получили роман А. Толстого «Петр Первый» (1929–1945) и пьеса «Петр I» (1934). Героической историей русского народа были вдохновлены поэмы К. Симонова «Суворов» (1939) и «Ледовое побоище» (1940), роман С. Бородина «Дмитрий Донской» (1941). Трагические страницы русской истории получили художественное освещение в историческом романе В. Яна «Чингис-хан» (1939). Высоким духом патриотизма были пронизаны романы «Цусима» (1932–1935; 1940) А. Новикова-Прибоя, «Севастопольская страда» (1937–1939) С. Сергеева-Ценского, «Порт-Артур» (1940–1941) А. Степанова, хотя в основе их сюжетов лежало военное поражение царской России. Движения народов России за свое социальное и национальное освобождение раскрывались через образы вожаков народной борьбы в романах «Емельян Пугачев» (1938–1945) В. Шишкова, «Гулящие люди» (1934–1937) А. Чапыгина, «Наливайко» (1940) Ивана Ле, «Иван Богун» (1940) Я. Качуры. Культурно-исторические и патриотические мотивы составляли содержание романов «Десница великого мастера» (1939) К. Гамсахурдиа, «Великий Моурави» (1937–1939) А. Антоновской.

Как известно, в формировании национального чувства и сознания огромную роль играет приобщенность к истории и традициям своего народа. Достигается это при помощи торжеств и лразднеств, регулярно напоминающих о судьбоносных для данного народа исторических победах, деяниях выдающихся людей, датах их рождения и смерти, посредством национального способа совершения религиозных обрядов, при помощи исторических, художественных, мемориальных музеев. Чувство принадлежности к нации формируются столь же регулярным приобщением к произведениям искусства и архитектуры, созданной на данной территории людьми, идентифицировавшими себя с данной нацией. Всё это в полной мере учитывалось и для сплочения единого советского народа во второй половине 1930-х годов. Историко-патриотические чувства советских людей формировались учебными пособиями, кинофильмами, спектаклями, музейными экспозициями и выставками, литературными произведениями — всеми средствами науки, литературы и искусства. В результате народ не только все больше стремился к познанию и осмыслению прошлого, но и проникался готовностью к вооруженной защите Отечества. «Мы уже давно, товарищи, фронтовые солдаты... и мы должны поступать, как на войне», — передавал атмосферу того времени актер Н. Охлопков. Всматриваться в прошлое, по его словам, было необходимо, чтобы «различать шквалы народного гнева против угнетателей и бури народной любви к своей отчизне, к свободе» (Литературная газета. 1939.10 марта).

Как патриотизм отделяли от «Кузьма-крючковщины»

Искренние приверженцы пролетарского интернационализма, вернее, его левацко-радикального понимания как социалистического космополитизма (по официальной терминологии 1920-х годов), воспринимали вполне обозначившуюся тенденцию отхода от «принципов коммунизма» в национальном вопросе как пагубную идеологическую и политическую ошибку. Литературовед В. Блюм, влиятельный консультант драмсекции Союза советских писателей, и в начале 1939 года оставался при убеждении, что основные постулаты Покровского должны быть сохранены при оценке художественных произведений. Усмотрев в пьесе В. Соколовой «Илья Муромец» переключку с современностью, «своеобразное выражение идеи народного антифашистского фронта», он одобрительно заключил: «И пусть здесь политика откинута в прошлое — в историческом искусстве (М.Н. Покровский был не прав, когда санкционировал это как метод науки истории) это дело законное и необходимое» (Театр. 1939. № 4). Вызванный на беседу в отдел ЦК партии, Блюм пытался показать консультанту отдела порочность замысла и идеи кинокартин «Александр Невский» и «Петр Первый», оперы «Иван Сусанин», пьесы «Богдан Хмельницкий», поскольку они искаженно освещают исторические события, подделывают их под лицо современности. Пропаганда советского патриотизма в искусстве, по мнению Блюма, сплошь и рядом подменялась пропагандой расизма и национализма в ущерб интернационализму. Блюм не видел ничего прогрессивного в объединении Украины с Россией: Украина, освободившись от угнетения ее Польшей, попала под иго царской России, только и всего. Образ Хмельницкого, по мнению Блюма, нельзя было показывать с положительной стороны, поскольку действительный Хмельницкий подавлял крестьянские восстания и являлся организатором еврейских погромов. Блюм выражал недоумение — почему сейчас так много идет разговоров о силе русского оружия в прошлом, которое служило средством закабаления и угнетения других народов. Не получив поддержки в ЦК партии, В. Блюм продолжал публично утверждать, что пьесу «Богдан Хмельницкий» А. Корнейчука охотно рекомендовал бы самый реакционный министр народного просвещения Николая II С. Шварц, что Пуришкевич, Гучков и Милуков облобызали бы авторов пьесы «Ключи Берлина», «глумливо отзывался» об С. Эйзенштейне. «Это переходит уже в политическое хулиганство», — писала «Литературная газета» 26 января 1939 года.

31 января 1939 года В. Блюм прочитал в «Правде» сообщение о возможном советско-германском сближении и увидел в этом проявление «мудрой и подлинно интернациональной» сталинской внешней политики. В письме, написанном по этому случаю самому Сталину, литературовед обращал внимание на «нездоровое течение в советско-патриотических настроениях», находящееся «в вопиющем противоречии» с теорией по национальному вопросу. Надо было, как полагал Блюм, положить конец искажениям характера социалистического патриотизма, «который иногда и кое-где начинает у нас получать все черты расового национализма»; прекратить погоню «за «нашими» героями в минувших веках»; осудить антигерманскую и антипольскую направленность фильма «Александр Невский», оперы «Жизнь за царя», пьесы «Богдан Хмельницкий»; приструнить «новоявленных «немцеедов», «полякоедов», «японоедов» и т. п. рыцарей уродливого якобы социалистического расизма», которые «не могут понять, что бить врага — фашиста мы будем отнюдь не его оружием (расизм), а оружием гораздо лучшим — интернациональным социализмом» (Вопросы истории. 2000. № 1).

Огульная критика, стремление опорочить чуть ли не всякое произведение на патриотическую советскую и историческую тему, случаи издевательства над ними, как якобы олицетворением квасного патриотизма, «кузьма-крючковщины», видимо, проявлялись не столь уж редко. И. Эренбурга, например, по свидетельству М. Кольцова, «приводила в ярость популяризация истории русского народа. В этом он видел проявление реакционного шовинизма: «Александра Невского уже произвели в большевики, теперь Очередь за святым Сергием Радонежским и Серафимом Саровским — это производит за границей отвратительное впечатление»».

Как верно отмечалось в одной из газет, «под шумок дискуссии пытались брать реванш

последыши вульгарной социологии», для которых А. Невский был лишь «созвучный феодал»; Хмельницкий — лишь «представитель феодальной верхушки»; Петр I — царь, и только; Пушкин — царский придворный, которого следовало бы изображать не иначе, как в камер-юнкерском мундире. Приходилось урезонивать ретивых приверженцев социалистического космополитизма, напоминать, что отношение большевиков? К патриотизму «сейчас, когда мы обрели свою родину, далеко не таково, как во времена Кузьмы Крючкова, когда ленинцы стояли ша пораженческих позициях» (Вечерняя Москва. 1939. 8 мая).

Под «кузьма-крюковщиной» имелась в виду пропагандистская кампания, прославлявшая донского казака К.Ф. Крючкова (1890–1919) как народного героя мировой войны и обладателя первого за время войны Георгиевского креста. 20 августа 1939 года было выпущено специальное постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О редакциях литературно-художественных журналов». В нем были подвергнуты критике «идейные провалы», «протаскивание идеологически сомнительных и вредных тенденций наряду с отставанием этих журналов по своему содержанию от советской действительности и запросов советского читателя». В редакционной статье «Большевика» (1939. № 17), излагавшей это постановление, резко осуждались «вредные тенденции огульного охаивания патриотических произведений... под флагом борьбы с пресловутой «кузьма-крюковщиной» либо под флагом «высоких эстетических требований»».

Итоги войны с Финляндией еще раз высветили «отрицательные моменты» в подготовке Красной Армии к современной войне. В докладе начальника Главного политуправления РККА Л.З. Мехлиса отмечалось: «Слабо изучается военная история, в особенности русская. У нас неправильное охаивание старой армии, а между тем мы имели таких замечательных генералов царской армии, как Суворов, Кутузов, Багратион, которые останутся всегда в памяти народа как великие русские полководцы и которых чтит Красная Армия, унаследовавшая лучшие боевые традиции русского солдата. Эти выдающиеся полководцы забыты, их военное искусство не показано в литературе и остается неизвестным командному составу» (Исторический архив. 1997. № 5–6).

Патриотами становятся не только по доброй воле. Превентивный удар по потенциалу «пятой колонны»

Идеологическая кампания, связанная с принятием новой Конституции СССР и проведением первых выборов на ее основе, стала своеобразной ширмой, скрывавшей до предела обостренную к этому времени борьбу с инакомыслием в партии и в стране в целом. Истоки ее следует искать в стремлении И.В. Сталина и его окружения исключить возникновение новых оппозиций (и объединения их со старыми) в условиях проведения в жизнь дерзостных, порой авантюристических планов перестройки страны. Конфронтация в начале коллективизации с основной массой крестьянства также заставляла обратиться к испытанному ранее оружию — «красному террору» против «классовых врагов». Оправданием решительных мер стала необходимость быть во всеоружии перед угрозой со стороны гитлеровской Германии.

Раскручивание маховика репрессий в отношении оппозиционеров началось в 1932 году, когда приобрели известность материалы «Союза марксистов-ленинцев» во главе с М.Н. Рютиным. «Партия и пролетарская диктатура Сталиным и его кликой заведены в невиданный тупик и переживают смертельно опасный кризис», — утверждалось в обращении этой организации «Ко всем членам ВКП(б)». В октябре 1932 года члены Союза были осуждены к различным срокам заключения и ссылки. По этому делу были вновь исключены из партии и высланы Л.Б. Каменев и Г.Е. Зиновьев, обвиненные в том, что они были ознакомлены с платформой Союза, но не донесли об этом. Тогда же, в конце 1932 года, на основании доноса о намерении «убрать Сталина» были обвинены старые большевики Н.Б. Эйсмонт, А.П. Смирнов и В.Н. Толмачев. За контакты с этими обвиняемыми подверглись

очередной проработке бывшие «уклонисты» А.И. Рыков и М.П. Томский.

Казалось бы, XVII съезд партии свидетельствовал об окончательном утверждении Сталина на вершине властной пирамиды и о выходе из периода чрезвычайной политики. Однако на съезде были продемонстрированы явные симпатии влиятельных секретарей обкомов и ЦК республиканских компартий С.М. Кирову — члену Политбюро с 1930 года и новому секретарю ЦК партии, одновременно остававшемуся секретарем Ленинградских обкома и горкома ВКП(б). Возникали подозрения о возможности объединения оппозиции Сталину вокруг этой фигуры. 1 декабря 1934 года при невыясненных обстоятельствах Киров был убит. Видимо к этому же времени созрел план физического устранения всех действительных и вероятных противников Сталина, могущих стать организаторами и потенциалом, как стали говорить позднее, «пятой колонны», действующей в случае войны на стороне вражеской армии.

Громкое убийство было использовано для начала реализации плана. Официальным стал тезис, что «враги народа» проникли во все партийные, советские, хозяйственные органы, в руководство Красной Армии. В 1936–1938 годах прошли судебные процессы по делам «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» (август 1936 г., главные обвиняемые Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Г.Е. Евдокимов), «Параллельного антисоветского троцкистского центра» (январь 1937 г., главные обвиняемые Ю.Л. Пятаков, Г.Я. Сокольников, К.Б. Радек), «Антисоветской троцкистской военной организации в Красной Армии (июнь 1937 г., главные обвиняемые М.Н. Тухачевский, И.П. Уборевич, И.З. Якир), «Правотроцкистского антисоветского блока» (март 1938 г., Главные обвиняемые Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, Г.Г. Ягода). В результате этих и других процессов была физически ликвидирована значительная часть старой большевистской («ленинской») гвардии и многочисленные представители партийного и государственного аппарата, заподозренные в нелояльности и непригодности решать встававшие перед страной проблемы.

Репрессии 1930-х годов выросли, по существу, из старого идейного спора, возникшего между сталинистами и оппозицией после смерти Ленина. Внешне он шел между сторонниками Троцкого, считавшими невозможной победу революции в России без победы мировой революции, и сторонниками Сталина, тоже верившими в мировую революцию, но взявшими курс на построение социализма сначала в одной стране и превращение ее в мощный фактор победы мировой революции. Сама логика идеи «социализма в одной стране» уже в 1934 году привела к сознанию того, что он невозможен без опоры на наиболее многочисленный в СССР русский народ, его патриотизм и национальные традиции. Логика требовала выдвижения во власть нового слоя людей, героев строительства социализма в одной стране. Изменения в эшелонах власти были неизбежной реакцией огромной славянской страны на интернационалистические, космополитические эксперименты 1920-х и 1930-х годов, которые игнорировали национальный фактор. С другой стороны, чистки 1936–1938 годов можно рассматривать как один из последних этапов Гражданской войны, или, как выражался Сталин, «обострением классово-борьбы».

Согласно официальным данным, опубликованным в сборнике документов «Реабилитация: как это было» (М., 2000), в ходе этого «обострения» за 1936 год по делам НКВД были приговорены к расстрелу 1118 человек. В последующие два года «большого террора» число репрессированных достигло своего пика. В 1937 году — 353 074 приговоренных к расстрелу, в 1938 году — 328 618. Это означало, что на каждый день приходилось в среднем по 970 и 900 смертных приговоров. Жертвами массового террора становились не только руководители партийных, советских, хозяйственных, военных структур, но и многие рядовые члены партии, деятели науки и культуры, инженеры, рабочие, колхозники. В.М. Молотов, оправдывая эти репрессии, утверждал позднее, что 1937 год был необходим. «Если учесть, что мы после революции рубили направо-налево, одержали победу, но остатки врагов разных направлений существовали, и перед лицом грозившей опасности фашистской агрессии они могли объединиться. Мы обязаны 37-му году тем, что у нас во время войны не было пятой колонны». Даже подследственному Н.И. Бухарину, судя

по его декабрьскому (1937 г.) письму Сталину, «большая и смелая политическая идея генеральной чистки», захватывающая «виновных, подозрительных и потенциально-подозрительных», представлялась оправданной «в связи с предвоенным временем и переходом к демократии».

Новый нарком внутренних дел Л.П. Берия, назначенный 25 ноября 1938 года вместо отставленного, а затем обвиненного в заговоре Н.И. Ежова, начинал свою деятельность с амнистий. В 1939 году «за контрреволюционные и государственные преступления» были приговорены к смерти 2552 человека (7 человек в день), в 1940 году — 1649 человек (4–5 человек в день), в 1941 году, включая военное полугодие, — 8001 человек (24 человека в день). Масштабы репрессий сокращались. Видимо, есть некоторый резон и в суждениях Молотова и Бухарина. Но очевидно и другое. В результате репрессий, завершивших «революцию сверху», в стране окончательно утвердился режим личной власти Сталина, который умел подчиняться социальным и экономическим реальностям, но и в дальнейшем широко использовал страх и насилие наряду с иными методами управления обществом. Установившийся в СССР в конце 1930-х годов режим без авторитарного и дальновидного лидера сталинского типа не мог быть сколько-нибудь эффективным.

Многие из репрессированных погибли по обвинениям в национал-уклонизме, национализме, сепаратизме, шпионаже, измене родине. Репрессии были напрямую связаны с ощущением надвигающейся войны, со страхом перед «пятой колонной», с представлениями о враждебном окружении, под которым, кроме Германии, подразумевались в первую очередь страны, граничащие с СССР. Идеи национального и государственного патриотизма, военно-государственного противостояния, которые стали все в большей мере определять национальную политику с середины 1930-х годов, отодвинули на задний план традиционные схемы классовой борьбы, и во многом обусловили жестокость репрессий против всех, кто был прямо или косвенно связан с государствами «враждебного окружения». Отношение к немцам и японцам — гражданам стран вероятного противника, было с вызывающей откровенностью выражено в газете «Journal de Moscou», издававшейся в Москве 35-тысячным тиражом и распространявшейся за рубежом. «Не будет ни в коем случае преувеличением, если сказать, что каждый японец, живущий за границей, является шпионом, так же как и каждый немецкий гражданин, живущий за границей, является агентом гестапо».

20 июля 1937 года Политбюро ЦКВКП(б) постановило «дать немедленно приказ по органам НКВД об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах... О ходе арестов и количестве арестуемых сообщать сводки (ежедневные) в ЦК». Соответствующий приказ, касающийся всех германских подданных, был издан и введен в действие по телеграфу 25 июля. 30 июля был подписан второй приказ, касавшийся уже советских граждан немецкой национальности. В августе появились аналогичные решения и приказ относительно поляков, а затем и относительно корейцев, латышей, эстонцев, финнов, греков, китайцев, иранцев, румын. Под нож репрессий попали 30 938 советских граждан, ранее работавших на Китайско-Восточной железной дороге и вернувшихся в СССР после ее продажи в 1935 году. Вся эта группа лиц получила нарицательное имя «харбинцы». Из приказа НКВД от 20 сентября 1937 года следовало, что харбинцы в подавляющем большинстве являются агентурой японской разведки и подлежат осуждению в трехмесячный срок. 23 октября был издан приказ, в котором делался упор на то, что агентура иностранных разведок переходит границу под видом лиц, ищущих политического убежища, и предлагалось: «всех перебежчиков, независимо от мотивов и обстоятельств перехода на нашу территорию, немедленно арестовывать». Таким образом предавались суду и профессиональные революционеры, ответственные работники компартий, переходившие на территорию СССР в поисках лучшей жизни. По данным комиссии П.Н. Поспелова, работавшей перед XX съездом партии, в результате выполнения названных выше приказов к 10 сентября 1938 года было рассмотрено дел на 227 986 человек, в том числе осуждено к расстрелу 172 830 человек (75,8 %), к разным мерам наказания — 46 912 человек (20,6 %), передано на рассмотрение судов 3120 и возвращено к доследованию на 5124 человека (Реабилитация: как это было. М.,

2000. Т. 1).

Репрессии по национальному признаку не обошли и Красную Армию. 10 марта 1938 года Г.М. Маленков поручил Л.З. Мехлису подготовить списки армейских коммунистов — поляков, немцев, латышей, эстонцев, финнов, литовцев, болгар, греков, корейцев и представителей других национальностей, имевших государственные образования за пределами СССР. Указание было выполнено, и 24 июня того же года была издана директива наркома обороны, согласно которой из армии подлежали увольнению военнослужащие всех «национальностей, не входящих в состав Советского Союза». В первую очередь увольнялись все родившиеся или проживающие за границей, а также имеющие там родственников. Лица командно-начальствующего состава увольнялись из армии по приказам, имеющим особую нумерацию. После номера приказа за косой скобкой следовали буквы «оу» (например: Приказ № 115/оу), означавшие «особый учет». Уволенные с таким шифром (его называли «шифром Б.М. Фельдмана», по фамилии начальника управления по командному составу РККА) по прибытии на место жительства арестовывались. В числе уволенных с таким шифром были серб начдив Данило Сердич и поляк комбриг К.К. Рокоссовский.

По неполным сведениям (без данных по Киевскому и Забайкальскому округам, по Тихоокеанскому флоту и Дальневосточной флотилии), особыми отделами было выявлено 13 тысяч подлежащих увольнению «националов», 4 тысячи из которых уволены, 2 тысячи из числа уволенных арестованы. По директиве Наркомата обороны от 21 июня 1938 года из армии были уволены 863 политработника польской, немецкой, латышской, литовской, эстонской, китайской национальности. В июне — июле 1938 года производилась чистка армии по анкетным признакам (рождение, проживание или наличие родственников за границей). Из армии были уволены (и почти сразу в большей части арестованы) не только практически все военнослужащие и вольнонаемные «иностранных национальностей», но и немалое число представителей «национальностей Советского Союза». Согласно «Справке о числе уволенного начсостава РККА (без политсостава) в 1938 году по национальности», составленной в ноябре 1939 года в Управлении по командному и начальствующему составу РККА, всего за год было уволено 4138 командиров. Наибольшую часть уволенных составляли поляки (26,6 %), латыши (17,3 %), немцы (15 %) и эстонцы (7,5 %). Далее шли литовцы (3,7 %), греки (3,1 %), корейцы (2,9 %), финны (2,6 %), болгары (1,2 %). Среди уволенных были также венгры, чехи, румыны, шведы, китайцы — представители наций, «не входивших в состав народов СССР», и 710 человек (17,2 %) родившихся за пределами СССР русских, украинцев, белорусов, евреев и представителей других национальностей Союза ССР (Военно-исторический архив. 1998. № 3).

Аналогичным образом начиналась чистка другой силовой структуры. Н.И. Ежов, назначенный на пост наркома внутренних дел 26 сентября 1936 года, отмечал: «Придя в органы НКВД... начал свою работу с разгрома польских шпионов, которые пролезли во все отделы органов ЧК». В мае 1938 года ЦК партии дал указание об удалении из органов всех сотрудников, имеющих родственников за границей и происходивших из мелкобуржуазных семей. Массовая чистка органов госбезопасности была произведена после утверждения наркомом Л.П. Берия (25 ноября 1938 года). В 1939 году из органов госбезопасности были уволены 7372 человека (каждый пятый оперативный работник) и взято на оперативные должности 14,5 тысячи человек. Из руководящего состава НКВД (наркомы внутренних дел СССР и их заместители, начальники управлений и отделов центрального аппарата НКВД, наркомы внутренних дел союзных и автономных республик, начальники УНКВД краев и областей общей численностью 182 человека) исчезли поляки, латыши и немцы, значительно сократилось число евреев (с 21,3 % на начало сентября 1938 г. до 3,5 % к концу 1939 г.), места которых были замещены преимущественно русскими, украинцами, грузинами (Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. М., 1999). Среди сотрудников центрального аппарата НКВД, насчитывавшего к началу 1940 года около 3,7 тысячи человек, русских было 3073 человека (84 %), украинцев — 221 (6 %), евреев 189 (5 %), белорусов — 46 (1,25 %), армян — 41 (1,1 %), грузин — 24 (0,7 %), а также представители татар, мордвы, чувашей,

осетин и др.

Военными соображениями были продиктованы и решения об «очищении» приграничной полосы от проживавшего там населения, этнически родственного народам сопредельных стран, и других неблагонадежных граждан. В апреле 1936 года СНК СССР принял решение о переселении из Украины в Казахстан 15 тысяч хозяйств (45 тысяч человек) поляков и немцев. В 1937 году из районов Дальнего Востока были депортированы в Казахстан и Узбекистан 172 тысяч корейцев, несколько сот поляков, 11 тысяч китайцев. В этом же году из пограничной полосы Армении, Азербайджана, Туркмении, Узбекистана и Таджикистана вглубь страны переселялись 1325 граждан курдской национальности. Продолжалась очистка западного пограничья Украины и Белоруссии. В ноябре 1938 года началось переселение иранцев из приграничных районов Азербайджана. В последующие годы (особенно с включением в СССР Западной Украины и Западной Белоруссии, республик Прибалтики и Молдавской ССР, увеличившим население страны на 22 миллиона 599,8 тысячи человек и заметно изменившим национальный состав ее населения) политика депортаций получила дальнейшее развитие.

Наибольшую часть нового контингента депортированных составляли «польские осадники и беженцы». Осадниками называли переселенцев из Польши, в основном бывших военнослужащих польской армии, отличившихся в войне против Советской России в 1920 году и получивших в связи с этим землю в районах, населенных украинцами и белорусами. Кроме того, они выполняли определенные полицейские функции в отношении местного украинского и белорусского населения. Всего в 1940–1941 годах из Западной Украины и Западной Белоруссии, а также из Литвы было депортировано более 380 тысяч поляков. Наряду с поляками в ссылку были отправлены «осадники и беженцы» других национальностей. По данным на 1 апреля 1941 года, среди 177 043 депортированных осадников и беженцев, на которых имелись сведения о национальной принадлежности, было 54,6 % поляков, 33,3 % евреев, 5,3 % украинцев, 5,1 % белорусов. Незадолго до начала Великой Отечественной войны (главным образом 13 и 14 июня 1941 г.) было осуществлено выселение «антисоветских элементов» из Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Правобережной Молдавии. Большинство (85 716 человек) депортированных было расселено в Новосибирской области (22,5 %), в Алтайском крае (20,4 %), в Красноярском крае (20,5 %), в Казахской ССР (18 %), в Омской области (13,5 %), в Коми АССР (3,6 %), в Кировской области (2,4 %) (Население России в XX веке. М» 2001. Т. 2).

Растущей подозрительностью в отношении всех, кто был прямо или косвенно связан с враждебными Советскому Союзу государствами, была вызвана ликвидация многих культурно-образовательных и территориально-управленческих институций нацменьшинств. Г.М. Маленков, под руководством которого готовились документы по этому вопросу, 29 ноября 1937 года писал: «Сейчас полностью установлено, что в ряде случаев национальные районы были созданы по инициативе врагов народа для того, чтобы облегчить успешное развертывание своей контрреволюционной, шпионско-вредительской работы». (По результатам специального исследования, число «национальных» районов, то есть населенных национальными меньшинствами, на 15 июля 1934 года составляло свыше 240, а национальных сельских советов — свыше 5300. Более поздних официальных данных по этому вопросу не публиковалось.)

1 декабря 1937 года Оргбюро ЦК рассмотрело вопрос «О ликвидации национальных районов и сельсоветов» и признало «нецелесообразным дальнейшее существование как особых национальных районов, так и сельсоветов». В обосновании этого решения указывалось, что «в ряде областей и краев искусственно созданы различные национальные районы и сельсоветы (немецкие, финские, корейские, болгарские и др.), существование которых не оправдывается национальным составом их населения. Больше того, в результате специальной проверки выяснилось, что многие из этих районов были созданы врагами народа с вредительскими целями. Буржуазные националисты и шпионы, пробравшиеся на руководящие посты в этих районах, проводили антисоветскую работу среди населения,

запрещали в школах преподавание русского языка, задерживали выпуск газет на русском языке и т. п.». Постановление предписывало местным партийным комитетам к 1 января 1938 года представить в ЦК ВКП(б) предложения о ликвидации этих районов путем реорганизации в обычные районы и сельсоветы. Весь 1938 год шел процесс реорганизации районов. 16 февраля 1939 года Оргбюро ЦК утвердило постановления местных обкомов об этой реорганизации. Решение Оргбюро «О ликвидации и преобразовании искусственно созданных национальных районов и сельсоветов» окончательно было утверждено на заседании Политбюро 20 февраля 1939 года. В те же годы были ликвидированы некоторые из национальных округов (Витимо-Олекминский и Аргаяшский в Читинской области, Карельский в Калининской области). В результате численность национальных округов, районов и сельских советов в стране существенно уменьшилась.

Русский язык как средство общения на войне

Вместе с национальными районами решалась и судьба национальных школ в этих районах. Решением Оргбюро ЦК ВКП(б) «О национальных школах» от 1 декабря 1937 года было признано вредным «существование особых национальных школ (финские, эстонские, латышские, немецкие, английские, греческие и др.) на территории соответствующих республик» и предложено «реорганизовать указанные школы в советские школы обычного типа». Наркомпросу РСФСР предписывалось «представить в ЦК ВКП(б) предложения о ликвидации национальных педтехникумов, домов просвещения и др. культурно-просветительных учреждений». В обосновании постановления Оргбюро ЦК от 24 января 1938 года «О реорганизации национальных школ», так же как и в случае с национальными районами, делалась ссылка на проверку ЦК ВКП(б), показавшую, что «враждебные элементы, орудовавшие в наркомпросах союзных и автономных республик, насаждали особые национальные школы (немецкие, финские, польские, латышские, английские, греческие, эстонские, ижорские, китайские и т. п.), превращая их в очаги буржуазно-националистического влияния на детей. Практика насаждения особых национальных школ наносила огромный вред делу правильного обучения и воспитания, отгораживала детей от советской жизни, лишала их возможности приобщения к советской культуре и науке, преграждала путь к дальнейшему получению образования в техникумах и высших учебных заведениях». Учитывая все это, ЦК предлагал: «а) Реорганизовать особые национальные школы (немецкие, финские, польские, латышские, эстонские и др.) в советские школы обычного типа, а также ликвидировать существующие при обычных советских школах особые национальные отделения; б)...Необходимо особые национальные школы реорганизовать путем перевода их на учебные планы и программы советских школ обычного типа, с преподаванием или на языке соответствующей республики, или на русском, обеспечив эти школы учителями, произведя с осени 1938 года прием в эти школы детей и других национальностей... г) Наркомам просвещения союзных республик лично утвердить сроки, а также порядок реорганизации каждой особой национальной школы, закончив всю работу к началу учебного года, т. е. до 1 августа 1938 года; д) ЦК ВКП(б) обязывает ЦК нацкомпартий сообщить ЦК ВКП(б) о ходе выполнения настоящего указания не позднее 15 июля 1938 года».

Такая же судьба постигла и высшие школы для нацменьшинств, в которых долгое время готовились кадры для революции и партийно-государственного аппарата. В 1936 году был расформирован Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (имел секторы: литовский, еврейский, латышский, немецкий, польский, румынский, белорусский, болгарский, итальянский, молдавский, югославский, эстонский, финский), в 1938 году закрыт Коммунистический университет трудящихся Востока. Многие преподаватели и студенты университетов были арестованы. Стремлением отгородиться от враждебного окружения было продиктовано решение Оргбюро ЦК от 9 июня 1938 года о ликвидации существовавшего при Наркомпросе Союза эсперантистов СССР. В обоснование

этого шага утверждалось, что «переписка между эсперантистами СССР и капиталистических стран проходит без надлежащего контроля, что позволяет использовать эсперанто для шпионской и контрреволюционной работы». Многие эсперантисты были арестованы в 1937 году по обвинению в шпионаже и «троцкистском эсперантистском заговоре».

Перевод бывших школ национальных меньшинств народов, имевших государственность за пределами СССР, на язык советской республики, а чаще — на русский язык, позволил развернуть более масштабную работу по приобщению населения национальных республик и областей к русской культуре и средству общения между народами СССР. Огромную роль в этом сыграло постановление высших партийных и государственных органов об изучении русского языка во всех школах СССР. Разработка постановления была начата по решению октябрьского (1937) пленума ЦКВКП(б). Проект постановления, предусматривавшего «введение обязательного изучения русского языка, наравне с родным языком, во всех национальных школах» был разработан отделом школ Центрального Комитета к 5 марта 1938 года. 7 марта вопросы постановления обсуждались на совещании в ЦКВКП(б). В тот же день решением Политбюро ЦК была создана специальная комиссия под председательством А.А. Жданова, которой было поручено за «три-четыре дня» выработать окончательный текст постановления. При доработке документа звучание его заголовка было усилено. Представленный комиссией проект постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР назывался «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» и был утвержден решением Политбюро ЦК от 13 марта 1938 года. В марте — апреле 1938 года аналогичные постановления приняли во всех союзных республиках. Новые постановления не означали, что до них в национальных республиках не было обязательного преподавания русского языка. Оно существовало и раньше, но осуществлялось без единой централизованной системы, по-разному в разных республиках и областях, обычно не ранее, чем с третьего класса, уровень преподавания русского языка был низким. В Таджикистане, например, в 1937 году из 4132 национальных школ обучение русскому языку вели лишь 150–200 (или 4–5 %) школ.

Мартовское постановление СНК и ЦК обязывало ввести с 1 сентября 1938 года обучение русскому языку во всех нерусских начальных школах со второго класса и во всех неполных средних и средних школах — с третьего года обучения. Увеличивалось количество часов на изучение русского языка во всех национальных школах, расширялась подготовка учителей этого языка, активизировалось издание учебной и методической литературы. Вместе с тем в постановлении специально подчеркивалось, «что родной язык является основой преподавания в школах национальных республик, что исключения из этого правила, имеющие место в некоторых автономных республиках РСФСР, могут носить лишь временный характер и что тенденция к превращению русского языка из предмета изучения в язык преподавания, и тем самым к ущемлению родного языка, является вредной и неправильной».

Приобщение к русскому языку облегчалось переводом латинизированной письменности на кириллицу. В соответствии с решением Совета национальностей ЦИК СССР от 16 октября 1936 года на кириллицу была переведена письменность кабардинцев. Затем аналогичными мерами унифицировали письменность других народов РСФСР, имевших автономные республики и области, национальные округа. С 16 декабря 1939 года преобразования коснулись письменности «титulyных» народов ряда союзных республик — Узбекской, Азербайджанской, Таджикской, Туркменской, Киргизской, Казахской, Молдавской. Согласно статье в Малой советской энциклопедии, латинизированный алфавит был «уже не в состоянии обеспечить дальнейший культурный рост народов СССР», новый алфавит на основе русской графики встречался ими «как праздник социалистической культуры». Согласно «Правде», «обязательное преподавание русского языка в нерусских школах», введенное правительствами союзных и автономных республик с сентября 1938 года, означало, что он «становится международным языком социалистической культуры, как латынь была международным языком верхов раннего средневекового общества, как

французский язык был международным языком XVIII и XIX веков». Таким образом, языковая политика государства проводилась прежде всего ради приобщения всех народов СССР к «социалистической культуре» и сплочения их в новой «зональной» (впоследствии названной «новой исторической») общности людей.

Постановление СНК и ЦК от 13 марта 1938 года стало не только началом новой фазы в языковой политике государства. Оно позволяло ускорить наступление нового этапа в строительстве многонациональной советской армии. В статье 132-й Конституции СССР 1936 года было записано: «Всеобщая воинская обязанность является законом», воинская служба в РККА «представляет почетную обязанность граждан СССР». Реализовать этот закон в полном объеме становилось возможным лишь со знанием русского (языка армейских приказов, команд, уставов и наставлений) призывниками из национальных регионов. Условия для этого создавались к концу 1930-х годов, в том числе и постановлением об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей. (В документе отмечался один из основных мотивов его принятия, состоящий в том, что «знание русского языка обеспечивает необходимые условия для успешного несения всеми гражданами СССР воинской службы в рядах РККА и ВМФ».)

Практически одновременно с постановлением о языке ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О национальных частях и формированиях РККА» от 7 марта 1938 года, создававшихся со времен Гражданской войны по территориальному принципу. В 1920–30-е годы они выступали одной из основных форм привлечения к военной службе представителей национальностей, «ранее в армии вовсе не служивших (узбеки, туркмены, бурят-монголы, киргизы, часть народов Северного Кавказа и т. д.)». Сыграв свою положительную роль в годы Гражданской войны, национальные формирования, как гласило постановление от 7 марта 1938 года, «в настоящее время не могут оправдать своего назначения». Национальные формирования опирались на местные, культурные и хозяйственные условия, были прикованы к своей территории, что лишало возможности осуществлять подготовку бойцов и частей к действиям в различных условиях климата, быта и боевой обстановки. Между тем, как подчеркивалось в постановлении, «РККА и ВМФ являются вооруженными силами Советского Союза, призванными защищать государство в целом на всем протяжении его сухопутных и морских границ. Поэтому формирование вооруженных сил должно и может строиться только на общих для всех народов Союза основаниях». Возраставшая языковая подготовка позволяла призывать граждан национальных республик и областей к выполнению воинской службы на общих основаниях. Национальные военные училища, школы РККА также переформировывались «в общесоюзные с экстерриториальным комплектованием».

В сентябре 1939 года был принят закон «О всеобщей воинской обязанности», отменявший существовавшие ограничения при призыве на действительную военную службу и значительно расширивший призыв в армию «националов» без соответствующей языковой подготовки. Масштабы ее оказались неожиданно большими. Призывы в Среднеазиатском и Закавказском военных округах показали, что многие красноармейцы — узбеки, таджики, армяне, грузины и призывники других национальностей — не владеют русским языком. Между тем, как подчеркивал начальник Главного политуправления РККА, «с точки зрения армии, боец, не владеющий русским языком, больше, чем неграмотный, ибо с ним разговаривать нельзя. А между тем у нас поторопились прокричать о ликвидации неграмотности и стали изгонять из частей преподавателей русского языка» (Исторический архив. 1997. № 5–6).

Вновь открывшуюся проблему пришлось преодолевать на основе решения Политбюро ЦК от 6 июля 1940 года «Об обучении русскому языку призывников, подлежащих призыву в Красную Армию и не знающих русского языка».

Информационное обеспечение новой национальной политики

Национальная политика, определяемая сознанием особой значимости национального фактора в жизни страны, требовала соответствующего информационного обеспечения. Во второй половине 1930-х годов произошли существенные изменения в системе сбора информации о национальности граждан, национальном составе различных слоев и групп, позволявшие детальнее судить о процессах в национальной сфере общества. С 1935 года в аппарате ЦК вводилась новая форма учета номенклатурных кадров (так называемые справки-объективки), в которой впервые была предусмотрена графа «национальность». «Пятый пункт» официальных кадровых документов (анкет, справок и т. п.) становился для их обладателей таким же важным, как ранее судьбоносный пункт о социальном происхождении. Налаживался систематический учет национальности работников государственных учреждений. С 1937 года сведения о национальности стали приводиться в отчетах НКВД о составе заключенных. 16 мая 1938 года НКВД СССР приказал местным органам в обязательном порядке включать в свои отчеты данные о национальном составе арестованных. 2 апреля 1938 года был установлен новый порядок указания национальности в паспортах, а также в свидетельствах о рождении и других официальных документах, выдаваемых органами ЗАГС. Если раньше, с введения единой паспортной системы в СССР в 1932 году, в паспорте записывалась та национальность, к которой причислял себя сам гражданин, то теперь следовало исходить исключительно из национальности родителей, предъявляя при этом их паспорта и другие документы. «В 1939 году мы, — свидетельствует один из видных руководителей НКВД П.А. Судоплатов, — получили устную директиву, обязывавшую нас... следить за тем, какой процент лиц той или иной национальности находится в руководстве наиболее ответственных, с точки зрения безопасности, ведомств. Но директива эта оказалась куда более глубокой по своему замыслу, чем я предполагал. Впервые вступила в действие система квот».

Национальные диспропорции Попытки их исправления в канун войны

Политика явно определялась стремлением сгладить диспропорции в представленности советских национальностей в руководстве наиболее ответственных ведомств. Вопреки установке на преодоление фактического неравенства национальностей в государственном, культурном и экономическом отношениях и значительному продвижению общества по этому пути, годы советской власти были также временем возникновения нового неравенства, не отвечающего тенденции укрепления единства и консолидации народов Советского Союза. По показателям образованности, представленности в партийном и государственном аппаратах, в сферах науки и искусства в 1930-е годы с большим отрывом от других лидировала еврейская национальность. С переменой отношения к национальным меньшинствам и «великим возможностям русского народа» (Е.В. Тарле) такое фактическое неравенство стало восприниматься как ненормальное положение. Положение усугублялось игрой гитлеровского руководства Германии на противоречиях в СССР для дискредитации якобы «еврейской большевистской власти» в глазах «угнетенных ею» народов.

Власть была вынуждена со всем этим считаться. Летом 1936 года Сталин позвонил главному редактору газеты «Правда» Л.З. Мехлису и предложил дать русские псевдонимы евреям, работавшим в редакции газеты. Совет был принят к немедленному исполнению. В ту же ночь на улице Правды в Москве произошло «крещение евреев» (З.С. Шейнис). При назначении Молотова на пост наркома иностранных дел Сталин предложил: «Убери из наркомата евреев». «Слава Богу, что сказал! — говорил впоследствии Молотов. — Дело в том, что евреи составляли там абсолютное большинство в руководстве и среди послов. Это, конечно, неправильно». Власть демонстрировала готовность устранить «неправильности». Перемещения евреев с их постов в государственном аппарате и общественных организациях в пользу других национальных кадров не могло не восприниматься определенными кругами в СССР и за рубежом как проявление политики государственного антисемитизма.

Корректнее, на наш взгляд, считать, что «это была реакция огромной славянской страны на интернационалистические, космополитические эксперименты 1920-х и 1930-х годов, которые игнорировали национальный фактор», и рассматривать чистки 1936–1938 годы «как один из последних этапов Гражданской войны в России» (М.С. Агурский), заканчивавшейся разгромом проигравших в политических баталиях троцкистов, зиновьевцев, каменевцев, выдвиненцев и сторонников других лидеров оппозиции. В этой войне погибали, конечно, и евреи. Однако их потери, в относительном исчислении, не превышали потерь других народов СССР. В 1937–1938 годах, по данным Г.В. Костырченко, было арестовано 29 тыс. евреев, что составляло 1,8 % от общего числа арестованных. По данным за период с 1 января 1936 г. по 1 июля 1938 г. среди 1 420 711 арестованных было 30 542, или 2,1 % евреев. В составе всех лагерных заключенных, по данным на начало 1939 года, русские составляли 63 %, украинцы 13,8 %, белорусы 3,4 %, евреи 1,5 %. В населении страны, по данным переписи 1939 года, эти национальности, соответственно, насчитывали 58,4, 16,5, 3,1 и 1,8 %. Это означает, что среди заключенных русские и белорусы были представлены в 1,1 раза больше своего удельного веса в населении страны, украинцы — меньше в 1,2 раза, евреи — меньше в 1,4 раза. При политике государственного антисемитизма эти соотношения были бы, очевидно, иными.

Нет никаких оснований говорить об этом и при анализе изменений в национальном составе партийно-государственного аппарата и ближайшего окружения Сталина. Во время чисток середины 1930-х годов еврейская прослойка в ЦК партии в целом поредела. Однако стоит принять во внимание, как предлагает, например, С.Н. Семанов, что «большинство членов Политбюро и тогда имело родственные связи с евреями: у Молотова, Ворошилова, Калинина, Андреева, Шкирятова, Щербакова, Кирова жены были еврейками... Евреев было очень много в партийном аппарате, особенно в пропаганде, среди хозяйственников, среди видных интеллигентов и, отметим особенно — в карательных органах: Ягода — еврей, Ежов — женат на еврейке, Берия, как утверждают грузины, — еврей... Продолжать этот счет можно до бесконечности. Так как же мог быть Сталин антисемитом, когда евреи окружали его везде, к какой бы сфере деятельности он не обратился? И он уживался с евреями, если они хорошо работали, выполняли его волю. Но вот если плохо работали, да еще и своевольничали, — тут он мог быть безжалостным, но так же жесток он был с людьми другой национальности».

В 2002 году израильский автор Жозеф Тартаковский опубликовал составленный им справочник «Руководство СССР (1917–1991 годы)», в котором приведены биографические справки о 2326 руководящих деятелях на уровне членов и кандидатов в члены ЦК, наркомов и министров СССР, руководителей союзных республик и обкомов партии, военных деятелей (на уровне генералов армии и равных им по воинскому званию лиц). Данные о национальном составе элиты, представленные в таблице во втором томе справочника, показывают, что евреи при В.И. Ленине (1917–1922) составляли 13 % всего состава центральных органов власти, а в первый период правления И.В. Сталина (1923–1938) — 17 %, что превышало удельный вес любой другой национальности, кроме русских. Ж. Тартаковский пишет, что «эти цифры в известной мере опровергают расхожее представление о том, что И.В. Сталин всегда был ярким антисемитом, поскольку при нем (в первый период его деятельности) евреи активно выдвигались на руководящие посты». Нет оснований говорить о сталинском антисемитизме и применительно к его правлению в 1939–1953 годах. В этот период евреи составляли 3 % в составе центральных органов власти, что почти в два раза превышало удельный вес этой национальности в населении СССР.

Интернационализм должен опираться на здоровый национализм

В условиях начавшейся Второй мировой войны советское руководство лишь укрепилось в правоте избранного ранее курса национальной политики и воспитательной работы с населением. Война с Финляндией показала всю глубину заблуждений и тщетность

надежд на пролетарскую солидарность в предстоящей большой войне. Политуправление Красной Армии настраивалось искоренять «вредный предрассудок, что якобы население стран, вступающих в войну с СССР, неизбежно, и чуть ли не поголовно, восстанет и будет переходить на сторону Красной Армии, что рабочие и крестьяне будут нас встречать с цветами». Осуждались шапкозакидательские настроения и «ложные установки в деле воспитания и пропаганды в Красной Армии (лозунги: непобедимость Красной Армии, армия героев, страна героев и страна патриотов, теория абсолютного технического превосходства Красной Армии, неправильное освещение интернациональных задач и т. д.)». (Известия ЦК КПСС. 1990. № 3).

В канун войны появились признаки явных изменений политики государства в отношении религии и церкви. По данным переписи населения 1937 года, о вере в Бога заявило более 45 % населения СССР. При этом среди пожилых — верующих оказалось почти в два раза больше, чем неверующих, среди неграмотных доля верующих составляла 74 %. Это говорило о тщетности усилий по завершению атеизации населения за годы предыдущей «безбожной пятилетки». Возрождая некоторые русские традиции, власть сочла необходимым умерить антирелигиозный пыл партийных богоборцев. 11 ноября 1939 года на заседании Политбюро было принято решение, отменяющее указание Ленина от 1 мая 1919 года и все соответствующие инструкции, «касающиеся преследования служителей русской православной Церкви и православно-верующих». Наркомат внутренних дел получил указание произвести ревизию осужденных и арестованных граждан по делам, связанным с богослужительской деятельностью, «освободить из-под стражи и заменить наказание на не связанное с лишением свободы осужденным по указанным мотивам, если деятельность этих граждан не принесла вреда советской власти». Во исполнение этого решения к 22 декабря 1939 года было освобождено из лагерей около 13 тысяч человек, прекращены уголовные дела еще 11 тысяч человек, пересматривались дела в отношении 50 тысяч православноверующих, продолжавших отбывать наказание. В справке наркома внутренних дел на имя Сталина отмечалось о предстоящем освобождении 15 тысяч человек из этой категории осужденных. В конце 1930-х годов изменился характер работы цензурного ведомства. Хулиганские выходки и огульные оскорбления чувств верующих, обычные для раннеревolutionных лет и сочинений «воинствующих атеистов», теперь пресекались цензорами.

В самый канун Отечественной войны И.В. Сталин вознамерился было по-новому разъяснить связь между национальными и интернациональными основами патриотизма. «Нужно развивать идеи сочетания здорового, правильно понятого национализма с пролетарским интернационализмом, — говорил он Г. Димитрову в мае 1941 года, — Пролетарский интернационализм должен опираться на этот национализм... Между правильно понятым национализмом и пролетарским интернационализмом нет и не может быть противоречия. Безродный космополитизм, отрицающий национальные чувства, идею родины, не имеет ничего общего с пролетарским интернационализмом. Этот космополитизм подготавливает почву для вербовки разведчиков, агентов врага» (Вопросы истории. 2000. № 7). Отметим, что «правильно понятым национализмом» несколько не противоречит современным представлениям об этом феномене. Однако в мае 1941 года времени для радикальной перестройки разъяснительной работы в СССР уже не оставалось. Видимо, останавливал и страх перед полной реабилитацией национализма из-за возможного отождествления сталинской политики с гитлеровской.

Поражения СССР на первых этапах войны с Германией были вызваны многими причинами, в том числе и теми, что были связаны с изначально ошибочными установками национальной политики, обусловившими пороки в национально-государственном устройстве СССР, в отношении к дореволюционной отечественной истории и роли русского народа в межнациональных отношениях. Корректировка национальной политики, начавшаяся в конце 1924 года и особенно заметная с середины 1930-х годов, не позволила до конца преодолеть все эти изъяны. Процесс консолидации народов СССР в единый советский

народ оказался далеко не законченным. Не способствовали этому и репрессии. Политика утверждения общенационального советского патриотизма, призванная на смену политике раскалывания общества по классовым основаниям, к началу войны еще не стала столь действенной, как это изображалось в официальной пропаганде. Подготовка Советского Союза в этом отношении оказалась не завершенной. Все это сказалось уже в первые недели Великой Отечественной войны. Без решительного и открытого перехода правящей партии на национально-патриотические позиции защиты общенародных интересов победа в войне была бы недостижима.

Основная тенденция сталинской национальной политики: отступление от национал-нигилизма к государственному патриотизму

Анализ исторического материала показывает, что трансформация представлений о значимости национального фактора и роли русского народа в отечественной истории в 1920–30-е годы складывалась во многом стихийно. В целом же она определялась отказом от попыток непосредственной реализации идеи мировой революции и переходом с 1925 года к идеям «социализма в одной стране». Решения, определявшие курс партии в национальном вопросе, во многом перекликались с практикой принятия решений в другой важнейшей сфере жизни общества — экономической. История разработки экономического курса страны в 1920-е годы показывает, что метод, позволяющий отыскивать направление развития экономики, тоже складывался стихийно, и его суть состояла в том, что делались лишь такие уступки принципам экономики военного коммунизма, «без которых дальше режим удержаться у власти не может» (С.В. Цакунов). Курс на строительство социализма в одной стране с «железной» необходимостью вынуждал партию к отступлению на позиции национально-государственного коммунизма (национал-большевизма) и эсэсээровского патриотизма (национализма). Однако Сталин и другие идеологи партии не решились открыто признать, что национально-государственный социализм является единственной разумной альтернативой курса на мировую социалистическую революцию. Вместе с тем они были вынуждены считаться с опасностью утраты влияния и потери власти в партии, глубоко почитавшей Ленина и его учителей — Маркса и Энгельса. Утвердившись у власти как верный ученик Ленина, поклявшийся во всем следовать его заветам, Сталин решил и впредь открыто не ставить под сомнение его учение, продолжал обряжать свои взгляды в ленинские одежды.

Отсутствие реальной альтернативы доктрине национально-государственного коммунизма создавало благоприятные условия для эксплуатации национально-патриотической идеи. Благодаря этому национальная политика стала выражаться в уступках «истинного интернационализма», обрекавшего нацию на исчезновение, — национальному патриотизму, предполагающему ее сохранение, но и не исключающему эволюции, видоизменения. Важнейшими вехами на пути этих уступок после признания принципа федерализма вместо унитарности в государственном устройстве, осуществленного еще при Ленине, были: 1925 год — выдвижение лозунга о расцвете национальных культур при социализме вместо его категорического отрицания в дореволюционный период; 1930 год — отнесение времени появления «зональных» исторических общностей, приходящих на смену социалистическим нациям за пределы победы социализма в одной стране; 1934 год — возведение патриотизма, любви к Родине в ранг высшей доблести советского человека; восстановление отечественной истории в правах учебной и воспитательной дисциплины в школе вместо ее «отмены» в начале 1920-х годов; 1935 год — осуждение национального нигилизма в предшествующей деятельности коммунистической партии; 1936 год — возведение русского народа в ранг великой передовой нации вместо ее поношения в 1920-е годы как «бывшей угнетающей нации» и воплощения отсталости; рубеж 1937–1938 годов — изобретение для русского народа внешне привлекательной роли старшего брата, любовно и безвозмездно оказывающего помощь отсталым народам-братьям с тем, чтобы не делать

этого в обязательно-принудительном порядке возмещения исторического долга, неудачно предписанного русскому народу на заре советской власти.

Отечественная война — время решающих уступок русскому национальному самосознанию

Наиболее серьезные уступки русскому национальному сознанию были сделаны накануне и особенно в годы Второй мировой войны. И связано это было с надеждой на использование мощи национального фактора крупнейшего по численности народа СССР в противостоянии с агрессорами. В докладах о состоянии военной пропаганды среди населения, направленных в ЦК ВКП(б) Главным управлением политической пропаганды Красной Армии в мае 1940 года и в январе 1941 года, в ряду «ложных установок в деле воспитания и пропаганды», негативно сказавшихся в освободительных походах 1939–1940 годов и в войне с Финляндией, отмечались не только культ опыта Гражданской войны и отсутствие трезвой оценки сил армии. Вместо того чтобы воспитывать уверенность в своих силах, пропаганда скатывалась на путь бахвальства и хвастовства, создававших в армии и стране вредные настроения «ура-патриотизма» и «шапкозакидательства», зазнайство и самоуспокоенность. Осуждалось неумеренное славословие в адрес армии с использованием приторных эпитетов «великая и непобедимая», «всесокрушающая сила», «самая сознательная», «самая дисциплинированная», «армия героев» и т. п. В докладах говорилось о «неправильном освещении интернациональных задач», ставился вопрос о соотношении интернационализма и патриотизма в пропаганде и агитации.

Интернациональные задачи армии впредь предлагалось трактовать и пропагандировать следующим образом: «Красная Армия в любой войне выполняет свои интернациональные обязанности, но далеко не всегда выполнение этих обязанностей является главной задачей. В любой войне, которую поведет Советский Союз, основной задачей Красной Армии будет защита Советского Союза — отечества мирового пролетариата. Где и при каких бы условиях Красная Армия ни вела войну, она будет исходить из интересов Родины, из задачи укрепления силы и могущества Советского Союза. И только в меру решения этой основной задачи Красная Армия выполнит свои интернациональные обязанности». Что же касается основ патриотического воспитания красноармейцев, то в первом из цитируемых докладов особо подчеркивалось: «Ношу армию необходимо воспитывать на ее героических традициях и на героическом прошлом русского народа». Между тем, говорилось здесь же, «закон о каре за измену Родине, изданный в 1934 году, был забыт в армии. Военно-историческая пропаганда не велась».

Неудачи первого этапа войны поставили под сомнение коренные, казавшиеся ранее незыблемыми идеологические постулаты, определявшие жизнь советского общества, внутреннюю и внешнюю политику государства. Создание антигитлеровской коалиции приглушило антиимпериалистическую пропаганду. Международная классовая солидарность на поверку не обнаруживала своей действенности. Германские пролетарии вопреки ожиданиям и наивным призывам из советских окопов в массе своей вовсе не спешили повернуть оружие против своего эксплуататорского правительства и не выказывали никакого почтения к СССР как отечеству мирового (т. е. и германского тоже) пролетариата. Как и пролетарии других воюющих капиталистических государств, они никак не вдохновлялись идеей использовать мировую войну для свершения мировой коммунистической революции. Национальная солидарность оказалась и была признана силой, сплачивающей несравненно прочнее, нежели классовая, не только в стане врага, но и в самом СССР. В беседе с У. Гарриманом, координатором американской программы ленд-лиза, возглавлявшим делегацию CLUA на московском совещании представителей СССР, США и Великобритании 29 сентября — 1 октября 1941 года, Сталин сказал о своих соотечественниках: «Мы знаем, народ не хочет сражаться за мировую революцию; не будет он сражаться и за советскую власть... Может быть, будет сражаться за Россию».

С началом войны Сталин прекратил всякие попытки актуализировать популярную ранее идею о превращении войны в революцию. Руководитель «штаба мировой революции» Г. Димитров уже утром 22 июня получил указание: «Коминтерн пока не должен выступать открыто. Партии на местах развертывают движение в защиту СССР. Не ставить вопрос о социалистической революции. Советский народ ведет Отечественную войну против фашистской Германии. Вопрос идет о разгроме фашизма, поработившего ряд народов и стремящегося поработить и другие народы». На срочно собранном заседании Секретариата ИККИ Димитров повторил эти установки: «Мы не будем на этом этапе призывать ни к свержению капитализма в отдельных странах, ни к мировой революции», коммунисты должны включиться в борьбу «за национальную свободу», в качестве ее «руководящего элемента». В шифровках компартиям, секциям Коминтерна, отправленным в тот же день, подчеркивалось: «Учтите, что на данном этапе вопрос идет о защите народов против фашистского порабощения, а не о социалистической революции».

Эти же мысли прозвучали и в июльской речи Сталина. В ней был сделан особый упор на то, что война с фашистской Германией не должна рассматриваться как обычная война между армиями, это — «война всего советского народа», «всенародная отечественная война», «война за свободу нашего отечества», которая «сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы». Не забыл Сталин и национальные аспекты войны. Он говорил об опасности разрушения национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других народов Советского Союза, угрозе их онемечения, их превращения в рабов немецких князей и баронов.

В этой связи кажется совсем не случайным прекращение гонений на церковь, одним из признаков которого было обращение Сталина по радио к народу страны 3 июля 1941 года — «Братья и сестры!», — характерное для православных священнослужителей. В тяжелейшие дни начала войны Сталин, может быть «инстинктивно понял», а скорее, исходя из сугубо рационалистических и прагматических соображений, пришел к заключению, «что ни его социальная система, ни власть не удержатся под ударами немецких армий, если не обратиться к исконным стремлениям и самобытности русского народа» (М. Джилас).

К июлю Сталин, скорее всего, уже прочитал «Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви» Патриаршего местоблюстителя, митрополита Московского и Коломенского Сергия (до пострижения в монахи в 1890 г. — И.Н. Страгородский). Оно было написано рано утром 22 июня, оглашалось в церквях с первых дней войны и, таким образом, было уже известно значительной части верующего населения страны. В своем послании высший иерарх церкви писал:

В последние годы мы; жители России; утешали себя надеждой, что военный пожар, охвативший едва не весь мир, не коснется нашей страны. Но фашизм, признающий законом только голую силу и привыкший глумиться над высокими требованиями чести и морали, оказался и на этот раз верным себе. Фашиствующие разбойники напали на нашу родину. Попирая всякие договоры и обещания; они внезапно обрушились на нас; и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить наш народ на колени перед неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему отечеству.

Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божью помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге перед родиной и верой, и выходили победителями.

Не посраим же их славного имени и мы — православные, родные им и по

плоти и по вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может. Тут есть дело рабочим, крестьянам, ученым, женщинам и мужчинам, юношам и старикам. Всякий может и должен внести в общий подвиг свою долю труда, заботы и искусства.

Вспомним святых вождей русского народа, например, Александра Невского, Дмитрия Донского, полагавших свои души за народ и родину. Да и не только вожди это делали. Вспомним неисчислимы? тысячи простых православных воинов, безвестные имена которых русский народ увековечил в своей славной легенде о богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче; разбивших наголову Соловья-разбойника.

Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг.

Если кому, то именно нам нужно помнить заповедь Христову: «Больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя». <...> Положим же души своя вместе с нашей паствой...»

Первоиерарх церкви призвал священнослужителей не оставаться молчаливыми наблюдателями за ходом войны, а ободрять малодушных, утешать огорченных, напоминать о долге колеблющимся. Сталин не мог не обратить внимание на то, что аргументы иерарха в главном совпадали с аргументами руководителей государства, а также на то, что слово предстоятеля РПЦ несло огромный заряд патриотизма, указывало на глубинный исторический источник народной силы и веры в конечную победу над врагами. Важнейшее совпадение обнаруживалось и в необходимости определения начавшейся войны не как классовой, а как всенародной, Отечественной, патриотической. По некоторым сведениям, в июле 1941 года состоялась краткая встреча Сталина с митрополитом Сергием, которой оба остались довольны. Как бы то ни было, фактическая нормализация отношений между церковью и государством прослеживается с самого начала войны. В стране прекратились антирелигиозная пропаганда и выход в свет журналов «Безбожник», «Антирелигиозник» и др.

Вероятно, в соответствии с новым видением соотношения интернациональных и патриотических задач и обязанностей советских людей уже в июле 1941 года была издана книга «Героическое прошлое русского народа в художественной литературе», в которой это прошлое представлялось наиболее яркими страницами истории с древнейших времен (былинны богатыри) и кончая начавшейся войной с фашистской Германией.

Воскрешение вдохновляющих традиций старой русской армии выразилось, в частности, в возрождении гвардейских званий. Слово «гвардия», появившееся в России еще в петровское время, всегда означало самые отборные, боеспособные, отличающиеся особым мужеством войска. Появление этого слова в приказе Ставки ВГКот 18 сентября 1941 года свидетельствовало о том, что лучшие боевые традиции, основой которых была преданность Родине, перешли из русской армии в советскую. О воскрешении традиций и восстановлении связи с героическим прошлым страны свидетельствовало и сталинское напутствие войск на знаменитом параде 7 ноября 1941 года.

Вслед за предстоятелем Русской православной церкви Сталин призвал помнить имена тех, кто создал и защитил Россию, ее исторических героев, Александра Невского, Дмитрия Донского, Александра Суворова, Михаила Кутузова. 10 декабря 1941 года был отдан приказ о снятии со всех военных газет лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», чтобы он не мог «неправильно ориентировать некоторые прослойки военнослужащих». Спасение страны и социализма виделось в превращении войны в отечественную, национальную, а не классовую. Идеологический поворот, связанный с внедрением в коммунистическую идеологию национально-патриотических лозунгов, признание духовно-культурных ценностей дореволюционной России великим достоянием СССР с позиций

коммунистического фундаментализма были временным отходом от идей революции и пролетарского интернационализма и могли быть терпимыми лишь как вынужденная уступка. Английский журналист А. Верт, автор книги «Россия в войне 1941–1945» (1964), нашел этому идеологическому повороту довольно точную аналогию: в СССР «был провозглашен националистический нэп». Выбор в пользу такого нэпа оказался единственно верным. Идеологический поворот, совершенный руководством страны в начале войны, во многом обусловил коренной поворот в ходе войны и в конечном итоге саму Победу. Как позднее написал И. Солоневич, «разгром Гитлера есть, конечно, результат национального чувства, взятого в его почти химически чистом виде».

Фашистская пропаганда и оккупационная политика не могли не обострять существовавшие в стране противоречия, в частности, в межнациональных отношениях. Одним из результатов этого стала подлинная трагедия еврейского населения на оккупированной гитлеровцами территории СССР. Например, в Литве, где до ее включения в СССР евреи составляли заметную часть компартии, ситуация кардинально менялась в 1940 и в 1941 годах. «В первые советские годы, — пишет А. Бразаускас в книге своих воспоминаний, изданной в 2002 году, — некоторые евреи стали активными сторонниками оккупационного режима и оказались вовлечены в репрессивные акции по выселению невинных людей в Сибирь. Следует отметить, что ссылке подверглась и большая часть зажиточного еврейства, владельцы предприятий, а также члены национальных партий — не только «буржуазной» сионистской, но и социалистического Бунда... Когда Литву заняли немцы, новые активисты поставили знак равенства между евреями и коммунистами, т. е. преступления отдельных людей перенесли на всю еврейскую общину. Вдохновителями и организаторами еврейского геноцида были власти гитлеровской Германии, но, к нашему стыду и боли, в экзекуции было вовлечено и немало литовцев». В одной из инструкций Фронта активистов Литвы, учрежденного еще в 1940 году, указывалось, что литовским коммунистам «только тогда будет прощение, если они на деле докажут, что ликвидировали хотя бы по одному еврею». 22 июня 1941 года в воззвании этого фронта говорилось: «Наступил решающий час окончательного расчета с евреями. Старое право прибежища, предоставленное евреям во времена Витаутаса Великого, полностью и окончательно отменяется». Хотя многие литовцы, пишет далее Бразаускас, «рискуя жизнью, спасали евреев», в Литве за годы войны «почти полностью погибла одна из самых многочисленных еврейских общин Европы — более 200 тысяч человек».

В масштабах СССР «еврейский вопрос» не мог не обостряться и из-за явного несоответствия представленности этой национальности в руководящей и культурной элите, среди эвакуированных и на фронте, на чем особенно успешно играли гитлеровцы. Согласно переписи 1939 года евреи насчитывали 1,8 % населения СССР. К началу войны их доля в населении увеличилась до 2,5 %. По данным Совета по делам эвакуации на начало декабря 1941 года, евреи составляли 26,9 % от всех эвакуированных из районов, которым грозила оккупация гитлеровскими войсками. Среди мобилизованных на фронт евреи составляли 1,4 %, среди погибших в войну военнослужащих — 1,6 %.

Партии пришлось фактически признать изъятия в проводимой прежде национальной политике. Так, в докладной записке управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарям ЦК партии от 17 августа 1942 года отмечалось, что «в течение ряда лет во всех отраслях искусства извращалась национальная политика партии». Выразилось это в том, что «в управлениях Комитета по делам искусств и во главе учреждений русского искусства оказались нерусские люди (преимущественно евреи)». Такие же «извращения» были обнаружены в Большом театре Союза ССР, в Московской государственной консерватории, в музыкальной критике, в отделах литературы и искусства центральных газет. В результате производилось «частичное обновление» руководящих кадров не только в учреждениях культуры, но и в других учреждениях и ведомствах.

Однако, как отмечается по результатам специального исследования, в годы войны инициатива управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) «не привела к каким-то

организационным выводам и значительным кадровым перемещениям. Скорее всего, она в данный момент не нашла поддержки у советского вождя и его ближайшего окружения». Никак не сказалась на ситуации в Союзе писателей Украины докладная записка руководителя НКВД Украины на имя Н.С. Хрущева от 27 марта 1943 года о том, что видные деятели украинской культуры А.П. Довженко и Ю.И. Яновский находят ненормальным, когда Союз возглавляет еврей по национальности (Альтман И.А. Жертва ненависти. М., 2002).

В коренном переломе военной ситуации в пользу СССР обнаружила себя несопоставимость духовных потенциалов агрессора и жертвы. Человеконенавистнической идеологии расизма и геноцида по отношению к порабощаемым народам советская сторона противопоставляла такие общечеловеческие идеи, как национальная независимость, солидарность и дружба народов, справедливость, гуманизм. Несмотря на то что практическая политика по претворению этих принципов в СССР была далека от идеалов, их постоянное декларирование сохраняло надежду на их полное воплощение в жизнь после победы. Популярнейшая кинокартина «Свинарка и пастух», повествующая о любви русской девушки и парня из Дагестана, была близка своим гуманистическим пафосом умам и сердцам миллионов людей. Этот же пафос привлекал к СССР и симпатии демократической общественности за рубежом, обеспечившие расширение помощи в его борьбе с фашизмом.

В идеологической области все годы войны проводилась линия на укрепление патриотизма и межнационального единства народов СССР. В ряды Красной Армии призывались граждане всех национальностей, на фронте они сражались за общую Родину. В самую тяжелую пору войны, когда довоенная армия была, по сути дела, уничтожена врагом, а украинские и белорусские земли оккупированы, пришлось в большей мере использовать демографический потенциал неславянских народов СССР. Создавались национальные воинские формирования, в значительной мере из-за слабого знания русского языка призывниками. Национальные республики Востока приняли эвакуированные предприятия, вовлекались в налаживание их работы, вносили посильный вклад в общую борьбу. Укрепление братского содружества народов было одной из ведущих тем пропаганды и приносило свои плоды. Хотя в годы войны имели место многие случаи измены и предательства среди представителей разных национальностей, проявлялось и недоверие к некоторым народам, дружба народов в целом выдержала тяжелое испытание.

По ходу войны объективно и во все большей мере возрастала роль русского народа. Удельный вес русских в рядах сражающихся был особенно велик в самый трудный период войны. Это заставляло руководство страны чаще обращаться, как к наиболее вдохновляющим — к исконным стремлениям и ценностям русского народа, к его историческим корням и самобытным традициям. Классовые, социалистические ценности заменялись обобщающим понятием Отечества. В пропаганде перестали делать особый упор на принцип классового интернационализма. Утверждению этих тенденций способствовала смена руководства Главного политического управления Красной Армии, произошедшая весной 1942 года. Патриота-интернационалиста Л.З. Мехлиса на ответственном посту начальника ГлавПУ РККА сменил А.С. Щербаков, имеющий стойкую репутацию патриота-государственника. В 1942 году была начата работа по замене «Интернационала» на патриотический гимн. Роспуск Коминтерна в мае 1943 года ускорил работу над созданием гимна, в котором был бы отражен исторический путь народов страны, а не борьба международного пролетариата. Сначала 1944 года официальные торжественные мероприятия и ежедневные передачи советского радио начинались с исполнения гимна о нерушимом союзе республик, сплоченных навеки Великой Русью. В основу гимна была положена величественная музыка А.В. Александрова с ее устремленностью и призывом к подвигу, так необходимыми сражающейся стране.

Огромную вдохновляющую роль сыграло учреждение орденов в честь великих предков русского народа — Александра Невского, Суворова, Кутузова (июль 1942 г.), позднее — ордена Богдана Хмельницкого (октябрь 1943 г.; орден воодушевлял украинцев в их борьбе за

изгнание оккупантов, за свою национальную будущность), орденов и медалей Ушакова и Нахимова (март 1944 г.). Советской армии возвращаются традиционная форма русской военной одежды с погонами (январь 1943 г.), офицерские звания. Учреждаются Суворовские училища типа старых кадетских корпусов. На фронте и в тылу пропагандистская работа организуется на основе директивы о воспитании советского патриотизма на примерах героического прошлого русского народа. Практическим пособием в проведении этой работы стала книга «Героическое прошлое русского народа», изданная массовым тиражом в августе 1943 года.

В октябре 1944 года на самом высоком уровне рассматривался (был подготовлен соответствующий проект Указа Президиума Верховного Совета СССР) вопрос об официальном разрешении военнослужащим носить полученные еще в Первую мировую войну солдатские Георгиевские кресты. Были задуманы ордена, носящие имена Дениса Давыдова (для награждения партизан), Николая Пирогова (офицерам-медикам). Для гражданских лиц проектировался орден Михаила Ломоносова, а также медали, носившие имена Чернышевского, Павлова, Менделеева. Известны и проектные рисунки советского ордена «Петр Великий». Проекты остались не осуществленными, видимо, из-за отсутствия острой необходимости в дальнейшем поощрении «националистической» тенденции в наградном деле.

В мае 1943 года, когда события на фронте для советской стороны вновь поворачивались к худшему, а Второй фронт еще не был открыт, руководство ВКП(б) пошло на принятие одного из самых сенсационных за годы войны решений. Был распущен Коминтерн, известный всему миру как «штаб мировой революции». Такая идея впервые выдвигалась еще в апреле 1941 года. Тогда она мыслилась как разменная карта в торге с Гитлером. На этот раз важно было как можно скорее добиться укрепления союзнических отношений с западными капиталистическими странами ради расширения их помощи советскому народу в его борьбе. Между тем эти отношения в мае 1943 год совсем не удовлетворяли СССР, причем настолько, что советские послы М.М. Литвинов и И.М. Майский были отозваны из столиц США и Великобритании.

О предстоящем роспуске Коминтерна было объявлено в прессе 15 мая, в самом начале Вашингтонской конференции Рузвельта и Черчилля, от которой зависело, будет ли открыт в 1943 году Второй фронт. Объявление было положительно воспринято в странах Запада, особенно в США, и привело к укреплению отношений этих стран с Советским Союзом.

При обсуждении постановления о роспуске Коминтерна на заседании Политбюро ЦКВКП(б) 21 мая было отклонено предложение М.И. Калинина сохранить эту организацию и перенести центр ее деятельности в одну из западных стран, например, в Лондон. Отстаивая необходимость роспуска, Сталин говорил: «Опыт показал, что и при Марксе, и при Ленине, и теперь невозможно руководить рабочим движением всех стран мира из одного международного центра. Особенно теперь, в условиях войны, когда компартии в Германии, Италии и других странах имеют задачи свергнуть свои правительства и проводить тактику пораженчества, а компартии СССР, Англии и Америки и другие, наоборот, имеют задачи всемерно поддерживать свои правительства для скорейшего разгрома врага. Есть и другой мотив для роспуска КИ, который не упоминается в постановлении. Это то, что компартии, входящие в КИ, лживо обвиняются, что они являются якобы агентами иностранного государства, и это мешает их работе среди широких масс. С роспуском КИ выбивается из рук врагов этот козырь. Предпринимаемый шаг несомненно усилит компартии как национальные рабочие партии и в то же время укрепит интернационализм народных масс, базой которого является Советский Союз».

Сталинское «якобы» было весомым аргументом. Принимался во внимание и довод старейшего члена ИККИ В. Коларова, который утверждал, что Коминтерн «давно перестал быть на деле руководящим органом. Перестал потому, что изменилась обстановка. Существует СССР, этот новый фактор такой огромной силы, что Коминтерн является архаизмом. Коминтерн был создан в момент революционной бури, но надежды на быструю

революцию не оправдались». Распуская Коминтерн, ни Политбюро, ни бывшее руководство КИ не собирались отказываться от контроля и руководства коммунистическим движением в мире. Они стремились лишь избежать их афиширования, доставляющего определенные неудобства и издержки. Вместо Коминтерна в ЦК ВКП(б) был создан отдел международной информации во главе с Г. Димитровым, а после войны был образован Коминформ. Работа, которую до мая 1943 года вел Коминтерн, приобрела еще больший размах.

С 1943 года получило известность сталинское суждение, во многом определившее последующую национальную политику: «Необходимо опять заняться проклятым вопросом, которым я занимался всю жизнь, но не могу сказать, что мы его всегда правильно решали... Это проклятый национальный вопрос... Некоторые товарищи еще недопонимают, что главная сила в нашей стране — великая великорусская нация... Некоторые товарищи еврейского происхождения думают, что эта война ведется за спасение еврейской нации. Эти товарищи ошибаются, Великая Отечественная война ведется за спасение, за свободу и независимость нашей Родины во главе с великим русским народом».

Сугубо прагматическими соображениями было вызвано и широко разрекламированное решение пленума ЦК ВКП(б) от 27 января 1944 года «о расширении прав союзных республик в области обороны и внешних сношений». Решение было связано с предстоящей организацией ООН и предложениями МИДа добиваться включения в состав ООН всех 16 советских республик. Попытаться сделать это можно было, придав (хотя бы символически) больше прав, самостоятельности, суверенности союзным республикам, и сделать их тем самым такими же субъектами мирового сообщества, какими являлись британские доминионы (Канада, Южно-Африканский союз, Австралия, Новая Зеландия) и колония (Индия). В расчете на это были приняты указы Верховного Совета СССР о преобразовании союзных наркоматов обороны и иностранных дел в союзно-республиканские. Проекты доклада В.М. Молотова и указов Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело 26 января, пленум — 27 января, а Верховный Совет СССР — 1 февраля.

Необходимость предложенных мер мотивировалось результатами политического, экономического и культурного роста союзных республик. Подчеркивалось: «В этом нельзя не видеть нового важного шага в практическом разрешении национального вопроса в многонациональном советском государстве, нельзя не видеть новой победы нашей ленинско-сталинской национальной политики». Конституция СССР была дополнена статьей 18: «Каждая союзная республика имеет право вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями». Республики получили конституционное право иметь самостоятельные воинские формирования. Истинные цели просматривались в заявлении В.М. Молотова на пленуме ЦК: «Это очевидно будет означать увеличение рычагов советского воздействия в других государствах. Это будет также означать, что участие и удельный вес представительства Советского Союза в международных органах, конференциях, совещаниях, международных организациях усилятся».

Однако на практике в это же время набирала силу тенденция прямо противоположного характера. По предложению НКВД 31 января 1944 года ГКО принял постановление о выселении чеченцев и ингушей в Казахскую и Киргизскую ССР и фактически предрешил ликвидацию Чечено-Ингушской АССР. За годы войны это был уже четвертый случай ликвидации советского национально-государственного образования (в 1941 г. были выселены немцы Поволжья, в 1943 г. — карачаевцы и калмыки). Явно противоречили декларациям о всестороннем росте национальных республик постановления ГКО от 13 октября 1943 года и от 25 октября 1944 года о прекращении призыва в Вооруженные силы представителей коренного населения Средней Азии, Закавказья, Северного Кавказа.

Легализация Русской Православной церкви — одна из националистических реформ?

Тяготы войны, утраты и лишения оживили религиозные настроения в народе, он открыто потянулся к церкви. Власть высоко ценила ее патриотическую деятельность по сбору денежных средств и вещей для нужд фронта. Она делала все новые и новые шаги к признанию важной роли церкви. Церкви была отведена типография практически прекратившего существовать Союза воинствующих безбожников. В ней в 1942 году была напечатана большая книга под названием «Правда о религии в России», предназначенная, главным образом, для пропаганды за границей. В книге говорилось о полной свободе религии в СССР, отмечался традиционный патриотизм Русской Православной церкви от Александра Невского до наших дней, подчеркивалась тесная связь между русским народом и его церковью, говорилось о необходимости обращения к Богу, так как только Его помощь может обеспечить победу. Советскую кинохронику, посвященную победам Красной Армии в битве под Москвой в декабре 1941 года, открывали немислимые еще недавно кадры: колокольный звон московских церквей; крестный ход, возглавляемый православным духовенством в полном облачении с высоко поднятыми крестами; встречи армейских колонн в освобожденных городах местными жителями с иконами; солдаты, осеняющие себя крестным знаменем и прикладываящиеся к святым образам; освящение танковой колонны, построенной на пожертвования верующих. В марте 1942 года в Ульяновске был созван первый за время войны Собор епископов. На нем была рассмотрена ситуация в Русской Православной церкви и осужден епископ Луцкий Поликарп (П.Д. Сикорский) за сотрудничество с фашистами и восстановление на оккупированной немцами территории неканонической Украинской автокефальной церкви.

Весной 1942 года власти впервые способствовали организации религиозного празднования православной Пасхи. 2 ноября 1942 года один из трех высших иерархов РПЦ, митрополит Киевский и Галицкий Николай (Б.Д. Ярушевич), управляющий Московской епархией, был включен в Чрезвычайную государственную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Большое значение имело также и то, что руководство церкви осуждало представителей духовенства, сотрудничавших с оккупантами. Были осуждены как «изменники веры и отечества» митрополиты Сергей (Прибалтика) и Алексей (Украина), архиепископ Филофей (Белоруссия) и другие иерархи церкви. Это не могло не сокращать общих масштабов коллаборационизма на оккупированных территориях.

4 сентября 1943 года состоялась встреча Сталина с митрополитами Сергием, Алексием и Николаем, во время которой был очерчен круг неотложных вопросов и решений для нормализации государственно-церковных отношений в СССР. Сразу же после встречи патриархии был передан особняк (Чистый переулок, дом 5), занимаемый ранее германским послом Ф. Шуленбургом. 8 сентября был созван Архиерейский Собор для избрания патриарха, престол которого пустовал со дня смерти Патриарха Московского и всея России Тихона (В.И. Белавин) в 1925 году. 12 сентября Архиерейский Собор в составе 19 иерархов (3 митрополита, 11 архиепископов и 5 епископов) избрал митрополита Московского Сергия новым Патриархом Московским и всея Руси. Затем Сергей уже в новом качестве объявил об образовании совещательного органа при патриархе — Священного синода из трех постоянных и трех временных членов. Собор принял актуальный для военного времени документ, в котором говорилось, что «всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик — лишенным сана». Не менее значимым было обращение Собора к христианам всего мира с призывом «объединиться во имя Христа для окончательной победы над общим врагом».

8 октября 1943 года был образован Совет по делам Русской Православной церкви при СНК СССР. С конца года открываются для службы храмы, растет число православных общин, возвращается из лагерей репрессированное духовенство. 28 ноября 1944 года было принято правительственное решение об открытии православного богословского института и богословско-пастырских курсов для подготовки кадров священнослужителей.

По мере освобождения советских земель от оккупантов в лоно РПЦ возвратились монастыри и храмы, в большом количестве открытые по разрешению немецких оккупационных властей в целях противопоставления их советской власти. Всего за три года на занятой гитлеровцами территории было восстановлено около 9400 церквей, более 40 % от их дореволюционного количества. В то же время фашистское нашествие привело к разрушению 1670 православных храмов, 237 костелов, 532 синагог, 69 часовен, 258 других культовых зданий. Религиозная свобода допускалась гитлеровцами, в принципе враждебными всякой форме христианства, временно. В последующем, как писал идеолог нацизма А. Розенберг, «христианский крест должен быть изгнан из всех церквей, соборов и часовен и заменен единственным символом — свастикой». Однако первый этап религиозной политики гитлеровцев на оккупированной территории оказал существенное влияние на государственно-церковные отношения в СССР.

Кульминацией признания роли и авторитета церкви стало проведение 31 января — 2 февраля 1945 года Поместного собора РПЦ, созванного в связи со смертью Патриарха Сергия. В работе Собора участвовали 41 архиепископ и епископ, 126 протоиереев приходского духовенства, а также делегации семи автокефальных церквей, что позволяло проводить параллели с Вселенским собором, не созывавшимся несколько столетий. Собор принял «Положение об управлении Русской Православной церкви», которым Московская патриархия руководствовалась до 1988 года, и избрал тринадцатым Патриархом Московским и всея Руси ленинградского митрополита Алексия (С.В. Симанский), возглавлявшего РПЦ в течение последующих 25 лет.

Урегулирование государственно-церковных отношений в годы войны распространилось и на другие религиозные объединения. Постановлением правительства СССР от 19 мая 1944 года был образован Совет по делам религиозных культов при СНК СССР. В его функции входило взаимодействие между Совнаркомом и руководителями неправославных конфессий. В годы войны в дополнение к Духовному управлению мусульман, которое находилось в Уфе, были созданы еще три самостоятельных управления: Средней Азии (г. Ташкент), Закавказья (г. Баку) и Северного Кавказа (г. Буйнакск). Управления занимались патриотическим воспитанием мусульман, собирали средства для семей фронтовиков и на постройку боевой техники, призывали верующих на перевыполнение плановых заданий, формировали положительный образ страны в мире.

К концу войны в СССР действовало 10 547 православных церквей и 75 монастырей, в то время как перед началом Второй мировой войны было только около 380 церквей и ни одного действующего монастыря. В 1945 году Русской Православной церкви возвращается Киево-Печерская Лавра, из запасников музеев передаются в действующие храмы «чудотворные мощи», изъятые в 1920–30-х годах. Размах и интенсивность религиозного возрождения в СССР в годы войны позволяют говорить об этом времени как о «втором крещении Руси». Открытые церкви стали новыми центрами русского национального самосознания. Христианские ценности становились важнейшим элементом национальной идеологии и культуры. Некоторые исследователи (например, Ж.А. Медведев) неодобрительно пишут о войне как о времени, когда была осуществлена «наиболее важная националистическая реформа — полная легализация Русской Православной церкви». На наш взгляд, более верным и значимым является суждение доктора церковной истории митрополита Иоанна (в миру И.М. Снычев) о том, что отступление богоборческой власти в войне с церковью и сталинский тост «за русский народ» подводили черту «под изменившимся самосознанием власти, сделав патриотизм наряду с коммунизмом официально признанной опорой государственной идеологии». (Многократно возросшая роль РПЦ в постсоветское время характеризуется следующими данными: число епархий РПЦ к нашим дням увеличилось до 130, количество монастырей — до 545, число приходов приблизилось к 20 тысячам. РПЦ насчитывает 19,4 тысячи священнослужителей.)

На верующих в годы войны оказывало особенно большое влияние пророчество митрополита Гор Ливанских Илии Салиба (в миру Караме) из Антиохийского патриархата.

Как рассказывают историки церкви, в начале войны митрополит несколько дней подряд молился перед иконой Божией Матери в древней пещерной церкви монастыря «Дейр Сайдет эль Нурия» (в переводе на русский — «Монастырь Божией Матери, несущей свет»), расположенного в 60 километрах к северу от Бейрута в высокой скале. Илия просил Богородицу за далекий Советский Союз, за Россию. «Спустившись в каменное подземелье... где не было ничего кроме иконы Божией Матери, Владыко затворился там. Не вкушал пищи, не пил, не спал, а только молился Божией Матери, и просил ее открыть, как можно помочь России. Каждое утро Владыке приносили сводку о числе убитых на фронтах и о том, куда дошел враг. И вот через трое суток, в огненном столпе явилась ему Сама Матерь Божия и объявила, что он, как истинный молитвенник и друг России, избран для того, чтобы передать определение Божие этой стране. Если это определение не будет выполнено, Россия погибнет». Определение было таким: «Должны быть открыты по всей стране храмы и духовные монастыри. Священники должны быть возвращены из тюрем. Ленинград не сдавать, но обнести город Святой иконой Казанской Божией Матери. Потом икону везти в Москву и совершить там молебен, и далее везти ее в Сталинград...»

Митрополит связался с главами Русской Православной церкви, написал им о молитвах и о том, что повелела Божия Матерь. Полагают, что начальник Генерального штаба маршал Б.М. Шапошников, открыто религиозный человек, лично докладывал о письме Сталину и советовал поступить согласно предсказанию. Сталин прислушался к повелению, пришедшему из Ливана, выпустил из тюрем множество священников, открыл церкви. Самолет с иконой Казанской Божией Матери облетал не только Ленинград и Москву. В 1942 году состоялся облет Сталинграда, о котором, в частности, говорил маршал Г.К. Жуков писателю Юрию Бондареву. Все пророчества митрополита Илии сбылись. В 1947 и 1948 годах он посещал Россию, где ему была подарена икона Казанской Божией Матери, золотой наперсный крест с драгоценностями и две Украшенные драгоценностями панагии — знаки митрополичьего сана. Илия была также присуждена Сталинская премия за помощь в войне с фашистами. От денежной награды митрополит отказался, сказав, что монаху деньги не нужны, и велел отдать премию Детям, лишившимся в войну родителей.

Границы отступления в духе «националистического нэпа»

Любовь к Родине, ненависть к врагу, вера в победу, патриотизм и героизм советского народа были ведущими темами произведений литературы и искусства. Советская литература еще до начала Великой Отечественной войны, по словам А.Н. Толстого, «от пафоса космополитизма пришла к Родине». Война многократно усилила эту патриотическую тенденцию в публицистике и всей художественной культуре. Публицистика А.Н. Толстого, М.А. Шолохова и И.Г. Эренбурга, лирика К.М. Симонова, А.А. Суркова и А.Т. Твардовского, симфонии С.С. Прокофьева и Д.Д. Шостаковича, песни А.В. Александрова, Б.А. Мокроусова и В.П. Соловьева-Седого, картины С.В. Герасимова, А.А. Дейнеки поднимали моральный дух советских граждан, развивали чувство национальной гордости, укрепляли настроенность на победу.

Воспитание у советских людей чувства ненависти и мести средствами публицистики, кино, всей системой политико-воспитательной работы, особенно поощряемое на первых этапах войны и выраженное в призывах: «Смерть немецким оккупантам!», «Убей немца!», имело свои пределы. На заключительном этапе была дана установка на сдерживание крайностей с тем, чтобы ненависть к врагу не вылилась во всеобщую слепую ярость ко всему немецкому народу.

Имело свои границы и отступление в духе «националистического нэпа». В 1944 году в ЦК ВКП(б) состоялось совещание историков, на котором осуждались крайности, идущие как по линии очернения прошлого русского народа, преуменьшения его роли в мировой истории (А.М. Панкратова, М.В. Нечкина, Н.Л. Рубинштейн и др.), так и по линии сползания на позиции «великодержавного шовинизма» и «квасного патриотизма» (Х.Г. Аджемян, Б.Д.

Греков, А.В. Ефимов, Е.В. Тарле и др.). В одном из проектов постановления по итогам совещания отмечалось, что в работах «ряда историков, особенно — Яковлева и Тарле, проявляются настроения великодержавного шовинизма, обнаруживаются попытки пересмотреть марксистско-ленинское понимание русской истории, оправдать и приукрасить реакционную политику царского самодержавия, противопоставить русский народ другим народам нашей страны». А.И. Яковлев на заседании 7 января 1944 года в Наркомпросе высказал смелую мысль: «Мне представляется необходимым выдвинуть на первый план мотив русского национализма. Мы очень уважаем народности, вошедшие в наш Союз, относимся к ним любовно. Но русскую историю делал русский народ. И мне кажется, что всякий учебник о России должен быть построен на этом лейтмотиве... Этот мотив национального развития, который так блистательно проходит через курс истории Соловьева, Ключевского, должен быть передан всякому составителю учебника... Мы, русские, хотим истории русского народа, истории русских учреждений, в русских условиях».

Это заявление было осуждено как «явное проявление великодержавного пренебрежительного отношения к нерусским народам». Были отвергнуты предложения о включении в число исторических героев А.А. Брусилова, А.М. Горчакова, А.П. Ермолова, М.И. Драгомирова, К.П. Кауфмана, М.Д. Скобелева, М.Г. Черняева и других выдающихся военных и государственных деятелей дореволюционной России.

Еще более жестким было осуждение «националистических проявлений» в других республиках. 31 января 1944 года Сталин принял личное участие в обсуждении киноповести А.П. Довженко «Украина в огне». Он осудил повесть за то, что в ней «ревизуется ленинизм», «нет ни одного слова о Ленине», не разоблачаются петлюровцы и другие предатели украинского народа, изображается, будто колхозный строй убил в людях национальную гордость, в то время как «именно советская власть и большевистская партия свято хранят исторические традиции и богатое культурное наследие украинского народа и всех народов СССР и высоко подняли их национальное самосознание». Сталин негодуяюще заметил: «Если судить о войне по киноповести Довженко, то в Отечественной войне не участвуют представители всех народов СССР, в ней участвуют только украинцы». Заключение было суровым: повесть является «ярким проявлением национализма, узкой национальной ограниченности». Берия посоветовал заслуженному деятелю искусств УССР: «А теперь... исчезай, вроде бы нет и не было тебя». 12 февраля 1944 года Политбюро КП(б)У приняло решение, в соответствии с которым А.П. Довженко сняли со всех занимаемых должностей как в государственных учреждениях, так и в общественных организациях. 21 февраля 1944 года он был исключен из Всеславянского Комитета.

9 августа 1944 года ЦКВКП(б) принял постановление, осуждающее республиканскую газету «Красная Татария» за принижение роли Красной Армии в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и «преклонение перед военной мощью, техникой и культурой буржуазных стран». Татарскому обкому партии предлагалось устранить «серьезные недостатки и ошибки националистического характера в освещении истории Татарии (приукрашивание Золотой Орды, популяризация ханско-феодального эпоса об Идее)». 27 января 1945 года аналогичное внушение было сделано руководству Башкирской партийной организации. Здесь тоже обнаружили серьезные идеологические просчеты: «В подготовленных к печати «Очерках по истории Башкирии», в литературных произведениях «Идукай и Мурадым», «Эпос о богатырях» не проводятся разграничения между подлинными национально-освободительными движениями башкирского народа и разбойничьими набегами башкирских феодалов на соседние народы, недостаточно показывается угнетение трудящихся башкир татарскими и башкирскими феодалами, идеализируется патриархально-феодальное прошлое башкир. В пьесе «Кахым-Турия» извращается история участия башкир в Отечественной войне 1812 года, противопоставляются друг другу русские и башкирские воины». Формулировки были ужесточены на X пленуме правления Союза советских писателей (17 мая 1945 г.). Здесь уже говорили, что в Татарии «поднимали на щит ханско-феодальный эпос об Идее и делали Золотую Орду передовым государством своего

времени», нечто подобное произошло и в Башкирии с эпосом Карасахал, там тоже «извратили историю и впали в идеализацию патриархально-феодалного прошлого». Все это заставляло историков и литераторов впредь быть очень осторожными в проведении грани между «героическим прошлым» народа и «идеализацией» его исторического прошлого, а также не допускать безразличия к местности, где геройствовали славные предки.

Великая Отечественная война в целом была временем решающих уступок национальному сознанию народов СССР, особенно русскому национальному самосознанию. Гимн страны, повсеместно исполнявшийся с 15 марта 1944 года, закреплял новую ситуацию и линию партии в национальном вопросе. В соответствии с реальной ролью русского народа в отечественной истории, в укреплении единства многонационального советского общества о Советском Союзе стали петь, как о нерушимом союзе республик, сплоченных навеки Великой Русью. Попытки ультраинтернационалистов сузить масштабы уступок военного времени и возвратиться к довоенной программе, лозунгам и методам интернационально-патриотического воспитания не имели успеха. Это продемонстрировало, в частности, совещание историков в ЦК ВКП(б) (май — июль 1944 г.), инициированное ревностными историками-марксистами, возвращенными в известной школе М.Н. Покровского. Уступки русскому национальному сознанию были сохранены, а позже, в период борьбы с «низкопоклонством перед Западом» и «космополитизмом» в какой-то мере расширены. Однако утверждать, что национальная политика в послевоенные годы сталинского правления полностью определялась принципами национал-большевизма, на наш взгляд, было бы неверно. Переход на этот путь должен бы существенно отразиться на архитектонике национально-государственного устройства страны, чего, как известно, при Сталине не произошло.

Национальные измерения Победы

Советский Союз выходил из войны с самой многочисленной армией в Европе (11 миллион 365 тысячи человек) и расширенными границами своего государства. Договоренности с союзниками закрепляли права СССР на территории Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии, Бессарабии, Северной Буковины, присоединенные в начале Второй мировой войны, на часть Пруссии (Кенигсберг и прилегающие к нему районы, ставшие Калининградом и Калининградской областью РСФСР). С Литовской ССР воссоединилась Клайпеда. По соглашению о перемирии с Финляндией СССР расширился за счет района Петсамо (ныне Печенгский район Мурманской области) и стал граничить с Норвегией. По договорам о границах с Чехословакией и Польшей в СССР были включены Подкарпатская Русь (нынешняя Закарпатская область Украины) и район Владимира-Волынского, бывшего в XII–XIV вв. столицей Галицко-Волынского княжества. На востоке в границы СССР были включены Южный Сахалин и Курильские острова. В октябре 1944 года в состав РСФСР добровольно вошла на правах автономной области Тува, преобразованная позже (в 1961 г.) в автономную республику.

Незадолго до Второй мировой войны, 17 января 1939 года, в СССР была проведена перепись населения, насчитавшая 170,6 миллиона живущих в стране людей, около трети из них (32,9 %) были горожанами. С присоединением к СССР в 1939–1940 годах новых территорий и общим приростом населения численность советских людей к 22 июня 1941 года выросла до 196,7 миллиона человек. 73 процента жителей страны насчитывали три славянских народа: русские (51,8 %), украинцы (17,6 %) и белорусы (3,6 %). Демографический потенциал Советского Союза был гораздо более высоким, нежели тот, которым располагал его вероятный военный противник. К началу Второй мировой войны население Германии насчитывало 69,3 миллиона человек. Аншлюс Австрии увеличил население третьего рейха до 80 миллионов человек.

Ущерб, нанесенный войной Советскому Союзу, был огромен. Население, по оценкам демографов, за период с июня 1941 года до начала 1946 года сократилось с 196,7 до

170,5 млн. человек. Общие людские потери СССР в результате войны составили 26,6 млн. человек, 13,5 % от численности населения СССР на начало войны. Довоенная численность населения России была восстановлена к 1954 году.

За годы войны, в том числе и за компанию на Дальнем Востоке в 1945 году потери Вооруженных Сил СССР составили 11,4 млн. человек. Из них 5,2 млн. человек погибли в боях и умерли от ран на этапах санитарной эвакуации. 1,1 млн. умерли от ран в госпиталях. 0,6 млн. составили разные небоевые потери — умершие от болезней, погибшие в результате происшествий, покончившие жизнь самоубийством, осужденные к расстрелу. 5 млн. человек пропали без вести и попали в фашистские концлагеря. С учетом вернувшихся из плена после войны (1,8 млн. человек) и почти миллиона человек из числа учтенных ранее как пропавшие без вести, но выживших и вторично призванных в армию на освобожденной территории, демографические потери военнослужащих Вооруженных сил СССР списочного состава составили 8,7 млн. человек (4,4 % от довоенной численности населения страны). Официальные данные, опубликованные сразу после окончания войны, были явно занижены. В интервью относительно Фултонской речи Черчилля Сталин объявил: «В результате немецкого вторжения Советский Союз безвозвратно потерял в боях с немцами, а также благодаря немецкой оккупации и угону советских людей на немецкую каторгу — около семи миллионов человек.

Каждые сутки на советско-германском фронте выбывало из строя в среднем 21 тыс. человек, из них около 8 тыс. — безвозвратно. Самые большие среднесуточные потери отмечаются в летне-осенних кампаниях 1941 года — 24 тысячи человек (17,1 тысячи — безвозвратные и 6,9 тысячи — санитарные) и 1943 года — 27,3 тысячи человек (7,6 тысячи — безвозвратные и 19,7 тысячи — санитарные).

Жертвами войны стали миллионы мирных граждан. Они гибли от боевого воздействия противника в прифронтовых районах, в блокадных и осажденных городах. 7,4 млн. советских людей было преднамеренно истреблено гитлеровцами на оккупированной территории. (Считается, что из них более 4 млн, т. е. более 54 %, составляли евреи). 5,3 млн. советских граждан были насильственно вывезены на работы в Германию. Из них 2,2 млн. погибли и умерли в фашистской неволе, 451 тыс. не вернулись по разным причинам и стали эмигрантами. На 4,1 млн. человек сократилось население на оккупированной территории в результате повышенной смертности от жестоких условий оккупационного режима (голод, инфекционные болезни, отсутствие медицинской помощи). По причине повышенной смертности умерло 1,3 млн. детей из числа родившихся в годы войны.

Развязанная гитлеровцами Вторая мировая война обернулась людской трагедией и для самой Германии и ее союзников. По данным всеобщей переписи населения, проведенной в Германии в октябре 1946 года, в стране насчитывалось 65,9 млн. человек. Только на советско-германском фронте (с 22 июня 1941 по 9 мая 1945 г.) безвозвратные потери Германии составили 7181 тыс. военнослужащих, а вместе с союзниками — 8649 тыс. человек.

В годы войны несли большие невосполнимые утраты все народы СССР. При этом потери граждан России составили 71,3 % от общих демографических потерь Вооруженных сил СССР. Среди мобилизованных на выполнение ратного долга перед Отечеством в годы войны русские по национальности насчитывали 65,4 %, украинцы — 17,7 %, белорусы — 3,2 %, татары — 1,7 %, евреи — 1,4 %, казахи — 1,1 %, узбеки — 1,1 %, другие народы СССР — 8,3 %. Среди погибших военнослужащих по национальному составу наибольшие потери понесли русские — 5,7 млн. человек (66,4 % всех погибших), украинцы — 1,4 млн. (15,9 %), белорусы — 253 тыс. (2,9 %), татары — 188 тыс. (2,2 %), евреи — 142 тыс. (1,6 %), казахи — 125 тыс. (1,5 %), узбеки — 118 тыс. (1,4 %), другие народы СССР — 8,1 %.

В сражениях с немецко-фашистскими захватчиками погибло, умерло от ран и болезней, пропало без вести и попало в плен 1023,1 тыс. офицеров Красной Армии и Военно-Морского флота (35 % от общего числа офицеров, состоявших на военной службе в кадрах Вооруженных Сил в период войны). Среди них было 416 генералов и адмиралов, 2502

полковника. О национальном составе генералитета можно судить по имеющимся данным на 15 мая 1944 года. Из 2952 генералов Красной Армии русские по национальности составляли 2272 чел. (63,5 %), украинцы — 286 (9,7 %), белорусы — 157 (5,3 %), евреи — 102 чел. (3,5 %), армяне — 25 чел. (0,85 %), а также латыши — 19 чел., поляки — 17 чел., грузины и татары — по 12 чел., осетины — 9 чел., литовцы — 8 чел., азербайджанцы и эстонцы — по 5 чел., мордвины и чувашаи — по 4 чел., испанцы и финны — по 3 чел., калмыки — 2 чел., казахи, караимы, коми, марийцы, немцы, узбеки, черкесы — по 1 человеку.

Общие безвозвратные демографические потери СССР (26,6 млн. чел.) были в 2,2 раза больше потерь Германии и ее сателлитов (11,9 млн. чел.). Большая разница в количестве людских утрат объясняется геноцидом гитлеровцев в отношении гражданского населения на оккупированной территории, унесшим жизни 17,9 млн. человек. (Для сравнения: США потеряли во Второй мировой войне 405 тыс., Великобритания — 350 тыс. человек.)

Помимо своей страны советские войска освободили полностью или частично 13 стран Европы и Азии. Освободительная миссия за пределами нашей страны стоила жизнью более миллиона советских солдат, покоящихся в земле Польши (более 600 тыс.), Венгрии (свыше 140 тыс.), Чехословакии (около 140 тыс.), Германии (102 тыс.), Румынии (69 тыс.), Австрии (26 тыс.), Китая (9,3 тыс.), Югославии (8 тыс.), Норвегии (3,4 тыс.), Болгарии (977 чел.), Северной Кореи (691 чел.).

Война оставила после себя миллионы раненых, искалеченных, потерявших здоровье на войне. По состоянию на 1 июля 1945 год на излечении в госпиталях находилось более миллиона человек. Среди 3,8 млн. человек, уволенных в годы войны из армии по ранению и болезни, 2,6 млн. стали инвалидами. Специфика войны и оккупации привела к появлению особых демографических категорий населения. По материалам ставки Гитлера, к концу войны на советской территории побывали почти 11 млн. немецких военнослужащих, от которых родилось около 3 млн. детей. По данным ФРГ, в советской зоне оккупации от военнослужащих Красной Армии немецкие женщины родили около 292 тыс. детей.

Соотношение между советскими и немецкими безвозвратными потерями составляет 1,3:1. На это соотношение во многом повлиял тот факт, что количество военнопленных, погибших в нацистских лагерях (более 2,5 млн. чел. из 4,6 млн.) в пять с лишним раз превысило число военнослужащих противника, умерших в советском плену (420 тыс. чел. из 4,4 млн. чел.). К примеру, из более 55 тыс. советских евреев, попавшие в плен к гитлеровцам, живыми остались 4457 человек, остальные стали жертвой Холокоста. 10 172 (по другим данным — 20–30 тыс.) евреям, сражавшимся на стороне Германии и попавшим в советский плен, подобная участь не грозила. (Всего, по данным израильской газеты «Вести», в составе гитлеровской армии на фронтах Второй мировой войны воевало 150 тыс. еврейских солдат и офицеров.)

Огромная территория на западе СССР к маю 1945 года лежала практически в руинах. Материальный ущерб, нанесенный стране войной, был равен потере почти 30 % ее национального богатства. (Для сравнения: в Великобритании — 0,9 %, в США — 0,4 %.) Враг полностью или частично разрушил 1710 городов и поселков, более 70 тыс. деревень, около 6 млн. зданий; лишил крова 25 млн. человек. Были уничтожены почти все находившиеся на этой территории заводы, фабрики, шахты, 65 тыс. км железнодорожных путей, разграблены музеи и библиотеки. Восстановление хозяйства к концу войны свелось здесь большей частью к разборке завалов, ремонту сохранившихся сооружений, вводу в строй предприятий, наименее пострадавших от разрушений, или крайне необходимых для военных и хозяйственных нужд. Были восстановлены железнодорожные пути. К концу войны промышленность освобожденных районов обеспечивала выпуск только 30 % объема довоенного производства.

К концу войны, со всей остротой встала проблема репатриации на родину 5 млн. советских граждан («перемещенных лиц», включая военнопленных, «восточных рабочих», узников концлагерей, военнослужащих в немецких формированиях и пр.), оказавшихся за пределами СССР и оставшихся в живых. Согласно соглашению в Ялте, «перемещенные

лица» должны были в обязательном порядке возвращаться на родину. До 1 марта 1946 год в СССР было репатрировано 4,2 млн. советских граждан (2,7 млн. гражданских лиц, 1,5 млн. военнопленных). В результате разлада между союзниками обязательный принцип репатриации начал нарушаться сначала в отношении «западников» (граждане из районов СССР, присоединенных после 1939 г.) а затем и «восточников». «Невозвращенцы» составили так называемую «вторую волну эмиграции из России» на Западе. В 1952 года численность этой волны эмиграции (в основном не желающих или просто побоявшихся возвратиться в СССР) составила около 620 тыс. человек. Из них 140 тыс. — это бывшие советские немцы, принявшие гражданство ФРГ.

Судьба тех, кто был возвращен в СССР, также оказалась непростой. Сталинское руководство опасалось, что длительное бесконтрольное пребывание советских людей за границей повлияло на их мировоззрение и политические настроения. «Контраст между уровнем жизни в Европе и у нас, контраст, с которым столкнулись миллионы воевавших людей, — писал К.М. Симонов, — был нравственным и психологическим ударом, который не так легко было перенести нашим людям, несмотря на то, что они были победителями в этой войне». Этот контраст мог стать основой «низкопоклонства перед Западом», распространения которого среди советских людей очень опасались во властных структурах страны. Им же была порождена особая настороженность властей к согражданам, побывавшим в годы войны в капиталистических странах Европы.

Этапом возвращения к родным домам для всех этих лиц стали сборно-пересыльные пункты Наркомата обороны (НКО), проверочно-фильтрационные пункты НКВД (для гражданских лиц), специальные запасные части военных округов (для военнопленных — бывших военнослужащих Красной Армии). Выявленные в результате проверки «преступные элементы» (служившие у немцев), а также «внушающие подозрение» направлялись в проверочно-фильтрационные лагеря НКВД, «для дальнейшей проверки», или же напрямую в исправительно-трудовые лагеря. В итоге 2,4 млн. репатриантов было направлено к месту жительства, 800 тыс. — призвано в армию, 608 тыс. — зачислено в рабочие батальоны НКО и 273 тыс. (среди них 123 тыс. офицеров) передано в лагеря НКВД.

Особая участь ждала «власовцев» и всех коллаборационистов. По законам военного времени многих стран, лицам, перешедшим на сторону противника, полагалась смертная казнь. Смягчая правило, советское руководство заменило эту меру для большинства рядовых коллаборационистов заключением или ссылкой на шестилетнее поселение. Клеймо изменника стало для них позорным и страшным. Работа по их выявлению и наказанию продолжалась долгие послевоенные годы. Среди заключенных лагерей и колоний числилось 335 тыс. «изменников родины» (на 1 января 1951 г.), среди спецпоселенцев — 135 тыс. «власовцев» (на 1 января 1949 г.). Суровое наказание ожидало и тех, кто запятнал себя сотрудничеством с немцами в оккупированных областях. От проверки, проводимой карательными и политическими органами, не остались в стороне партизаны и подпольщики. В освобожденных районах граждане обязаны были в 24 часа сдать оружие и военное имущество. Уклонение влекло за собой лишение свободы, а при отягчающих обстоятельствах — расстрел. Особое внимание обращалось на мужчин призывного возраста. Выяснялось, почему они оказались на оккупированной территории, примкнули или нет к партизанам, как проявили себя в их рядах. Почести и продвижение по службе получали известные участники борьбы с оккупантами. Поэтому у некоторых появился соблазн представить себя активным партизаном или подпольщиком без должных на то оснований. Пытавшиеся «примазаться» к партизанской славе рисковали попасть в весьма неудобное положение после соответствующих проверок.

Следствием войны были вооруженные антисоветские националистические организации на территориях, вошедших в состав СССР незадолго до ее начала, главным образом в Западной Украине и Прибалтике. Сотрудничавшие ранее с гитлеровцами и сражавшиеся в одних рядах с ними против Красной Армии в руках националисты и после их ухода продолжили вооруженную борьбу с советской властью. С марта 1944 года развернулись

акции НКВД по подавлению отрядов Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА). В их ходе члены банд ОУН — УПА зачастую уничтожались вместе с семьями, сочувствующие им жители подверглись депортации. Только с февраля по октябрь 1944 года было уничтожено более 44 тыс. оуновцев, взято в плен более 37 тыс., выселено из городов и сел и отправлено в ссылку около 100 тыс. человек. В Литве, где действовало множество повстанческих отрядов под эгидой Литовского национального фронта, к 1 марта 1945 года было проведено 2257 карательных операций, и по официальным данным, ликвидировано 17 тыс. бандгрупп, захвачено более 10 тыс. бандитов, арестовано более 31 тыс. человек. Сражения с националистами велись на Украине и в Прибалтике до конца войны и продолжались многие послевоенные годы.

Трагическим наследием Великой Отечественной войны стала депортация в Казахстан, Сибирь и другие восточные районы населения из ряда национальных регионов. Причиной выселения одних была повышенная готовность к пособничеству оккупантам или подозрения в этом (ингерманландцы, финны и немцы в 1941 г., карачаевцы и калмыки в 1943 г., чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары в 1944 г.). В этих случаях депортации имели карательный или превентивный характер. Другие народы были выселены за то, что имели несчастье жить в приграничных районах, рискующих стать новым театром военных действий (курды, турки-месхетинцы в 1944 г.). Выселение мусульманских народов Кавказа и Крыма было во многом связано с напряженными отношениями между СССР и Турцией во время Второй мировой войны. Турецкие эмиссары находились в Крыму и на Кавказе во время германской оккупации, некоторая часть проживавших в этих районах народов принимала участие в гитлеровских военных формированиях. Это и послужило основанием для обвинения в государственной измене целых народов. На наш взгляд, депортации были осуществлены, главным образом, по соображениям военно-стратегического характера.

7 июля 1945 года Президиум Верховного Совета объявил амнистию в связи с победой над гитлеровской Германией. По указу были освобождены из заключения 841 тыс. заключенных, осужденных на срок не свыше трех лет. Амнистия не коснулась осужденных за контрреволюционные преступления, доля которых среди заключенных существенно выросла и поднялась до 59 %. Преимущественно по этим же статьям пополнялся ГУЛАГ, вся сфера принудительного труда и в последующем.

Власть объясняла победу главным образом преимуществами социалистического строя, «морально-политическим единством советского народа», однако вынуждена была признать, что победу обеспечили не танки и коммунистические доктрины, а, прежде всего, патриотизм русского народа, оказавшийся той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над фашизмом. В своем знаменитом победном тосте «за здоровье русского народа» (24 мая 1945 г.) И.В. Сталин провозгласил, что русский народ «является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза», что он «заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза». К сожалению, в проведении послевоенной подготовки СССР к дальнейшей борьбе за установление социалистического строя во всем мире была сделана ставка не столько на «ясный ум» народа, сколько на такие его качества, как стойкий характер и терпение, доверие правительству в моменты отчаянного положения, готовность идти на жертвы. Можно добавить: столь великие, что власть долгие годы даже не могла вымолвить правду об их размерах. Все это стало окрашивать послевоенную сталинскую внешнюю и внутреннюю политику и советский патриотизм в цвета русского национализма и великодержавия. Трансформированная таким причудливым образом идея мировой революции и русская вселенская отзывчивость получили подпитку самим фактом победы, несмотря на ее ужасающе большую цену.

Проявление черт новой исторической общности в сталинскую эпоху

Общим результатом всех вынужденных отступлений от принципов «истинного

интернационализма» (отрицание наций и значимости национального фактора в общественной жизни) стало то, что формирующаяся в СССР новая историческая общность людей, благодаря гигантскому весу русской национальной составляющей, начиная с середины 1930-х годов все более и более окрашивалась в явно русские национальные тона (язык межнационального общения, общесоветская русскоязычная культура). В этой связи представляются не во всем верными суждения политолога Б.П. Курашвили, полагающего, что лишь «в своих далеких прогнозах, через десяток-другой поколений, лет через пятьсот Сталин видел единый субконтинентальный суперэтнос, сложившийся преимущественно на русской основе. Для него это была грядущая объективная реальность, теоретическая неизбежность». Российский суперэтнос (метаэтническая общность, своего рода новая нация), как свидетельствуют исторические факты, складывался издавна. Н.И. Бухарин, как уже отмечалось, в середине 1930-х годов пытался зафиксировать черты этого суперэтнуса («героического советского народа»). Суперэтнос («зональная общность») не был лишь теоретической конструкцией и для Сталина. Вопрос заключается, скорее всего, в степени оформленности этого явления и адекватности отражения его в общественном сознании и науке, в целесообразности (или нецелесообразности) ускорения его формирования. Направленность национальной политики в СССР со второй половины 1930-х годов не оставляет больших сомнений в том, что делалось все возможное для ускоренного формирования российского суперэтнуса. И вряд ли на процесс завершения становления новой общности отводилось пять веков.

Сталин по своему личному опыту и опыту соратников, гордящихся своим истинным интернационализмом, видел, что отрешиться от национальных пристрастий и антипатий можно и за гораздо меньшие сроки. Выше уже приводились суждения на этот счет Л.Д. Троцкого, Л.М. Кагановича и других. Сам Сталин сказал о себе на знаменитом приеме в Кремле 24 мая 1945 года: «Я не грузин. Я русский грузинского происхождения». Некоторое время спустя на приеме по случаю присуждения Сталинской премии он же мог удивлять и грузин и русских обмолвками: «Вот у вас, грузин...», а потом: «А вот у них, русских...» Спрашивается, кем же ощущал себя в конце 1940-х годов Сталин? Ю.Б. Боров пишет: «Скорее всего, богом, у которого нет и не может быть национальности». Можно предложить и другой ответ: не богом, а просто «настоящим интернационалистом», каких в России было немало во все времена и в которых большевистская партия пыталась превратить все население страны. На это, ввиду масштабности задачи, требовалось много времени. Но не надо забывать, что большевики не зря славились умением заставить народы СССР за десяток лет проходить исторические пути, равные столетиям. Это позволяет с большой долей вероятности допустить, что время, потребное на окончательное решение национального вопроса и завершение формирования новой исторической общности интернационалистов, большевики могли пытаться свести к минимуму.

Переход к коммунизму (а он, по марксистской доктрине, безнационален) планировалось начать уже в 1939 году. Н.С. Хрущев намеревался построить основы коммунизма к 1980 году. Сталин, пробудь он на своем посту лишних 10–15 лет, вероятнее всего, сроки строительства стремился бы сжать. Не исключено, что о завершении формирования общности интернационалистов в СССР страна могла узнать в один из этих годов из заявления Сталина, так же как в декабре 1935 года вдруг узнала о наступлении эпохи вечной дружбы советских народов. Принцип «национальность — коммунист», порожденный Марксовым тезисом «у пролетариата нет отечества» и революционным лозунгом о пролетарской классовой солидарности, мог быть реализован и в политической практике. КПСС, как известно, была организацией, насчитывающей почти два десятка миллионов человек, массовыми коммунистическими организациями были комсомол и пионерия. В сознании же известных представителей партии быть настоящим коммунистом — значило быть интернационалистом, полностью лишенным какой бы то ни было привязанности к прежним историческим национальностям. Таким образом, оснований для провозглашения появления особой общности интернационалистов, на наш взгляд, было

достаточно.

Намерением форсировать сближение и слияние наций можно, на наш взгляд, в какой-то мере объяснить и беспрецедентное выселение в годы войны ряда народов с Кавказа и из Крыма. Депортация этих народов из мест своего исконного проживания и расселение их вперемежку с другими «братскими» народами могла рассматриваться Сталиным не только наказанием, но и своего рода «наименьшим злом», обращаемым в конце концов во благо, ибо могла способствовать приближению того самого будущего, в котором «все народы нашей страны все равно сольются в одной евразийской суперэтнической общности». Подобное соображение позднее было положено в основу объяснения историком М.Г. Вахабовым правомерности выселения отдельных народов, вытекающей из «общего интереса», «интересов судьбы системы социализма» (А.М. Некрич).

Во всяком случае, тенденция к ускорению складывания новой общности народов СССР и окрашивания ее в русские национальные тона в послевоенные годы получила свое развитие. И процесс этот в полной мере нашел отражение в научной литературе. Работы о национальных отношениях в СССР, изданные в послевоенный сталинский период, содержали все более и более развернутые положения о процессах консолидации наций в условиях советского строя, об усилении их взаимосвязи и взаимозависимости, перераставших в «подлинную многонациональную экономическую и культурную социалистическую общность» (ЕА Дунаева). Уже в 1951 году И.Е. Кравцевым было введено в научный оборот положение о том, что «в нашей стране сложилась невиданная в истории общность людей — советский народ». Он трактовался как содружество классов и национальностей, имеющих единую систему хозяйства, единую систему государственной жизни, единые же идеологию, цель, партию, отечество. Н.И. Матюшкин писал в 1953 году, что появившаяся в СССР «новая, никогда прежде не виданная общность людей — общность межнациональная, международная», знаменует подготовку предпосылок для слияния наций в высшем интернациональном единстве.

Характерно, что и в вопросах о судьбах национальных языков позиция И.В. Сталина нередко воспринималась, скажем, левее той, которая заявлялась им в публикуемых текстах. В.М. Молотов, например, уверял на склоне лет: Сталин «считал, что когда победит мировая коммунистическая система, а он все дела к этому вел, — главным языком на земном шаре, языком межнационального общения, станет язык Пушкина и Ленина». Ведущий советский ученый-нациолог 1950-х годов М.Д. Каммари интерпретировал известный сталинский труд о языкознании также с «уклоном влево». Русский язык, «обогащенный достижениями великой ленинско-сталинской эпохи, — писал он в 1951 году, — будет, безусловно, одним из наиболее богатых и выдающихся зональных языков, мощных средств межнационального общения и сыграет большую роль в создании будущего единого мирового языка, в создании его основного словарного фонда и грамматического строя». Стремление всемерно расширить влияние русского языка как одного из мировых языков стало заметным сразу же после окончания Второй мировой войны. Например, были закрыты научные журналы, издававшиеся в нашей стране на иностранных языках и пропагандировавшие достижения советской науки за рубежом. В оправдание этой акции выдвигался следующий аргумент: «Печатая свои работы на русском языке, мы заставляем иностранных ученых уважать Великий русский язык — международный язык эпохи социализма». В общественное сознание настойчиво внедрялась мысль о том, что русский язык «стал в полном смысле этого слова вторым родным языком для каждого из народов Советского Союза», что он «становится вторым родным языком для освобожденных народов стран новой демократии, Китайской Народной Республики» (Вопросы философии. 1950. № 3).

Советские евреи в системе межнациональных отношений

Новый поворот на пути решения национального вопроса в СССР, явственно обозначившийся уже в середине 1930-х годах, по представлениям советского руководства,

никак не мог означать снижения темпов социалистической перестройки общества (а значит и решения задач сближения и слияния наций). Он означал лишь, что был принят новый ориентир, по которому направлялись эти процессы. Были уяснены представления о «новой исторической общности», которая «строилась». Многие авторы, оценивающие этот поворот, склонны объяснять его отречением И.В. Сталина от интернационализма и переходом на позиции великорусского шовинизма, в результате чего русские якобы получили преимущества за счет ущемления прав и возможностей развития других народов. В числе пострадавших при этом часто фигурируют советские евреи.

«В середине 1930-х годов прогресс советского еврейства как национальности достиг своего зенита. Но воздействие двух сил задержало его развитие», — пишет израильский автор, выходец из России. Одной из таких сил якобы были «традиционные антисемитские предрассудки», которые решил использовать Сталин для упрочения своих позиций. Главным же стало возрождение русского национального сознания, отождествляемого автором с русским национальным империализмом и великодержавным шовинизмом. Под влиянием этих двух факторов будто бы и произошла роковая переориентация. «Когда Сталин объявил о возможности построения социализма в одном Советском Союзе, новое поколение русских коммунистов, — по Эйнштейну, — снова стало считать свой народ не отсталой частью западного мира, а народом, призванным играть исключительную роль в истории человечества» (Р. Эйнштейн).

Более вероятным представляется, что исключительную роль Сталин мог примерять не столько к народу, сколько к себе лично. Лишенный каких-либо национальных чувств (подобно Троцкому и другим «истинным интернационалистам»), Сталин, скорее всего, считал народы лишь пешками в борьбе за личную тотальную власть. Великодержавие при этом, конечно, имело место самое непосредственное, но если оценивать его с национальной точки зрения, то в этом случае можно скорее согласиться с теми, кто называет его «великодержавным интернационализмом», или «интернационал-социализмом». Ну а предполагать, что «вождь народов» обязательно должен был строить отношения власти с «подданными», постоянно напоминая им, что они-де есть некая отсталая часть западного мира, представляется более чем неразумным.

Положение же евреев в СССР со второй половины 1930-х годов действительно начинает меняться. Достаточно вспомнить о звонке И.В. Сталина главному редактору газеты «Правда» Л.З. Мехлису летом 1936 года и предложении дать евреям — сотрудникам редакции русские псевдонимы. Фамилии собственных корреспондентов, оканчивающиеся на «берг» и «ман» вскоре начали исчезать и со страниц других центральных газет. К примеру, именно тогда Д.И. Ортенберг (собкор «Правды», в 1941–1943 гг. — главный редактор «Красной звезды») стал Вадимовым. Таким образом, Сталин посчитал нужным отреагировать на издание в Берлине специальной брошюры с данными о советских гражданах еврейской национальности, работавших в прессе, сферах искусства, культуры и науки, и попытках использовать эти сведения против большевистского руководства. В этом случае дело ограничилось своеобразным крещением якобы для того, чтобы «не дразнить Гитлера». (Поводом для «крещения» могла послужить, например, переведенная на русский язык книга Г. Феста «Большевизм и еврейство: Еврейский элемент в руководстве большевиков», изданная в Риге в 1935 г.). Впрочем, для того чтобы обнаружить диспропорции национального состава руководящей элиты советского общества, подсказки со стороны вряд ли требовались. Как отмечает современный автор, «стоит лишь посмотреть, кто занимал ключевые должности в ЦК, в правительстве, в армии, в НКВД, в СМИ и т. д.» (В. Филатов).

Но от исследователей не могли укрыться и другие факты, говорящие, что Сталин использовал чистки партии, чтобы сократить число евреев в верхних эшелонах управления. В беседе с министром иностранных дел Германии И. Риббентропом в 1939 году Сталин уже не скрывал, что «ждет лишь того момента, когда в СССР будет достаточно своей интеллигенции, чтобы полностью покончить с засильем в руководстве евреев, которые на

сегодняшний День пока еще ему нужны». Однако причины этого надо искать не в пресловутом личном антисемитизме Сталина и русского народа, а скорее всего — в «истинном интернационализме», который завещал В.И. Ленин каждому «передовому» народу как норму для строительства своих отношений с «отсталыми» национальностями. На это обстоятельство обращает внимание израильский автор Р. Нудельман, напоминая, что осуществление марксистского принципа «равенства условий для всех наций» требует предварительного «выравнивания уровня развития всех народов». Но этот принцип, видимо, хорош лишь для русских, поскольку, как заявляет Нудельман, «применительно к евреям такое искусственное «выравнивание», разумеется, означает на практике искусственное торможение и ограничение их социального развития». Увы, именно в этом и заключается «подлинный интернационализм», и последствия его одинаковы для каждого народа, который берет его (которому он навязан) в качестве нормы поведения.

Отмечая исключительную роль советских евреев в жизни СССР, А. Воронель объясняет ее с других позиций. По мнению этого автора, «советская власть нуждалась, как в свое время царская власть, «в некоем квалифицированном меньшинстве, которое по отношению к основному населению было бы несколько чужим. Царская власть использовала немцев». Якобы по такой же причине в советский период «евреи, а также армяне и другие инородцы выдвигались в ряды этого самого квалифицированного меньшинства, и европеизированная государственно-ориентированная часть партийной верхушки их приняла». С развитием национальной идеологии борьба с «засильем евреев», по логике этого автора, закономерна. Он приходит к несколько даже неожиданному, но не лишнему основанию вывода: «Антисемитская кампания в Советском Союзе не имеет никакого отношения к евреям. Она не направлена против евреев», а связана лишь со сменой элит в России.

Об этом же пишет и советский автор Р.А. Медведев, отмечавший в оксфордском издании своей книги «О Сталине и сталинизме» (1979), что причины чисток 1936–1938 годов были гораздо глубже: «Под прикрытием чисток происходили глубокие социальные и (не менее важные) национальные преобразования, в результате которых к власти пришла новая прослойка людей, большей частью крестьянского происхождения, среди которых практически больше не было инородцев (евреев, латышей, литовцев, поляков и т. д.). Это была реакция огромной славянской страны на интернациональные, космополитические эксперименты 1920-х и 1930-х годов, которые игнорировали национальный фактор. Сталин просто поднял эту новую прослойку к власти: он не создал ее». Такого же мнения держался М.С. Агурский. К аналогичному выводу склоняется и Ш. Эттингер, полагая, что когда началась борьба малых национальностей за представительство в советском аппарате, за свои национальные кадры, то «легче всего было удовлетворить претензии украинцев, белорусов, молдаван и других, отдав их национальным кадрам места, занимаемые евреями. Так началась целенаправленная кампания изгнания евреев с ключевых позиций в различных отраслях жизни. «Дружба советских народов» проявилась в вытеснении евреев с их постов в государственном аппарате и общественной жизни в угоду «национальным кадрам»». Следует также принять к сведению, что в кампаниях по борьбе с космополитизмом и в «деле врачей» страдали представители не только одной национальности. Израильский автор Ш. Маркиш отмечает, что жертвами космополитической кампании «были далеко не одни евреи, наоборот, в общем числе пострадавших они составляли меньшинство, и возможно, не слишком значительное». Этот же автор пишет: «Когда после 4 апреля 1953 года (официальное сообщение о невинности «врачей-убийц») стали подсчитывать число евреев и не-евреев среди арестованных, оказалось, что последних было по меньшей мере 8 три раза больше, чем первых».

Аргументы израильских авторов приводятся не потому, что кажутся бесспорными во всех деталях, но исключительно с целью показать, что «антисемитизм» в СССР и России при малейшей попытке его серьезного анализа оказывается отнюдь не врожденным свойством русского и других народов. Из этих суждений следует также, что объяснять «антиеврейские»

кампании в СССР в послевоенные годы жизни Сталина исключительно антисемитизмом было бы по меньшей мере некорректно. Ж.А. Медведев, которого трудно заподозрить в симпатии к антисемитам, в своей статье «Сталин и «дело врачей». Новые материалы» (Вопросы истории. 2003. № 2), по сути, выразил несогласие с обычными утверждениями о том, что борьба с космополитами «была замаскированной антисемитской кампанией. Правильнее было бы говорить, — пишет он, — что она эволюционировала в антисемитскую кампанию к 1952–1953 годам». Если это так, то места для «долгосрочной антисемитской кампании» при жизни Сталина практически не остается.

Что же касается особого места, которое евреи долгое время занимали в элитных слоях советского общества, то оно тоже имеет причины отнюдь не мистические, а вполне реальные. «Евреи, — утверждает Р. Нудельман, — приняли непропорционально высокое участие в революции, заняли соответствующие места в советском и партийном аппарате и, что самое главное, заменили ту самую старую дворянскую и разночинскую интеллигенцию, которая была изгнана из революционной России». Можно сказать, полагает этот же автор, что впоследствии «сложилась новая, «русско-еврейская» советская интеллигенция, которая вплоть до последнего времени играла ведущую роль в советской жизни». И подобное утверждение не единично.

В этой связи нелишне напомнить, что в конце 1919 года В.И. Ленин не согласился с предложением комиссара по еврейским национальным делам С.М. Диманштейна задержать распространение написанной М. Горьким листовки «О евреях». По мнению комиссара, она могла послужить на руку нашим врагам, для использования в антисемитских целях, поскольку представляла «неимоверный дифирамб еврейскому народу... создавалось впечатление, будто революция держится на евреях». Признав, что листовка «формулирована очень неудачно», Ленин в целом нашел ее полезной. Оказалось, он был больше озабочен тем, что будущие исследователи могут недооценить выдающуюся роль, сыгранную в революции латышами и евреями, эвакуированными в предреволюционные годы из западных прифронтовых губерний вглубь России. Диманштейн зафиксировал «оригинальную мысль» вождя, объяснявшую сверхпредставленность евреев в советском государственном аппарате. В.И. Ленин утверждал: «Большую службу революции сослужил также тот факт, что из-за войны значительное количество еврейской средней интеллигенции оказалось в русских городах. Они сорвали тот генеральный саботаж, с которым мы встретились сразу после Октябрьской революции и который был нам крайне опасен. Еврейские элементы, хотя далеко не все, саботировали этот саботаж и этим выручили революцию в трудный момент... Овладеть государственным аппаратом... нам удалось только благодаря этому резерву грамотных и более или менее толковых, трезвых новых чиновников». Это многозначительное суждение опубликовано во введении к сборнику статей В.И. Ленина «О еврейском вопросе в России» (Харьков, 1924).

Н.И. Бухарин видел «определенную базу» для антисемитизма в стране и поведал о ней в своем выступлении на XXIV Ленинградской губпартконференции (1927). По его словам, во время военного коммунизма «мы русскую среднюю и мелкую буржуазию наряду с крупной обчистили... Затем была допущена свободная торговля. Еврейская мелкая и средняя буржуазия заняла позиции мелкой и средней российской буржуазии... Приблизительно то же произошло с нашей российской интеллигенцией, которая фордыбачила и саботажничала: ее места заняла кое-где еврейская интеллигенция, более подвижная, менее консервативная и черносотенная». Отсюда и разговорчики: «Россию жидам продали». Действительно, все ясно. В одном случае власть не была поддержана, в другом — сразу нашла сторонников. Поэтому одних «обчистили», другие не пострадали. Черносотенство здесь вроде и ни при чем.

Меткое суждение о различиях в отношениях большевистской власти, с одной стороны, евреев и русских, с другой, принадлежит А.И. Солженицыну. «В революцию и еще долго после нее, — писал он в своем «В круге первом», — слово «еврей» было благонадежнее, чем «русский». Русского еще проверяли дальше — а кто были родители? А на какие доходы

жили до семнадцатого года? Еврея не надо было проверять: евреи все поголовно были за революцию, избавившую их от погромов, от черты оседлости». Создавалось впечатление о национальности, целиком, с благословения властей, перемещавшейся на позиции революционного класса: «Были мальчики сыновьями юристов, зубных врачей, а то и мелких торговцев, — все себя остервенело-убежденно считали пролетариями». По мнению Наума Коржавина, антисемитизм в СССР во многом был обусловлен «неверной национальной политикой Ленина, когда к евреям стали относиться, как «к ранее угнетенной нации», и старались их компенсировать за прошлые века». В результате «евреев оказалось Много в руководстве (а руководство всегда непопулярно)» (Континент. 1975. № 2). Именно этот факт и был в полной мере использован гитлеровской пропагандой в годы войны.

Наконец, можно принять к сведению и объяснение «вполне естественных» причин антисемитизма в послеоктябрьской России М.И. Калининым — главой Советского государства и, по определению израильского автора, настроенного проеврейски больше всех остальных советских руководителей. «В первые дни революции... — говорил он на съезде ОЗЕТ, — когда значительная часть русской интеллигенции отхлынула, испугалась революции, как раз в этот момент еврейская интеллигенция хлынула в канал революции, заполнила его большим процентом по сравнению со своей численностью и начала работать в революционных органах управления. Вот на этой почве и развивается антисемитизм» (Известия. 1926. 25 ноября). Возвращаясь позднее к вопросу о месте и роли евреев в советском обществе, в своей речи на II съезде ОЗЕТ (1931) Калинин подчеркивал, что в условиях, когда в СССР «вырабатывается новый тип человека — гражданин Советского Союза», на еврейский революционный пролетариат падает «специфическая революционная задача» — «сделать бывших забытых трудящихся евреев самыми преданными советскими гражданами, самыми верными сынами социалистического отечества». Решение казалось простым и даже само собой разумеющимся, как можно судить по риторическому вопросу «всесоюзного старосты»: «А кто же может сделаться лучшим сыном социалистического отечества, если не пролетарий из веками забытой еврейской национальности, которому Октябрь так много дал?» Обосновывая необходимость создания Еврейской автономной области, Калинин вновь подчеркивал, что «евреи — это очень важная и заслуживающая это своим прошлым советская национальность» (Революция и национальности. 1934. № 7). Принимая в расчет особые условия, создаваемые революционной властью для советских граждан еврейской национальности, глава Советского государства выражал полную уверенность в том, что в случае нападения на СССР «еврейские трудящиеся массы будут бороться в первых рядах за Советский Союз».

Замечание относительно того, кому, обороняя Союз, придется сражаться в первых рядах, очень важно. Рискнем предположить, что и И.В. Сталин тоже наверняка рассчитывал на советских евреев как на верных защитников Отечества. Но он никак не хотел допустить, чтобы в предстоящей войне русские не только «зафордыбачали», как в 1917 году, но и могли, как это позволяла логика М.И. Калинина, пребывать на вторых или третьих ролях. По представлениям Сталина, самыми верными сынами социалистического отечества были русские. И это неустанно подчеркивалось им, начиная с 1930-х годов. «Самый лучший народ — русский народ, самая революционная нация», — говорил он на встрече с художниками в июле 1933 года. Среди равноправных советских наций «самая советская и самая революционная — русская», — внушал он своим соратникам по Политбюро в ноябре 1937 года. Видимо, именно в таком подходе к определению «самой революционной» нации кроется истинная причина и поворота в национальной политике, и выдвижение русского народа в центр «зональной общности», и отождествления до известной степени этой общности с русской нацией. Неумеренность славословий, которые начались в середине 1930-х годов в адрес русского народа, его истории, языка, культуры, определялись, скорее всего, не подлинными национальными чувствами Сталина и лиц из его окружения, а тактическим соображением о необходимости использовать мощный и ранее явно недооценивавшийся национальный фактор.

Однако, на наш взгляд, подобные прагматические расчеты руководителей большевиков никак не означали их перехода на великорусскую шовинистическую позицию. В данном случае представляется вполне обоснованной точка зрения В.В. Костикова, что Сталин антисемитом был не больше, чем антитатарин, антикалмыком, антигрузином, антиприбалтом или антиславянином. Действия же в отношении Еврейского антифашистского комитета и «космополитов» определялись иной мотивацией. Будучи «истинным» интернационалистом, Сталин, как верно заметил В.Л. Топоров, «стремился не к национальной, а к идейной однородности общества. Отсюда — и безжалостность по отношению к вернувшимся из плена воинам Красной Армии и к перемещенным лицам. Явлением того же порядка стали и сталинские репрессии против евреев» (Новая Россия. 1995. № 3). В его представлении, «преступление» определенной части советских евреев состояло в том, что они — дотоле, казалось бы, интернационалисты из интернационалистов — вдруг повели себя совершенно неподобающим образом. Они не только потребовали Крым для создания национальной республики, «предавая» тем самым идею интернациональной общности. Выражением неумеренного восторга по поводу образования государства Израиль и претензиями на двойную лояльность одновременно и социалистическому (СССР) и буржуазному (Израиль) государствам они просто не могли не переполнить чашу терпения «вождя всех интернационалистов» планеты.

Еврейский вопрос незримо для многих советских людей присутствовал и в бескомпромиссной борьбе наследников непомерной сталинской власти. Эта борьба заслуживает того, чтобы сказать о ней поподробнее.

Борьба за власть в сталинском окружении и ее национальные аспекты

Соратники И.В. Сталина по руководству страной, занимавшие ключевые посты в партийных и государственных структурах власти, были вовсе не единой и однородной командой, как это может казаться в свете показного почитания и славословий, расточавшихся в адрес лидера. Стремясь закрепить свою власть, они, конечно, в определенном отношении выступали единой сплоченной командой, но в других — не брезговали методами подсиживания и политической интриги. Победы и поражения в невидимой Для населения страны борьбе за выход на ближайшие подступы к властному Олимпу позволяют различать три этапа в почти восьмилетнем послевоенном сталинском руководстве. Рубежами между ними выступают март 1949 года и июнь 1951 года.

На первом этапе Сталин вместе со всеми своими соратниками постарался обезопасить властный Олимп от возможных покушений на него со стороны генералитета, вышедшего из войны в ореоле славы спасителей Отечества. (По данным на 15 мая 1944 года в Красной Армии насчитывалось 2952 генерала, из которых 1753 получили генеральские звания в ходе войны. 495 генералов работали и состояли на службе в ВМФ, НКВД, НКГБ, «Смерш» и в гражданских наркоматах. К концу войны число генералов увеличилось в первую очередь за счет полковников, находящихся в мае 1944 года на генеральских должностях, — 276 из них были командирами дивизий, 74 — командирами бригад, 67 — начальниками военных училищ.)

Под пристальным вниманием сразу же после войны оказался самый знаменитый полководец Советской Армии маршал Г.К. Жуков. 27 июня 1945 года, на третий день после Парада Победы на Красной площади, он пригласил к себе на дачу под Москвой известных военачальников. Среди приглашенных были С.И. Богданов, В.В. Крюков и его жена Л.А. Русланова, А.В. Горбатов, В.И. Кузнецов, В.Д. Соколовский, К.Ф. Телегин, И.И. Федюнинский, В.И. Чуйков. Продолжая праздновать победу, они всячески превозносили вклад в нее Жукова, говорили о нем как о победителе Германии. На следующий день с записями разговоров был ознакомлен Сталин, и это стало одной из первых причин его послевоенного недовольства амбициозным маршалом.

Западная пропаганда подогрела подозрения в советских верхах в отношении

военных, утверждая, что последние выступят на ближайших выборах в Верховные Советы союзных республик с альтернативными списками кандидатов в депутаты. Выдвижение на самые высшие посты в государстве прочили Г.К. Жукову, занимавшему с июня 1945 года посты главнокомандующего Группой советских войск и главноначальствующего советской военной администрацией в Германии. Полководец оправдывал все эти ожидания и подозрения самостоятельностью и независимостью в своих действиях, проявлением явного непочтения к одному из тогдашних фаворитов Сталина министру госбезопасности В.С. Абакумову, не особенно скрывааемым желанием видеть себя на посту министра обороны.

Для компрометации Жукова было использовано и так называемое «дело авиаторов». Командующий военно-воздушными силами Советской Армии главный маршал авиации А.А. Новиков и нарком авиационной промышленности А.И. Шахурин по показаниям арестованного в начале 1946 года маршала авиации А.С. Худякова были обвинены в приеме на вооружение самолетов и моторов, имевших производственные дефекты, ведущие к большому числу катастроф. На основе сфабрикованных в ведомстве В.С. Абакумова материалов Новиков, Шахурин и пятеро их подчиненных были осуждены решением Военной Коллегии Верховного Суда на разные сроки лишения свободы. Тень пала на Г.М. Маленкова и Л.П. Берия, отвечавших за работу авиационной промышленности. Во время следствия по делу были также получены показания о попытках Жукова «умалить руководящую роль в войне Верховного Главнокомандования».

Весной 1946 года были арестованы 74 генерала и офицера Группы советских войск в Германии по обвинениям в растрате фондов и вывозе для себя из Германии и Австрии разного имущества, мебели, картин, драгоценностей. Вскоре в обвинениях стал фигурировать антиправительственный заговор военных во главе с Жуковым.

Г.К. Жуков был отозван с руководящих постов в Германии, здесь его заменил возведенный в маршальское достоинство В.Д. Соколовский, а затем (с марта 1949 по март 1953 г.) генерал армии В.И. Чуйков. В марте 1946 года Жуков получил назначение на пост главнокомандующего сухопутными войсками Советской Армии и заместителя министра обороны СССР. 1 июня 1946 года состоялся разбор «дела Жукова» на заседании Высшего военного совета с участием маршалов Советского Союза и родов войск. Обвинения против Жукова поддержали члены Политбюро Г.М. Маленков и В.М. Молотов. Однако маршалы И.С. Конев, А.М. Василевский, К.К. Рокоссовский, хотя и отметили недостатки характера обвиняемого, ошибки в его работе, твердо стояли на том, что заговорщиком он быть не может. «Он патриот Родины, и он убедительно доказал это в сраженьях Великой Отечественной войны», — утверждал маршал П.С. Рыбалко. Обсуждение закончилось выводом Сталина: «А все-таки вам, товарищ Жуков, придется на некоторое время покинуть Москву». Внешне казалось, что Сталин не желал идти из-за маршала на конфликт с членами Политбюро.

3 июня 1946 года Г.К. Жуков был освобожден от должности главнокомандующего сухопутными войсками и получил назначение на пост командующего Одесским военным округом. Однако этим дело не закончилось. Против Жукова фабриковались новые обвинения. В феврале 1947 года он был выведен из числа кандидатов в члены ЦК, в январе 1948 года назначен на командование менее значимым Уральским военным округом. Сталин, сложивший с себя обязанности министра вооруженных сил, передал их Н.А. Булганину (3 марта 1947 г.), затем А.М. Василевскому (24 марта 1949 г.). Последний исполнял их до марта 1953 года. Опала Жукова закончилась летом 1951 года, а на XIX съезде партии он был вновь избран кандидатом в члены ЦК КПСС.

Жертвами интриг после войны стали и другие представители генералитета, пользовавшиеся покровительством Жукова. Так, маршал Г.И. Кулик и командующий войсками Приволжского военного округа генерал-полковник В.Н. Гордов, которые за ошибки в годы войны понижались в званиях и должностях, после войны были изобличены как «сторонники реставрации капитализма в СССР». Кулик в январе 1947 года, в звании генерал-майора, был арестован, в июле 1950 года расстрелян. Гордова арестовали в 1950

году, в декабре следующего года он умер в тюрьме. Погиб и начальник штаба Приволжского военного округа генерал-майор Ф.Т. Рыбальченко, разделявший вместе с Гордовым убеждения в том, что «колхозники ненавидят Сталина», что «если сегодня снимут колхозы, завтра будет порядок, будет все», что «нам нужно иметь настоящую демократию». Репрессиям подверглись В.В. Крюков и его жена, знаменитая певица.

В конце 1947 года были преданы суду чести адмирал флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов, возглавлявший наркомат ВМФ в 1939–1946 годах, адмиралы Л.М. Галлер, В.А. Алафузов и вице-адмирал Г.А. Степанов. Флотоводцы были обвинены в том, что они в рамках соглашений об обмене военно-технической информацией между СССР, Великобританией и США передали союзникам во время войны документацию на парашютную торпеду. Передача была объявлена незаконной. Приговором Военной коллегии Верховного Суда СССР Кузнецов был понижен в звании, остальные подсудимые приговорены к различным срокам заключения.

Маршал артиллерии Н.Д. Яковлев, бывший в течение всей войны начальником Главного артиллерийского управления, а с 1948 года заместителем Военного министра, постановлением Совмина «О недостатках 57-мм автоматических зенитных пушек С-60» (от 31 декабря 1951 года) был снят с поста, в феврале 1952 года арестован по обвинению во вредительстве. Вместе с ним были сняты с постов и арестованы начальник ГАУ генерал-полковник артиллерии И.И. Волкотрубенко и заместитель министра вооружения И.А. Мирзаханов. На протяжении 15 с лишним месяцев следствие так и не выявило материалов, которые могли бы дать основание для осуждения арестованных. Следственное дело на них было прекращено в апреле 1953 года.

Уже к концу войны становились заметными изменения в расстановке сил в самом Политбюро ЦК партии. Явно ослабевали позиции старших по политическому возрасту соратников Сталина — К.Е. Ворошилова (выведен из ГКО в 1944 г.), Л.М. Кагановича (ему поручались все менее ответственные посты в руководстве), В.М. Молотова. Главной причиной оттеснения Молотова от власти было, видимо, намерение Сталина со временем переложить на него ответственность за неудачный союз с Германией и катастрофическое начало Отечественной войны. Недовольство решениями и поступками Молотова Сталин начал демонстрировать уже с декабря 1945 года. Были осуждены его санкция на публикацию речи Черчилля в советской печати, его обещания ослабить цензуру в СССР. И даже — умаление достоинства «государственного деятеля высшего типа» согласием Молотова на то, чтобы быть избранным в почетные члены АН СССР в 1946 году. Особенное недовольство было вызвано тем, что Молотов не удержал собственную супругу «от ложных шагов и связей с антисоветскими еврейскими националистами».

«Дело авиаторов» несколько пошатнуло позиции Г.М. Маленкова, отвечавшего в годы войны в Политбюро за авиационную промышленность. 6 мая 1946 года было выпущено принятое по докладу Сталина постановление Политбюро, в первом пункте которого утверждалось: «Установить, что т. Маленков, как шеф над авиационной промышленностью и по приему самолетов — над военно-воздушными силами, морально отвечает за те безобразия, которые вскрыты в работе этих ведомств (выпуск и приемка недоброкачественных самолетов), что он, зная об этих безобразиях, не сигнализировал о них в ЦК ВКП(б)». Второй пункт постановления гласил: «Признать необходимым вывести т. Маленкова из состава Секретариата ЦК ВКП(б)». Г.М. Маленков утратил влиятельный пост. Однако он остался одним из заместителей председателя Совета Министров и членом Политбюро, возведенным в этот ранг из кандидатов 18 марта того же года. 13 мая 1946 года он возглавил вновь образованный Специальный комитет по реактивной технике и первые месяцы опалы был сосредоточен на Делах этого комитета, проводя какое-то время на полигоне Капустин Яр в Астраханской области.

Как умаление непомерной власти Л.П. Берии следует рассматривать его перемещение с поста министра внутренних дел на пост председателя Специального комитета при ГКО по руководству «всеми работами по использованию внутриатомной энергии Урана». На эту

должность он был назначен 20 августа 1945 года.

Оставаясь в Политбюро, Берия и Маленков пользовались любой возможностью для дискредитации А.А. Жданова и его выдвиженцев, укреплявших свои позиции на высших постах в партийном и государственном аппарате (председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский, секретарь ЦК А.А. Кузнецов, Председатель Совмина РСФСР М.И. Родионов) и ждали лишь удобного случая, чтобы дать реванш «противнику».

Тем временем неблагоприятно для «ленинградцев» развивались события на международной арене. Их прогнозы не оправдывались. Противоречия между социализмом и капитализмом проявились в большей мере, чем внутри ведущих капиталистических стран. Объективно виноватыми они оказались и в том, что в подведомственном Жданову Ленинграде был проявлен либерализм в отношении поэтессы Анны Ахматовой и писателя Михаила Зощенко. Главным прегрешением Ахматовой было то, что она в ноябре 1945 года несколько раз без санкции властей встречалась с навещавшим ее Исайей Берлиным, вторым секретарем британского посольства в СССР, известным литературоведом, позднее президентом Британской академии. Они беседовали не только о поэзии, Достоевском, Джойсе и Кафке, но и о гибели Н.С. Гумилева и О. Мандельштама, о расстрелах в лагерях. Недовольство Сталина было вызвано также триумфальным поэтическим вечером Ахматовой в московском Колонном зале Дома Союзов (апрель 1946 г.), несмотря на негласное постановление 1925 года: «не арестовывать, но и не печатать». У Зощенко «недостатки» оказались еще существеннее. Политические недоброжелатели Жданова донесли Сталину, что сатирические произведения писателя использовались в годы войны Геббельсом для уничижительных оценок русского человека. В качестве доказательства был представлен специально переведенный том выступлений главного фашистского пропагандиста с подчеркиваниями соответствующих мест в тексте.

Решающим образом сказалась на судьбе А.А. Жданова и его выдвиженцев их готовность в большей мере, чем допускал Сталин, разыгрывать карту русского патриотизма вплоть до организационного укрепления позиций РСФСР. Первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии П.С. Попков предлагал создать, по образцу других союзных республик, компартию России со штаб-квартирой в Ленинграде, перевести туда правительство России. Это сразу же было расценено как стремление обособить Ленинград и его парторганизацию по примеру Г.Е. Зиновьева.

Проигрыш «ленинградцев» явственно обозначился 1 июля 1948 года в связи с возвращением из опалы Г.М. Маленкова и назначением его на пост секретаря ЦК. Внезапная смерть А.А. Жданова 31 августа 1948 года ускорила разгром «ленинградцев». В январе 1949 года от обязанностей секретаря ЦК был освобожден А.А. Кузнецов, 7 марта из Политбюро вывели Н.А. Вознесенского. Падение «ленинградцев» еще больше ослабило позиции «старой гвардии» — Молотова, Микояна, Андреева, которые ориентировались на эту группу, выступая союзниками по многим вопросам. 4 марта 1949 года Молотов утрачивает пост министра иностранных дел, а Микоян (связанный родственными отношениями с Кузнецовым) был освобожден от обязанностей министра внешней торговли. Смещение Молотова, остававшегося в сознании народных масс вторым лицом в государстве, фактически означало лишение его возможности наследовать высшую власть в стране в случае ухода от дел Сталина.

По свежим следам событий завесу секретности, скрывающую столкновения между группировками в высшем эшелоне власти в СССР, приоткрывал перешедший в 1954 году на Запад «агент советской секретной полиции», капитан МГБ Н.Е. Хохлов. В беседе в редакции журнала «Новости Америки и Мира» он утверждал, что именно претензиями на двойную лояльность («евреи часто считают себя не только гражданами страны, где они проживают, но и членами международного сионистского движения») обусловлена борьба с космополитизмом и перегруппировка сил в тогдашнем окружении Сталина. Жданов и его группа представлялись инициаторами борьбы против космополитов, а после его смерти Берия и Абакумов немедленно организовали процесс в Ленинграде. Они говорили, что

группа, обвинявшая евреев в космополитизме, не настоящие коммунисты, а русские шовинисты. (Сталин, к примеру полагал: «Вознесенский — великодержавный шовинист редкой степени».) Берия, Маленков и Абакумов вышли тогда победителями из этого противостояния.

Период с марта 1949 года по июнь 1950-го характеризуется резким усилением в руководстве позиций Маленкова и Берии (шансы последнего подкреплялись успешным испытанием атомной бомбы), приближением к властному Олимпу Н.С. Хрущева (в декабре 1949 г. стараниями Маленкова он был избран первым Секретарем Московского комитета и секретарем ЦК партии). Параллельно происходило укрепление позиций заместителя председателя Совмина СССР Н.А. Булганина. 18 февраля 1948 года он был переведен из кандидатов в члены Политбюро, а в феврале 1951 года был утвержден председателем бюро Совмина по военно-промышленным и военным вопросам. Фактически это означало новое ущемление позиций Берии.

В 1949 году по сфабрикованному при активном участии Маленкова «ленинградскому делу» началось уголовное преследование большой группы руководителей, возвращенных ленинградской партийной организацией. Первые аресты были произведены в августе. А.А. Кузнецов, М.И. Родионов, П.С. Попков обвинялись в проведении в Ленинграде Всероссийской оптовой ярмарки без специальной санкции правительства СССР. Н.А. Вознесенский был обвинен в умышленном занижении государственных планов, фальсификации статистической отчетности и утере секретных документов. Очевидно, что в связи с арестами «преступников», «прокрававшихся» на столь высокие руководящие посты, в январе 1950 года была восстановлена смертная казнь, отмененная до этого 26 мая 1947 года.

В конце сентября 1950 года обвиняемые «ленинградцы» предстали перед закрытым судом, который состоялся в присутствии 600 человек из партийного актива Ленинграда. Средства массовой информации об этом суде ничего не сообщали, чтобы не давать повода для слухов о расколе в руководстве страны. После расстрелов главных обвиняемых (1 октября 1950 г.) последовала «чистка», закончившаяся смещением с работы и осуждением 69 руководителей, обязанных своим выдвижением ленинградской партийной организации, и 145 человек из числа близких и дальних родственников. Кроме того, два человека умерли в тюрьме до суда. Из 214 осужденных 36 человек работали в Ленинградском обкоме и горкоме партии, а также в областном и городском исполкомах, 11 человек — на руководящей работе в других обкомах партии и облисполкомах и 9 человек — в райкомах и райисполкомах Ленинградской области.

Проигрыш «ленинградцев» был обусловлен отнюдь не тем, что их противники оказались более искусными в интригах и аппаратных комбинациях. В более широком плане он означал поражение направления в руководстве страной, ориентирующегося на первоочередное решение внутренних политических, экономических и гражданских проблем — смещение приоритетов хозяйственного развития в сторону группы «Б», решение проблем политического образования и культуры, подготовка новой Конституции и новой Программы партии. Одновременно это было победой направления, связанного с руководством военно-промышленным комплексом и делавшего ставку на его всемерное развитие как главного инструмента в сражениях на фронтах «холодной войны» и, в конечном счете, — достижения мирового господства под флагами социализма и коммунизма.

С арестом министра государственной безопасности В.С. Абакумова (12 июня 1951 г.) начался этап подготовки более радикальных изменений в руководстве страной. Министр МГБ, бывший главным исполнителем расправы над «авиаторами», Г.К. Жуковым, «ленинградцами», видимо, не вполне устраивал Сталина как организатор расследования «преступлений» Еврейского антифашистского комитета.

Преследования комитета перешли в активную фазу со времени гибели руководителя ЕАК С.М. Михоэлса (13 января 1948 г.). Народный артист СССР, руководитель Московского государственного еврейского театра подозревался в том, что он пытался использовать дочь Сталина Светлану и ее мужа Г.И. Морозова в корыстных интересах советского и мирового

еврейства. Особое негодование Сталина было вызвано тем, что по каналам еврейского комитета в США транслировались слухи о его виновности в гибели в 1932 года жены Надежды Сергеевны, других его родственников. В этой связи в конце 1947 года были арестованы сотрудники академических институтов И.И. Гольдштейн (институт экономики) и З.Г. Гринберг (институт мировой литературы), «изобличившие» родственников Сталина по линии жены — А.С. Аллилуеву, Е.А. Аллилуеву, ее второго мужа Н.В. Молочникова и дочь от первого брака К.П. Аллилуеву, как источник «клеветнических измышлений по адресу членов правительства». Михоэлс был «изобличен» как «еврейский националист» и распространитель этих измышлений.

По слухам, ставшим известными за рубежом, Надежда была якобы убита выстрелом в затылок, рану «видела» жена С. Орджоникидзе, обмывавшая покойницу. Брат Надежды Павел, командарм, начальник бронетанкового управления РККА, якобы не умер от разрыва сердца в ноябре 1938 года, а был отравлен из-за несогласия с арестами сотрудников управления. Станислав Реденс, муж сестры Надежды Анны, начальник УНКВД Московской области в 1933–1934 годах, затем нарком внутренних дел Казахской ССР, был якобы безвинно арестован в ноябре 1938 года и расстрелян. Михоэлс же, по показаниям И.И. Гольдштейна, давнего знакомого Е.А. Аллилуевой, не только вел националистическую и шпионскую работу под прикрытием ЕАК, но вникал во все детали взаимоотношений Светланы с ее мужем, для того чтобы «разработать правильный план действий» и информировать «друзей США, поскольку они интересуются этими вопросами». Интересные свидетельства о событиях вокруг Аллилуевых и Михоэлса содержат мемуары воспитанницы семьи П.А. Красикова, жертвы репрессий театроведа Л.А. Шатуновской «Жизнь в Кремле», изданные в Нью-Йорке в 1982 году, и монография Г.В. Костырченко «Тайная политика Сталина» (М., 2001).

С деятельностью Еврейского антифашистского комитета было решено покончить после приезда в Москву израильского посланника Голды Меерсон. (В 1956 г. она приняла фамилию Меир, означающую на иврите «озаряющая». В 1906 г. восьмилетняя Голда эмигрировала из России вместе с родителями, а с 3 сентября 1948 г. по 20 апреля 1949 г. пребывала в СССР в качестве посланника государства Израиль.) Произошло это после ряда восторженных встреч, которые были устроены советскими евреями (скорее всего, не без участия ЕАК) посланцу буржуазного государства, установившему сразу же после возникновения самые тесные отношения с враждебными Советскому Союзу США и остававшимися в сознании многих евреев «а голдене медине» (золотой страной). Например, И.С. Фефер, секретарь ЕАК, говорил о предстоящей в 1943 года поездке в США, что «наконец-то ему уже причитается немного блаженства — побывать в Америке».

Описывая настроения пятидесятитысячной толпы, встречавшей Голду Меерсон и ее спутников у синагоги в сентябре 1948 года, в день празднования еврейского Нового года, Меир отметила: «Евреи Москвы выразили свое глубокое стремление, свою потребность — участвовать в чуде создания еврейского государства». Такие же чувства выражались и в ходе последующих многолюдных встреч, в том числе и на приеме у В.М. Молотова по случаю годовщины революции. Супруга советского министра иностранных дел поразила израильскую посланницу и дружеской беседой на идиш, и особенно фразой «Их бин а идише тохтер» («Я дочь еврейского народа»). Открытая демонстрация таких чувств и потребностей самыми передовыми (по М.И. Калинину) борцами за Советский Союз, оказалась, видимо, большой неожиданностью для Сталина. Расследование показало, что в манифестациях участвовали не только московские евреи, но и приехавшие из самых отдаленных местечек СССР. Создавалось представление о существовании в стране неформальной организации с хорошей системой оповещения и возможностями в короткий срок собрать в одном месте десятки тысяч человек. Организация к тому же явно ориентировалась на западный мир. Все это, конечно, не предвещало для нее ничего хорошего. Г. Меир была вряд ли далека от истины, написав в книге своих мемуаров «Моя жизнь»: «В январе 1949 года стало ясно, что русские евреи дорого заплатят за прием, который они нам оказали».

Советское руководство пыталось удержать Израиль в орбите своего влияния помощью оружием и беспрецедентным предложением переселить палестинских арабов-беженцев (свыше 500 тысяч человек) в советскую Среднюю Азию и создать там арабскую союзную республику или автономную область. Такое предложение осенью 1948 года сделал советский представитель в Совете Безопасности ООН Д.З. Мануильский. Однако все это не вызвало ожидаемой реакции. Особую настороженность властей вызывала готовность многих советских евреев переселиться на историческую родину или отправиться добровольцами на войну израильтян с арабами. Все это было расценено как измена социалистической Родине.

Еврейский «национализм», как и в случае с другими наказанными народами, было решено покарать. 28 ноября 1948 года Политбюро ЦК постановило «немедля распустить» Еврейский антифашистский комитет. По «делу ЕАК» были арестованы 14 членов его президиума и активистов. В их число входили поэты Д.Р. Бергельсон, Л.М. Квитко и П.Д. Маркиш; С.Л. Брегман, заместитель министра Госконтроля РСФСР; В.Л. Зускин, занявший пост Михоэlsa в еврейском театре; И.С. Фефер, секретарь ЕАК; Б.А. Шимелиович, главный врач Центральной клинической больницы им. Боткина; академик Л.С. Штерн, руководившая Институтом физиологии Академии медицинских наук; И.С. Юзефович, младший научный сотрудник Института истории АН СССР. Аресту подверглись также бывший заместитель министра иностранных дел и начальник Совинформбюро С.А. Лозовский, отвечавший за работу комитета по линии государственных структур, и П.С. Жемчужина, жена Молотова, оказывавшая протекцию комитету.

В.С. Абакумов проявил медлительность в организации расследования «дела ЕАК». (Оно было завершено уже без его участия летом 1952 г.) Появились подозрения, что делает он это намеренно. Такое предположение было высказано 2 июля 1951 года в письме следователя по особо важным делам МГБ СССР М.Д. Рюмина на имя Сталина. Письмо готовилось с помощью аппарата Маленкова. В нем утверждалось, что Абакумов сознательно тормозил расследование дела «еврейского националиста», врача Я.Г. Этингера, которое якобы позволяло получить сведения о масштабной вредительской деятельности врачей.

Немедленно созданная постановлением Политбюро комиссия в составе Г.М. Маленкова, Л.П. Берии, заместителя председателя Комиссии партийного контроля при ЦК партии М.Ф. Шкирятова, нового министра госбезопасности С.Д. Игнатьева должна была проверить изложенные Рюминым факты. Так зародилось «дело врачей-отравителей», якобы погубивших членов Политбюро А.С. Щербакова и А.А. Жданова, намеревавшихся известить других высших руководителей страны и привести к власти В.С. Абакумова с заговорщиками из руководимого им министерства. Правдоподобность существования заговора подкреплялась показаниями арестованного заместителя начальника следственной части по особо важным делам МГБ полковника Л.Л. Шварцмана, оговорившего многих своих коллег по репрессивному ведомству и признавшегося в самых невероятных собственных преступлениях, включая ярый еврейский национализм, организацию убийства Кирова, гомосексуализм, инцест. Последние — в явном расчете на то, что его сочтут сумасшедшим. Однако судебно-психиатрическая экспертиза признала Шварцмана вменяемым. Часть его показаний была признана настолько существенной, что дело Абакумова впредь именовалось делом Абакумова — Шварцмана. «Донос» Л.Ф. Тимашук, по недавним еще представлениям якобы давший толчок «делу врачей», в свете нынешних знаний о событиях 1952 — начала 1953 года, никакого существенного значения не имел. Ее письма в МГБ и ЦК, в которых она отстаивала свой диагноз смертельного заболевания А.А. Жданова, как оказалось, — правильный, были использованы для дискредитации Н.С. Власика и А.Н. Поскребышева.

Для Сталина версия о заговоре в МГБ стала большой находкой. Используя жупел еврейского национализма и сионизма, можно было окончательно вытеснить с вершин власти В.М. Молотова, К.В. Ворошилова, А.М. Микояна, Л.М. Кагановича, А.А. Андреева и многих других деятелей, имевших родственные связи с еврейской средой.

Кадровые перестановки, оформленные после XIX съезда партии на пленуме ЦК КПСС 16 октября 1952 года, положили начало этому процессу. Если по решению предшествующего

XVIII съезда в Политбюро было девять членов и два кандидата, а в секретариате четыре члена, то новый состав Президиума ЦК КПСС (такое новое название высшему органу партийной власти дал XIX съезд) включал 25 членов и 11 кандидатов, Секретариат — 10 человек.

Новый ареопаг становился своего рода резервом для выдвижения на первый план новых реальных властителей взамен отесняемых в задние ряды. На пленуме Сталин обрушился с резкой критикой на В.М. Молотова и А.И. Микояна, обвиняя их в нестойкости, трусости и капитулянтстве перед американским империализмом. Как грубая политическая ошибка было расценено предложение Молотова «передать Крым евреям», его стремление быть «адвокатом незаконных еврейских претензий на наш Советский Крым». Было принародно выражено политическое недоверие К.Е. Ворошилову. В образованном на пленуме, но не предусмотренном Уставом КПСС бюро Президиума ЦК, помимо Сталина первоначально значились только Берия, Булганин, Каганович, Маленков, Сабуров и Хрущев. Представительство «старой партийной гвардии» в ближайшем окружении Сталина сводилось к минимуму.

В ноябре 1951 года начало раскручиваться еще одно «дело», чреватое важным политическим последствием. ЦК ВКП(б) принял постановление «О взяточничестве в Грузии и об антипартийной группе Барамия», в котором утверждалось, что в Грузии вскрыта мингрельская националистическая организация, возглавляемая секретарем ЦК КП Грузии М.И. Барамия. Новое постановление ЦК (от 27 марта 1952 г.) о положении дел в Компартии Грузии «уточняло», что «нелегальная мегрело-националистическая группа Барамии ставила своей целью отторжение Грузии от Советского Союза». По этому «делу» были арестованы как «буржуазные националисты» 7 из 11 членов бюро ЦК КП Грузии, 427 секретарей обкомов, горкомов и райкомов партии. Был арестован весь партийный актив Мингрелии. В одном из докладов Сталину по этому «делу» Рюмин и Игнатъев изложили подозрения министра государственной безопасности Грузии Н.М. Рухадзе в адрес Берии, который якобы скрывал свое еврейское происхождение и тайно готовил заговор против Сталина в Грузии.

Таким образом «мингрельское дело» в один прекрасный день могло обернуться и против самого «большого мингрела». Л.П. Берия это прекрасно сознавал, и будучи арестованным, писал в письме от 28 июня 1953 года о благодетельной роли Маленкова в своей судьбе, «и особенно когда хотели меня связать с событиями в Грузии». Скорее всего, Берия не оставался безучастным к надвигавшейся опасности. Незадолго до смерти Сталина оказались арестованными его ближайшие помощники — А.Н. Поскребышев, член ЦК, с августа 1935 года бессменный заведующий канцелярией генсека; генерал-лейтенант Н.С. Власик, возглавлявший почти четверть века личную охрану Сталина и с явной неприязнью относившийся к Берии. 15 февраля 1953 года безвременно скончался полный сил комендант Кремля генерал-майор П.Е. Косынкин, назначенный Сталиным на эту должность из своей охраны. Оставаясь на своих постах, они вряд ли позволили бы проявить такую же преступную медлительность в оказании медицинской помощи сраженному инсультом Сталину, какую продемонстрировали Берия, Маленков и Хрущев. По распоряжению последних врачи были вызваны к постели больного только через 10 часов после обнаружения его охраной лежащим на полу в одной из комнат подмосковной Ближней дачи в полупарализованном состоянии.

«Дело врачей» приобрело зримые очертания в ноябре 1952 года, когда на Лубянке оказались начальник Лечебно-санитарного управления Кремля П.И. Егоров, известные профессора медицины В.Н. Виноградов, В.Х. Василенко, М.С. Вовси, Б.Б. Коган. Сталин был недоволен нерешительностью министра Игнатъева, приказал отстранить от дела одного из главных его авторов — Рюмина. Последний, видимо, начал опасаться участи Ягоды, Ежова, Абакумова и явно умерил свой пыл. 15 ноября вместо Рюмина был назначен новый следователь по делу врачей — заместитель министра госбезопасности С.А. Гоглидзе. Вскоре врачи «дали» все нужные показания.

Вопросы о вредительстве в лечебном деле и положении в МГБ СССР были вынесены

на обсуждение Президиума ЦК КПСС. Заседание состоялось 1 декабря 1952 года. По дневниковым записям члена Президиума ЦК наркома В.А. Малышева, Сталин говорил: «Чем больше у нас успехов, тем больше враги будут стараться нам вредить. Об этом наши люди забыли под влиянием наших больших успехов, появилось благодушие, ротозейство, зазнайство. Любой еврей-националист — это агент американской разведки. Еврей-националисты считают, что их нацию спасли США (там можно стать богачом, буржуа и т. д.). Они считают себя обязанными американцам. Среди врачей много евреев-националистов. Неблагополучно в ГПУ (Сталин использует одно из старых названий органов МВД и МГБ. — Авт.). Притупилась бдительность. Они сами признаются, что сидят в навозе, в провале. Надо лечить ГПУ». Лечить принялись безотлагательно.

Уже 4 декабря было принято постановление ЦК партии, в котором вина за деятельность «врачей-отравителей» возлагалась на В.С. Абакумова и Н.С. Власика. Был снят с поста министра здравоохранения СССР Е.И. Смирнов, друг Власика, якобы «сросшийся» с ним на почве пьянства. Было принято также постановление «О положении в МГБ», в котором отмечалось, что партия слишком доверяла и плохо контролировала работу Министерства госбезопасности и его органов, указывалось на необходимость «решительно покончить с бесконтрольностью в деятельности органов».

9 января 1953 года бюро президиума ЦК обсудило проект сообщения ТАСС об аресте группы «врачей-вредителей». Сталин уклонился от участия в этом заседании. Он, видимо, оставлял возможность для того, чтобы переложить ответственность на присутствовавших. 13 января в газетах была опубликована «Хроника ТАСС» о раскрытии органами госбезопасности «террористической группы врачей, ставящих своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза». В числе участников террористической группы были названы девять человек. Шестеро из них были евреями по национальности, трое — русскими.

22 февраля 1953 года по всем областным управлениям МГБ был разослан приказ, предписывавший немедленно уволить из МГБ всех сотрудников еврейской национальности, вне зависимости от их чина, возраста и заслуг. Уже 23 февраля все они были уволены «по сокращению штатов» и должны были сдать свои дела в течение лишь одного дня. Однако до суда над «врачами-отравителями» дело не дошло. Развязки событий по сценарию, известному только его подлинным авторам, не последовало из-за скоростной смерти Сталина.

Смерть Сталина. Передел власти

В ночь с 28 февраля на 1 марта 1953 года И.В. Сталина сразил удар. Диагноз прибывших на дачу 2 марта главного терапевта Минздрава СССР профессора П.Е. Лукомского, академиков АМН АЛ. Мясникова, Е.М. Тареева и других был быстрым: инсульт с кровоизлиянием в мозг. 3 марта врачам стало ясно, что смерть неизбежна. По радио было передано правительственное сообщение о болезни Председателя Совета Министров СССР и секретаря Центрального Комитета КПСС. 5 марта в 21 час 50 минут Сталин умер. Миллионы советских людей были искренне опечалены утратой, другие связывали с ней надежды на лучшую жизнь.

С этой смертью заканчивалась одна из наиболее противоречивых эпох отечественной истории. Эпоха, вобравшая в себя героизм, энтузиазм, социальное творчество масс, форсированную модернизацию страны, победу в Отечественной войне и утверждение крайне жестких командных методов их достижения, прорывы к демократии и насаждение культа личности вождя, безжалостно уничтожавшего не только политическую оппозицию, но зачастую и ростки здравого инакомыслия.

Гигантское разнообразие мнений и оценок исторической роли И.В. Сталина до сих пор не позволяют прийти к какому-то единому мнению. Очевидно, однако, что посмертный суд над Сталиным, начатый по инициативе Л.П. Берия, а затем Н.С. Хрущева, и попытки

оценить его роль только как негативную и даже полностью вычеркнуть это имя из истории не удаются.

Пожалуй, наибольшей сбалансированностью отличается характеристика Сталина, данная государственным деятелем Англии, ярким противником коммунистических идей У. Черчиллем, который по случаю 80-летия Сталина (21 декабря 1959 г.) говорил: «Большим счастьем для России было то, что в годы тяжелых испытаний ее возглавлял гений и непоколебимый полководец И.В. Сталин. Он был выдающейся личностью, импонирующей жестокому времени, в котором протекала его жизнь... В его произведениях всегда звучала исполинская сила. Эта сила настолько велика в Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей государств всех времен и народов... Он был непревзойденным мастером находить в трудную минуту путь выхода из самого безвыходного положения... Сталин был величайшим, не имеющим себе равных диктатором. Он принял Россию с сохой, а оставил оснащенной атомным оружием. Нет! Что бы ни говорили о нем, таких история и народы не забывают».

5 марта в 20 часов 40 минут, за один час 10 минут до смерти Сталина, в Кремле закончилось совместное заседание членов ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР, министров правительства. Л.П. Берия от имени бюро Президиума ЦК предложил избрать на пост Председателя правительства Г.М. Маленкова. Собрание единогласно поддержало предложение. Пакет новых кадровых назначений далее собранию предлагал уже новый глава Совета министров. На посты первых заместителей Предсовмина были выдвинуты Л.П. Берия, В.М. Молотов, Н.А. Булганин и Л.М. Каганович. Председателем Президиума Верховного Совета СССР было предложено избрать К.Е. Ворошилова, а освобождающегося от этого поста Н.М. Шверника — председателем ВЦСПС. Было предложено объединить ряд министерств, в том числе слить МГБ с МВД и назначить главой укрупненного МВД Берия. На пост министра иностранных дел был выдвинут Молотов, на пост министра Вооруженных сил — Булганин, на пост министра внутренней и внешней торговли — Микоян. Здесь же было решено иметь в ЦК партии вместо Президиума и бюро Президиума один орган — Президиум, «как это определено Уставом партии». В состав Президиума ЦК было решено избрать 11 человек вместо 25 избранных ранее.

Членами Президиума ЦК КПСС были избраны: Сталин, Маленков, Берия, Молотов, Ворошилов, Хрущев, Булганин, Каганович, Микоян, Сабуров, Первухин. Секретарями ЦК вместо одиннадцати прежних стали четверо: Н.С. Хрущев, С.Д. Игнатьев, П.Н. Поспелов, Н.Н. Шаталин. Хрущев среди них был единственным членом Президиума ЦК КПСС.

Постановление совещания было объявлено 7 марта (уже без имени Сталина среди членов Президиума ЦК). Новая конфигурация власти была определена. На самый верх властной пирамиды были возвращены представители потесненной Сталиным старой гвардии. Значительная часть сталинских выдвиженцев октября 1952 года (за исключением М.З. Сабурова, М.Г. Первухина, П.П. Поспелова, Н.Н. Шаталина) свои позиции утратила. На заседании было объявлено о поручении Маленкову, Берии и Хрущеву привести в должный порядок документы и бумаги Сталина, что было своеобразным индикатором принадлежности к подлинной власти в послесталинском СССР.

Что касается причин смерти Сталина, то многие современные видные историки склонны придавать истинный смысл словам Берии, сказанным 1 мая 1953 года на трибуне Мавзолея Молотову так, чтобы слышали стоявшие рядом Хрущев и Маленков: «Я всех вас спас... Я убрал его очень вовремя». К 60-м годам эта версия получила широкое хождение. К примеру, первый секретарь ЦК Албанской компартии Энвер Ходжа в своей речи от 24 мая 1964 года говорил, что советские лидеры «имеют наглость открыто рассказывать, как это делает Микоян, что они тайно подготовили заговор, чтобы убить Сталина». Хрущев на митинге 19 июля 1964 года в честь венгерской партийно-правительственной делегации свою филиппику в адрес Сталина закончил недвусмысленным заявлением: «В истории человечества было немало тиранов жестоких, но все они погибли так же от топора, как сами свою власть поддерживали топором».

Наиболее существенным в новой конфигурации власти, создавшейся после смерти Сталина, является полная «реабилитация» совсем было оттесненных от власти Ворошилова, Микояна, Молотова, Кагановича. В.М. Молотов, пользовавшийся большим запасом политического опыта и популярности в стране в сравнении с каждым другим членом «коллективного руководства», объективно становился возможным кандидатом на пост председателя правительства, который он занимал ранее более десяти лет подряд. Это дало о себе знать в событиях 1957 года.

Как боролись с «низкопоклонниками» и «космополитами» после войны

Годы войны породили большие надежды на либерализацию послевоенной общественной жизни, ослабление жесткого партийно-государственного контроля в области литературы и искусства, расширение свободы творчества. Личные впечатления миллионов советских людей, побывавших в Европе, ослабляли пропагандистские стереотипы об ужасах капитализма. Союзнические отношения со странами Запада в военные годы позволяли надеяться на расширение культурных связей и контактов и после войны.

Начавшаяся «холодная война» перечеркнула все эти надежды. Противоборство с капиталистическим миром заставило вспомнить об уже наработанных в 1930-е годы приемах и методах утверждения «классового подхода», идеологического воспитания масс и творческой интеллигенции. С первыми признаками похолодания в отношениях с Западом руководство СССР принялось за «завинчивание гаек» в отношении интеллигенции, которые несколько ослабили в военные годы. В 1946–1948 годах было принято несколько постановлений ЦК ВКП(б) по вопросам культуры.

Августовское (1946 г.) постановление «О журналах «Звезда» и «Ленинград»» подвергло беспощадной критике творчество известных советских писателей. М. Зощенко был заклеен как «пошляк и подонок литературы», А. Ахматова названа «типичной представительницей чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии». На Оргбюро ЦК, где обсуждался этот вопрос, И.В. Сталин заявил, что журнал в СССР «не частное предприятие», он не имеет права приспосабливаться к вкусам людей, «которые не хотят признавать наш строй». Главный идеолог партии А.А. Жданов, выступая 29 сентября в Ленинграде с разъяснением постановления, вынужден был особенно усердствовать, поскольку речь шла о городе, где он долгие годы был олицетворением власти. Постановление обличало один из главных пороков, искоренению которого была подчинена идейно-воспитательная работа периода «холодной войны» — «дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада». В Киеве в этот же день с одинаковым со ждановским по сути и по разносной форме докладом о положении в литературе и искусстве выступил Н.С. Хрущев.

Постановление «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» (от 26 августа 1946 г.) требовало запретить постановки театрами пьес буржуазных авторов, являющиеся «предоставлением советской сцены для пропаганды реакционной буржуазной идеологии и морали».

Постановления «О кинофильме «Большая жизнь»» (от 4 сентября 1946 г.), «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели» (от 10 февраля 1948 г.) давали уничижительные оценки творчеству режиссеров Л. Лукова, С. Юткевича, А. Довженко, С. Герасимова, композиторов В. Мурадели, С. Прокофьева, Д. Шостаковича, В. Шебалина. Им вменялась в вину безыдейность творчества, искажение советской действительности, заискивание перед Западом, отсутствие патриотизма. С. Эйзенштейна обвиняли в том, что он «обнаружил невежество в изображении исторических фактов, представив прогрессивное войско опричников Ивана Грозного в виде шайки дегенератов, наподобие американского Ку-Клус-Клана», создателей «Великой дружбы» — за то, что они неверно представили грузин и осетин врагами русских в 1918–1920 годах, в то время как «помехой для установления дружбы народов в тот период на Северном Кавказе являлись ингуши и чеченцы».

В 1947 году для повсеместной кампании по искоренению низкопоклонства было решено использовать «дело» члена-корреспондента Академии медицинских наук Н.Г. Ключевой и ее мужа профессора Г.И. Роскина, предложивших опубликовать в США параллельно с советским изданием книгу «Биотерапия злокачественных опухолей» (выпущена в Москве в 1946 г., в США к изданию не принята). Кампания долго и тщательно готовилась. В феврале этот факт стал предметом обсуждения с участием Сталина и Жданова. В мае Сталин апробировал основные идеи закрытого письма по этому поводу в партийные организации в беседе с писателями А. Фадеевым, Б. Горбатовым, К. Симоновым. Он сетовал, что у наших интеллигентов среднего уровня «недостаточно воспитано чувство советского патриотизма. У них неоправданное преклонение перед заграничной культурой. Все чувствуют себя еще несовершеннолетними, не стопроцентными, привыкли считать себя на положении вечных учеников. Эта традиция отсталая, она идет от Петра».

В июне 1947 году в Министерстве здравоохранения СССР был проведен «суд чести» над Ключевой и Роскиным. Суд со всеми атрибутами: членами суда, выступлением главного обвинителя, показаниями свидетелей, попытками обвиняемых оправдаться. Был вынесен приговор: общественный выговор. Тогда же начаты съемки фильма «Суд чести» (выпущен на экраны в январе 1949 г.). О серьезности подхода к кампании свидетельствовали наказания главных виновников. Академик В.В. Парин, возивший рукопись в США во время командировки и предлагавший ее издание, был осужден на 25 лет за шпионаж. Министр здравоохранения Г.А. Митерев смещен со своего поста.

17 июня 1947 года парторганизациям страны направлено закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О деле профессоров Ключевой и Роскина». Их антипатриотический и антигосударственный поступок был усмотрен в том, что якобы движимые тщеславием, честолюбием и преклонением перед Западом, они поторопились оповестить о своем открытии весь мир, передав в американское посольство при помощи шпиона Парина рукопись своего труда. ЦК констатировал, что «дело» свидетельствует о серьезном неблагополучии в морально-политическом состоянии интеллигенции, работающей в области культуры. Корни подобных настроений виделись в пережитках «проклятого прошлого» (русские-де, всегда должны играть роль учеников у западноевропейских учителей), во влиянии капиталистического окружения на наименее устойчивую часть нашей интеллигенции. Особую опасность такие настроения представляли тем, что агенты иностранных разведок усиленно ищут слабые и уязвимые места и находят в среде интеллигенции, зараженной болезнью низкопоклонства. В противовес интеллигенции рабочие, крестьяне и солдаты изображались как умеющие постоять за интересы своего государства. Письмо заканчивалось предложением создавать «суды чести» по всем аналогичным проступкам. Суды были созданы во всех научных и учебных заведениях, в государственных учреждениях, министерствах, творческих союзах по всей стране и действовали на протяжении двух лет.

В конце 1948 года началась подготовка всесоюзного совещания заведующих кафедрами физики — для исправления упущений в науке в соответствии с духом времени: физика-де преподавалась в отрыве от диамата, учебники излишне пестрят именами иностранных ученых. (В этом усматривалось низкопоклонство перед зарубежными учеными.) В декабре был создан оргкомитет. После успеха Лысенко в разгроме «вейсманизма-морганизма-менделизма» выдвигались идеи разгромить в физике «эйнштейнианство». Был издан сборник статей «Против идеализма в современной физике», в котором атаквались советские последователи А. Эйнштейна. Среди них значились Л.Д. Ландау, И.Е. Тамм, Ю.Б. Харитон, Я.Б. Зельдович, В.Л. Гинзбург, А.Ф. Иоффе и многие другие. Пагубность назначенного на 21 марта 1949 года совещания физиков, скорее всего, была осознана в комитете, ведущем работы по атомной проблеме. На одном из совещаний в начале 1949 года Берия поинтересовался у Курчатова, правда ли, что теория относительности и квантовая механика — это идеализм и от них надо отказаться. Курчатов ответил: «Если от них отказаться, придется отказаться и от бомбы». Берия сразу же отреагировал, что самое главное — бомба, а все остальное — ерунда. Видимо, он поделился своей тревогой со Сталиным, совещание

было отменено. Таким образом, «бомба спасла физиков». По позднейшим оценкам, если бы совещание состоялось, то наша физика была бы отброшена на 50 лет назад — к доквантовой эре, а многие ведущие ученые были бы объявлены космополитами. Тем не менее борьба с «физическим идеализмом» и «космополитизмом» на этом не закончилась, она продолжалась до середины 1950-х годов.

Основой долговременной пропагандистской кампании по воспитанию народов СССР в духе советского патриотизма стали положения выступления И.В. Сталина на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года. В сущности, признавалось, что победа была достигнута не только за счет преимуществ социалистического строя, но прежде всего за счет патриотизма русского народа. В этом выступлении Сталин провозгласил, что русский народ «является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза», что он заслужил в войне «общее признание, как руководящей силы Советского Союза». Были отмечены не только «ясный ум» народа, но также стойкий характер и терпение, доверие правительству в моменты отчаянного положения, готовность идти на жертвы.

Политика и патриотическое воспитание с опорой на эти качества таили определенную опасность окрашивания их в цвета русского национализма и великодержавия. Некоторые усматривали проявление национализма уже в самом сталинском тосте, выделявшем в многонациональном советском народе только одну «выдающуюся» нацию. Это не могло не вызывать обеспокоенность за будущность национального развития у представителей других народов страны. К примеру, участник приема в Кремле И.Г. Эренбург был так поражен и раздосадован тостом, что не смог сдержать рыданий.

Руководители пропагандистского аппарата старались не допустить кривотолков в понимании сталинского тоста. Передовые статьи «Правды» и других изданий разъясняли, что патриотизм советского, русского народа ничего общего не имеет с выделением своей нации, как «избранной», «высшей», с презрением к другим нациям. Утверждалось, что русскому народу, «старшему и могучему брату в семье советских народов, довелось взять на себя главную тяжесть борьбы с гитлеровскими разбойниками, и он с честью выполнил эту свою великую историческую роль. Без помощи русского народа ни один из народов, входящих в состав Советского Союза, не смог бы отстоять свою свободу и независимость, а народы Украины, Белоруссии, Прибалтики, Молдавии, временно поработанные немецкими империалистами, не могли бы освободиться от немецко-фашистской кабалы».

Вслед за этими интерпретациями давались установки: «Партийные организации обязаны широко пропагандировать замечательные традиции великого русского народа как наиболее выдающейся нации из всех наций, входящих в состав СССР. Партийные организации должны разъяснять, что сталинская оценка русского народа, как выдающейся нации и руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны, является классическим обобщением того исторического пути, который прошел великий русский народ». Требовалось также разъяснять, что «история народов России есть история преодоления... вражды и постепенного их сплочения вокруг русского народа», а освободительная миссия русского народа, его руководящая роль заключаются только в том, чтобы «помочь всем другим народам нашей страны подняться в полный рост и стать рядом со своим старшим братом — русским народом».

Победа в войне позволяла по-новому оценить вклад русской культуры в культуру народов СССР и мировую культуру. Вызвано это было не только тем, что советские ученые и деятели культуры внесли огромный вклад в усилия Красной Армии по разгрому Германии и тем самым отвели угрозу истребления гитлеровцами всех многовековых завоеваний человеческой культуры. Другим фактором, способствовавшим переоценке русской культуры, было стремление противопоставить культурные достижения России и СССР культуре Запада, представление о высоком уровне которой в ее повседневных проявлениях могли составить многие миллионы советских людей, которые побывали за годы войны в Европе и возвратились домой после победы.

Молотов, вероятно, хотел более чем кто-либо быть уверенным в правоте своих слов, когда 6 ноября 1947 года говорил: «Наемные буржуазные писаки за рубежом предсказывали во время войны, что советские люди, познакомившись в своих боевых походах с порядками и культурой на Западе и побывав во многих городах и столицах Европы, вернутся домой с желанием установить такие же порядки на Родине. А что вышло? Демобилизованные... взяли с еще большим жаром укреплять колхозы, развивать социалистическое соревнование на фабриках и заводах, встав в передовых рядах советских патриотов». Признавая, что «у нас еще не все освободились от низкопоклонства и раболепия перед Западом, перед Западной культурой», Молотов вдохновлялся сам и пытался вдохновить слушателей сталинскими «историческими словами»: «Последний советский гражданин, свободный от цепей капитала, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства».

Исторический оптимизм советского человека власти стремились питать не только героизмом свершений советского периода истории, но и всей многовековой культурой страны. Прославление деятелей отечественной культуры, с именами которых связывались «великие вклады в мировую науку, выдающиеся научные открытия, составляющие важнейшие вехи развития современной культуры и цивилизации», начались на заключительном этапе войны и были с новой силой продолжены после ее окончания. В приветствии, которое направили 16 июня 1945 года в адрес Академии наук СССР в связи с ее 220-летием СНК СССР и ЦК ВКП(б), говорилось: «Советский народ по праву гордится основоположником русской науки Ломоносовым, гениальным химиком Менделеевым, великими математиками Лобачевским, Чебышевым и Ляпуновым, крупнейшим геологом Карпинским, всемирным географом Пржевальским, основателем военно-полевой хирургии Пироговым, великими новаторами-биологами Мечниковым, Сеченовым, Тимирязевым и Павловым, замечательным преобразователем природы Мичуриным, искусным экспериментатором-физиком Лебедевым, создателем радиосвязи Поповым, основоположниками теории современной авиации Жуковским и Чаплыгиным, выдающимися двигателями русской революционной мысли — Белинским, Добролюбовым, Чернышевским, великим пионером марксизма в нашей стране — Плехановым».

2 января 1946 года П.Л. Капица написал письмо Сталину, в котором сетовал, что мы «мало представляем себе, какой большой клад творческого таланта всегда был в нашей инженерной мысли. В особенности сильны были наши строители». Рекомендуя к изданию книгу Л.И. Гумилевского «Русские инженеры» (она была издана в 1947-м и переиздана в 1953 г.), Капица утверждал: «1. Большое число крупнейших инженерных начинаний зарождалось у нас. 2. Мы сами почти никогда не умели их развивать (кроме как в области строительства). 3. Что причина неиспользования новаторства в том, что обычно мы недооценивали свое и переоценивали иностранное». Недоценку своих и переоценку заграничных сил, излишнюю скромность высоко ценимый Сталиным ученый называл недостатком еще большим, чем «излишняя самоуверенность». Капица предлагал дополнить книгу рассказами о таких чрезвычайно крупных инженерах-электриках, как Попов (радио), Яблочков (вольтова дуга), Лодыгин (лампочка накаливания), Доливо-Добровольский (переменный ток) и других.

Все это находилось у истоков антизападнической кампании, в ходе которой пропагандировалась концепция исторического приоритета нашей страны во всех важнейших областях науки, техники, культуры. Известные перегибы в этой пропаганде, стремление объявить детищем русских талантов почти любое изобретение от велосипеда до самолета, давали поводы для шуточных заявлений вроде «Россия — родина слонов».

Однако и послевоенные проявления «националистического нэпа» власти стремились держать в определенных рамках. Особенно это касалось работ историков. Власть предостерегала их от ошибочного понимания советского патриотизма, игнорирования его классового содержания, от сползания на позиции квасного патриотизма. «В основе таких ошибок, — отмечалось в редакционной статье журнала «Вопросы истории» (1948. № 2), —

лежало стремление приукрасить историю». Не менее опасными и вредными квалифицировались в этой статье и «ошибки, идущие по линии очернения прошлого русского народа, преуменьшения его роли в мировой истории». Подчеркивалось, что «всякая недооценка роли и значения русского народа в мировой истории непосредственно смыкается с преклонением перед иностранщиной. Нигилизм в оценке величайших достижений русской культуры, других народов СССР есть обратная сторона низкопоклонства перед буржуазной культурой Запада».

В этой связи несправедливой критике подверглись работы академика Е.В. Тарле за «ошибочное положение об оборонительном и справедливом характере Крымской войны», за оправдание войн Екатерины II «тем соображением, что Россия стремилась якобы к своим естественным границам», за пересмотр характера похода в Европу в 1813 году, «представив его таким же, как освободительный поход в Европу Советской Армии». Осуждались «требования пересмотреть вопрос о жандармской роли России в Европе в первой половине XIX в. и о царской России как тюрьме народов», попытки поднять на щит как героев русского народа генералов М.Д. Скобелева, М.И. Драгомирова, А.А. Брусилова. Как недопустимый объективизм в науке были осуждены предложения о замене «классового анализа исторических фактов оценкой их с точки зрения прогресса вообще, с точки зрения национально-государственных интересов». Историкам напоминалось, все эти «ревизионистские идеи» осуждаются Центральным Комитетом партии.

Ярким примером критики якобы ошибочного понимания советского патриотизма, игнорирования его классового содержания, была критика произведений А.Т. Твардовского тогдашними литературоведами и литературным начальством. 20 декабря 1947 года была опубликована статья главного редактора «Литературной газеты» В.В. Ермилова о книге Твардовского «Родина И чужбина». Раздумья знаменитого писателя о войне, о природе патриотизма, о свойствах и качествах народа, проявленных в годы бедствий, были охарактеризованы как «фальшивая проза», «попытка поэтизировать то, что чуждо жизни народа».

Влиятельный критик Д.С. Данин разглядел в книге «русскую национальную ограниченность прозы Твардовского», которая «несколько не лучше, чем азербайджанская, якутская, бурят-монгольская ограниченность». Глядя в корень явления, он увидел там «некоторые накладные расходы войны, которые сейчас возможно быстрее надо ликвидировать» и начать вновь осознавать себя передовыми людьми человечества, «не думать о нашей национальности в узком, ограниченном смысле этого слова», воспринимать слово «советский» «новой, широкой национальностью». В «Василии Теркине» Данин обнаружил те же пороки — любование литературного героя своим маленьким мирком, отсутствие признаков интернационализма, национальную ограниченность. Вспомнив стихи Михаила Светлова, в которых герой Гражданской войны поет: «Я рад, что в огне мирового пожара мой маленький домик горит», Данин заключил: «Если Твардовский будет этому радоваться, мы будем радоваться вместе с ним».

В.В. Овечкин тоже оказался среди поучавших Твардовского. «Мужицкий идиотизм надо ненавидеть всей душой, до дрожи во всем своем существе, — говорил он. — Этой ненависти я у Твардовского не вижу. Надо этого мужика взять за шиворот... и толкать носом в это место, где сладко, а он не понимает, что сладко, vi если сегодня не сладко, через десять лет будет сладко». В «Доме У дороги» и во всем, что начал писать Твардовский после, Овечкин обнаружил «неправильно понятое» постановление СНК от 21 июня 1945 года «Об улучшении жилищных условий генералов и офицеров Красной Армии», в соответствии с которым отводились земельные участки демобилизованным полковникам (до гектара) И генералам (до двух гектар). «Получайте землю, стройтесь, обзаводитесь хозяйством — куры, гуси и прочее. Слишком всерьез принял это постановление Александр Трифонович. Это постановление не для нас, не для писателей».

Секретарь правления Союза писателей Л.М. Субоцкий в «Заметках о прозе 1947 года» (Новый мир. 1948. № 2) выводил обсуждаемые проблемы на уровень больших обобщений.

Во многих книгах, написанных в годы войны, отмечал он, «патриотическое чувство и сознание героев войны изображались... обедненно. Иногда на первое место выступали исконно древние черты патриотизма, вытесняя те свойства, которые воспитаны в советских людях нашей эпохой, четвертьвековой практикой борьбы за социализм, воспитательной работой партии и советской власти — все то, что отличает социалистический патриотизм советского народа от патриотизма других народов и эпох». Правда жизни состояла, по его утверждениям, в том, что «простые советские люди были воодушевлены в своем подвиге преданностью советскому государству и советскому общественному строю». «Родина и чужбина» А.Т. Твардовского представилась высокопоставленному критику «произведением идейно-порочным в целом», плодом «политической ограниченности и отсталости», выражающим «тенденции, чуждые советской литературе, борющейся за утверждение нового, передового сознания, за воспитание народа в духе коммунизма». Нынешний день литературы виделся Субоцкому в романах М. Бубеннова «Белая береза», И. Эренбурга «Буря».

Отношение к творчеству А.Т. Твардовского у поборников национальной ограниченности сохранялось и в последующем. В 1953 году писатель ИЛ. Сельвинский в письме Г.М. Маленкову продолжал настаивать, что «творчество этого поэта, будучи само по себе очень талантливо, в поэтическом отношении консервативно, а в идейном реакционно». Пространные доказательства этого он полагал излишними. Было достаточно одного Василия Теркина, который «на протяжении 5000 строк не заметил ни революции, ни партии, ни колхозного строя, а битву с германским фашизмом рассматривает, как войну с немцем». И в 1960 году Сельвинский остался верен себе. ««Василий Теркин», — поучал он молодых поэтов, — вещь откровенно несовременная! Русофильская! Характер времен первой империалистической войны... Козьма Крючков!..»

История с огульной критикой книги «Родина и чужбина», по справедливому суждению современного литературоведа А.В. Огнева, наводит на резонные размышления, почему в свое время началась борьба с космополитизмом. Ее экстремистские формы нельзя оправдывать, но вместе с тем следует принимать во внимание, что некоторые советские литераторы на самом деле стояли на космополитических позициях, не проявляли должного отношения к национальным чувствам русских писателей, по сути, не различали интернационализм и космополитизм.

Первое за послевоенный период теоретическое осмысление феномена космополитизма в сравнении с патриотизмом и национализмом было предложено известным партийным теоретиком О.В. Куусиненом в статье «О патриотизме», открывающей первый номер журнала «Новое время» (1945). Отметив взлет патриотического движения в различных странах во время Второй мировой войны, автор признавал, что в прошлом патриотизм сторонников коммунизма и социализма долгое время оспаривался и что обвинения коммунистов и всех левых рабочих в отсутствии у них патриотизма было свойственно якобы только «врагам» рабочего движения. Начало эпохи развития патриотизма в рядах сознательных рабочих всех стран автор отнес ко дню рождения советского патриотизма, ко времени, когда рабочий класс России завоевал себе положение хозяина своей страны. Именно тогда, по утверждению теоретика, сознательные рабочие других стран стали чувствовать особую привязанность к Советской стране и стали называть ее отечеством рабочих всех стран. Но эта привязанность возбудила в них особое чувство любви и к собственным странам как очагам лучшего будущего трудящихся своей нации. Сила такого патриотизма особенно ярко дала себя знать в партизанской борьбе против немецко-фашистских оккупантов. Возрожденный в годы войны патриотизм определялся как «самоотверженная борьба за свободное, счастливое будущее своего народа». В Советском Союзе уровень развития патриотизма признавался гораздо более высоким, чем в других странах.

Национализм в социалистической стране исключался по определению. «Даже умеренный буржуазный национализм, — утверждал Куусинен, — означает

противопоставление интересов собственной нации (или ее верхушечных слоев) интересам других наций». Ничего общего с национализмом не мог иметь и истинный патриотизм. «В истории не было ни одного патриотического движения, которое имело бы целью покушение на равноправие и свободу какой-либо чужой нации». Космополитизм — безразличное и пренебрежительное отношение к отечеству — тоже органически противопоставлен коммунистическому движению каждой страны. «Коммунизм не противопоставляет, а сочетает подлинный патриотизм и пролетарский интернационализм». Подытоживая рассуждения, автор писал: «Космополитизм — идеология, совершенно чуждая трудящимся. Это идеология, характерная для представителей международных банкирских домов и международных картелей, для крупнейших биржевых спекулянтов, мировых поставщиков оружия («торговцев смертью») и их агентов. Эти круги действительно орудуют согласно латинской пословице «ubi bene, ibi patria» (где хорошо, там и отечество)». Таким образом, выходило, что в нашей стране космополитами могли быть только «враги народа», сторонники буржуазного космополитизма и национализма.

Большое значение феномену космополитизма придавал И.В. Сталин. Он связывал его с послевоенной борьбой США за мировое господство. На странице проекта новой программы партии летом 1947 года Сталин оставил запись: «Теория «космополитизма» и образования Соединенных] Штатов Европы с одним правительством. «Мировое правительство»». Эта помета объясняет главные причины развернувшейся вскоре в СССР кампании против космополитов вовне и внутри СССР.

Еще одна попытка подвести единую теоретическую базу под антипатриотизм и космополитизм была сделана Г.Ф. Александровым в начале 1948 года в статье «Космополитизм — идеология империалистической буржуазии» (Вопросы философии. 1948. № 3). В статье разъяснялось, что идеологи буржуазии за рубежом и «мелкие отщепенцы — антипатриоты в СССР» орудуют под флагом космополитизма, потому что под ним было удобнее всего пытаться разоружить рабочие массы в борьбе против капитализма, ликвидировать национальный суверенитет отдельных стран, подавить революционное движение рабочего класса. Космополитами в статье были представлены кадеты П.Н. Милоков, А.С. Яценко, «отъявленными космополитами» — «враги народа» Пятаков, Бухарин, Троцкий. Однако статья вызвала негативную реакцию из-за того, что в ней «чрезмерно много места уделяется разной дряни вроде мертворожденных писаний реакционных буржуазных профессоров».

Гораздо более злободневный пример космополитизма был обнаружен в мае 1947 года в книге здравствующего профессора-литературоведа И.М. Нусинова «Пушкин и мировая литература», изданной в 1941 году. В рецензии, написанной поэтом Николаем Тихоновым, отмечалось, что Пушкин и вместе с ним вся русская литература представлялись в этой книге «всего лишь придатком западной литературы», лишенным «самостоятельного значения». По Нусинову выходило, что все у Пушкина «заимствовано, все повторено, все является вариацией сюжетов западной литературы», что «русский народ ничем не обогащал мировую культуру». Такая позиция современного «беспачпортного бродяги в человечестве» объявлялась следствием «преклонения» перед Западом и забвения заповеди о том, что только наша литература «имеет право на то, чтобы учить других новой общечеловеческой морали».

Вскоре (в июне) эта тема была вынесена на пленум правления Союза писателей СССР. А.А. Фадеев развил критику «очень вредной» книги Нусинова. Он, в частности, отметил, что «в этой книге вообще нет ни слова о том, что была такая Отечественная война 1812 года», что Пушкин «сделан безнационально-всемирным, всеевропейским, всечеловеческим. Как будто можно быть таким, выпрыгнув из исторически сложившейся нации». Осуждалась основная идея этой книги: «Свет идет с Запада, а Россия страна восточная». Именно с этого выступления стала разворачиваться громкая кампания в литературоведении и других гуманитарных сферах против низкопоклонства, отождествленного с космополитизмом.

Кампания имела и другие задачи. Она была направлена против разрабатываемого в США «Гарвардского проекта», нацеленного на разрушение советского патриотизма и замену

его «общечеловеческими ценностями», вполне совместимыми с традиционным патриотизмом американцев и отношением к Америке «космополитов» в других странах мира, не имеющих ничего против этой страны как метрополии будущей единой мировой республики. Известное положение речи американского президента Г. Трумэна перед канзасскими избирателями о том, что «народам будет так же легко жить в добром согласии во всемирной республике, как канзасцам в Соединенных Штатах», имело в Советском Союзе недвусмысленную реакцию. В статье «За советскую патриотическую науку права» известный правовед Е.А. Коровин писал: «Первая и основная ее задача — отстаивать всеми доступными ей средствами национальную независимость, национальную государственность, национальную культуру и право, давая сокрушительный отпор любой попытке посягательства на них или хотя бы на их умаление» (Советское государство и право. 1949. № 7).

Кампанию возглавляли А.А. Жданов, ставший к этому времени вторым лицом в руководстве страной, и новые руководители Управления пропаганды и агитации ЦК партии — секретарь ЦК М. А. Суслов, заменивший на посту начальника управления 17 сентября 1947 года Г.Ф. Александрова, и Д.Т. Шепилов, редактор «Правды» по отделу пропаганды, ставший 18 сентября заместителем Суслова.

Установки на проведение кампании были даны в статье Шепилова «Советский патриотизм», опубликованной в «Правде» 13 августа 1947 года. Из ее содержания видно, что советские лидеры готовы были подозревать в антипатриотизме всякого, кто не соглашался, что теперь не мы догоняем Запад в историческом развитии, а «странам буржуазных демократий, по своему политическому строю отставшим от СССР на целую историческую эпоху, придется догонять первую страну подлинного народовластия». Соответственно утверждалось, что советский строй «в сто крат выше и лучше любого буржуазного строя»; «Советский Союз является страной развернутой социалистической демократии»; «теперь не может идти речь ни о какой цивилизации без русского языка, без науки и культуры народов Советской страны. За ними приоритет»; «капиталистический мир уже давно миновал свой зенит и судорожно катится вниз, в то время как страна социализма, полная мощи и творческих сил, круто идет по восходящей». Наличие низкопоклонства перед Западом в СССР признавалось, но изображалось свойством отдельных «интеллигентиков», которые все еще не освободились от пережитков «проклятого прошлого царской России» и с лакейским подобострастием взирают на все заграничное только потому, что оно заграничное, умиляются даже мусорным урнам на берлинских улицах.

Наиболее громким рупором в этой кампании был А.А. Жданов. Выступая в феврале 1948 года на совещании в ЦК с деятелями советской музыки, он выдвинул универсальное обоснование резкого поворота от интернационализма как некоего социалистического космополитизма к интернационализму как высшему проявлению социалистического патриотизма. Применительно к ситуации в искусстве он говорил: «Интернационализм рождается там, где расцветает национальное искусство. Забыть эту истину — означает потерять руководящую линию, потерять свое лицо, стать безродным космополитом».

Однако все эти положения на протяжении 1945–1948 годов носили отвлеченный абстрактно-теоретический характер. Они в равной мере обслуживали и «патриотов» и «интернационалистов». Например, в ноябре 1948 года с санкции Д.Т. Шепилова в секторе искусств отдела пропаганды и агитации состоялось совещание, в котором участвовал театральный критик А.М. Борщаговский и другие будущие «космополиты». На совещании велась речь о необходимости раскритиковать А.А. Фадеева за упущения в области драматургии, сместить его с поста генерального секретаря Союза писателей и назначить на этот пост представлявшегося более управляемым и предсказуемым К.М. Симонова. Замысел этот оказался неосуществленным не по теоретическим, а по более важным идеологическим и политическим основаниям.

Все более развертывавшаяся, начиная с 1947 года, кампания по укреплению советского патриотизма, преодолению низкопоклонства перед Западом к концу 1948 года стала

приобретать заметно выраженный антисемитский оттенок. В качестве низкопоклонников и космополитов все чаще фигурировали интеллигенты-евреи. Происходило это скорее по объективной причине, поскольку евреи были представлены в составе советской интеллигенции довольно большим удельным весом, во много раз большим, чем был удельный вес евреев в населении страны, и активно участвовали в политической и идеологической борьбе по разные стороны баррикад.

После войны евреи составляли 1,3 процента населения страны. В то же время, по данным на начало 1947 года, среди заведующих отделами, лабораториями и секторами Академии наук СССР по отделению экономики и права евреев насчитывалось 58,4 %, по отделению химических наук — 33 %, физико-математических наук — 27,5 %, технических наук — 25 %. В начале 1949 года 26,3 % всех преподавателей философии, марксизма-ленинизма и политэкономии в вузах страны были евреями. В академическом институте истории сотрудники-евреи составляли в начале 1948 года 36 % всех сотрудников, в конце 1949 года — 21 %. При создании Союза советских писателей в 1934 году в московскую организацию было принято 351 человек, из них писателей еврейской национальности — 124 (35,3 %), в 1935–1940 годах среди вновь принятых писателей писатели еврейской национальности насчитывали 34,8 %, в 1941–1946 годах — 28,4 %, в 1947–1952 годах — 20,3 %. В 1953 году из 1102 членов московской организации Союза писателей русских было 662 (60 %), евреев — 329 (29,8 %), украинцев — 23 (2,1 %), армян 21 (1,9 %), других национальностей — 67 человека (6,1 %). Близкое к этому положение, как отмечали руководители Союза советских писателей в справке на имя Н.С. Хрущева в марте 1953 года, существовало в Ленинградской писательской организации и в Союзе писателей Украины. По некоторым оценкам, эти показатели для последующих лет были гораздо более высокими (Солоухин В.А. Последняя ступень: Исповедь вашего современника. М., 1995; Топоров В.Л. Двойное дно: Признания скандалиста. М., 1999).

В такой ситуации любые сколько-нибудь значительные по количеству участников идеологические баталии и давление на «интеллигентов» со стороны власти представляли как явления, затрагивающие преимущественно еврейскую национальность. В том же направлении «работали» довольно простые «соображения». США стали теперь нашим вероятным противником, а евреи там играют видную роль в экономике и политике. Израиль, едва успев родиться, заявил себя сторонником США. Советских евреев, имеющих широкие родственные связи с американскими и израильскими евреями и в наибольшей степени ориентированных со времен войны на развитие экономических и культурных связей с буржуазными странами Запада, необходимо рассматривать как сомнительных советских граждан и потенциальных изменников.

После арестов активистов Еврейского антифашистского комитета в конце 1948 года вскоре подоспела кампания по борьбе с космополитизмом. Одна из главных ролей в ее развязывании связывается с именем Г.М. Попова, первого секретаря МК и МГК ВКП(б) и одновременно председателя исполкома Моссовета и секретаря ЦК. В первой половине января 1949 года, будучи на приеме у Сталина, он доложил, что на XII пленуме Союза писателей СССР при попустительстве Агитпропа ЦК была предпринята антипатриотическая атака на А.А. Фадеева: «космополиты» предприняли попытку сместить его и избрать своего ставленника; Фадеев же из-за своей скромности не смеет обратиться к товарищу Сталину за помощью. Когда Д.Т. Шепилов, в свою очередь принятый Сталиным, начал говорить о жалобах театральных критиков на гонения со стороны руководства ССП и в доказательство положил на стол письмо А.М. Борщаговского, Сталин, не взглянув на него, раздраженно произнес: «Типичная антипатриотическая атака на члена ЦК товарища Фадеева». Шепилову не оставалось ничего иного, как организовывать отражение атаки. Работавшие в «Правде» В.М. Кожевников и Д.И. Заславский с помощью К.М. Симонова, А.А. Фадеева и А.В. Софронова спешно, к 27 января, подготовили статью «Последыши буржуазного эстетства». В верстку по указанию Сталина были внесены уточнения. Вычурный заголовок был заменен. Статья получила название «Об одной антипатриотической группе театральных критиков».

Критикуемый феномен по тексту статьи для разнообразия обозначался тройко: «ура-космополитизм», «оголтелый космополитизм» и «безродный космополитизм».

Статья была опубликована в «Правде» 28 января 1949 года. Вслед был выдан залп газетных статей с заголовками «До конца разоблачить антипатриотическую группу», «Безродные космополиты в ГИТИСе», «Буржуазные космополиты в музыкальной критике», «Разгромить буржуазный космополитизм в киноискусстве», «Наглые клеветники безродного космополитизма».

Научные журналы помещали отчеты о последовавших собраниях, призванных искоренять космополитизм, в эмоционально менее окрашенных статьях с заголовками типа «О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии», «О задачах борьбы против космополитизма на идеологическом фронте». Космополиты обнаруживались повсюду, но главным образом в литературно-художественных кругах, редакциях газет и радио, в научно-исследовательских институтах и вузах. Входе кампании 8 февраля 1949 года было принято решение Политбюро о роспуске объединений еврейских писателей в Москве, Киеве и Минске и закрытии альманахов «Геймланд» (Москва) и «Дер Штерн» (Киев). Дело не ограничивалось критикой, увольнениями «космополитов» с престижной работы и перемещениями их на менее значимые должности. По сведениям, приведенным И.Г. Эренбургом, преследование космополитов нередко заканчивалось арестами. До 1953 года было арестовано 217 писателей, 108 актеров, 87 художников, 19 музыкантов.

С 20-х чисел марта кампания пошла на убыль. В разгар кампании Сталин дал указание редактору «Правды» П.Н. Поспелову: «Не надо делать из космополитов явление. Не следует сильно расширять круг. Нужно воевать не с людьми, а с идеями». Суслов, вызвав Идеологических работников, просил передать мнение Сталина, что от расшифровки псевдонимов «попахивает антисемитизмом». Сталин (давший, по свидетельству А.А. Фадеева, указание начать кампанию против антипатриотов), видимо, решил, что дело сделано. Арестованных не освободили, уволенных с работы на прежние места не взяли. Наиболее ретивые участники кампании по борьбе с космополитизмом были тоже сняты со своих постов. Среди них оказались заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК профессор Ф.М. Головенченко, выступавший повсеместно с докладом «О борьбе с буржуазным космополитизмом в идеологии», и редактор газеты «Советское искусство» В.Г. Вдовиченко. Последний, как отмечалось в письме Шепилова Маленкову от 30 марта 1953 года, до недавнего времени всячески привлекал к работе в газете критиков-антипатриотов, а после их разоблачения поднял в газете шумиху, изображая дело так, что космополиты проникли всюду. Во всем этом обнаруживался почерк автора статьи «Головокружение от успехов». Молва приписывала произвол исполнителям, а Сталин будто бы его останавливал.

Следует, однако, принимать во внимание, что на время кампании приходится наиболее масштабные перемещения в высших структурах власти и то, что жертвами космополитической кампании были далеко не одни евреи. По оценкам израильских исследователей, в общем числе пострадавших они составляли не слишком значительное меньшинство. Среди всех арестованных по «делу врачей» неевреев было в три раза больше, чем евреев. Объяснять «антиеврейские» кампании в СССР исключительно сталинским антисемитизмом было бы некорректно. Как и в 1930-е годы, они были связаны и с политической борьбой на международной арене, и с глубинными социальными, национально-политическими процессами, со сменой элит в советском обществе.

Большой разброс мнений о причинах кампании позволяет выделить некоторые из них. К.М. Симонов обращает внимание на то, что в послевоенной жизни и сознании, «кроме нагло проявившегося антисемитизма», наличествовал «скрытый, но упорный ответный еврейский национализм», обнаруживавший себя «в области подбора кадров». М.П. Лобанов видит причину в том, что еврейство вышло из войны «с неслыханно раздутой репутацией мучеников, вооружавшей его на далеко идущую активность», борьба с космополитизмом

явилась реакцией на «еврейские притязания — стать откровенно господствующей силой в стране». В диссидентских кругах борьбу с космополитами объясняли отходом Сталина от «основной коммунистической догмы — космополитизма, антинационализма» и переходом его на патриотические позиции. «Патриотизм — огромный скачок от наднационального коммунизма. С коммунистической точки зрения, — писал В. Чалидзе, — обращение к патриотизму даже во время войны — еретично». И. Данишевский представляет послевоенную борьбу с космополитами «воистину» кампанией «против коммунизма, ибо коммунизм по сути своей космополитичен, коммунизму не нужны предки, ибо он сам без роду, без племени».

Борьба с космополитизмом и ее герои в самиздате

Начавшаяся после войны кампания по укреплению советского патриотизма, преодолению низкопоклонства перед Западом, к концу 1948 г. стала приобретать заметно выраженный антисемитский оттенок. Происходило это, как отмечалось выше, не только по субъективным, но и по объективным причинам. Их широкая представленность в советской интеллигенции и активное участие в политической и идейной борьбе по разные стороны баррикад давали основания для жалоб на их опасное «засилье» в политической и культурной жизни, на национальные «перекосы», «кадровое неблагополучие», «засоренность кадров» в различных учреждениях и организациях. В частности, к произведениям антисемитского характера относят фельетон С. Васильева «Без кого на Руси жить хорошо», подготовленный для печати в журнале «Крокодил», но не увидевший света в 1949 г., видимо, в связи с затуханием кампании. В фельетоне, получившем широкую известность благодаря «самиздату», срифмованы фамилии всех основных фигурантов кампании по борьбе с космополитизмом.

Сергей Васильев БЕЗ КОГО НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО

В каком году — рассчитывай,
в какой Земле — угадывай,
на столбовой дороженьке
советской нашей критики
сошлись и заслословили
двенадцать злобных лбов.
Двенадцать кровно связанных,
Нахальницкой губернии,
уезда Клеветничьего,
Пустобезродной волости,
из смежных деревень:
Бесстыжева, Облыжева,
Дубинкина, Корзинкина,
Недоученка тож.
Сошлись — и заспорили:
где лучше приспособиться,
чтоб легче было пакостить,
сподручней клеветать?
Куда пойти с отравой
всей дружною оравой —
в кино, в театр, в поэзию,

иль в прозу напрямик?
Кому доверить первенство,
чтоб мог он всем командовать,
кому заглавным быть?
Один сказал; — Юзовскому!
А может, Борщаговскому?
— второй его подсек.
А может Плотке-Данину?
— сказали Хольцман с Блейманом.
— Он, правда, молод, Данин-то,
но в темном деле — хват!
Субоцкий тут натужился и
молвил, в землю глядячи:
Ни Данину, ни Левину,
ни Якову Варшавскому
я первенства не дам!
Хочу я сам командовать
такою шайкой-лейкою,
хочу быть главным сам!
Ужо, куда отважился!
— вскричал Малюгин яростно,
— не быть тебе начальником,
ни в жизнь не допущу!
А ты молчал бы, выродок!
— Малюгину вдруг Трауберг,
как ножик под ребро.
Уж лучше Бояджиева
иль Отгена бывалого
заглавным посадить!
Нашелся, тоже, выскочка,
ублюдок, прости господи,
тьфу, пакость, драмодел!

* * *

Космополит, он смолоду,
как старый бык: втемяшится
в башку какая блажь
— колом ее оттудова
не выбьешь: упираются,
всяк на своем стоит!
Такой скандал затеяли,
что думают прохожие,
советские читатели:
чай, клад космополитики
тут делят меж собой?
Идут и чертыхаются,
цитатами бодаются,
что дале, то сильней.
За спором не заметили,
как село солнце красное,
как дверь гостеприимная
открылась в ВТО,
как в «Литгазете», в «Знамени»

и в «Новом мире» в сумерках
заснули сторожа.

Давай сюда! — с оглядкою
друг другу шепчут странники,
— скорей, скорей сюда!

Кто на чердак ударился,
по дымоходу снизился,
кто в дырочку,
кто в щелочку,
кто по трубе в окно.

Кто по верху вскарабкался,
кто внутрь прорвался по низу,
кто проскользнул ужом.

Потом! — решили странники,
— потом старшого выберем,
не время тут артачиться,
кто будет главным значиться,
доспорим опосля!

* * *

Как порешили странники,
охальники-бездомники,
так сей же час и сделали:
один проник в кино,
один на шею прозы сел,
другой прижал поэзию,
а остальные спрятались
в хоромах ВТО.

И зачали, и почали
чинить дела по-своему,
по-своему, по-вражьему,
народа супротив.

Юродствовать, юзовствовать,
лукавить-ненавистничать,
врагам заморским на руку,
друзьям Руси на зло.

У каждого начальника
по пять лихих сподручников,
по восемь заместителей,
по десять холуев.

Один бежит за водкою,
Второй мчит за селедкой,
а третий, как ужаленный,
летит за чесноком.

За дегтем двое посланы,
за сажей трое выгнаны,
а четверо с ведерками
— за серной кислотой.

Зачем нам проза ясная?
Зачем стихи понятные?
Зачем нам пьесы новые,
спектакли злободневные
на тему о труде?

Подай Луи Селина нам,
подай нам Джойса, Киплинга,
подай сюда Ахматову,
подай Пастернака!
Поменьше смысла здорового,
а больше от лукавого,
взамен двух тони свежатины
сто пять пудов тухлятины
и столько же гнильцы.
Один удар по Пырьеву,
другой удар по Сурову,
два раза по Недогонову,
щелчок по Кумачу.
Бомбежка по Софронову,
долбежка по Ажаеву,
по Грибачеву очередь,
по Бубеннову залп!
По Казьмину, Захарову,
по Семушкину Тихону,
пристрелка по Вирте.
Статьи строчат погромные,
проводят сходки темные,
зловредные отравные
рецензии пекут.
Жиреют припеваючи,
друг другом не нахвалятся:
— Вот это мы! Молодчики!
Какие гонорарищи
друг другу выдаем!
Спешат во тьме с рогатками,
с дубинками, с закладками,
с трезубцами, с трегубцами,
в науку, в философию,
на радио, и в живопись,
и в технику, и в спорт.
Гуревич за Сутыриным,
Бернштейн за Финкелшттейном,
Черняк за Гоффенштефером,
Б. Кедров за Селектором,
М. Гельфанд за Б. Руниным,
за Хольцманом Мунблит.
Такой бедлам устроили,
так нагло распоясались,
вольготно этак зажили,
что зарвались вконец.
Плюясь, кичась, юродствуя,
открыто издеваясь
над Пушкиным самим,
за гвалтом, за бесстыдной,
позорной, вредоносной,
мышиною возней
иуды-зубоскальники

в горячке не заметили,
как взял их крепко за ухо
своей рукой могучею
советский наш народ!
Взял за ухо, за шиворот,
за руки загребушие,
за бельма завидущие —
да гневом осветил!

* * *

В каком году — рассчитывай,
в какой земле — угадывай,
На столбовой дороженьке
советской нашей критики
вдруг сделалось светло.
Вдруг легче задышалось,
вдруг радостней запелось,
вдруг пуще захотелось
работать, во весь дух,
работать по-хорошему,
по-русски, по-стахановски,
по-пушкински, по-репински,
по-ленински, по-сталински,
без устали, с огнем.
Писать, душою радуясь,
творить, сил не жалеючи,
— и все во имя Родины,
во имя близкой, завтрашней
зари коммунистической,
во имя правды утренней,
во имя красоты.

Публикуется по тексту кн.: Ваксберг А.И. Нераскрытые тайны. М., 1993. С. 261–265.

С 1954 г. широкую известность приобрел сонет-эпиграмма Э.Г. Казакевича, созданный по случаю ресторанной драки между А.А. Суrowым, автором скандально известных пьес «Зеленая улица» (1947), «Рассвет над Москвой» (1950) и М.С. Бубенновым, автором военного романа «Белая береза» (1947–1952; критиковавшегося позднее как пример так называемой «теории бесконфликтности»). Поводом для драки стало «малодушие» драматурга, позорно отступившего, по мнению собутыльника, с «правильных» позиций в национальном вопросе. Приводим этот своеобразный памятник эпохе — эпиграмму, имевшую варианты едва ли не к каждой строчке:

Суrowый Суrow не любил евреев (1),
На них всегда и всюду нападал (2).
Его за это порицал Фадеев (3),
Хоть сам он их не очень уважал (4).
Когда же Суrow, мрак души развея (5),
На них кидаться чуть поменьше стал (6),
М. Бубеннов, насилие содеяв (7),
Его старинной мебелью долбал (8).
Певец «Березы» в ж... драматурга (9),
Как будто в иудея Эренбурга (10),

Столовое вонзает серебро... (11)
Но следуя традициям привычным (12),
Лишь как конфликт хорошего с отличным(13)
Рассматривает дело партбюро (14).

Варианты:

- (2) Где только мог, их всюду обижал
- (2) Где только мог — их всюду прижимал
- (2) Он к ним вражду давнишнюю питал
- (2) Он к ним враждой старинною пылал
- (3) За что его не уважал Фадеев,
- (3) За что его не одобрял Фадеев,
- (3) За что его не жаловал Фадеев
- (4) Который тоже их не обожал
- (4) Который тоже их не уважал
- (4) И А. Сурков не очень одобрял
- (5) Но как-то раз сей главный из злодеев
- (5) Но вышло так: сей главный из злодеев
- (6) Однажды где-то в чем-то не дождал
- (6) Однажды в чем-то где-то не дождал
- (5) Когда же, жар души своей развеяв
- (5) Когда ж, былую ненависть развеяв
- (6) К евреям он помиловней стал
- (6) К ним Суров лучше относиться стал
- (7) И Бубеннов, насилие содеяв
- (7) То Бубеннов, недоброе затеяв
- (8) За ним вдогонку с вилкой побежал
- (9) Певец березы в ж... драматургу
- (10) Как будто иудею Эренбургу
- (10) Со злобой, словно в сердце Эренбурга
- (10) Как в сердце иудея Эренбурга
- (10) С ужасной злобой, словно в Эренбурга
- (10) В неистовстве, как будто в Эренбурга
- (10) С неистовством, как будто в Эренбурга
- (11) Фамильное вонзает серебро
- (12) Но следуя традиции привычной
- (14) Все это расценило партбюро
- (14) Решает это дело партбюро
- (14) Их дело разбирает партбюро.

Развенчание академика Марра и утверждение русского языка на роль «мирового языка социализма»

В 1950 году Сталин принял личное участие в дискуссии по проблемам языкознания. К этому времени учение Н.Я. Марра, провозглашенное «единственно правильным», обнаруживало несостоятельность своих основ. Явно утрачивало актуальность предложение о форсировании работы по созданию искусственного мирового языка. Время выявило особую роль русского языка в процессе перехода к будущему мировому языку в пределах СССР. Об этом, в частности, говорилось в написанной ранее, но только что опубликованной статье И.В. Сталина «Ленинизм и национальный вопрос». После ее публикации последовательная

смена мировых языков изображалась Д.И. Заславским в «Правде» следующим образом. Латынь была языком античного мира и раннего средневековья. Французский язык был языком господствующего класса феодальной эпохи. Английский язык стал мировым языком эпохи капитализма. Заглядывая в будущее, «мы видим русский язык как мировой язык социализма»; его распространение обогащает национальные литературы, «не посягая на их самостоятельность». К 1950 году выявилось также, что марризм оскорбляет национальные чувства китайцев. Был известен целый ряд случаев, когда китайские студенты и стажеры, обучавшиеся в СССР, отказывались изучать языковедение по Марру.

Согласно учению Н.Я. Марра, выделялось четыре стадии развития языков. Первая (низшая), на которой пребывал китайский и ряд африканских языков; вторая, на которой находились угро-финские, турецкие и монгольские языки; третья — яфетические (кавказские) и хамитские языки; четвертая (высшая) — семитские и индоевропейские (арабский, еврейский, индийский, греческий, латинский) языки. Получалось, что китайский язык связан лишь с начальным этапом развития языков, а грузинский по развитию стоял ниже еврейского. Последнее не могло не задевать национальных чувств грузин.

Среди советских языковедов представления о стадильности развития языка не разделяли крупные ученые В.В. Виноградов, А.А. Реформатский и др. С позиций «единственно правильной» теории языка, это были языковеды, которые продолжали «отжившие свой век традиции дореволюционной либерально-буржуазной лингвистики». Ситуация в языкознании была обрисована в письме Сталину, направленному языковедом, академиком АН Грузинской ССР А.С. Чикобавой в марте 1950 года.

Личные беседы Сталина с приглашенным в Москву Чикобавой укрепили его в необходимости пересмотреть господствующую в стране языковедческую теорию. Маленков беседовал по этим вопросам с академиком В.В. Виноградовым. По предложению Сталина Чикобава подготовил статью по проблемам языкознания для «Правды». 9 мая 1950 года она была опубликована «в порядке обсуждения». В ней говорилось о необходимости пересмотра общелингвистических построений Марра, без которого «невозможна разработка системы советской лингвистики». Марристов это требование поразило. Некоторые считали его выходкой сошедшего с ума языковеда. Марристы опровергали Чикобаву до 20 июня 1950 года, пока в «Правде» не появилась статья Сталина «Относительно марксизма в языкознании». 11 и 28 июля последовало ее продолжение. Позднее эта работа издавалась отдельной брошюрой «Марксизм и вопросы языкознания».

В сталинских статьях решительно отвергались утверждения о том, что краеугольные положения теории Н.Я. Марра («язык есть надстройка над базисом», «классовый характер языка», «стадийность развития языка») являются марксистскими. С опубликованием трудов Сталина о языкознании Марр потерял своих открытых сторонников и стал восприниматься как ученый, который хотел быть марксистом, но не сумел стать им. «Он был всего лишь упростиателем и вульгаризатором марксизма, вроде «пролеткультовцев» или «рапповцев»».

Освобождение советского языкознания от пут марризма не обошлось без курьеза. В.В. Виноградов, готовивший предварительные материалы для сталинских статей о языкознании, с ужасом прочитал в «Правде» от 11 июля, что происхождение русского языка объяснено у Сталина ошибочно. Вместо того, чтобы сказать, что русский язык произошел из курско-московского диалекта, написано: из курско-орловского (по аналогии с курско-орловской дугой). Виноградов позвонил Поскребышеву, сказал об ошибке. Тот ответил: «Раз товарищ Сталин написал про курско-орловский диалект, значит, из него теперь и будет происходить русский язык».

Существенным для теории и практики была интерпретация статей Сталина. Русский язык представал теперь языком, который «будет безусловно одним из наиболее богатых и выдающихся зональных языков, мощных средств межнационального общения и сыграет большую роль в создании будущего единого мирового языка, в создании его основного словарного фонда и грамматического строя». Одновременно возводился в абсолют

сталинский тезис о необходимости всемерного усиления государства в СССР. Марксистская традиция исходила из обратного — отмирания государства по мере продвижения к коммунизму.

Часть 2 ОТ «ОТТЕПЕЛИ» 1953 г. ДО РУБЕЖА XXI в.

Глава 1 ПОЛИТИКА ПО УКРЕПЛЕНИЮ НОВОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ В ГОДЫ «ОТТЕПЕЛИ» И «РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА»

Десталинизация национальной политики и Лаврентий Берия

В 1950-е годы наука о новой общности и ее языковых аспектах развивалась без каких-либо ссылок на первооткрывателей. При этом отчетливо обнаружилось стремление трактовать эти вопросы в национал-большевистском духе скорее бухаринского, нежели сталинского образца. Надо полагать, в этом выражалось намерение устранить сталинский «уклон» послевоенных лет к великодержавию и шовинизму и возвратиться на позиции «подлинного» интернационализма. Однако актуализация идеи о формирующейся в СССР новой исторической общности произошла лишь в начале 1960-х годов. Сразу после смерти И.В. Сталина на первый план в национальной политике выступила необходимость ее десталинизации. Первые практические шаги в этом направлении были обусловлены решениями, принятыми по докладным запискам министра внутренних дел Л.П. Берии в ЦК КПСС от 1 и 2 апреля 1953 года. В них предлагалось «реабилитировать и немедленно из-под стражи освободить» лиц, привлеченных по делу о врачах-вредителях, осудить «преступную операцию по зверскому убийству Михоэлса» и высылку П.С. Жемчужиной как результатов якобы только провокационных измышлений.

Уже 3 апреля было принято, а на следующий день опубликовано постановление Президиума ЦК о фальсификации дела о врачах-вредителях и принятии предложений Министерства внутренних дел СССР. Постановление санкционировало полную реабилитацию и освобождение из-под стражи 37 врачей и членов их семей, арестованных по делу о врачах, привлечение к уголовной ответственности работников бывшего Министерства госбезопасности, «особо изощрявшихся в фабрикация этого провокационного дела и в грубейших извращениях советских законов»; проведение мер, «исключающих возможность повторения впредь подобных извращений в работе органов МВД».

Содержащийся в записке Берии тезис об «измышлениях» обвинений в националистической деятельности практически являлся основой для осуждения и окончательного прекращения кампании по борьбе с космополитизмом и неоднозначной реакции общественности на это осуждение. Актуализировались слухи о еврейском происхождении Берии и его попустительстве «соплеменникам». Стремясь приглушить нежелательную антисемитскую реакцию в обществе, Хрущев в начале апреля 1953 года направил закрытое письмо парторганизациям с требованием не комментировать опубликованное в газетах сообщение МВД и не обсуждать проблему антисемитизма на партийных собраниях. Видимо, этими же соображениями было продиктовано первоначальное отклонение предложения Берии о немедленной реабилитации осужденных по делу Еврейского антифашистского комитета. ЕАКовцы были реабилитированы лишь в ноябре 1955 года. Решение о реабилитации не было обнародовано.

Другой импульс для изменений в сфере национальных отношений был дан принятыми по инициативе Берии постановлениями от 26 мая и 12 июня 1953 года, направленными на то, чтобы «решительно покончить с извращениями ленинско-сталинской национальной

политики партии» на Украине, в Литве и Белоруссии. 12 июня на основании записки Хрущева аналогичное решение было принято по Латвии. Основу предложенной концепции десталинизации межнациональных отношений составляли коренизация (вторая после 1920-х гг.) партийно-государственного аппарата и введение делопроизводства в союзных республиках на родном языке.

Бериевская коренизация высшего и среднего звена партийно-хозяйственного аппарата, означавшая на практике разгром русских кадров в национальных республиках, началась заменой на посту первого секретаря ЦК КП Украины русского Л.Г. Мельникова украинцем А.И. Кириченко. В Белоруссии началась работа пленума ЦК, решения которого были предопределены постановлением ЦК КПСС от 12 июня. Постановление гласило: «Освободить т. Патоличева Н.С. от обязанностей первого секретаря ЦК КП Белоруссии, отозвав его в распоряжение ЦК КПСС» и «рекомендовать первым секретарем ЦК КП Белоруссии т. Зимянина М.В., члена ЦК КПСС, бывшего второго секретаря ЦК КП Белоруссии, освободив его от работы в Министерстве иностранных дел СССР».

В докладе, подготовленном группой Зимянина для пленума ЦК КПБ, в духе записки Берии, в частности, предлагалось для исправления нарушения принципов ленинской национальной политики ввести белорусскую письменность в государственном аппарате, вести всю переписку только на белорусском языке, совещания, собрания и съезды проводить также исключительно на белорусском. В докладе признавалось, что русским, конечно, труднее будет работать в Белоруссии, поскольку не все они хорошо знают белорусский язык. Отношение к ним в выступлениях сторонников коренизации, по воспоминаниям Патоличева, было таково: «Русские товарищи во многом помогли белорусам. Земной поклон им за это. А сейчас, кому из них будет очень трудно, мы им поможем переехать в другое место».

Против доклада Зимянина первым выступил имевший со времен войны большой авторитет в республике лидер комсомола, Герой Советского Союза П.М. Машеров, затем другие участники пленума. Тем не менее доклад, подготовленный по директиве центра, был одобрен. Однако еще до окончания работы пленума Патоличеву позвонил Хрущев и сказал: «Берия арестован... Пока никому об этом не говорить... Мы получили информацию от нашего инспектора о том, что пленум ЦК тебя поддерживает... Если пленум попросит ЦК КПСС, то решение может быть отменено». В результате изменения обстановки в Москве Патоличев остался на своем посту до 1956 года. Позднее он говорил первому секретарю ЦК КП Киргизии Т.У. Усубалиеву об инициативах Берии: «Более худшего вида проявления национализма трудно было найти. Осуществление этой бредовой идеи обернулось бы страшной трагедией для миллионов граждан, проживающих в Белоруссии». Берия «вовсе не заботился о развитии национальных языков и национальных кадров. Реализация бериевского «национального» плана привела к перемещению миллионов людей из одних республик в другие». Эти оценки Усубалиев зафиксировал в своей книге воспоминаний «Эпоха. Созидание. Судьбы» (Бишкек, 1995).

Коренизация партийно-хозяйственного аппарата, осуществленная в духе предложений Берии на Украине, в Белоруссии и Прибалтике (здесь это выразилось, в частности, в том, что второй секретарь ЦК КП Латвии Ершов был заменен латышом Круминьшем), его попытки ввести в республиках собственные ордена в честь выдающихся национальных деятелей для награждения местных работников культурного фронта, другие меры по развитию национальных традиций в области культуры и языка, которые способствовали бы воспитанию чувства национальной гордости, — все это не проходило бесследно и имело двоякий результат. С одной стороны, это способствовало ликвидации вооруженного националистического подполья в этих республиках. (О его размахе говорит следующая цифра: в ходе подавления вооруженного сопротивления в Прибалтике в Западной Украине и в Западной Белоруссии до середины 1950-х годов погибло более 25 тысяч советских солдат и офицеров.) С другой стороны, это активизировало буржуазно-националистические элементы в союзных республиках, национал-сепаратистские и русофобские настроения, способствовало возникновению в 1950–60-х годах многочисленных националистических

кружков и групп, участниками которых была в основном молодежь.

В.А. Голиков, многолетний помощник Л.И. Брежнева, свидетельствует, что после известных записок Берии мгновенно изменилась обстановка в Молдавии: «произошла сильная вспышка национализма». К.У. Черненко, работавший с 1948 года заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК КП Молдавии, с 1950 года — под руководством Брежнева, через некоторое время буквально умолял Голикова: «Слушай, помоги мне. Приходят молдаване и говорят, что я восемь лет сижу, место занимаю. Наглостью их бог не обидел. Помоги куда-нибудь уехать. Только в Россию. Куда угодно». Так будущий генсек ЦК стал в 1956 году заведующим одного из секторов Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС, который возглавлял Л.Ф. Ильичев.

Стремясь не допустить разрастания местного национализма, Н.С. Хрущев порой резко реагировал на факты явного нарушения «интернационалистских принципов» кадровой политики. Так, он публично выговаривал азербайджанскому руководителю И.Д. Мустафаеву за то, что в Азербайджане был принят ряд решений, ущемляющих представителей некоренной национальности, в частности, русских. «Никто русских сейчас не может заподозрить, — говорил он, — что они проводят какую-то шовинистическую политику. Вы посмотрите, русские — они нередко в ущерб своей республике оказывали и оказывают помощь братским народам. И сейчас эти народы не только выровнялись, а нередко по жизненному уровню стоят выше отдельных областей Российской Федерации».

Зачем Хрущев подарил Крым Украине

Одна из первых инициатив Н.С. Хрущева, оказавшая в целом негативное влияние на развитие национальных отношений в стране, была связана с празднованием в начале 1954 года 300-летия воссоединения Украины с Россией. По этому поводу 12 января от имени ЦК КПСС были опубликованы «Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией». В них в очередной раз подчеркивалась огромная прогрессивная значимость решений Переяславской рады, выразившаяся, главным образом, в трех исторических фактах. «Соединившись с Россией в рамках единого Российского государства, Украина была спасена от порабощения шляхетской Польшей и поглощения султанской Турцией». «Рост силы и могущества СССР дал возможность претворить в жизнь вековые чаяния украинского народа о его национальном воссоединении» (включение в Советскую Украину Западной Украины в 1939 г., Буковины и Измаильской области в 1940 г., Закарпатской Украины а 1945 г.). «Только благодаря братской помощи великого русского народа и других народов СССР Украина была освобождена от фашистского ига».

Успехи Украины (17-кратный рост промышленности в советское время, опережение всех стран Европы по количеству студентов и др.), согласно «Тезисам», являлись еще одним доказательством того, что «только социализм обеспечивает свободную и счастливую жизнь, развитие и расцвет всех народов и наций, Подлинную дружбу народов, их сотрудничество и взаимопомощь», что СССР «являет собою вдохновляющий пример страны, в которой впервые в истории человечества разрешен национальный вопрос».

В пропагандистской литературе степень единства народов Советского Союза приобретала законченное выражение. Говорилось, что следствием преобразований жизни советских народов после 1917 года «явилось полное и окончательное разрешение национального вопроса». В 1951 году со страниц партийного журнала было объявлено, что единство народов СССР приобрело принципиально новое качественное состояние. «В ходе социалистических преобразований в нашей стране сложилась невиданная в истории общность людей — советский народ — содружество двух классов, рабочих и крестьян, и подлинно народной интеллигенции, содружество всех народов СССР. Советские люди всех национальностей являются тружениками единой социалистической системы хозяйства, имеют единую систему государственной жизни — советское государство, единую идеологию — марксизм-ленинизм, единую цель — построение коммунизма, единую партию,

выражающую их кровные интересы и ведущую их от победы к победе, — партию Ленина — Сталина. Все народы имеют единое Отечество — Советский Союз» (Большевик Украины. 1951. № 9).

Противоречия в национальных отношениях стали связываться только с наличием предрассудков в сознании отдельных советских людей и кознями капиталистического окружения. «Пока существует капиталистическое окружение, — говорилось в «Тезисах о 300-летию воссоединения Украины с Россией», — империалистические государства и в дальнейшем будут забрасывать к нам шпионов и диверсантов, пытаться использовать в антисоветских целях остатки разгромленных враждебных группировок, активизировать буржуазно-националистические элементы, оживить националистические предрассудки в сознании отдельных людей и использовать их для подрыва дружбы народов СССР».

К долговременным негативным последствиям привела передача Крымской области из состава России в состав Украины по решению Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1954 года. В корне противоречащая интересам русского народа операция принималась под абсурдным, с точки зрения национально-государственных интересов России, предлогом. Передача якобы учитывала «общность экономики, территориальную близость и тесные хозяйственные и культурные связи между Крымской областью и Украинской ССР». Несмотря на якобы «полное единодушие» в одобрении этого, как полагал депутат П. Тычина, «великодушного дара великого брата», в Верховный Совет долго шли письма (они изучались историком А.П. Мясиковым), свидетельствующие вовсе о другом. Например, в письме, переданном в архив с трусливой резолюцией «В дело» от 9 августа 1964 года, парламентариям задавался вопрос: «Как может Россия, имея самую лучшую, самую большую ценность, составляющую ее украшение — Крым, по территории превышающую Бельгию или Швейцарию, это целое государство — отдать... Как же могли подарить эту русскую драгоценность, русское достояние без ведома русского народа?» Сами авторы письма отвечали на вопрос недвусмысленно: «Русский человек не мог подарить Крым. Это антигосударственный акт, направленный к опасной цели», и предлагали отменить ошибочное решение, в противном случае — поставить вопрос на референдум. Такие письма оставались, конечно, без внимания.

Реальной причиной хрущевского дара Украине крымской территории с преобладающим русским населением (всего в Крыму, по данным на 1954 г., насчитывалось 1,2 миллиона жителей, из них 71,4 % составляли русские) было стремление загладить личную вину за санкционированные в 1938–1940 годах репрессии. Их жертвой стали 167 565 жителей Украины, в том числе более двух тысяч представителей руководства республики и несколько сот человек, которые подозревались в организации «террористического акта» против Хрущева. С передачей Крыма Украине («завоевания на свою сторону Украины», как говорил Д.Т. Шепилов) Н.С. Хрущев не только рассчитывал на поддержку представителей республики в Президиуме ЦК КПСС, но и получал 36 гарантированных голосов членов ЦК от украинской партийной организации на пленумах ЦК, насчитывавшем всего 175 членов. Недаром при перелете из Пицунды в Москву 14 октября 1964 года Хрущев пытался уговорить сопровождавших его охранников, обещая произвести их командира майора в полковники и присвоить каждому звание Героя Советского Союза: «В столице — заговор!.. Летим на Киев. Там — наше спасение».

Первые последствия хрущевских реабилитаций репрессированных народов

Одним из основных направлений национальных движений в СССР в 1950-е годы стало движение депортированных народов за предоставление конституционных прав. Письма и жалобы от спецпоселенцев на незаконность депортаций стали поступать в центральные партийные и государственные органы практически с момента выселения. Со временем они потекли непрерывным потоком. В 1952 году в различные инстанции ежемесячно направлялось около 6 тысяч жалоб, в 1954 году — около 11 тысяч. В 1953 году делегация

калмыков-иммигрантов добилась приема в ООН и в Госдепартаменте США и просила повлиять на комиссию по защите прав человека при ООН, чтобы та добилась освобождения калмыцкого и других репрессированных народов СССР. Однако до 1954 года депортированные народы, которым по ранее Принятым решениям предстояло остаться в местах высылки навечно, не доставляли властям особых волнений. Жестокими мерами удавалось предотвращать даже побеги на родину.

Новая ситуация стала складываться после 10 апреля 1953 года, когда были отменены «как неправильные» партийные и правительственные постановления 1951 года о выселении из Грузии около 11 тысяч граждан — «враждебных элементов», якобы связанных с мингрело-националистической группой. Реабилитирующее постановление Президиума ЦК КПСС от 10 апреля 1953 года предписывало «всех незаконно выселенных граждан вернуть к прежнему месту жительства». Правительство Грузии обязывалось «вернуть гражданам, возвращенным в Грузию из спецпоселений, имущество, конфискованное у них при выселении».

В 1954 году начался половинчатый и противоречивый процесс реабилитации и возвращения гражданских прав другим выселенным народам. В этом и следующем году были сняты с учета по спецпоселению без права возвращения к прежним местам жительства все немцы, крымские татары, калмыки и балкарцы. 5 июля 1954 года были сняты административные ограничения с детей карачаевцев, чеченцев и ингушей в возрасте до 16 лет. 10 марта 1955 года чеченцы, ингуши и карачаевцы, как и все спецпоселенцы, получили право иметь паспорта, а 9 мая 1955 года постановлением Президиума ЦК КПСС были ликвидированы ограничения для членов КПСС. Затем последовал Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении» от 13 декабря 1955 года. Однако право на выезд в места прежнего обитания народы не получили. Рассматривалась возможность создания национально-административных образований этих народов в местах высылки. Репрессированные народы категорически возражали против этого и требовали, по примеру мингрельцев, возвращения на земли своих предков и восстановления ранее существовавших автономных республик и областей.

XX съезд партии (февраль 1956 г.) дал новый мощный толчок движению наказанных народов. Весной этого года были изданы Указы Президиума Верховного Совета СССР: «О снятии ограничений в правовом положении с калмыков и членов их семей, находящихся на спецпоселении» (от 17 марта 1956 г.); «О снятии ограничений в правовом положении с греков, болгар, армян и членов их семей, находящихся на спецпоселении» (от 27 марта 1956 г.); «О снятии ограничений по спецпоселению с крымских татар, балкарцев, турок — граждан СССР, курдов, хемшилов и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны» (от 28 апреля 1956 г.); «О снятии ограничений по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны» (от 16 июля 1956 г.).

Осуждение сталинской политики депортации народов было воспринято как отмена несправедливых решений военных лет.

Положения указов о том, «что снятие ограничений по спецпоселению с лиц... не влечет за собой возвращение имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они выселены», воспринимались как имеющие временный характер. Не дожидаясь официального разрешения, тысячи бывших спецпоселенцев стали самовольно возвращаться на прежние места жительства.

Опасаясь выпустить ситуацию из-под контроля, ЦК партии принял 24 ноября 1956 года постановление о восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов. Постановление предусматривало организованное переселение этих народов в течение 3–4 лет, начиная с весны 1957 года, с тем, чтобы подготовить необходимые условия для устройства населения на местах. Спецпоселенцы ждать не хотели. Начался их массовый выезд. Власти стали всячески

препятствовать этому. На путях следования на железнодорожных станциях Казахстана и России были выставлены 14 оперативных заслонов. Спецпоселенцев снимали с поездов, возвращали обратно. Запрещалось продавать билеты на самолеты и железнодорожный транспорт, идущий в сторону их дома. Все это не могло не обозлить людей.

Стихийное возвращение выселенных народов обострило межнациональную обстановку на Северном Кавказе, где на их место были поселены другие люди. Наиболее спокойно проходило возвращение балкарцев на родные земли. Это объяснялось тем, что партийные органы и местное население, заселившее территории депортированных, положительно относились к их возвращению. Однако стихийное возвращение карачаевцев вызвало конфликты с русскими и грузинскими переселенцами, размещенными на их землях. Еще большее обострение породило возвращение чеченцев и ингушей. Жители Грозненской области, Дагестанской АССР и Северо-Осетинской АССР категорически выступали против их стихийного возвращения.

Первые партии чеченцев и ингушей прибывали небольшими группами по 10–15 человек. Они привозили с собой в мешках останки родственников, умерших в местах ссылки, для их перезахоронения на своей земле. Возвращавшиеся встречались враждебно. Им отказывали в прописке, не брали на работу, однако это их не останавливало. Прибывшие ходили вооруженными по селам и устраивали стрельбу, провоцируя местных жителей на ответные действия и столкновения. Угрозами и силой они вселялись в свои дома, выгоняя из них проживавшие там семьи дагестанцев, русских. Некоторые из возвратившихся пополнили действовавшие в горах со времен войны «повстанческие» отряды, которые частенько занимались грабежом, угоном скота из колхозов. Их жертвами были и рядовые колхозники. Очаги межнациональной напряженности вызвали массовый выезд русского населения из республики.

Борьба народов за поправленные права дала свои первые результаты. 9 января 1957 года Президиум Верховного Совета СССР рекомендовал восстановить национальную автономию балкарского, ингушского, калмыцкого, карачаевского и чеченского народов. В соответствии с этим решением Президиум Верховного Совета РСФСР принял указы о преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР, о восстановлении Чечено-Ингушской АССР, о преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область и восстановлении Калмыцкой автономной области.

Чечено-Ингушская республика была восстановлена с расширением ее территории. Переданная в свое время в Северную Осетию часть Пригородного района (977,5 квадратных километров) была оставлена в составе этой республики. В то же время к исторической территории расселения чеченцев и ингушей были присоединены три равнинных района поймы реки Терек из состава Ставропольского края. Эти районы (Наурский, Надтеречный и Шелковской, которые вместе составляли 5,2 тысячи квадратных километров или 27 % всей территории ЧИАССР, составлявшей 19,3 тысячи квадратных километров), были населены в основном русскими. Включение районов позволяло сделать экономику республики более устойчивой. С увеличением русского населения в республике власти также надеялись усилить влияние Центра на общественную жизнь автономии. В этих актах и расчетах в очередной раз дала о себе знать давнишняя традиция решать национальные проблемы в стране за счет русского народа.

Вскоре после воссоздания национальная государственность репрессированных народов удостоилась государственных наград. В ознаменование 400-летия добровольного присоединения к России ордена Ленина были удостоены Кабардино-Балкария (июль 1957 г.), Карачаево-Черкесия (сентябрь 1957 г.). В связи с 350-летием добровольного вхождения в Россию орденом Ленина была награждена Калмыкия (август 1957 г.). 29 июня 1958 года последняя была преобразована в Калмыцкую АССР. Чечено-Ингушетия была удостоена ордена Ленина в 1965 году. Награды означали стремление власти подвести черту под прошлыми невзгодами репрессированных народов. Однако это мало способствовало налаживанию добрососедства и «расцвету дружбы» национальностей в этом регионе.

Продолжавшиеся мелкие националистические эксцессы при попустительстве властей привели к настоящему межэтническому столкновению в августе 1958 года между русским населением Грозного и чеченцами и ингушами. Поводом к нему послужило убийство ингушом русского. Похороны убитого превратились в погром чеченцев и ингушей со стороны русских. В течение трех дней обывденная жизнь в городе была парализована. Митингующие требовали выселения всех чеченцев и ингушей из республики, местные власти бежали из города. Срочно стали прибывать войска. Из Москвы в Грозный прибыли Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР М.А. Яснов и секретарь ЦК КПСС Н. Г. Игнатов. Волнения удалось прекратить, однако противостояние коренного и «пришлого» (русского) населения в республике преодолеть не удалось. Тем не менее в последующие годы возвращение чеченцев и ингушей на Северный Кавказ происходила более организовано и сопровождалось меньшими эксцессами. К 1963 году возвращение было в основном завершено. Из 418 тыс. чеченцев, проживавших в Казахской и Киргизской ССР, в Чечено-Ингушетию прибыли 384 тысячи (91,7 %), из 106 тысяч ингушей — 84 тысячи (79,2 %). Еще 8 тысяч ингушей (7,5 %) направились в Дагестан и Северную Осетию.

Камнем преткновения в отношениях между ингушами и осетинами стала правобережная часть Пригородного района до 1944 года принадлежавшая ингушам и оставшаяся в составе Северо-Осетинской ССР после воссоздания Чечено-Ингушской АССР. Ингуши не переставая посылали заявления в ЦК КПСС и правительство с требованием о передаче района Чечено-Ингушетии, организовывали поездки делегаций своих представителей в Москву.

Национальное движение советских немцев долгое время ограничивалось борьбой за восстановление своей автономии в Поволжье. Движение включало только легальные методы борьбы: письма, обращения, петиции, делегации, демонстрации. Декабрьский указ Президиума Верховного Совета СССР 1955 года снял с немцев ограничения в правовом положении. Реабилитационное движение имело своим результатом Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 года «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»», снимавший клеймо предателей и изменников со всего народа. До этого времени советские немцы испытывали скрытую дискриминацию. Ущемление касалось развития культуры, языка, поступления в высшие учебные заведения, при приеме в партию и на руководящие партийные и хозяйственные посты. При призывах на службу в Советскую Армию немецкую молодежь не брали в элитные подразделения (воздушно-десантные, пограничные и другие войска). Нежелание властей восстанавливать автономию немцев в Поволжье вызвала эмигрантские настроения. Этому в немалой степени содействовала пропагандистская деятельность радиостанции «Немецкая волна», религиозных, культурных и других организаций ФРГ, а также религиозные общины, значительно укрепившие свое влияние среди немецких «спецпереселенцев» за годы ссылки. Особой активностью в этом отличалась секта меннонитов.

В сложных условиях проходила борьба крымских татар за восстановление автономии и право жить на своей земле. Отмена спецпоселенческого статуса с огульно обвиненного в годы войны в измене родине народа не могла его удовлетворить. Подозрительное отношение властей ко всем лицам крымско-татарской национальности подогревалось воспоминаниями бывших командиров партизанских отрядов в Крыму. Клеймо предателей и изменников, лежавшее на всем народе со времен войны, было снято постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года «О порядке применения статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года». Беспрестанные обращения в высшие партийные и государственные инстанции с просьбами о восстановлении в Крыму автономии крымских татар не имели положительных последствий. Нелегально переехавших в Крым татар, как правило, сразу же выдворяли.

Запрещение властей Украины, которой в 1954 году была передана Крымская область, на переезд татар в Крым стало причиной национального движения, возглавлявшегося

«инициативными группами» из представителей крымско-татарской интеллигенции, бывших руководящих партийных и советских работников Крыма. Первая из таких групп была создана в Узбекистане в 1956 году. Активисты движения с самого начала избрали конституционные методы борьбы. Так, в 1958 года в адрес ЦК КПСС от крымских татар поступило два письма с просьбой о возвращении всего народа на родину с 16 и 12-ю тысячами подписей. В 1959 года аналогичное письмо подписали 10 тысяч человек, в 1961 года — 18 тысяч. Помимо петиций устраивались митинги и демонстрации, которые приурочивались к знаменательным датам — годовщине образования Крымской АССР, ко дню рождения В.И. Ленина, считавшегося основателем Крымской республики. Эти акции нередко заканчивались разгоном участников.

Чтобы вообще как-то снять эту проблему, власти предпринимали попытки представить крымских татар частью татарской нации. Желаящим уехать из Средней Азии крымским татарам разрешалось поселиться на территории Татарской АССР. Все это никак не устраивало крымских татар, которые требовали создания условий для развития своего языка и культуры. В начале 1960-х годов крымско-татарское движение приняло более организованные формы. Это проявилось в попытке создания массовой организации «Союз крымских татар» со своей программой и уставом. В 1962 году в Узбекистане два главных ее участника М.Х. Омеров и С.А. Умеров (7 апреля они создали «Союз крымско-татарской молодежи» и к августу провели пять заседаний «руководящего ядра организации») были арестованы и осуждены. Репрессии в отношении активистов крымско-татарского движения вынуждало его лидеров искать иные пути и методы борьбы.

За возвращение выступали и представители других выселенных из Крыма национальных групп — греков, болгар, армян. Без внимания со стороны властей оставались настойчивые требования греков вернуть изъятые у них дома и земли. Неудовлетворенность половинчатой реабилитацией усилила среди них эмиграционные настроения. Власти препятствовали выезду. В 1959 году 58 советских греков, визировавших в Ташкенте свои паспорта для выезда в Грецию, были попросту арестованы. Попытка греческого посольства в Москве организовать репатриацию греков из СССР успеха не имела. За создание своих автономий в 1950–60-х годах выступали представители месхетинских турков (огрузиненные турки, или отуреченные грузины), курдов и хемшилов (исламизированные армяне), депортированных в свое время из республик Закавказья. Однако власти в Москве и в закавказских Союзных республиках игнорировали такие требования малых народов, считая для данных случаев национальный вопрос в стране успешно и окончательно решенным.

Национально-государственное устройство СССР за послевоенные годы принципиально не изменилось. Вначале 1960-х годов в стране имелось 15 союзных и 19 автономных республик (из них 15 в РСФСР, две в Грузии, по одной в Азербайджане и Узбекистане). Число последних по сравнению с довоенными годами увеличилось за счет преобразования в июле 1956 года Карело-Финской союзной республики в Карельскую автономную республику, включенную в РСФСР, и преобразования в октябре 1961 года Тувинской автономной области РСФСР в автономную республику. В стране насчитывалось также 8 автономных областей. Пять из них входили в состав российских краев: Адыгейская — в Краснодарский, Карачаево-Черкесская — в Ставропольский, Горно-Алтайская — в Алтайский, Хакасская — в Красноярский; Еврейская — в Хабаровский. Три автономные области были составными частями других союзных республик: Юго-Осетинская — в Грузии, Нагорно-Карабахская — в Азербайджане, Горно-Бадахшанская — в Таджикистане. Неизменным с довоенных времен оставался перечень национальных округов. Все они входили в состав областей и краев РСФСР. На ее европейской территории располагаются Ненецкий автономный округ (Архангельская область) и Коми-Пермяцкий (Пермская область); на северо-западе Сибири — Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий (Тюменская область), Эвенкийский и Таймырский (Долгано-Ненецкий) (Красноярский Край); на северо-востоке Сибири — Корякский (Камчатская область) и Чукотский (Магаданская область). Кроме того, в Сибири находятся Агинский (Бурятский) (Читинская область) и Усть-

Ордынский (Бурятский) национальный округ (Иркутская область).

Национальные движения в союзных республиках

Одной из проблем в национальных отношениях 1950–60-х годов оставался «прибалтийский вопрос». Недавнее буржуазное прошлое Литвы, Латвии и Эстонии, традиции либерально-демократического управления, большое влияние в обществе служителей церкви, наличие многочисленных диаспор за рубежом, поддерживающих тесные связи с родиной; позиция США и стран Западной Европы, не признававших легитимности вхождения республик в СССР в 1940 году - все эти факторы действовали против ускоренной социалистической модернизации прибалтийских советских республик, способствовали росту национал-сепаратистских общественных настроений, поддерживали националистическое подполье в республиках. Этому же способствовали бериевская коренизация высшего и среднего звена партийно-хозяйственного аппарата и возвращавшиеся из ссылки бывшие участники вооруженного националистического подполья, которые выдвигались на ответственные посты в сфере образования и культуры.

Осуждение Сталина XX съездом партии многими руководителями в республиках Прибалтики было воспринято как карт-бланш на дальнейшую коренизацию руководящих кадров, устранение русификаторских издержек сталинской эпохи. Съезд породил большие надежды на коренное изменение всей проводимой до середины 1950-х годов политики центра в отношении прибалтийских республик.

Прибалтика живо откликнулась на события осени 1956 года в Польше и Венгрии. Особенно сильным всплеск национального движения был в Литве и Эстонии. В конце октября в Вильнюсском университете появились лозунги и листовки с заголовками: «Да здравствует революция в Венгрии, последуем ее примеру!», «Литва — литовцам, русские оккупанты, убирайтесь вон!» В начале ноября 1956 года в Каунасе и Вильнюсе состоялись многотысячные шествия католиков, требующих свободы отправления религиозных обрядов. Демонстранты пели гимн буржуазной Литвы, националистические песни, выкрикивали лозунги «Последуем примеру Венгрии!», «Русские, убирайтесь вон из Литвы!». В Каунасе участники молодежной демонстрации (до 4000 человек) с лозунгами «Долой Москву!», «Долой коммунистов!» пытались прорваться к центру города. После столкновения с милицией группе в 100–150 человек удалось пробиться к зданиям комитета госбезопасности и горкома партии, однако она была рассеяна силами правопорядка. На улицах эстонской столицы тоже слышались националистические песни. В Тарту появились листовки с лозунгами: «Долой русских правителей!», «Смерть русским оккупантам!», «Вон русские из Эстонии!»

Особую тревогу коренного населения вызывал значительный наплыв русскоязычной рабочей силы на промышленные стройки в Прибалтике. По данным переписи населения 1959 года, доля коренной национальности в Литве составляла 79,3 %, в Эстонии — 74,6 %, в Латвии — 62 %. Особенно велика была доля инонационального населения в крупных городах. Лиц коренной национальности в Риге насчитывалось около 44,7 %, в Вильнюсе — 33,6 %. Возникшую острую жилищную проблему местным националистам представлялось «легко решить, если выгнать всех русских». Чтобы избежать потери Ригой своего национального облика, Рижский горком партии принял решение, согласно которому всем нелатышам предписывалось изучить в течение двух лет латышский язык, не усвоивших за это время язык освободать от работы с предложением покинуть республику. Решение вводило ограничение прописки нелатышей в городе. В апреле 1959 года ЦК КП Латвии принял аналогичное решение, распространяющееся на республику в целом. Подобные решения вынашивались в Таллинском райисполкоме. В письмах, поступающих в ЦК КПСС из республик Прибалтики, сообщалось о проявлениях неприязненного отношения со стороны коренного населения к русским в автобусах, в магазинах и других общественных местах. Решением, принятым ЦК КП Азербайджана в июне 1959 года, предписывалось, что

все граждане республики — неазербайджанцы — обязаны в течение полугода выучить и сдать письменный и устный экзамен по азербайджанскому языку, не выдержавшие экзамен подлежали освобождению от работы, т. е. увольнению. Вскоре, однако, решения эти были отменены, первые секретари компартий республик Я.Э. Калнберзиньш и И.Д. Мустафаев сняты со своих постов.

Негативное отношение к русскоязычному населению в Прибалтике формировалось еще и тем, что большинство работников милиции состояло из лиц некоренной национальности. Это создавало зримый образ «окупанта» в лице русскоязычного населения. Действенность советской пропаганды в Прибалтике была невелика. Куда как действеннее были западные радиостанции и обширная переписка с зарубежными соотечественниками из капиталистических стран. Ими питались антисоветские слухи и разговоры. Наиболее распространенным был слух о скорой войне с последующим освобождением Прибалтики американцами от «русских колонизаторов».

Союзное и республиканское партийное руководство стремилось не допустить разрастания националистических настроений усилением идеологической работы и организационными мерами. Июньский пленум ЦККП Латвии (1959) определил проявлением национализма предложения руководящих работников Латвии увеличить капиталовложения в легкую промышленность вместо строительства в республике крупных промышленных объектов, намеченных семилетним планом. В октябре 1959 года очередной партийный пленум осудил за националистическую кадровую и языковую политику ряд партийных руководителей республики. Заместитель председателя Совета Министров В. Берклавс, министр сельского хозяйства А.А. Никонов, директор академического института экономики П.П. Дзерве, министр просвещения В.К. Круминьш, выступавшие с предложениями не развивать в Латвии тяжелую индустрию, требовавшую импорта рабочей силы, были сняты с занимаемых постов и переведены на другую работу. Принятые под нажимом Москвы меры устранили наиболее яркие проявления национализма, однако не смогли полностью ликвидировать их. Учитывая настроения большинства коренного населения, руководители прибалтийских республик стремились и в последующем проводить политику «мягкой» дерусификации, всячески демонстрируя при этом показной интернационализм и лояльность центральным властям.

Широкий спектр различных течений и форм имело украинское национальное движение. Замена на посту первого секретаря ЦК КПУ русского украинцем в июне 1953 года положила начало возрождению политики украинизации в республике и большему учету в работе национальной специфики областей, в первую очередь Западной Украины. Репрессивная политика советского руководства на Украине, связанная с послевоенной борьбой с вооруженным националистическим подпольем в Западной Украине и новой кампанией борьбы с «украинским буржуазным национализмом» в Восточной Украине, смягчилась и сошла на нет.

Однако часть западных украинцев продолжали сохранять неприязненное отношение не только к русским кадровым работникам, но и к восточным украинцам, зачисляемым в разряд «москалей». Националистическое мировоззрение объясняется недавностью присоединения Западной Украины к СССР, негативной реакцией на форсирование после войны социалистической перестройки края, сохранением влияния на широкие слои населения запрещенной в 1946 году, но действующей в подполье униатской Цёркви.

Главными целями национального движения на Украине была, в основном, легальная борьба за сохранение национальной культуры, языка. В начале 1960-х годов творческая интеллигенция повела движение за чистоту родного языка, против его русификации. В феврале 1963 года состоялась конференция по вопросам украинского языка в Киеве. На ней присутствовало более тысячи работников украинской культуры — писателей, учителей, языковедов. Конференция возбудила ходатайство перед ЦК КП Украины и правительством страны о том, чтобы «во всех учреждениях и предприятиях, на железной дороге и других видах транспорта, в торговле все дела вести на украинском языке». Участники конференции

предлагали также открыть средние школы с преподаванием на украинском языке во всех республиках СССР, где живут украинцы. Предложения, выдвинутые на этой конференции, со временем стали требованиями диссидентов, появились на страницах самиздата.

Движение украинских «шестидесятников» вовлекало в свои ряды значительную часть национальной интеллигенции. Ратующие за сохранение национальной культуры интеллигенты собирались в мастерских художников, выставочных залах, музеях, квартирах почитателей украинской старины. Большую известность приобрел киевский клуб творческой молодежи во главе с молодым режиссером Лесем Танюком. В клубе проводились литературные и поэтические вечера, организовывались выставки украинских художников. При нем образовался студенческий межвузовский фольклорно-этнографический кружок и разъездной хор «Жаворонок». Клуб положил начало Шевченковским чтениям 22 мая у памятника поэту. На ставших традиционными чтениях со временем все более откровенно зазвучали диссидентские мотивы. Это стало причиной закрытия клуба властями в 1965 году.

Одним из направлений украинского национального движения была борьба за независимость путем выхода из состава СССР. Движение имело многочисленных сторонников в Западной Украине. Здесь и после разгрома националистического вооруженного движения ОУН были случаи убийства советских работников, поджоги партийных и хозяйственных зданий, другие антисоветские акты. Действовали нелегальные группы, прежде всего студенческие, носившие ярко выраженный националистический характер. Они занимались вывешиванием национальных флагов, распространением листовок с антисоветским содержанием. Так, в марте 1957 года в ряде городов Львовской области распространялись листовки с призывом организовывать комитеты «За самостоятельную Украину». Листовки подобного содержания были обнаружены в городе Сумы. Деятельность групп большого успеха не имела, она легко пресекалась органами КГБ, однако факт их существования говорил о наличии в этих областях оппозиции к существующей власти. Относительно спокойнее обстояло дело в восточных областях Украины, хотя и здесь (например, в Харькове в 1957 г.) были случаи распространения листовок с антисоветским и националистическим содержанием.

Молодежь, вовлекавшаяся в подпольные группы экстремистского толка, вдохновлялась именем Степана Бандеры, вокруг которого создавался ореол последовательного и негибкого борца за свободу и независимость Украины от «русско-коммунистического ига». Так, в 1962 году органы госбезопасности ликвидировали молодежную организацию в Львовской области, носившую имя Бандеры. Ее участники имели подпольные клички, принимали присягу на верность «самостоятельной Украине», обсуждали способы борьбы против советской власти, приобретения оружия, шрифта, изготовления и распространения листовок.

Иногда поводом для образования национал-сепаратистских групп служила действовавшая Конституция страны. Так, в 1959 году шестеро жителей Львовской области образовали Украинский рабоче-крестьянский союз, который ставил целью добиваться независимости Украины конституционным путем. Будучи арестованным, лидер союза адвокат Л.Г. Лукьяненко заявил следователю, что действовал в правовом поле 14-й статьи Конституции УССР и 17-й статьи Конституции СССР. В ответ на это заявление прозвучало: «Конституция существует для заграницы!», что во многом было характерно для правосознания советского времени.

Однако рубеж 1950–60-х годов для украинского национального движения в целом был временем перехода от подпольного этапа к мирному, открытому демократическому движению за национальные права.

В 1960-е годах отмечены случаи отдельных национал-сепаратистских выступлений в Белоруссии и в Молдавии. Однако они не носили столь массового характера, как в Прибалтике и на Украине. Лишь небольшая прослойка национальной интеллигенции и учащейся молодежи выступала в защиту национальной культуры и языка. Так, в сентябре 1963 года органами госбезопасности были арестованы участники Белорусской революционной партии. Ее члены стояли на позициях вооруженной борьбы с советской

властью и пытались создать в республике разветвленную нелегальную организацию. Попытка националистической деятельности зарегистрирована в Минском госуниверситете, где в октябре 1963 года была раскрыта группа из 13 белорусских студентов, которые на своих собраниях осуждали национальную политику СССР. Характерной особенностью Молдавии была этнокультурная близость молдаван с румынами. «Национализм» в республике чаще всего проявлялся в разговорах о том, что Молдавии необходимо воссоединиться с Румынией. В соседней республике такие разговоры подогревались официальными деятелями и печатью.

Одним из «слабых мест» советской национальной политики В 1950-е годы стала Грузия. Почитание Сталина в этой республике носило поистине всенародный характер. Разоблачение его преступлений на XX съезде партии было воспринято как национальное оскорбление. Недовольство центральной властью вылилось и трагические события в Тбилиси 9–10 марта 1956 года, сопровождавшиеся многочисленными человеческими жертвами. Молодежные просталинские митинги и демонстрации с участием множества комсомольцев и коммунистов прошли во многих других городах Грузии. Местами они носили откровенно антирусскую направленность. Вместе с лозунгами «Долой Хрущева!», «Молотова — во главе КПСС!» демонстранты несли и лозунги «Русские, убирайтесь из Грузии!». Националистические настроения в массах не утихали в течение многих лет. К обиде «за Сталина» прибавилась боль за расстрелянных соотечественников в Тбилиси. В 1963 году в Грузии была пресечена деятельность подпольной группы молодых грузинских поэтов. Они занимались изготовлением и распространением антисоветских листовок, осуждающих выступления против Сталина на XXII съезде КПСС.

Борьба за сохранение чистоты грузинского языка привела к возникновению различного рода нелегальных культурных обществ. Одно из них, «Мекартвела сазогадоеба», существовало в Батуми в 1961–1962 годах. В него, кроме представителей интеллигенции, входили государственные служащие. За употребление русских слов на собраниях организации взимался штраф в пользу «общества борющихся за чистоту грузинского языка».

Грузинское руководство во главе с лидером коммунистов В.П. Мжаванадзе снисходительно наблюдало за попытками части грузинской интеллигенции выступать против «русификации» и в тоже время решительно пресекало любые радикальные формы проявления национализма. Поэтому экстремизм не стал характерным признаком грузинского национального движения.

Армянское национальное движение инспирировалось главным образом идеей возвращения всех исконных армянских земель в единое армянское государство. Имелись в виду Каре, Ардаган, Саракамыш, оказавшиеся в составе Турции, а также Нахичевань и Нагорный Карабах, включенные в Азербайджан. Вокруг идеи о возвращении этих территорий с редким единодушием объединялись партийные и религиозные деятели, радикальные армянские националисты, представители творческой интеллигенции и зарубежных армянских диаспор. Подавляющее большинство армян за рубежом жило мыслями о возвращении на историческую родину. Только в первой половине 1950-х годов в Армению возвратились 100 тысяч репатриантов. Они во многом способствовали усилению в республике националистических настроений и популярности заграничной националистической партии «Дашнакцутюн».

Карабахский вопрос был поставлен руководителем компартии Армении в ноябре 1945 года. Г.А. Арутинов писал И.В. Сталину, что Нагорно-Карабахская автономная область, примыкающая к территории Армении, с 1923 года входит в состав Азербайджана; население этой области в основном армянское (137 тысяч, 89,5 %), и просил рассмотреть вопрос о включении области в Армению. Запрошенный в этой связи первый секретарь ЦК КП Азербайджана М. Багиров соглашался на передачу при условии включения в Азербайджан трех примыкающих к нему районов Армении с преимущественно азербайджанским населением. Начались переговоры, но вопрос остался нерешенным. Предложение вернуть армянам территории, занятые Турцией, было сделано в ООН в выступлении Арутинова в

1948 году. Нерешенность этих вопросов значительная часть армян связывала с нежеланием советского руководства разрешить армянскую проблему. Это подогревало антисоветские и националистические настроения в массах.

В национальном движении Азербайджана доминирующими являлись мусульманский фактор и социокультурная отчужденность местного населения от советского мировоззрения. Устойчивой национальной оппозиции в Азербайджане в рассматриваемый период не было. Политическая «незрелость» национального движения в Азербайджане сближала его с национальными движениями республик Средней Азии и Казахстана. Противостояние союзной власти здесь было слабым. Наиболее остро в республике стоял армяно-азербайджанский этнический конфликт. С молчаливого одобрения азербайджанского руководства в республике фактически проводилась политика этнической дискриминации национальных меньшинств — армян, лезгин, талышей. Политика азербайджанизации проявлялась в том, что руководящие партийные и хозяйственные посты в высшем и среднем звене были заняты преимущественно представителями коренного этноса, несмотря на то, что свыше 40 % жителей республики не были азербайджанцами.

«Незрелость» национальных движений в Средней Азии и Казахстане объясняется их сравнительно поздним (в 1920–30-е гг.) вступлением в процесс национального строительства. Это строительство повлекло за собой четкую политическую и территориальную идентичность коренного населения. Советская политика коренизации привела к складыванию национальной интеллектуальной и политической элиты. Впечатляющим был и подъем культуры, науки, образования. Местное население в основном положительно восприняло блага индустриальной и урбанизированной культуры. В то же время форсированная модернизация традиционных среднеазиатских культур привела к заметной утрате народами собственных этнических и культурно-экологических ценностей. Навязчивая пропаганда центром идей о старшем брате в содружестве народов, о прогрессивном влиянии русской культуры, языка вызывала обратную реакцию.

Огромное влияние на поведение, характер и стереотипы народов Средней Азии оказывал ислам, являющийся не просто религией, но и образом жизни, мировоззрением, системой этических и эстетических норм. Государственная антирелигиозная политика привела к вытеснению ислама из идеологии и политики в сферу семейно-бытовых отношений. Но эта сфера оставалась практически неприступной для советско-коммунистического мировоззрения. Благодаря этому коренные этносы Средней Азии и Казахстана во многом сохранили фундаментальные традиционные жизненные ценности: многодетную семью, иерархичность и коллективизм социальной организации, культурные и профессиональные предпочтения. Этим же можно объяснить и отсутствие национального движения, выступающего за отделение от СССР. Оппозиция советской власти принимала форму социокультурного и мировоззренческого противостояния традиционного уклада русскоязычной этнической культуре и коммунистической идеологии.

С ослаблением диктата центра над республиками Средней Азии и Казахстана и расширением прав союзных республик в 1957 году (в связи с совнархозами) протест против политической опеки центра со стороны партийных лидеров коренной национальности выражался в требованиях дальнейшего расширения прав регионов, увеличения инвестиций, сокращения притока русских, в выступлениях против тенденции к языковой русификации. Москва еще достаточно жестко реагировала на эту тенденцию. В 1958–1961 годах высшие партийные руководители Туркмении, Узбекистана, Киргизии и Таджикистана (также как и в Азербайджане, Латвии и Молдавии) были обвинены в националистических проявлениях и сняты с занимаемых должностей. На соответствующих пленумах ЦК компартий осуждались имевшие место нарушения национальной политики в этих республиках. Кадровые перемещения вызвали болезненную реакцию со стороны коренной интеллигенции и номенклатуры, которая усматривала в них проявление имперской сущности центра и русскоязычного населения.

Так, с перемещением Н.А. Мухитдинова с поста лидера коммунистов Узбекистана в

Президиум ЦК КПСС (17 декабря 1957 г.) и с выдвижением к руководству его протеже С.К. Камалова, в республике началась вторая масштабная коренизация кадров. Местное население воспринимало ее как начало эпохи национального «предвозрождения», отличительным признаком которой стало массовое и демонстративное соблюдение мусульманских обрядов: посещение мечетей, обрезание, бракосочетание и погребение умерших по обычаям предков. Коммунисты в этом отношении вели себя так же, как и «отсталые носители феодально-байских пережитков». С согласия партийного руководства начал возрождаться предусмотренный Кораном сбор пожертвований на благотворительные цели, который в основном предназначался для финансирования религиозных мероприятий. Многие «красные чайные» превратились в центры по пропаганде основ ислама и отправления религиозных обрядов. Заведующий отделом культуры ЦК КП Узбекистана внес на рассмотрение высших партийных инстанций вопрос о замене кириллической основы узбекской письменности арабским алфавитом. Мотивировалось это необходимостью создания кадров арабистов для работы в арабских странах.

Такая «коренизация» не имела поддержки и была осуждена московским руководящим центром в лице М.А. Сулова. В республике против нее выступил председатель Президиума Верховного Совета, народный писатель Узбекистана Ш.Р. Рашидов. 14 марта 1959 года на республиканском пленуме ЦК Камалов был снят с руководящих постов «за допущенное засорение кадров политически неблагополучными элементами» и «примиренчески-покровительственное отношение к националистическим проявлениям». С поста секретаря ЦК по идеологии был также снят Х. Турсунов как «не внушающий доверия и скрывший националистическое прошлое свое и отца — активного участника басмаческого движения». Первым секретарем ЦК КП Узбекистана был избран Рашидов, который 24 года, вплоть до своей смерти в 1983 году стоял во главе республиканского руководства. В 1959–1961 годах в республике были заменены десятки руководителей министерств и ведомств, многие секретари обкомов, райкомов и горкомов партии.

4 февраля 1961 года на закрытом партийном активе Рашидов Выступил с докладом «Об итогах двухлетней борьбы с антисоветскими элементами», в котором благодарил руководителей КПСС и органов КГБ за «фактическое спасение узбекского народа от попыток империалистов вновь его поработить». В апреле на пленуме ЦК он призывал общественность республики «принять еще более решительные меры по искоренению остатков националистических элементов». Рашидову удалось создать в республике прочную систему личной власти. Республика из года в год увеличивала сдачу хлопка — важнейшего сырья не только для легкой промышленности, но и для оборонного ведомства. Однако розданный в республике режим был очень далек от социализма. В октябре 1964 года с переменой руководства в Москве недруги Рашидова предпринимали попытку отрешить его от власти. Он Обвинялся, в частности, в том, что «расставил на ключевые позиции более 300 своих родственников и лично преданных ему людей». Только в аппарате ЦК Компартии Узбекистана было 14 его родственников. Однако Рашидов вполне устраивал Л.И. Брежнева, и не в последнюю очередь из-за щедрых подарков, преподносившихся новому лидеру КПСС.

К началу 1960-х годов миграция русскоязычного населения в Среднюю Азию, и особенно в Казахстан, достигла своего апогея. В 1959 году доля населения коренной национальности по сравнению с 1939 годом снизилась в Казахстане с 38,2 до 30 %, в Узбекистане — с 64,4 до 62,1 %, в Таджикистане — с 59,6 до 53,1 %, в Киргизии — с 51,7 до 40,5 %, и лишь в Туркмении она выросла с 59,2 до 60,9 %. Переселенцы в большинстве своем не тяготели к полному вживанию в среднеазиатское общество. Многие из них с высоты своего уровня развития с чувством превосходства и пренебрежения относились к местным жителям. Те платили им тем же, видя в них персонифицированных носителей имперства советской власти. Бытовой национализм проходил по линии этнического размежевания и возникал между русскоязычным (русские, украинцы, евреи и др.) и коренным населением. Национальная дискриминация проявлялась в кадровой политике и приеме в вузы в пользу лиц местной национальности, в русофобских настроениях местного

населения. Все это приводило к сравнительно более быстрому росту национального самосознания русского населения национальных окраин в сравнении с центральными районами России. В русском национальном движении в этих регионах были заметны не столько этнические, сколько «державные» мотивы. Для многих здесь впервые становился значимым простой факт, о котором один из читателей «Известий» счел необходимым даже написать в редакцию газеты: «В Российской республике нет ЦК, как это в других союзных республиках, где первым секретарем является представитель своей нации».

Оформление русского национального движения

Критика «культы личности», первые реабилитации репрессированных и другие признаки потепления общественно-политической атмосферы вызвали повсеместный горячий отклик. Одними из первых на перемены откликнулись литераторы. Осенью 1953 года редактируемый А.Т. Твардовским «Новый мир» опубликовал статью В. Померанцева «Об искренности в литературе». В ней проводилась мысль о благотворности различных литературных школ и направлений и необходимости «честно писать», не думая «о выражении лиц высоких и невысоких читателей». В новом обновленном ключе был написан роман «Времена года» О. Пановой, напечатанный в этом же журнале в октябре — декабре 1953 года и опубликованные ранее статьи В. Овечкина, показывавшие действительность без прикрас и лакировки. В апреле 1954 года на страницах этого журнала появляется статья Ф. Абрамова «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» с резкой критикой схематического изображения реальности в «образцовых» романах о деревне, созданных в 1940-е годы. Той же весной в журнале «Знамя» появились главы из романа Б. Пастернака «Доктор Живаго», а в «Новом мире» — повесть «Оттепель» И. Эренбурга. Эти произведения подводили читателей к осознанию губительности атмосферы, царившей в советской стране ранее. Повесть «Оттепель» дала название для обозначения особенностей нового исторического периода в развитии страны, начавшегося после смерти И.В. Сталина.

Однако первую «оттепель» уже в мае 1954 года сменили «заморозки». Центральные газеты вдруг нашли большие недостатки в повестях Пановой, Эренбурга, статьях Померанцева, Абрамова, Пьесах Зорина, Мариенгофа, Городецкого, Яновского и подвергли их резкой критике за «клеветнический характер», «очернение советской действительности». А 23 июля секретариат ЦК под председательством Н.С. Хрущева принял постановление в духе 1946 года: осудил Твардовского за подготовленную к публикации поэму «Теркин на том свете». В августе 1954 года он был отстранен от руководства «Новым миром». На его место был поставлен Симонов. Поэма, ставшая причиной отставки Твардовского, рыла впервые опубликована по благословию Хрущева 17 августа 1963 года в газете «Известия». На II съезде советских писателей, проходившем 15–26 декабря 1954 года, первые «оттепельные» произведения были осуждены как проявление «стихийного развития» литературы.

Консервативная линия развития литературы, связанная с большими сомнениями во взятом курсе на «десталинизацию» и Прекращение борьбы с космополитизмом, получила выражение в Журналах «Октябрь» и «Нева». Литературным памятником консерватизма начинавшейся послесталинской эпохи является роман «Тля» И. Шевцова, герои которого, молодые московские художники, ведут борьбу «за реалистическое искусство» с критиками, которым покровительствует знаменитый художник-модернист Барселонский (пародия на И. Эренбурга). Роман был написан в 1952 году и готовился к изданию в издательстве «Молодая гвардия» и журнале «Нева». После смерти Сталина он, естественно, в свет не вышел. О нем вспомнили после разноса Хрущевым художников-модернистов 1 декабря 1962 года в Центральном выставочном зале «Манеж». В 1964 году роман был впервые опубликован.

Таким образом, уже вскоре после марта 1953 года дали о себе знать группировки реформаторов-антисталинистов и консерваторов-сталинистов, которые породили в дальнейшем все разнообразие направлений в литературно-художественной и общественной

жизни страны. Часть интеллигенции, ставшая на сторону хрущевских реформаций и названная позднее, в конце 1960-х годов, либеральной интеллигенцией, поначалу не имела ничего общего с либерализмом как идеологическим течением, отстаивающим свободу предпринимательства, буржуазно-парламентский строй и буржуазную демократию. Понятие «либерализм» в отношении к этой части интеллигенции применимо лишь в его первоначальном смысле, означающем некое свободомыслие, вольнодумство, терпимость, снисходительность. Сталинисты начала 1950-х годов не имели ничего общего с консерватизмом как идеологическим течением. Их приверженность к «устаревшим традициям» не предполагала «буржуазного национализма» и воскрешения традиций и порядков дореволюционной России. Просто они увидели в антисталинизме угрозу основам социалистического строя. В силу партийной дисциплины они не выступали открыто против начавшейся борьбы против «культы личности», но все новые тенденции в художественной культуре, выходявшие за рамки догматических установок, встречались ими непримиримо.

Своеобразие ситуации в литературно-художественном мире после марта 1953 года во многом определялось тем, что группа писателей и художников, проявившая активность в борьбе с космополитизмом, была сравнительно небольшой и явно проигрывала в численном отношении «жертвам» антикосмополитической борьбы. После реабилитации Михоэlsa и «врачей-отравителей» оказалось, что «космополиты» и «низкопоклонники» в большинстве своем не слишком пострадали социально, но они тоже стали требовать реабилитации и компенсаций за причиненный ущерб.

Возникшая в литературно-художественной среде «групповщина» стала проблемой всей последующей истории советской культуры. Складывающуюся ситуацию позднее хорошо обрисовала писательница Л.Н. Васильева в своей книге «Дети Кремля» (М., 1997). «В нашем литературном мире, разделенном на правых — славянофилов и левых — западников, — пишет она, — лакмусовой бумажкой для определения принадлежности писателя к тому или иному лагерю был еврейский вопрос. Если ты еврей, значит, западник, прогрессивный человек. Если наполовину — тоже. Если ни того, ни другого, то муж или жена евреи дают тебе право на вход в левый фланг. Если ни того, ни другого, ни третьего, должен в творчестве проявить лояльность в еврейском вопросе. Точно так же по еврейскому признаку не слишком принимали в свои ряды группы правого, славянофильского фланга».

Видный представитель советской литературной политики, Многолетний главный редактор «Литературной газеты» Б.А. Маковский причину общего недовольства евреев ситуацией, сложившейся в годы войны и в послевоенные годы правления Сталина объяснял, по свидетельству С.Ю. Куняева, следующим образом: «Когда началась война, Сталин увидел, что все интернациональные идеи, все разговоры о солидарности с германским рабочим классом и международным пролетариатом — фикция. Он решил сделать ставку на единственно реальную карту — на национальное чувство русского народа. Постепенно из армии убрали всех евреев-политруков, пропаганда всячески стала использовать имена русских полководцев, верхи стали заигрывать с церковью, а после победы Сталин произнес знаменитый тост за русский народ. Но расплатиться с русским народом за его жертвы было нечем, оставалось одно — объявить его самым великим, самым талантливым. И в угоду этому началась кампания против космополитов, дело врачей, разгон еврейского комитета. Что было! Люди бежали из больниц, натягивали на себя одеяла, когда к ним подходили врачи-евреи. А когда наступил 56-й год и пошли всяческие реабилитации, то среди этих реабилитаций не были реабилитированы евреи, пострадавшие в антисемитских кампаниях, и теперь объясните какому-нибудь рядовому Хаиму, почему этого не произошло. Он живет с обидой в душе. И на эту обиду очень легко ложится всяческая сионистская пропаганда, и Хаим подает заявление на выезд в Израиль». Таким образом, главная причина недовольства евреев своим положением в стране заключалась в том, что их представители не были реабилитированы как Жертвы сталинизма в годы борьбы с космополитизмом и не было восстановлено, видимо, вполне устраивающее их *status quo ante bellum*. Подразумевалось, конечно, что это положение должно было вполне устраивать и русских.

Конфликт групповых интересов перешел в открытую фазу в период с апреля 1955 года по март 1956 года. Требования реабилитации бывших «космополитов» и расследования конкретной вины некоторых литературных чиновников вызвали упреки в «реваншистских настроениях» со стороны писателей, обличавших космополитизм. Наличие «групповщины» в литературной среде осуждалась уже на II съезде писателей в декабре 1954 года. О ней говорил Л.С. Соболев, крупнейший писатель того времени, один из лидеров русского национального течения в литературе.

«Либеральный лагерь» с середины 1950-х годов контролировал обстановку в крупнейших в стране Московской и Ленинградской писательских организациях, оказывал сильное влияние на столичные литературные журналы и газеты. Его центральными органами были журналы «Новый мир» и «Юность», а также «Литературная газета» (с 1959 г.). Из других журналов, подчиняющихся правлению Союза советских писателей, либералам сочувствовал журнал «Октябрь» (до 1961 г.).

После XX съезда КПСС идеологическое давление со стороны официальных политических и литературных начальников на деятелей литературы и искусства было ослаблено. Ответственность за «перегибы» прежних лет была возложена на Сталина и Жданова. Были восстановлены имена репрессированных деятелей литературы и искусства (В.Э. Мейерхольд, Б.А. Пильняк, И.З. Бабель, И.И. Катаев). Появились новые издания С.А. Есенина, А.А. Ахматовой, М.М. Зощенко. В мае 1958 года было принято постановление ЦК об исправлении ошибок в оценке опер «Великая дружба», «Богдан Хмельницкий» и «От всего сердца», которое «реабилитировало» обвиненных в «формализме» Д.Д. Шостаковича, С.С. Прокофьева, А.И. Хачатуряна, Н.Я. Мясковского, В.Я. Шебалина. Однако попытки А.А. Фадеева добиться изменения стиля руководства Союзом писателей путем изъятия у министерства культуры идеологических функций привели к опале писателя, закончившего жизнь самоубийством вскоре после XX съезда партии — 13 мая 1956 года.

На развитии литературно-художественной и общественной жизни в стране во многом сказалось образование бюро ЦК по РСФСР в рамках решения XX съезда партии о расширении прав союзных республик. Бюро было создано 27 февраля 1956 года. Помимо председателя (им стал по совместительству Н.С. Хрущев) в бюро вошли три секретаря ЦК КПСС, первые секретари обкомов наиболее крупных областей (Московской, Ленинградской, Горьковской), а также руководитель правительства России. В структуре нового органа из семи отделов начал функционировать отдел школ и культуры. В годы работы бюро (1956–1966) в РСФСР был создан ряд республиканских организаций, в том числе Союз писателей, Союз художников, Союз композиторов, Сибирское отделение Академии наук СССР в Новосибирске. С июля 1956 года стал издаваться печатный орган РСФСР — газета «Советская Россия», создано общество «Знание» РСФСР. Все это оказывало существенное влияние на развитие культурной жизни в РСФСР и стране в целом.

Самым существенным образом на развитие литературно-общественной жизни страны повлиял Союз писателей РСФСР. Решение о его создании было принято 13 мая 1957 года. В декабре того же года прошел учредительный съезд нового союза. Председателем союза стал Леонид Соболев, многие другие писатели, сочувствующие русской национальной идее, заняли административные посты. И уже вскоре после этого центральный печатный Орган Союза писателей России, газета «Литература и жизнь», стада заявлять себя как оппонент либеральных начинаний в литературе, а принадлежащий союзу альманах (с 1964 г. ежемесячный журнал) «Наш современник» превратился в один из главных журналов «консервативного» направления в литературе. Группировка русских «консерваторов», сложившаяся в ССП СССР к середине 1950-х годов, состояла из двух основных частей. Во-первых, это были признанные писатели С.Н. Сергеев-Ценский, А.С. Соболев, Л.М. Леонов, Н.П. Смирнов, Н.П. Кончаловская, М.А. Шолохов, М.С. Бубеннов, А.В. Софронов, С.В. Михалков, Я.В. Смеляков, В.А. Закруткин, литературные критики М.С. Шкерин, К.И. Прийма. Вторую группу составляли недавние фронтовики, большая часть которых училась во второй половине 1940-х годов в Литературном институте в Москве. Из них известность

приобрели Алексеев, Ю.В. Бондарев, В.С. Бушин, М.М. Годенко, Г.А. Исаев, И.И. Кобзев, М.П. Лобанов, А.Я. Марков, В.А. Солоухин, И.Ф. Стаднюк, Н.К. Старшинов, Ф.Г. Сухов, В.Д. Федоров, И.М. Шевцов, С.И. Шуртаков. В середине 1950-х годов эти бывшие фронтовики начали занимать влиятельные позиции в Союзе писателей России. Фронтовики были главной силой русского общественного движения, сущность которого, на наш взгляд, точнее всего определил современный историк и писатель С.Н. Семанов. Он полагает, что русское национальное движение, возродившееся как нормальный русский патриотизм в годы войны с фашистской Германией» является «одной из форм борьбы за права человека». Оформившись в годы «хрущевской оттепели», русское национальное движение оставляет свой заметный след и на последующих этапах отечественной истории.

Коррективы теоретических основ национальной политики: новое открытие «новой исторической общности»

На волне критики «культы личности» в 1956 году были впервые опубликованы ленинские письма («К вопросу о национальностях или об «автономизации»» от 30–31 декабря 1922 г.; и др.), говорящие о временных разногласиях между Лениным и Сталиным по вопросам образования СССР. Смысл публикации сводился к тому, что Сталин имел свою особую, «неправильную» позицию по этим вопросам в отличие от «правильных» установок истинного создателя Союза ССР. Здравый смысл сталинской позиции и исторический опыт, накопленный к середине 1950-х годов, по существу, был проигнорирован. Между тем с позиции наших дней становятся отчетливо видными изъяны ленинского плана создания союзного государства. История образования и последующего развития СССР показывает, что русские национально-государственные интересы были, по сути дела, принесены в жертву ленинско-троцкистской утопии — интересам призрачного Мирового СССР и национализму «угнетенных» народов бывшей царской России. Сталин должного упорства в отстаивании своего «плана автономизации» для СССР не проявил. Как считают многие современные историки, в том числе и автор этих строк, реализация сталинского плана создавала бы гораздо лучшие предпосылки для последующей оптимизации государственного устройства и всей системы межнациональных отношений в стране. Для осуществления знаменитого принципа об участии в строительстве и функционировании союзного государства всех народов бывшей России «вместе и наравне» ленинский план был совершенно не пригоден. Ярким свидетельством этого является иерархия народов и национально-государственных образований, без труда различаемая в архитектонике СССР.

Вместо реалистического анализа процессов в национальной сфере и соответствующего реформирования национально-государственного устройства СССР власть в очередной раз увлеклась утопическим проектом «окончательного решения национального вопроса», связывая его с форсированной ломкой национальных перегородок, стиранием национальных различий, с ассимилированием наций в советском обществе, иначе говоря, с денационализацией. Оживление ленинских установок, ориентирующих национальную политику на продвижение к социалистической цели, заключающейся не только в сближении наций, но и в слиянии их, происходило в связи с вынашиваемым в конце 1950-х годов планом непосредственного построения коммунизма в СССР в предстоящие 20 лет. Н.С. Хрущев говорил в 1959 году, что по мере реализации этого плана «успешнее будет идти процесс слияния народов в единую коммунистическую семью». Уловив знакомую мелодию, чуткие обществоведы сразу же вспомнили раннего Энгельса и романтику первых российских революционных лет и принялись вновь уверять многоплеменных соотечественников в том, что «стратегическая линия рабочего класса и его партии... направлена на слияние всех наций, на преодоление национальных перегородок и различий» (В.А. Аврорин), в будущем коммунистическом обществе «все население Советского Союза будет представлять единую коммунистическую нацию» (Л.П. Потапов). На пути к этому «молодые и родственные нации, видимо, раньше, чем старые и неродственные... начнут сливаться в единую нацию» (А.А.

Сатыбалов). Социалистические нации и страны, в представлении Хрущева, не могли замыкаться в своих границах и опираться только на свои силы. «Если бы это было так, — говорил он, — мы были бы не коммунистами-интернационалистами, а стали бы национал-социалистами».

Как и следовало ожидать, в проект новой программы КПСС М. А. Суслов включил положение о том, что «в СССР происходит слияние наций и их языков, образование одной нации с одним языком, с единой общей культурой». Известный государственный и политический деятель А.А. Андреев провозгласил со страниц главного теоретического партийного журнала: в СССР «выковывается единая социалистическая нация» (Коммунист. 1960. № 6).

Коллегам Хрущева по Президиуму ЦК КПСС (прежде всех О.В. Куусинену, Н.А. Мухитдинову) удалось убедить его не ставить в партийной программе невыполнимые задачи. Частично согласившись с ними, Хрущев актуализировал высказанную ранее идею о появлении в СССР «новой исторической общности». В докладе о программе КПСС он объявил, что результаты интеграционных процессов в национальной сфере уже привели к тому, что «в СССР сложилась новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие черты — советский народ». Однако в программный документ положение включено не было. Это значило, что ему, как и аналогичным утверждениям, высказанным в литературе на предыдущих этапах развития общественной мысли (Н.И. Бухарин, М.В. Нечкина, И.Е. Кравцев, Н.И. Матюшин, М.Д. Каммари), еще не придавалось концептуально-методологического значения.

В практически-политическом отношении наибольший интерес представляет раздел Программы КПСС «Задачи партии в области национальных отношений». Их развитие в СССР к началу 1960-х годов. Программа характеризует следующим образом: «В условиях социализма происходит расцвет наций, укрепляющих их суверенитет. Развитие наций осуществляется не на путях усиления национальной розни, национальной ограниченности и эгоизма, как это происходит при капитализме, а на путях их сближения, братской взаимопомощи и дружбы. Возникновение новых промышленных центров, открытие и разработка природных богатств, освоение целинных земель и развитие всех видов транспорта усиливают подвижность населения, содействуют расширению взаимного общения народов Советского Союза. В советских республиках совместно живут и дружно трудятся люди многих национальностей. Границы между союзными республиками в пределах СССР все более теряют свое былое значение, поскольку все нации равноправны, их жизнь строится на единой социалистической основе и в равной мере удовлетворяются материальные и духовные запросы каждого народа, все они объединены общими жизненными интересами в одну семью и совместно идут к единой цели — коммунизму. У советских людей разных национальностей сложились общие черты духовного облика, порожденные новым типом общественных отношений и воплотившие в себе лучшие традиции народов СССР».

Эта характеристика весьма показательна сочетанием лакировочной полуправды с противоречивым смыслом. Конкретные исследования истории национальных отношений, например В.И. Козловым в книге «История трагедии великого народа: Русский вопрос» (М., 1997), показывают, что провозглашенное в партийных документах и в Конституции СССР «равноправие наций» на деле не существовало, да и не могло быть достигнуто в условиях привилегированного положения «титовых наций» соответствующих республик по сравнению с инациональными группами и при иерархическом статусе самих национально-территориальных образований. Материальные и духовные интересы каждого народа удовлетворялись отнюдь не в равной мере, в неблагоприятном положении при этом оказался крупнейший в стране русский народ. Из того факта, что в Советском Союзе увеличилась подвижность населения, совсем не следовало, что границы между республиками теряли значение. Этому явно противоречит утверждение об укреплении суверенитета наций. В Программе далее отмечено, что «расширение прав союзных республик в руководстве

хозяйством дало большие положительные результаты», однако ставилась задача преодолеть «проявления местничества и национального эгоизма». Партийный документ содержал неопределенное (допускающее различные интерпретации) положение о том, что национальные отношения в стране характеризуются «дальнейшим сближением наций и достижением их полного единства».

При разработке новой советской Конституции, ведшейся комиссией под председательством Хрущева, снова рассматривались предложения о необходимости учитывать, что в СССР «идет консолидация единых национальностей в единую коммунистическую нацию», поэтому рекомендовалось снять графу о национальности из паспортов. Однако полного ренессанса «левацкого интернационализма» в 1950–60-е годы не произошло. Состоявшийся после отставки Хрущева XXIII съезд партии (март — апрель 1966 г.) внёс успокоение в смятенные ряды интеллектуалов и творческой интеллигенции из союзных республик. В докладе ЦК партии съезду содержалась новая уточненная формулировка о советском народе. Был применен термин «многонациональный советский народ». Это исключало возможность отождествления «новой общности» и «полного единства наций» с новой коммунистической нацией, якобы выковывающейся из традиционных этнических групп и заменяющей их. Традиционалисты одержали победу над «леваками» в теории и в практической национальной политике.

Как «новая общность» стала отличительным признаком «развитого социализма»

В трудах государствоведов после принятия Программы строительства коммунизма корректировались представления о Дальнейших этапах в развитии советского федерализма и наций. Предполагалось, что ближайшей перспективой является развитие автономий в единые советские республики, а в дальнейшем, Уже в условиях полной победы коммунизма, должно произойти Слияние республик, подготовляемое уже в 1960-е годы путем создания межреспубликанских органов. В результате слияния республик будет «постепенно завершаться процесс слияния наций, объединенных до завершения этого процесса федеративной системой на началах общественных организаций» (С.М. Равин). То есть допускалась возможность сохранения федерализма в будущем безгосударственном коммунистическом обществе. Представлялось, что негосударственный федерализм, основанный на началах общественного объединения наций, будет служить задаче завершения слияния наций и после перехода к безнациональному обществу исчерпает свою необходимость.

С апреля 1962 года велась разработка новой советской Конституции. Первый проект нового Основного Закона был подготовлен к июлю 1964 года. Для реализации национальных прав в новых условиях предлагалось «создать национальные комитеты по вопросам культуры и просвещения», то есть обеспечивать дальнейшее развитие национальностей посредством культурно-национальной автономии. Подобные же предложения поступали и в Конституционную комиссию, продолжившую работу над проектом после отставки Н.С. Хрущева. В частности, предлагалось зафиксировать в Конституции, что в Советском Союзе «живет одна нация — советская», в соответствии с этим в паспортах следовало бы в графе национальность писать: «советский», или перестать указывать в документах национальность.

С принятием в 1961 году Программы КПСС, конечно же, связывалось начало нового этапа в развитии национальных отношений в стране. Особенности этапа виделись в дальнейшем сближении наций и достижении их «полного единства». Предполагалось, что «строительство материально-технической базы коммунизма ведет к еще более тесному объединению советских народов. Все интенсивнее становится обмен материальными и духовными богатствами между нациями, растет вклад каждой республики в общее дело коммунистического строительства. Стирание граней между классами и развитие коммунистических общественных отношений усиливают социальную однородность наций, способствуют развитию общих коммунистических черт культуры, морали и быта,

дальнейшему укреплению взаимного доверия и дружбы между ними. С победой коммунизма в СССР произойдет еще большее сближение наций, возрастет их экономическая и идейная общность, разовьются общие коммунистические черты их духовного облика. Однако стирание национальных различий, в особенности языковых различий, — значительно более длительный процесс, чем стирание классовых различий». Национальную политику, призванную регулировать национальные отношения на новом этапе их развития, партия обязывалась проводить «с позиций пролетарского интернационализма, на основе... ленинской национальной политики», не допуская «ни игнорирования, ни раздувания национальных особенностей». Важнейшей целью этой политики было «по-прежнему» обеспечение фактического равенства наций, народностей «с полным учетом их интересов, уделяя особое внимание тем районам страны, которые нуждаются в более быстром развитии». Растущие в процессе коммунистического строительства блага были обещано «справедливо распределять среди всех наций и народностей».

Однако «развернутое строительство коммунизма» в стране Продолжалось недолго. В ноябре 1967 года Л.И. Брежнев объявил, что в СССР построено развитое социалистическое общество, а дальнейшем предстояло его совершенствовать, коммунистические цели отодвигались за пределы обозримого исторического горизонта. Новые власти отказались и от других методологических новаций хрущевского периода. Однако положение о новой исторической общности было сохранено и получило дальнейшее развитие. В докладе ЦК партии XXIII съезду (март — апрель 1966 г.) содержалась уточненная формулировка о советском народе. Был применен термин «многонациональный советский народ». Левацкие трактовки новой общности были раскритикованы (в частности, в работах А.М. Егизаряна, И.М. Дзюбы) и приглушены.

Положение о якобы сформировавшейся в СССР новой исторической общности содержались в выступлениях генерального секретаря ЦК КПСС на XXIV (1971) и XXV (1976) съездах партии. В развитие этого положения в ИМЛ при ЦК КПСС была подготовлена и выпущена двумя изданиями книга «Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях» (1972, 1974), дававшая официальную трактовку феномена. В книге разъяснялось: «Советский народ представляет собой не какую-то новую нацию, а является исторической, более широкой, чем нация нового типа, общностью людей, охватывающей все народы СССР. Понятие «советский народ» появилось как отражение коренных изменений сущности и облика советских наций, как выражение их всестороннего сближения, роста их интернациональных черт. Но и при тесном переплетении интернационального и национального в социалистических нациях последние образуют советский народ, оставаясь в то же время его национальными компонентами». Упрочение «новой исторической общности» представлялось важнейшей целью государственной национальной политики. На протяжении 1970–80-х годов в стране было издано несметное количество книг и статей, призванных создать видимость благополучия и успехов в Осуществлении «ленинской национальной политики». Видимость движения теоретической мысли создавалась полными изошренной схоластики трудами, трактующими соотношение расцвета, сближения и слияния наций, национальное и интернациональное, характер интернационалистических процессов в обществе. В действительности же ширился разрыв между наукой, политикой и жизнью. Оживляющееся национальное самосознание третировалось как проявление национализма. Реальные противоречия национальной жизни и межнациональных отношений игнорировались. «Нациология» в условиях «развитого социализма» заметно активизировалась по праздничным датам — в связи со съездами партии, юбилеями Октябрьской революции и образования СССР. Это не могло не накладывать отпечатка «завражности» на значительную часть трудов, посвященных национальной проблематике.

Новая историческая общность людей в СССР была не только сотворенным мифом, но и реальностью. В нынешних средствах массовой информации признание того, что были действительно советские люди, часто отождествляется лишь со своего рода неполноценностью (отсюда презрительное — «совок»). Однако этим не отменяется тот факт,

что на уровне общественной рефлексии ощущение «советсконародности» имелось. Любители футбола разных национальностей болели как за «своих» за киевское и тбилисское «Динамо», ереванский «Арарат», за «наших» советских космонавтов, независимо от их национальной принадлежности. Широкую популярность приобрела песня с романтическим интернационалистско-космополитическим рефреном:

«Сердце волнуется.
Почтовый пакуется груз.
Мой адрес не дом и не улица,
мой адрес Советский Союз».

То есть определенно существовало некое субстанционарное пространство не с этническим, а гражданским основанием.

В этой связи вряд ли следует оценивать только как «национальный нигилизм» позицию авторов писем в редакции газет в период обсуждения Конституции СССР 1977 года, в которых предлагалось фиксировать в паспортах: «национальность: советский, родной язык: армянский». Вряд ли надо ставить клеймо «шовинист» и на тех, кто считал необходимым дополнить статью 36 проекта Конституции фразой: «Требовать сообщения сведений о своей национальности в каких бы то ни было официальных документах (паспортах, удостоверениях, билетах, именных анкетах и т. п.) запрещается». Тем самым «советские люди» пытались ослабить «нацисохраняющие» параметры официальных документов ради усиления «маркировок» его принадлежности к общегражданской, политической общности советских людей. Многие из них воспринимали эту общность как советскую нацию и гордились своей принадлежностью к ней. Известны яркие стихотворные выражения этой гордости.

«Я в Державу верую — вечную!
Эту
Красную по смыслу.
По флагу.
По цвету.
Никогда не спрячусь за кондовой завесой...
По национальности
Я — Советский»

(Р. Рождественский).

В постсоветское время сохранилось немало авторитетных обществоведов, продолжающих убеждать, как это делает, например, С.Г. Кара-Мурза, что «согласно всем современным представлениям о государстве и нации, советский народ был нормальной Полиэтнической нацией, не менее реальной, чем американская, бразильская или индийская нации». Разумеется, степень «советскости» была различной у разных групп населения, однако единое хозяйство, единая школа и единая армия делали советский народ гораздо более сплоченным, чем названные полиэтнические нации. Убедительным аргументом в пользу существования такой общности является рост числа этнически смешанных браков, интернационализации наиболее интимной семейно-личностной сферы. Переписью населения 1959 года в стране было зафиксировано 50,3 млн. семей, из них 10,3 % смешанных в национальном отношении. К 1970 году смешанные семьи составляли 13,5 %, в 1979 году — 14,9 %, а в 1989 году — 17,5 % (12,8 млн. из 77,1 млн. семей). За каждым из супругов обычно стояли группы родственников, которые таким образом многократно увеличивали число породненных между собой людей различных национальностей.

Сформированию новой общности говорили также данные переписей о значительном числе нерусских людей, признававших русский язык межнационального общения своим

«родным» языком. По переписи 1926 года было зафиксировано 6,4 млн. таких людей, в 1959 году — 10,2 млн, в 1979 году — 13 млн, а в 1989 году. Их насчитывалось уже 18,7 млн. человек. Если бы процесс перехода на русский язык не был достаточно естественным и добровольным, то подавляющее большинство этих людей не стало бы называть его «родным», ограничиваясь указанием на «свободное владение» им. Переписи населения показывали также постоянный рост числа людей, свободно использующих русский язык наряду с родным национальным языком. В 1970 году в СССР жили 241,7 млн. человек (из них 53,4 % были русскими). К 1989 году их число увеличилось до 286,7 млн, среди них русских по национальности насчитывалось 145,2 млн. (50,6 %). В России в 1989 году Русские составляли 81,5 % из 147,4 миллионов жителей. При этом Русский язык считало родным и свободно им владело 81,4 % населения СССР и 88 % населения России.

Неразрешимые противоречия новой Конституции и «новой общности»

Принятая в 1977 году Конституция СССР характеризовала построенное в СССР «развитое социалистическое общество» как общество, «в котором на основе сближения всех социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей возникла новая историческая общность людей — советский народ». Таким образом, «новая общность» представлялась в преамбуле новой Конституции одним из основных отличительных признаков «развитого социализма». Советский народ провозглашался главным субъектом власти и законотворчества в стране. «Вся власть в СССР принадлежит народу. Народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов... все другие государственные органы подконтрольны и подотчетны Советам», — гласила статья 2 новой Конституции. В других статьях декларировалось равноправие граждан вне зависимости от расовой и национальной принадлежности (статья 34), утверждалось, что «экономика страны составляет единый народнохозяйственный комплекс» (статья 16), что в стране имеется «единая система народного образования» (статья 25). В то же время основной закон страны утверждал, что «за каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР» (статья 71), каждая союзная и автономная республика имеет свою Конституцию, учитывающую их «особенности» (статьи 75, 81), территория республик «не может быть изменена» без их согласия (статьи 77, 83), «суверенные права союзных республик охраняются Союзом ССР» (статья 80). Таким образом «советский народ» в Конституции представал на словах единым, но реально разрезанным на различные «суверенные» и «особенные» части. Последнее соответствовало также духу никем не отмененной Декларации прав народов России, провозгласившей еще на заре советской власти (2 ноября 1917 г.) не только «равенство и суверенность народов России», но и их право «на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства».

Исследователи выделяли в единой «новой исторической общности» явно различающиеся по возможностям реализации своего суверенитета нации, народности, этнические и национальные группы. Единого мнения об их соотношении в советское время так и не было выработано. М.И. Куличенко в своей работе «Нация и социальный прогресс» (1983) полагал, что из 126 национальных общностей, зафиксированных при обработке материалов переписи 1959 года, к категории наций принадлежали 35 национальностей, к народностям — 33, к национальным группам — 35, к этническим группам — 23. Из 123 общностей, выявленных переписью 1979 года, к нациям были отнесены 36, к народностям — 32, национальным группам — 37, этническим группам — 18 национальностей. Но это был лишь один из вариантов типологизации общностей, были и другие, существенно отличавшиеся от приведенного. Разные возможности для реализации своих жизненных интересов имели народы «титутельные» и «нетитутельные», национальные большинства и меньшинства.

Территориальный принцип национально-государственного устройства СССР с

течением времени обнаруживал все большее противоречие с растущей интернационализацией состава населения «национальных» образований. Наглядным примером являлась Российская Федерация. В ней в 1989 году проживало 51,5 % всего населения СССР. Общее число российских народов чаще всего обозначалось неопределенным выражением: «Более ста». Республика имела сложную иерархическую систему национально-государственного и административного устройства. В ее состав входило 31 национально-государственное и национально-территориальное образование (16 автономных республик, 5 автономных областей и 10 автономных округов). Народов-эпонимов (именем которых названы автономные образования) было 31. При этом в четырех автономных образованиях было по два «титულных» народа (в Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии, Карачаево-Черкессии, в Ханты-Мансийском автономном округе). У бурят и ненцев было по три автономных образования, у осетин — два (одно в России, другое в Грузии). Дагестанскую АССР населяли 26 коренных народов. Другие этносы своих территориальных национальных образований не имели. Наряду с автономными национальными образованиями РФ включала «русские» края и области, не имеющие официального национального статуса. При такой ситуации среди разных народов естественным образом возникали движения за выравнивание и повышение своего «государственного» статуса или за обретение такового.

Народы, проживавшие в СССР в рассматриваемый период, существенно отличались друг от друга по темпам роста своей численности. Например, численность народов, каждый из которых насчитывал в 1989 году более миллиона человек, с 1959 года изменилась следующим образом. Количество латышей и эстонцев увеличилось на 3 и 4 %; украинцев и белорусов — на 18 и 26 %; русских и литовцев — на 27 и 30 %; киргизов, грузин, молдаван — на 50–64 %; казахов, азербайджанцев, киргизов — на 125–150 %; а узбеков и таджиков — на 176 и 200 %. Все это создавало естественную озабоченность отдельных народов демографической ситуацией, которая усугублялась нерегулируемой миграцией населения.

Парадоксальная для правового государства ситуация заключалась и в том, что 50 % территории России официально объявлялись «территориями своей государственности» для 7 % российских граждан. Другие народы, в том числе и русский, составлявший более 80 % населения, никакого политико-правового статуса не имели. Система национально-территориальных автономий не решала и проблем «титулных» этносов. Все народы, имевшие в 1989 году свои автономные образования, вместе взятые, насчитывали 17,7 млн. человек (12 % населения РФ). Из них в пределах своих автономных образований проживало 10,3 млн. человек, что и составляло 7 % от общей численности населения России. Лишь 6 «титулных» этносов составляли большинство населения в своих автономиях. По существу, народы, давшие название большинству российских автономий, являлись в них «титулными» меньшинствами. Многие этносы в значительной части проживали за пределами своих этнотерриториальных образований: 99,4 % евреев, 73 % мордвы, 73 % татар, 52 % марийцев, 51 % чувашей, 44 % осетин, 40 % башкир, 40 % карел и т. д. 30 национальных групп общей численностью 1,3 млн. человек составляли в РФ народы, основная масса которых живет за пределами СССР и имеет там свою государственность (немцы, корейцы, поляки, греки, финны, болгары, насчитывавшие сотни и десятки тысяч человек, вплоть до французов, австрийцев, англичан и американцев, исчисляемых сотнями человек). Экстерриториальную автономию (национально-персональную, национально-культурную) советская власть отвергала, полагая, что она противоречит принципу интернационализма и консервирует «утонченный национализм». Российская федерация сохраняет главное противоречие советской федерации — деление народов по негласному принципу: большим — республику, малым — культурно-национальную автономию. Законов, по которым первые отличались бы от вторых, как не существовало, так и не существует.

Возмущения и конфликты в национальной сфере «развитого социализма»

Противоречия в национальной сфере довольно часто выходили из латентного состояния на поверхность общественной жизни. Так, на протяжении всего рассматриваемого периода давали о себе знать движения советских немцев и крымских татар, утративших в годы Великой Отечественной войны свои автономии, за восстановление национально-территориальных образований. Другие репрессированные ранее народы требовали разрешения возвратиться к местам прежнего жительства (турки-месхетинцы, греки и др.). Недовольство условиями жизни в СССР порождало среди ряда народов (евреи, немцы, греки) движения за право эмигрировать на «историческую родину». Протестные движения, эксцессы и другие акты недовольства национальной политикой возникали и по другим поводам. Можно отметить целый ряд из них в соответствии с хронологией событий.

Так, 24 апреля 1965 года в связи с 50-летием геноцида армян в Турции состоялось несанкционированное стотысячное траурное шествие в Ереване. Студенты и присоединившиеся к ним рабочие и служащие многих организаций шли к центру города с лозунгом «Справедливо решить армянский вопрос!». С полудня на площади Ленина начались митинги. К вечеру толпа окружила здание оперы, где проходило официальное «собрание общественности» в связи с годовщиной трагедии. В окна полетели камни. После этого демонстранты были разогнаны с использованием пожарных машин.

П.Е. Шелест в книге воспоминаний «...Да не судимы будете» (М., 1994) отмечает, что 2 сентября 1965 года на заседании Президиума ЦК при обсуждении его записки в ЦК по внешнеполитическим вопросам делались упреки, что на Украине якобы слабо ведется борьба с проявлениями буржуазного национализма, пропаганда дружбы народов и интернациональное воспитание поставлены плохо. Проявление национализма видели также и в том, что на Украине очень чтят Т.Г. Шевченко, что в республике «слишком много говорят на украинском языке». В частности, отмечалось, что «Севастополь-де — город русской славы, а в нем есть надписи на украинском языке». «И вообще дошли некоторые до того, — писал далее Шелест, — что объявили украинский язык искаженным русским языком. Во всем этом проявился самый оголтелый шовинизм и в особенности это было в выступлениях Шелепина, Сулова, Демичева, Косыгина... Брежнев непростительно издевательски высказался об украинском языке, а это, значит, о культуре и украинском народе». В этой же книге отмечено, что 3 января 1966 года Шелесту был представлен доклад о письме И. Дзюбы на 214 страницах, и в этой связи лидер украинских коммунистов заметил: «Надо было принимать срочные и решительные меры... Явно было видно, что кое-где поднимают голову националистические элементы». (В 1973 году «письмо» Дзюбы было опубликовано отдельной книгой в Амстердаме.)

8 октября 1966 года прошли митинги крымских татар в узбекских городах Андижане и Бекабаде. 18 октября они митинговали по случаю 45-летия образования Крымской АССР в Фергане, Кувасае, Ташкенте, Чирчике, Самарканде, Коканде, Янгикургане, Учкудуке. Многие митинги разогнаны. При этом только в Ангрене и Бекабаде были задержаны более 65 человек, 17 из них осуждены за участие в «массовых беспорядках». При разгонах митингов в этих двух городах милицией использовались брандспойты, дымовые шашки и дубинки.

В марте 1967 года в течение двух недель продолжались «Абхазские события», участники которых требовали узаконения абхазской топонимики по всей республике, предоставления привилегий представителям абхазской национальности в трудоустройстве и поступлении в высшие учебные заведения, изучения абхазского языка во всех неабхазских школах республики и даже выделения Абхазии из состава Грузии со статусом союзной республики в составе СССР. По ночам закрашивались грузинские надписи на вывесках, дорожных знаках и указателях. В сентябре 1967 года в Москву прибыла группа деятелей культуры из Абхазии с требованием изъять из обращения изданную в Тбилиси книгу, автор которой пытался доказать, что «абхазской национальности вообще не существует; абхазы — это грузины, принявшие когда-то мусульманство». В результате секретарь обкома и

председатель правительства Абхазии были освобождены от должностей и на их место были рекомендованы абхазы. Грузинские названия и вывески на грузинском языке заменены абхазскими. В Тбилисском университете были открыты отделения абхазского языка и литературы.

22 мая 1967 года во время традиционного собрания и возложения цветов к памятнику Тараса Шевченко в Киеве были задержаны за участие в несанкционированном мероприятии несколько человек. Возмущенные люди обступили милицию и скандировали «Позор!». Позднее 200–300 участников собрания направились к зданию ЦК, чтобы выразить протест и добиться освобождения арестованных. Власти пытались остановить движение колонны водой из пожарных машин. Министр охраны общественного порядка республики был вынужден освободить задержанных.

2 сентября 1967 года милиция разогнала в Ташкенте многотысячную демонстрацию крымских татар, протестующих против разгона 27 августа двухтысячного собрания-встречи с представителями крымско-татарского народа, возвратившимися из Москвы после приема их 21 июня Ю.В. Андроповым, Н.А. Щелоковым, секретарем Президиума Верховного Совета СССР М.П. Георгадзе, генеральным прокурором Р.А. Руденко. При этом были задержаны 160 человек, 10 из них осуждены. 5 сентября 1967 года был издан указ Президиума ВС СССР, снимающий с крымских татар обвинение в предательстве. Им возвращались гражданские права. Татарская молодежь получала право учиться в вузах Москвы и Ленинграда, но татарские семьи не могли приезжать и селиться в Крыму.

«Крымские татары получили политическую реабилитацию без права возврата в Крым. Против их возвращения возражали партизаны Крыма, но главная причина состояла в том, что Крым к тому времени был «подарен» Н.С. Хрущевым Украине... Последнее обстоятельство более всего осложнило положение крымских татар. Не будь этого широкого жеста, они уже давно спокойно жили бы в Крыму», — писал в этой связи Ф.Д. Бобков в книге «КГБ и власть» (М., 1995). По его мнению, ничто не противоречило праву крымских татар вернуться на свою историческую родину. «Подобное желание все сильнее и сильнее подогревалось дискриминационным решением, которое было принято в отношении крымских татар, но не коснулось других переселенцев, получивших право на восстановление автономии». Этим объясняется и то, что «некоторые средства массовой информации утверждали, будто такой национальности вообще не существует. Пытались закрыть издание литературы на крымско-татарском языке и газету на этом языке, выходившую в Узбекистане, нет, мол, такого языка. И всем этим занимались серьезные люди, обязанные решить столь важный государственный вопрос. Мне помнится заседание по проблеме крымских татар у секретаря ЦК КПСС И.В. Капитонова... Участники совещания не скрывали симпатий к татарам, но не очень активно возражали представители Украины. Неожиданно мне в голову пришел аргумент в пользу признания крымских татар как этнической единицы, а подсказало мне его мое школьное увлечение филателией. Я вспомнил, что до войны вышла серия почтовых марок «Народы СССР» и среди них была марка «Татары Крыма». Вопрос о закрытии газеты на крымско-татарском языке был снят».

Ф.Д. Бобков пишет далее, что заниматься проблемой крымских татар ему пришлось в 1967 году, чуть ли не с первого дня работы в 5-м Управлении КГБ. В Москву тогда прибыло несколько сотен крымских татар с требованием к руководству страны и партии разрешить возвратиться в родные места. Управление предложило план постепенного возвращения татар путем организованного набора рабочей силы. Ю.В. Андропов, которому было поручено встретиться с представителями движения, решение это одобрил. Однако второй участник встречи, министр внутренних дел СССР Н.А. Щелоков, вел иную линию: ничего конкретного посланцам крымских татар не обещать. Под большим нажимом Украина все-таки согласилась принимать в год двести-триста татарских семей. Но вскоре начались звонки из Краснодарского края: через Керченский пролив на пароме татар вновь насильно вывозят из Крыма. Это делалось по решению руководства Украины. События получили свое дальнейшее развитие после того, как «лидеры экстремистского крыла... обратились за

помощью к сотрудникам американского посольства. А те немедленно использовали этот повод и развернули шумную кампанию в зарубежной печати».

Длительного времени потребовало преодоление последствий столкновения между узбекской и русской молодежью, произошедшего во время и после футбольного матча между командами «Пахтакор» (Ташкент) и «Крылья Советов» (Куйбышев) 27 сентября 1969 года на ташкентском стадионе, вмещающем более 100 тысяч человек. Неприязнь местного населения к русским была вызвана отрицательными чертами (пьянство, хулиганство, воровство, проституция), якобы принесенных русскими, во множестве прибывшими в 1920-х годах преимущественно из Поволжья, особенно из Самары. Презрительное прозвище «Самарские» с тех пор укоренилось среди узбеков и было перенесено на всех русских. Конфликт возник в середине матча, когда судья не засчитал забитый «Пахтакором» гол в ворота куйбышевской (самарской) команды. В 20 местах стадиона были подняты заранее заготовленные плакаты с надписями: «Самарские, убирайтесь домой!». Попытки вырвать плакаты из рук узбеков привели к дракам. Милиция не смогла справиться с беспорядками. Матч прекратился, и толпы зрителей устремились к выходам. Предвидя это, узбекская молодежь выстроилась вдоль выходов со стадиона, пропуская «сквозь строй» и избивая людей со славянской внешностью. Столкновения продолжались на улицах города. Несколько дней после этого инцидента русские опасались ездить в городском транспорте, разбушевавшаяся молодежь выбрасывала их из автобусов и троллейбусов. В результате более тысячи человек были арестованы. Вместо придания огласке этих случаев и принятия мер, чтобы не допустить в будущем подобных эксцессов, руководители республики пытались свести к минимуму информацию о масштабах происшедшего. Понимая всю неприглядность случая, особенно на фоне помощи Ташкенту РСФСР и других союзных республик после разрушительного землетрясения 1966 года, Ш.Р. Рашидов не хотел, чтобы инцидент расценивался как узбекский национализм, и сделал все, чтобы скрыть его от Москвы.

Период 1960–80-х годов характеризуется значительным усилением сионистских настроений среди советских евреев, инспирируемых зарубежными сионистскими центрами. Следствием «пробуждения у молодежи еврейского сознания» был рост эмиграционных настроений. По переписи населения, проведенной в январе 1970 года, в СССР насчитывалось 2151 тысяча евреев. Но эта цифра не включала так называемых скрытых евреев, общее число которых по некоторым оценкам составляло до 10 млн. человек. Сионизм и сопутствующий ему как протест против этой идеологии антисемитизм стали серьезной проблемой во многих городах СССР. В целях опровержения обвинений в том, что в СССР якобы проводится политика государственного антисемитизма, была выпущена официальная брошюра «Советские евреи: Мифы и действительность» (М.: АПН, 1972). В ней были представлены факты, показывающие надуманность подобных суждений. В частности, указывалась, что, по данным переписи 1970 года, в СССР евреи составляли менее 1 % от общего количества населения всей страны. В то же время из 844 лауреатов Ленинской премии было 96 (11,4 %) евреев, 564 (66,8 %) русских, 184 (21,8 %) представителя других национальностей. Высшее почетное звание Героя Социалистического Труда получили 55 человек еврейской национальности, дважды этого звания удостоены — 4 еврея, трижды — три представителя этой национальности. В 1941–1942 годах из прифронтовой полосы (западные районы страны, где евреи жили сравнительно компактным населением) было отправлено в глубокий тыл около 2 млн. граждан еврейской национальности (13,3 % от 15 млн. всех эвакуированных), что при политике государственного антисемитизма было бы вряд ли возможно. Подчеркивалось также, что «советский паспорт является важным средством национальной идентификации, указание в нем национальности — дань уважения к нации его владельца».

В 1972 году, когда в Грузии произошла смена на посту первого секретаря ЦК Компартии республики, открывалась возможность для пересмотра отношения руководства республики к национальной проблеме месхетинских турок. В.П. Мжаванадзе в бытность

первым секретарем ЦК (1953–1972) считал невозможным их возвращение. «Во-первых, — говорил он, — земли месхетинцев уже заняты другими, а во-вторых, рядом граница, месхи же занимаются контрабандой, и поэтому пограничники возражают против их возвращения». Попытки одного из руководителей КГБ Ф.Д. Бобкова убедить, что это неверная информация, что такого же мнения придерживается и командующий погранвойсками генерал В.А. Матросов, не возымели никакого действия. Не принималось во внимание и то, что несколько сотен месхетинцев, перебравшихся в соседний Азербайджан, преспокойно живут в пограничных районах. Э.А. Шеварднадзе, когда стал первым секретарем ЦК, «также поддерживал лживую версию, будто против переселения месхетинцев в Грузию возражают пограничники». В результате в Грузию могли вернуться лишь немногие из тех месхетинцев, кто решился изменить свою национальность и стал по паспорту грузином.

В том же 1972 году в Политбюро ЦК КПСС было обращено внимание на книгу одного из его членов, П.Е. Шелеста «Украина наша советская», изданную на украинском языке в Киеве в 1971 году. 30 марта во время заседания Политбюро Брежнев подал несколько реплик по поводу этой книги: «Мол, в этой книге воспевается казачество, пропагандируется архаизм». М.С. Соломенцев обратил внимание: «На Украине много вывесок и объявлений на украинском языке. А чем он отличается от русского? Только искажением последнего. Так зачем же это делать». «Договорился! — писал в своих дневниковых записях Шелест: — Проявил великорусский шовинизм, и все сходит». Соломенцев выступил также против установления гербов городов, против экскурсий и туризма по старинным городам и памятным местам. «Какой позор, — откомментировал Шелест, — отказываться от своей вековой культуры! Чего можно ждать хорошего от такого рода «деятелей»?» В выступлении А.Н. Косыгина прозвучало: «Создание в свое время совнархозов тоже было проявлением национализма... Непонятно, почему на Украине в школах должны изучать украинский язык?... Севастополь испокон веков русский город. Почему и зачем там имеются вывески и витрины на украинском языке?» «Тут, надо сказать, — записал Шелест, — Косыгин совсем договорился до отъявленного великодержавного шовинизма». Однако критике за национализм официально был подвергнут не кто иной, а лидер украинских коммунистов. В журнале «Коммунист Украины» (Киев, 1973. № 4) была опубликована редакционная статья «О серьезных недостатках одной книги». Было дано указание обсудить эту статью и книгу Шелеста на всех городских и областных активах. Книга была изъята из продажи. Шелест пытался переубедить Брежнева: «В части национальной политики я всегда был и остаюсь интернационалистом, но от своего народа, от своей принадлежности к нации, ее культуре, истории, никогда не откажусь: ведь я не Фома безродный». «Я и сейчас утверждаю, — говорил он о своей книге, — что в ней все вопросы изложены правильно, с классовых, идеологических интернациональных и исторических позиций... Зачем же ее было изымать и критиковать в журнале «Коммунист Украины»?». Объяснения не получилось. 27 апреля 1973 года по решению Пленума ЦК КПСС автор книги «пошел на отдых по состоянию здоровья», хотя и считал себя в составе Политбюро «здоровее всех их вместе взятых». Что касается своей руководящей работы, Шелест остался при убеждении: «Когда я был в Киеве, там проводилась «украинизация»».

В 1972 году большой резонанс вызвали похороны Ромаса Каланты, восемнадцатилетнего юноши из Каунаса, совершившего 14 мая самосожжение в знак протеста против «советской оккупации Литвы». Похороны переросли в масштабную манифестацию национального протеста. После попыток властей помешать собравшимся принять участие в похоронах, молодые литовцы направились к месту самосожжения в центр города, скандируя «Свобода!», «Литва!». Произошли столкновения с милицией. На следующий день (19 мая) манифестация возобновилась. В город вошли воинские части. Собравшиеся разошлись после обращения к ним властей и родителей Каланты. Было задержано около 400 человек, 8 участников демонстрации осуждены за участие в «уличных беспорядках».

Национальные проблемы в СССР в 1970-е годы усугублялись вмешательством США.

Один из знатоков этого вопроса, главный редактор издательства «Энциклопедия русской цивилизации» О.А. Платонов пишет в своей книге «Терновый венец России. История русского народа в XX веке» (М., 1997. Т. 2): «В 60–70-е годы ЦРУ усилило финансовые вливания в антирусскую деятельность «Организации украинских националистов» с центром в США. Платные агенты этой организации сумели создать в разных местах Малороссии целый ряд подпольных националистических ячеек, борющихся не столько за сохранение «украинской самобытности», сколько против России. Из небытия вновь были извлечены «сочинения» старых врагов и предателей Русского народа вроде агента австро-германских спецслужб масона М.С. Грушевского. На деньги ЦРУ (и не без помощи его специалистов) в конце 1960-х годов была опубликована книга малороссийского еврея И. Дзюбы «Интернационализм, или русификация», грубо извращавшая существо отношений великороссийской и малороссийской ветвей Русского народа.

Выпущенная западными спецслужбами огромными тиражами, эта книга стала своего рода программой борьбы против Великой и Неделимой России. При поддержке ЦРУ и других западных спецслужб осуществлялось разжигание националистических настроений в Русской Прибалтике. На Эстонию и другие прибалтийские республики, например, работали специальные каналы финского и шведского телевидения, финансово поддерживаемые ЦРУ, постоянно осуществлявшие антирусскую пропаганду, извращавшую российскую историю и истинный характер отношений Русского народа. В прибалтийских республиках распространению антирусских настроений способствовали местные партийные власти, которые совершенно отчетливо проводили политику на обособление групп населения по национальному признаку. В Эстонии, например, оно начиналось с детских садов, которые делились на эстонские и русские, школа строилась по такому же признаку. Даже отдельные предприятия и рабочие коллективы были либо русскоязычные, либо эстонские».

В 1973 году обострилась ситуация вокруг Пригородного района Северной Осетии. 16–19 января тысячи ингушей съехались в Грозный, требуя от властей решения проблемы этого района. В заявлении, переданном властям, перечислялись факты дискриминации ингушского населения в Осетии, главным образом при приеме на работу. Ингуши просили обеспечить им на территории спорного района равные с осетинами права. Демонстрации и митинги продолжались несколько дней. Люди несли портреты Ленина и Брежнева, лозунги с высказываниями вождей об интернационализме и дружбе народов. Демонстранты организовали собственную «службу порядка» и не допускали «антисоветских высказываний». После прибытия М.С. Соломенцева было решено рассмотреть вопрос и не подвергать репрессиям участников выступления. Однако несколько сот молодых ингушей, отказавшихся отправиться домой на предоставленных митингующим автобусах, были разогнаны водой из брандспойтов и милицейскими дубинками.

В 1976 году открывалась возможность решения проблемы советских немцев, выселенных в годы войны из мест своего жительства. С тех пор история их злоключений обросла многими попытками восстановить справедливость. Вот как пишет об этом Ф.Д. Бобков. «С началом Великой Отечественной войны всех немцев переселили на Восток — в Сибирь и Казахстан. Трудно было объяснить, почему их права не были восстановлены после войны... В ФРГ появились центры, которые поддерживали эмиграционные настроения советских немцев... Мы же вели страусову политику, делая вид, будто проблемы вообще не существует. Дело доводило до абсурда. Например, в Казахстане проживало около миллиона немцев, изгнанных с обжитой земли в Поволжье, и этот факт пытались скрыть от советской и мировой общественности. В энциклопедии Казахстана немцы даже не упоминались как национальность в составе населения республики. Там же писалось, что в Акмолинске издается на немецком языке газета «Фройндшафт» («Дружба») и работает немецкий театр. Странно!..Но вот Москву собрался посетить канцлер ФРГ Аденауэр. В ЦК КПСС засуетились, понимая, что советские немцы непременно будут апеллировать к нему. И тогда было принято поистине соломоново решение: из многих тысяч желающих уехать в ФРГ разрешение на выезд получили... около трехсот семей. Точно так же поступали и потом, при

посещении СССР другими высокопоставленными лицами из обоих немецких государств».

5-е Управление КГБ, возглавляемое Ф.Д. Бобковым, вошло в ЦК КПСС с предложением воссоздать немецкую автономию и разрешить немцам выезд на родину. «Вопрос об автономии повис в воздухе, а выезд все-таки разрешили. Немцы стали выезжать. Что здесь началось! «Как же так? Люди уезжают из страны социализма! Уезжают из районов, где есть закрытые предприятия!» (А где их у нас нет?). Управление КГБ предложило еще одно решение: «Создать немецкую автономную область на территории Казахстана... Потому что в противном случае возникла угроза оголить целинный край, который давал хорошие урожаи. Решение Политбюро ЦК КПСС было принято в 1976 году. И тут возникли новые препятствия. В Казахстане инспирировали протест студентов Целиноградского педагогического института, их поддержали ЦК компартии и правительство Казахстана, хотя сами принимали участие в подготовке создания автономии и определили ее административные границы. Дело осложнялось, а выход никто не хотел искать. А он был: восстановить автономию в Поволжье. Руководители Саратовской области охотно шли навстречу, ибо пустовало немало Земель. Несколько тысяч немцев уже возвратились в те места. Но ЦК КПСС на такой вариант не пошел. Решить дело подобным образом — значит поссориться с первым секретарем компартии Казахстана Д.А. Кунаевым: ведь если немцы уедут с целины, эта область лишится рабочих рук. Так и замариновали вопрос... На этой почве у меня произошла стычка с Кунаевым. Он бросил фразу: Ками немцы не хотят автономии, а вы им ее навязываете!» Тогда я обратил внимание на то, что даже в Целинограде студенты выступали не против немецкой автономии вообще, а против ее создания именно в Казахстане».

В январе 1977 года дело дошло до террора на национальной почве. Трое армян, Степанян, Багдасарян и Затикян, являвшиеся членами подпольной националистической партии, приехали в Москву с целью нелегальной борьбы против русских людей. В субботу, 8 января, во время школьных каникул ими были взорваны три бомбы — в вагоне метро, в продмаге и неподалеку от ГУМа на улице 25 Октября. Результатом было 37 погибших и раненых. После неудавшейся попытки взорвать три заряда на Курском вокзале накануне 7 ноября 1977 года преступники были раскрыты.

Характерно, что и в этом случае, чтобы не «компрометировать армянский народ в глазах русских», по указанию первого секретаря ЦК компартии Армении К.С. Демирчяна ни одна газета, выходящая на армянском языке, не опубликовала сообщения о террористическом акте. Документальный фильм о процессе над Затикяном и его сообщниками, снятый во время заседания Верховного суда, было запрещено показывать. Когда же в «Известиях» появилось выступление академика А.Д. Сахарова, который протестовал против якобы незаконного ареста армян (он отказывался верить, что трое террористов могли приехать в Москву совершать убийства), Демирчян бурно возмутился: как смел Сахаров разглашать фамилии преступников, кто дал разрешение редакции печатать этот материал!

На принятую новую Конституцию СССР одними из первых откликнулись футбольные болельщики в Вильнюсе. 7 октября 1977 года, после победы «Жальгириса» над витебской «Двиной», несколько сот зрителей футбольного матча двинулись по улицам города, выкрикивая: «Долой конституцию оккупантов!», «Свободу Литве!», «Русские, убирайтесь вон!» Литовская молодежь срывала плакаты к 60-летию Октября, била витрины с наглядной агитацией. Инцидент закончился с задержанием 17 участников такой своеобразной демонстрации. Через три дня аналогичные события произошли после футбольного матча между «Жальгирисом» и смоленской «Искрой». Теперь уже более десяти тысяч зрителей направились в центр Вильнюса, выкрикивая лозунги против советской оккупации. По ходу движения к ним присоединились еще около 500 человек. Демонстранты прорвали заслон милиции и внутренних войск и вышли на проспект Ленина. Второй, более мощный заслон остановил их движение. Результатом беспорядков стали выбитые стекла в здании ЦККП Литвы, разбитые витрины с политическими плакатами, госпитализация нескольких

милиционеров, задержание 44 человек, исключения студентов из вузов.

После принятия Конституции ситуация в межнациональных отношениях не менялась к лучшему и в других регионах страны. Своеобразие и острота ситуации показана в названной выше книге О.А. Платонова. «Отток ресурсов Русского народа в национальные регионы СССР, — пишет он, — сильно ослабил главную нацию, резко ухудшил ее материальное положение. Вместо строительства фабрик и заводов, дорог и телефонных станций, школ, музеев, театров в Центральной России ценности, созданные руками русских, обеспечивали условия для преимущественного развития других народов (и прежде всего их правящих слоев). В результате в национальных республиках возникает значительное количество людей, живущих на нетрудовые доходы, за счет спекуляций и махинаций ресурсами Русского народа. Именно в этой среде постепенно формируются и переплетаются между собой мафиозные кланы, «опекающие» разного рода «теневики» и «цеховики», и националистические организации (всегда связанные с западными спецслужбами). Весьма характерно, что чем больше та или иная национальная республика неоправданно потребляла за счет ресурсов Русского народа, тем сильнее были ее мафиозные и националистические организации (Грузия, Армения, Азербайджан, Таджикистан, Эстония). В Грузии мафиозные и националистические организации, тесно переплетенные между собой, стали влиятельной силой общества, а их лидеры — образцом для подражания молодежи, особенно студенческой... Не лучшее положение сложилось и в Армении. Здесь мафиозно-националистические кланы уделяли особое внимание «воспитанию» молодежи. Армянским детям и подросткам с малых лет внушали идеи об исключительности армянской нации. Многие армяне к зрелому возрасту становились убежденными националистами, причем с антирусской направленностью, которую они получали не без помощи широко разветвленной подпольной националистической организации дашнаков, руководящие центры организации находились в США и финансировались ЦРУ».

Противоречия в национальной сфере проявилось при принятии в 1978 года на основе Конституции СССР новых республиканских конституций. Чтобы отразить процесс «сближения» наций, из проектов конституций закавказских союзных республик по предложению центра исключили статьи о государственном языке, которые были в прежних конституциях. Эта «новация» вызвала волну открытого протеста со стороны студенчества и интеллигенции в Грузии. Статьи пришлось сохранить и в конституциях Азербайджана и Армении, невзирая на то, что в союзной конституции аналогичной записи не было, не было таких статей и в конституциях всех остальных союзных республик.

Волнения по поводу государственного языка начались в Грузии. Проект новой Конституции республики не содержал записи о грузинском языке как государственном. И как только сессия Верховного Совета Грузии приняла 14 марта 1978 года соответствующую статью Конституции в новой редакции, в Тбилиси были немедленно организованы демонстрация и митинг с требованием сохранения записи о государственном статусе грузинского языка. Перед Домом правительства, окруженным войсками, собралось более десяти тысяч человек, в основном студентов. К митингующим вышел Э.А. Шеварднадзе и пообещал удовлетворить их требование. Под давлением митинга чрезвычайная сессия Верховного Совета республики приняла решение оставить статью о языке «без изменений». В тексте опубликованной Конституции слова о русском языке были вычеркнуты, а грузинский объявлялся единственным государственным языком.

Отказ грузин признать равноправными государственными языками грузинский и русский вызвал немедленную националистическую реакцию и в Армении. Несмотря на то, что эта статья Конституции была уже принята, армяне, по примеру Грузии, дали обратный ход и признали государственным только армянский язык.

Весной 1978 года состоялись митинги абхазцев в различных населенных пунктах автономной республики с требованиями придания государственного статуса абхазскому языку, прекращения миграции в республику грузин, отделения от Грузии и вхождения в состав РСФСР. Уступкой требованиям абхазов стало включение в конституцию автономной

республики положения о введении в Абхазии трех государственных языков: абхазского, русского и грузинского.

В декабре 1978 года прошла демонстрация немцев-«отказников» в Душанбе с требованием разрешить им покинуть страну. Демонстранты прошли от гостиницы «Таджикистан» до здания Верховного Совета с плакатом «Отпустите нас на родину». Перед собравшимися выступил первый секретарь горкома и пообещал увеличить число разрешений на выезд. Обещание было выполнено.

Весной 1979 года достигли пика автономистские настроения немцев в Казахстане. Руководители республики обещали решить вопрос. Была определена территория будущей автономии, названа ее столица (г. Ерментау, на востоке Целиноградской области), выбрано здание обкома, намечен его состав, оставалось лишь провозгласить образование автономной области, намеченное на 15 мая 1979 года. Однако утром этого дня в Целинограде состоялась манифестация казахского населения против решения властей в Москве и Алма-Ате о создании в Казахстане немецкой автономии. Манифестация проходила под лозунгами: «Казахстан неделим!», «Нет немецкой автономии!» Пришлось просить активистов автономистского движения «подождать» с провозглашением их национально-территориального образования. Казахских участников демонстрации первый секретарь обкома успокоил сообщением о том, что автономию никто не собирается учреждать, вопрос о ней никогда даже и не стоял. Выступления студентов негласно поддерживались республиканским руководством. И лишь спустя многие годы, в июле 1987 года, при обсуждении в ЦК КПСС вопроса «О работе Казахской республиканской партийной организации по интернациональному и патриотическому воспитанию трудящихся» было сказано: «Серьезные ошибки и просчеты в работе партийных комитетов республики привели к росту националистических проявлений, которые своевременно не пресекались, более того, замалчивались как обычное хулиганство. Даже имевшим место в 1979 году в г. Целинограде националистическим выступлениям ЦК Компартии Казахстана не дал острой политической оценки. Проявлением казахского национализма были и беспорядки в декабре прошлого года в Алма-Ате» (Правда. 1987.16 июля).

Осень 1980 года стала временем молодежных беспорядков в Эстонии. 22 сентября, после отмены выступления молодежного поп-оркестра «Пропеллер», назначенного на таллинском стадионе после футбольного матча, около тысячи эстонских школьников вышли на улицы с протестом против этого решения. Концерт был отменен в связи с обнаружением в текстах песен «Пропеллера» «националистических мотивов». Демонстрация была разогнана Милицией, несколько старшеклассников исключены из школ. 1 и 3 октября милиции пришлось разгонять более чем тысячную демонстрацию протеста против исключений из школ. Демонстранты размахивали флажками независимой Эстонии, выкрикивали лозунги «Свободу Эстонии!», «Русские — вон из Эстонии!». 7 и 8 октября последовали новые демонстрации протеста в Таллине (несколько сот участников), а 10 октября — молодежные демонстрации в Тарту и Пярну. Среди прочих выдвигалось требование отставки русского министра образования Эстонии. 11 октября министр внутренних дел республики предостерег от продолжения выступлений. По школам были проведены родительские собрания, родителям «бунтовщиков» грозили увольнением с работы. В результате всех этих событий из школ было исключено около 100 учащихся, несколько человек были осуждены за «хулиганство».

Вызревание организованного недовольства властным режимом. Диссидентство и его разновидности

Идейную и организационную оппозицию власти в условиях «развитого социализма» составляли разномастные в идейном отношении диссидентские движения. Основные диссидентские течения обнаруживали идейное родство с известными с середины XIX в. славянофилами, западниками и социалистами. С учетом реалий второй половины XX

столетия это были русофильские (почвеннические) течения в их консервативном и либеральном вариантах и новые западники. Разновидностями последних течений были либерально-демократические, социально-демократические и еврокоммунистические потоки. В диссидентстве различались также националистические, религиозные, экологические и другие течения. Известное единство движению в целом придавало активное неприятие захваченных движением людей сложившихся в стране порядков, стремление к свободе и правам человека. Со временем движение приобретало все более выраженные черты антикоммунизма и антисоветизма. Именно с этой, наиболее радикализированной частью диссидентского движения в конце 1980-х годов объединилась значительная часть партийно-советской элиты.

В первые годы перестройки власти сохраняли в основном настороженное отношение к бывшим диссидентам, представляя их как бравивирующих одиночек, склонных к экстремизму и риторике честолюбцев, не обладавших достаточной настойчивостью, терпением и талантом, чтобы действовать на официально признанном поприще. Отношение изменилось в период, когда власть сама встала на путь обличения своих пороков. В 1989–1993 годах бывшие диссиденты зачастую представлялись уже героями и авторами новой общественной этики. И хотя далеко не все из них поддержали новую власть, их программные лозунги, по существу, стали официальными. Объединение власти с «широкой общественностью» в едином стремлении кардинально «исправить» пороки социалистического строя стало главной причиной ликвидации строя и разрушения СССР.

В 1994 году Администрация президента РФ издала материалы научно-практической конференции, приуроченной к 73-летию со дня рождения А.Д. Сахарова. В книге «Слово о Сахарове» помещено обращение Б.Н. Ельцина. Выступивший на конференции руководитель Администрации президента С.А. Филатов целиком отождествлял существующую власть с участниками возглавляемой Сахаровым ветви диссидентства и с теми его учениками, «кто взял на себя тяжкую обязанность реализовать многое из того, о чем Андрею Дмитриевичу мечталось». «Тем большая ответственность, — говорил Филатов, — лежит на нас, на людях, кому выпало сегодня осуществить то, о чем мечтал Андрей Дмитриевич Сахаров... Да помогут нам выполнить эту нелегкую миссию опыт Сахарова, мысли Сахарова, идеи Сахарова и чувства Сахарова». Такие исполненные в культовой манере речи красноречиво характеризуют официальную оценку исторической роли одного из диссидентских течений.

В диссидентстве социал-демократического направления, смыкавшегося с либеральными течениями в неприятии национально-патриотической перспективы развития страны, наибольшую известность приобрели братья — историк и биолог Р.А. и Ж.А. Медведевы. Под их влиянием зарождалось вольномыслие А.Д. Сахарова.

Из национально-либеральных, почвеннических течений общественной мысли и диссидентства наибольшим антисоветизмом выделялись А.И. Солженицын и И.Р. Шафаревич. Менее радикальными были разрозненные национально-патриотические течения консервативно-государственнического и социально-культурного склада, лидерами которых были И.В. Огурцов, В.Н. Осипов, Л.И. Бородин и др. В «реальном социализме» они не видели почти ничего ценного, но и не поддерживали диссидентов, которые «целились в коммунизм, а стреляли в Россию».

Начиная с середины 1960-х годов, в диссидентском движении выделяется несколько этапов: становление (1964–1972), кризис (1973–1974), международное признание и расширение деятельности (1974–1979), сужение движения под ударами репрессий 1980–1985).

Р.А. Медведев с 1964-го по 1970 год ежемесячно выпускал тиражом 20–40 экземпляров самиздатские материалы, изданные в 1972 году в Амстердаме под названием «Политический дневник». К 1968 году он закончил работу над книгой «К суду истории», в которой рассматривал преступления Сталина. В 1969 году за эту книгу он был исключен из КПСС. В 1971 году книга была издана за рубежом. В 1972 году там же была опубликована другая его книга «Социализм и демократия». Книги и дневник принесли автору широкую известность

«независимого специалиста» по вопросам внутренней и внешней политики СССР.

Либеральное западничество дало о себе знать изданием в 1965 году в Москве самиздатского журнала «Сфинксы» (редактор Тарсис), публикацией за рубежом и распространением в СССР гротескно-сатирических повестей о социальных и психологических феноменах тоталитаризма А.Д. Снявского («Суд идет», 1959; «Любимов», 1963), и Ю.М. Даниэля («Говорит Москва», 1962; «Искушение», 1964). «Литературная газета» назвала эти произведения, опубликованные под псевдонимами А. Терц и Н. Аржак, самой настоящей антисоветчиной, вдохновленной ненавистью к социалистическому строю. КГБ квалифицировал их как «особо опасные государственные преступления». В сентябре 1965 года писателей арестовали.

5 декабря 1965 года на Пушкинской площади в Москве состоялась первая за многие десятилетия несанкционированная демонстрация под правозащитными лозунгами: «Требуем гласности суда над Снявским и Даниэлем», «Уважайте Советскую Конституцию — наш основной закон!». Одним из организаторов демонстрации был математик и поэт А.С. Есенин-Вольпин (сын поэта А. Есенина). Этот день принято считать началом правозащитного движения в СССР.

В феврале 1966 года Тарсис, выехавший в Англию, был лишен советского гражданства; в Москве состоялся суд над Даниэлем и Снявским, обвиненными по статье 70 УК РСФСР «антисоветская агитация и пропаганда, направленная на подрыв или ослабление Советской власти». Представители творческой и научной интеллигенции направили в защиту обвиняемых 22 письма. Подписали их 80 человек, главным образом члены Союза писателей (более 60). Одними из первых на защиту выступили В. Аксенов, Г. Владимов, А. Вознесенский, В. Войнович, А. Гладилин. Подключившиеся к защите осужденных А.И. Гинзбург, редактор журнала «Синтаксис» (1959–1961), и поэт Ю. Галансков (первый составил сборник документов по делу опальных писателей, второй включил в самиздатский альманах «Феникс-66» «криминальную» статью Снявского «Что такое социалистический реализм») были, в свою очередь, арестованы. Их осуждение вызвало новую петиционную кампанию в начале 1968 года.

Наиболее известными событиями истории либерального диссидентского движения стали: суд над 21 участником Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа (ВСХСОН) — крупнейшей за историю движения подпольной организации во главе с И.В. Огурцовым (февраль — декабрь 1967 г.), и начало (апрель 1968 г.) выпусков самиздатского правозащитного бюллетеня «Хроника текущих событий».

Ядро ВСХСОНа сложилось в 1962 году. Организационно оно оформилось 2 февраля 1964 года. В этот день выпускник восточного факультета Ленинградского государственного университета И.В. Огурцов прочел своим давним друзьям лингвисту М.Ю. Садо, филологу Е.А. Вагину и студенту-юристу Б.А. Аверичкину Программу военно-политической организации «Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения народа», создаваемой для организованной борьбы с существующим строем. Через два месяца четверо учредителей распределили между собой обязанности по организации. Огурцов стал ее руководителем, Вагин — идеологом, бывший десантник и чемпион Ленинграда по классической борьбе Садо отвечал за работу с личным составом и контрразведкой, Аверичкин стал хранителем архива и списков организации. Была разработана присяга, которую принимал каждый вступающий в союз. Новым членам говорилось, что они вступают в организацию, объединяющую тысячи людей по всей стране. Член организации, директор школы в Лужском районе Ленинградской области Л.И. Бородин (ныне известный писатель, с 1992 г. редактор журнала «Москва») полагал, что по делу союза в 1967 году только в Ленинграде было арестовано не меньше пятисот человек.

Структура ВСХСОНа сначала состояла из троек, которые потом стали объединяться во взводы. В каждом подразделении имелась своя библиотека, насчитывающая 30 обязательных для самообразования работ Политической основой ВСХСОНа был симбиоз идей Бердяева о социал-христианстве и взглядов, изложенных в книге М. Джиласа «Новый класс».

Программа организации совершенствовалась по мере обнаружения неизвестных ранее ВСХОНовцам произведений Бердяева. Ее окончательный вариант был подготовлен к началу 1965 года. Тогда же был написан устав организации. Программа предполагала создание православного корпоративного государства, допущение частной собственности и контроль государства над основными отраслями промышленности. В отличие от московских групп, самиздат союза представлял собой уже не самодельные листовки с призывами вроде «Люди, не верьте коммунистам», а детализированные политические документы, исторические и искусствоведческие сочинения, профессиональную поэзию. Ленинградцы имели довольно многочисленные контакты с другими подпольными и легальными группами инакомыслящих. Члены союза активно искали подходящие кандидатуры среди других подпольных групп. Большинство членов одной из них — «Союза защиты демократических свобод», вошло во ВСХСОН. Помимо этого, члены союза сумели установить контакты с редакцией журнала «Вестник РСХД» (Париж) и польскими антикоммунистами и получали от них литературу.

Деятельность союза была раскрыта в феврале 1967 года по доносу одного из его участников — Александра Гидони. К этому времени союз насчитывал 28 членов и 30 кандидатов и был самой крупной подпольной группой, раскрытой КГБ за послесталинский период. По делу организации был осужден 21 человек, по стране в этой связи было допрошено около 100 свидетелей. Приговор суда над лидерами союза, обвиняемыми по статьям 64 (измена Родине) и 72 (создание антисоветской организации) Уголовного кодекса РСФСР, был оглашен в начале декабря 1967 года. Огурцову дали 15 лет лагеря (семь из них он должен был провести в тюрьме) и 5 лет ссылки, Садо — 13 лет, из них 3 года тюрьмы, Вагину и Аверичкину — по 8 лет. Весной следующего года были осуждены 17 рядовых членов организации.

Известный диссидент, представитель русского национально-освободительного движения В.Н. Осипов не без оснований считает, что ВСХСОН по сути был организационно оформленным «бердяевским кружком» интеллигентов, занимающихся самообразованием. Союз был выражением идущих со времен войны необратимых изменений в духовной жизни и, в частности, растущего интереса к произведениям русских философов — дореволюционных и вынужденных эмигрантов — В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, И.А. Ильина, Г.П. Федотова, к трудам дореволюционных русских историков В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, Н.И. Костомарова, В.О. Ключевского и других.

Самиздатский правозащитный бюллетень «Хроника текущих событий» начал издаваться в апреле 1968 года и выпускался на протяжении 15 лет. Последний 64-й номер «Хроники» вышел в 1983 году. Ее составители (московская поэтесса и переводчица Н. Горбаневская и другие) стремились фиксировать все случаи нарушения прав человека в СССР, а также выступлений в защиту этих прав. Хроника содержала информацию о движениях национальных (крымских татар, месхов, прибалтов), религиозных (православных, баптистов) и др.

За издание и распространение Хроники в декабре 1974 года был арестован и осужден на семь лет заключения в лагере строго режима и три года ссылки кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Московской рыбоводно-мелиоративной опытной станции С.А. Ковалев. Впоследствии он стал депутатом Государственной Думы Федерального собрания РФ, в 1993–1996 годах был членом Президентского совета, уполномоченным Государственной Думы по правам человека.

Большую роль в развитии диссидентства сыграли публикация в самиздате в июне 1968 года работы А.Д. Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (либерально-западническая программа движения и фактически план первого этапа горбачевской «перестройки»), демонстрация протеста против ввода войск в Чехословакию (25 августа 1968 г.) и суд над ее участниками (октябрь 1968 г.), исключение в ноябре 1969 года А.И. Солженицына из Союза писателей СССР за публикацию на Западе романов «В круге первом» и «Раковый корпус» и присуждение ему Нобелевской премии по

литературе (1970).

«Нобелевская лекция» Солженицына стала выражением либерального почвеннического направления в движении. В этой связи он писал: «Когда в Нобелевской лекции я сказал в самом общем виде: «Нации — это богатство человечества...» — это было воспринято всеобщеподобительно... Но едва я сделал вывод, что это относится также и к русскому народу, что также и он имеет Право на национальное самосознание, на национальное возрождение после жесточайшей и суровой болезни, — это было с яростью объявлено великодержавным национализмом... За русскими не предполагается возможность любить свой народ, не ненавидя других». Свою идеологию писатель неоднократно определял не как национализм, а как национальный патриотизм.

Летом 1970 года у трапа пассажирского самолета, курсировавшего из Ленинграда в Приозерск, были арестованы 12 человек, намеревавшихся захватить самолет и использовать его для вылета в Израиль. Суд над «самолетчиками», безуспешно добивавшимися разрешения на эмиграцию, закончился вынесением суровых приговоров зачинщикам этой террористической акции и арестами среди сионистской молодежи в ряде городов страны. Однако вся эта история, вместо того чтобы пресечь эмиграцию, привлекла внимание мировой общественности к проблеме свободы выезда из СССР. Властям пришлось пойти на уступки и с каждым годом увеличивать количество разрешений на выезд. С 1967 года, когда Андропов стал председателем КГБ (это ведомство было одним из главных в изучении и разрешении еврейского вопроса в стране) и до его смерти в 1982 году, из СССР эмигрировало около 100 тысяч евреев. Согласно переписям населения, численность еврейского населения в СССР сократилась с 2151 тысячи человек в 1970 году, до 1762 тысяч в 1979 году и до 1154 тысяч в 1989 году.

Громкий «самолетный процесс» не мог не привлечь внимания властей и общественности к проблеме еврейского национализма и сионизму как одной из форм его выражения. При выработке международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации в 1973 году представители некоторых государств в ООН пытались осудить антисемитизм, но возражали против предложения советской делегации отнести к расовой дискриминации как антисемитизм, так и сионизм. На XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН в резолюции от 14 декабря 1973 года впервые проводилась аналогия между южноафриканским расизмом и сионизмом. Широкая дискуссия вокруг этих проблем была развернута представителями развивающихся стран на XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Особенной резкостью отличались выступления представителей Судана и Уганды. Президент Уганды И. Амин Дада, осуждая постоянную поддержку Израиля Соединенными Штатами, объяснял ее тем, что «такая могущественная нация, как Соединенные Штаты Америки, находится во власти сионистов». СССР способствовал принятию в ООН внесенного проекта резолюции, осуждающего сионизм. 10 ноября 1975 года резолюция 3379 была принята вопреки попыткам представителей Израиля и США не допустить этого. Она определяла, что «сионизм является формой расизма и расовой дискриминации». После упразднения СССР резолюция была отменена.

Процесс над угонщиками самолета показывал, что значительная часть «правозащитников» использовала правозащитную идею для прикрытия воинствующего национализма и других далеких от прав человека идей. Позднее об этом откровенно поведала известная «правозащитница» В.И. Новодворская: «Я лично правами человека накушалась досыта. Некогда и мы, и ЦРУ, и США использовали эту идею как таран для уничтожения коммунистического режима и развала СССР. Эта идея отслужила свое, и хватит врать про права человека и про правозащитников» (Правда. 1994. 30 нояб.).

Однако именно в 1970-е годы правозащитное движение становится одним из главных составляющих диссидентского движения в СССР, В ноябре 1970 года В.Н. Чалидзе создал Комитет защиты прав человека, куда вошли академик А.Д. Сахаров и член-корреспондент АН СССР И.Р. Шафаревич. Комитет действовал до 1973 года. В 1973 году возникла русская секция «Международной амнистии». Ее председателем стал доктор физико-математических

наук В.Ф. Турчин, секретарем — молодой физик из академического Института информации А.Н. Твердохлебов.

В диссидентском движении большой удельный вес занимала еврейская проблематика. Актуализации проблемы во многом способствовало выступление известного кинорежиссера М.И. Ромма на конференции «Традиции и новаторство в искусстве социалистического реализма», проходившей в стенах Всероссийского театрального общества 27 ноября 1962 года. Пятикратный лауреат Сталинской премии впервые публично и недвусмысленно высказался об известной кампании против «космополитов» (конца 1940-х годов, утверждая, что она была создана искусственно, носила антисемитский характер и по существу сводилась к избиению писательских кадров. Виновниками этого «избиения» назывались здравствующие «антисемиты» Н.М. Грибачев, В.А. Кочетов, А.В. Софронов и «им подобные». Они же, по мнению Ромма, проводили открытую диверсию против всего нового и яркого в Кинематографе. Выступление произвело сенсацию в интеллигентской среде, его текст широко разошелся в списках по Москве, став одним из первых документов самиздата. ЦК КПСС по существу уклонился от рассмотрения жалоб названных писателей, избранных в высшие партийные органы, сохранив тем самым двусмысленность своего отношения к ситуации. А.И. Солженицын полагает, что выступление Ромма имело очень большое значение для дальнейшего развития диссидентского движения. С этого момента Ромм «стал как бы духовным лидером советского еврейства. И с тех пор евреи дали значительное пополнение «демократическому движению», «диссидентству» — и стали при том отважными членами его».

«Пополнение» было столь значительным, что позволяло некоторым говорить о диссидентстве в целом как о преимущественно еврейском движении. «Все евреи — диссиденты, все диссиденты — евреи» — эти слова были распространенным присловьем в Интеллигентских кругах (С.Н. Семанов). Однако, наиболее существенным в этой ветви диссидентства было то, что оно в основном Противоречило русскому началу. Говоря об этом, публицист Татьяна Глушкова отмечала: «Здесь никогда не было опоры на традицию, национальную традицию (и тем самым культуру), а на одни лишь «хельсинкские» и тому подобные соглашения... Мы увидим борьбу с точки зрения западных ценностей, не менее, а более чуждых, враждебных русскому духу, чем даже здешний коммунистический интернационализм или атеизм». Диссидентство, сопровождавшееся оживлением сионизма в Советском Союзе, стало дополнительной пищей для антисемитизма, также оживившегося к 70-м годам.

(Окончательный переход подавляющей части бывшего советского еврейства после распада СССР с позиций глобалистов коммунистического Третьего интернационала на позиции безоговорочной поддержки глобалистов США в их праве мироустроить нашу планету по американскому образцу таит в себе немалую опасность. «Представим себе, — пишет один из известных современных российских философов А.С. Панарин в своей книге «Искушение глобализмом» (М., 2000), — что евреи в большинстве стран, еще сопротивляющихся глобальным имперским притязаниям США, обретают в глазах местного населения стойкую репутацию американской «пятой колонны», а американская затея все же лопнет: не пахнет ли это очень большим риском для тех, кто так преждевременно и безоглядно связал свою судьбу с нею?»).

Летом 1972 года были арестованы известные диссидентские деятели П. Якир (сын репрессированного в 1937 году командарма ИЗ. Якира) и В. Красин (внук известного политического деятеля Л.Б. Красина). В ходе следствия арестованные согласились сотрудничать с КГБ. Результатом этого стали широкая волна новых арестов и заметное затухание диссидентского движения. Его новый подъем был во многом связан с появлением на Западе в 1973 году, а затем и в самиздате солженицынского «опыта художественного исследования» государственной репрессивной системы под названием «Архипелаг ГУЛАГ», его статьи «Жить не по лжи».

5 сентября 1973 года А.И. Солженицын написал «Письмо вождям Советского Союза», в

котором предлагал выход из двух главных опасностей, угрожающих нам в период ближайших 10–30 лет, — войны с Китаем и общей с Западной цивилизацией гибели в экологической катастрофе. Предлагалось ни много, ни мало, а отказаться от марксистской идеологии, «отдать ее Китаю». «Темный вихрь» этой идеологии, по словам писателя, «налетел на нас с Запада... и если теперь сам утягивается дальше на Восток — так пусть утягивается, не мешайте!». Самим же нам предлагалось разумно, по опыту Сталина от первых дней Отечественной войны, развернуть «старое русское знамя, отчасти даже православную хоругвь» и уже не повторять ошибки конца войны, когда мы «снова вытащили Передовое Учение из нафталина». Предлагалось перенести все усилия государства «с внешних задач на внутренние», отказаться от водки как важнейшей статьи государственного дохода, отказаться от «многих видов промышленного производства с ядовитыми отходами», «освободить русскую юность от обязательной всеобщей воинской повинности», ориентироваться на строительство «рассредоточенных городов, мягких для человека», признать на обозримое будущее необходимым для России не демократический, а «авторитарный строй», отказаться «от невыполнимых и ненужных нам задач мирового господства», и многое другое. Все это писатель полагал возможным осуществить за 3–10 лет.

По изучении письма «вожди» в январе 1974 года решили привлечь писателя к уголовной ответственности «за злостную антисоветскую деятельность», а затем — лишить гражданства и выдворить за пределы страны. Писателя арестовали, поместили в Лефортовскую тюрьму, а 13 февраля выслали за границу. В Швейцарии он основал Русский фонд помощи заключенным, первым распорядителем которого стал освободившийся из заключения А. Гинзбург. Помогать было кому. За 1967–1974 годы к уголовной ответственности за антисоветскую агитацию и пропаганду было привлечено 729 диссидентов.

В 1974 году А.Д. Сахаров написал работу «Тревога и надежды», в которой стране и миру было представлено видение академиком будущего мировой цивилизации, возможное только при условии предотвращения мировой ядерной конфронтации. Лучшим способом избежать этого он полагал конвергенцию двух систем. «Я считаю, — писал он, — особенно важным преодоление распада мира на антагонистические группы государств, процесс сближения (конвергенции) социалистической и капиталистической систем, сопровождающийся демилитаризацией, укреплением международного доверия, защитой человеческих прав, закона и свободы, глубоким социальным прогрессом и демократизацией, укреплением нравственного, духовного личного начала в человеке. Я предполагаю, что экономический строй, возникший в результате этого процесса сближения, должен представлять собой экономику смешанного типа, соединяющую в себе максимум гибкости, свободы, социальных достижений и возможностей общемирового регулирования».

Последующие работы говорят о большом своеобразии представлений Сахарова о способности СССР внести какой-либо вклад % конвергенцию. Об истории своей страны академик писал, что она «полна ужасного насилия, чудовищных преступлений», «пятьдесят лет назад рядом с Европой была сталинская империя — сейчас советский тоталитаризм». Он выступал против постановки Темы о страданиях и жертвах русского народа, которые выпали его долю в истории. Сахаров полагал, что ужасы Гражданской войны и раскулачивания, голод и репрессии в равной мере коснулись и русских и нерусских народов, а такие акции, как насильственная депортации, геноцид и подавление национальной культуры — «привилегия именно нерусских». Сахаров не соглашался с утверждениями Солженицына о том, что дореволюционная Россия жила, «сохраняя веками свое национальное здоровье». Вслед за западниками и русофобами он повторял: «Существующий в России веками рабский, холопский дух, сочетающийся с презрением к иноземцам и иноверцам, я считаю не здоровьем, а величайшей бедой». Сахаровское отношение к стране отличало выдвижение им на первый план права на эмиграцию. Свободный выезд из своей страны он считал самым главным демократическим правом ее граждан.

В телеграмме Сахарова президенту США Дж. Картеру в 1976 году выражалась

уверенность, что «исполненная мужества и решимости... первая страна Запада — США — с честью понесет бремя, возложенное на ее граждан и руководителей историей». В интервью «Ассошиэйтед Пресс» в том же году было заявлено: «Западный мир несет на себе огромную ответственность в противостоянии тоталитарному миру социалистических стран». В проекте «Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии» (декабрь 1989 г.) Сахаров предлагал конституционно закрепить положение о том, что создаваемый Союз «в долгосрочной перспективе» стремится «к встречному плюралистическому сближению (конвергенции) социалистической и капиталистической систем, как к единственному кардинальному решению глобальных и внутренних проблем. Политическим выражением такого сближения должно стать создание в будущем Мирового правительства». В свете приведенных выше заявлений видно, какое правительство было способно с честью нести бремя руководства миром.

Суждения «отца водородной бомбы» производили большое впечатление в стране и мире. Однако один лишь М.С. Горбачев со временем положил их в основу курса внутренней и внешней политики государства, считая возможным начать конвергенцию в одностороннем порядке.

В декабре 1975 года А.Д. Сахаров стал третьим советским диссидентом, удостоенным Нобелевской премии. Этот акт наряду с высылкой из страны нобелевского лауреата А.И. Солженицына (февраль 1974) принес диссидентскому движению в СССР широкую международную известность. Позднее лауреатом Нобелевской премии стал осужденный в Ленинграде в феврале 1964 года за «злостное тунеядство» диссидентствующий поэт И.А. Бродский.

В 1972 году он эмигрировал в США. Там он продолжал писать (по-русски и по-английски) стихи, принесшие ему широкую известность и премию (1987).

Расширению известности диссидентского движения способствовала деятельность Р.А. Медведева. В 1975–1976 годах он редактировал самиздатский журнал «XX век», десять номеров которого вышли в СССР, два из них были переизданы в Лондоне.

После заключения Хельсинкских соглашений (август 1975 г.) была создана Московская группа содействия выполнению гуманитарных статей этих соглашений (май 1976 г.). В нее вошли член-корреспондент Армянской академии наук Ю.Ф. Орлов (руководитель) и еще 10 человек: Л. Алексеева, М. Бернштам, Е. Боннэр, А. Гинзбург, П. Григоренко, А. Корчак, М. Ландау, А. Марченко, В. Рубин, А. Щаранский. Вскоре подобные группы возникли на Украине, в Грузии, Литве и Армении. В январе 1977 года при Московской Хельсинкской группе была образована рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях, одним из ее основателей стал А. Подрабинек. В феврале 1977 года, оказавшись перед перспективой расширения оппозиции, власти перешли к репрессиям против участников Хельсинкских групп.

Неблагоприятные тенденции общественного развития, скептическое отношение населения к официальной пропаганде стали причиной нарастающего отчуждения масс от творцов политики. «Застой» усиливал оппозиционные и диссидентские настроения в обществе. Постоянно давало о себе знать недовольство национальной политикой. Выступления на почве межнациональных отношений происходили почти во всех регионах страны — Казахстане и Средней Азии, Прибалтике и Закавказье, в автономиях России.

Официальные власти считали, что одна из главных опасностей для государства исходит от диссидентства. Стремясь придушить усилившуюся с началом участия советских войск в гражданской войне в Афганистане напряженность общественной жизни, власти ужесточили репрессии против диссидентов. В конце 1979 — начале 1980 года были арестованы и сосланы почти все лидеры и активные участники не только правозащитных, но и оппозиционных властям национальных и религиозных организаций. А.Д. Сахаров за выступление против войны в Афганистане январе 1980 года был лишен всех правительственных наград и выслан в г. Горький.

Через полтора года заместитель председателя Комитета государственной безопасности

С.К. Цвигун объявил со страниц партийного печатного органа, что антиобщественные элементы, маскировавшиеся под поборников демократии, обезврежены, правозащитное движение перестало существовать (Коммунист. 1981. № 14).

По данным КГБ, в 1957–1985 годах за антисоветскую агитацию и пропаганду и за распространение заведомо ложных сведений, порочащих советский государственный и общественный строй, было осуждено 8124 человека. Поименные данные об осужденных приведены в книге «58–10. Надзорные производства прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953–1991» (М., 1999). В ней представлена наиболее репрезентативная информация о диссидентах и победах над ними репрессивных государственных органов. Однако, как показали события, последовавшие за 1985 годом, победа над диссидентством оказалась эфемерной.

Горбачевская «перестройка» в полной мере выявила значимость движения. Оказалось, что открытая борьба нескольких сот инакомыслящих против пороков существовавшего режима власти вызывала сочувствие неизмеримо более широкого круга сограждан. Противостояние свидетельствовало о глубочайших противоречиях в обществе и пропасти, отделявшей власть от общества. Идеи диссидентов широко популяризировались мировыми средствами массовой информации. Один только Сахаров в 1972–1979 годах, по данным КГБ, провел 150 пресс-конференций, готовил передачи для 1200 передач иностранного радио. Вместе с «Голосом Америки» и другими СМИ диссиденты составляли «систему с сильнейшим кооперативным эффектом» (С.Г. Кара-Мурза). Диссидентам в Советском Союзе активно содействовало американское ЦРУ. Известно, например, что к 1975 году это управление разными способами участвовало в издании на русском языке более чем 1500 книг русских и советских авторов. Все это на несколько порядков увеличивало силу собственно диссидентской составляющей. По оценкам Ю.В. Андропова, относящимся к концу 1975 года, в Советском Союзе насчитывались сотни тысяч людей, которые либо действуют, либо готовы (при подходящих обстоятельствах) действовать против советской власти. Имелись таковые и в составе партийно-государственной элиты советского общества.

Процесс «помилования» участников диссидентского движения в СССР начался накануне советско-американской встречи на высшем уровне в Рейкьявике, в ходе которой (11–12 октября 1986 года), как рассказал позднее в своих мемуарах Р. Рейган, он с изумлением услышал от М.С. Горбачева о согласии антисоветской части московской элиты на развал СССР. 9 октября 1986 года была «помилована» поэтесса И. Ратушинская. 30 октября, после переговоров Горбачева и Миттерана по ходатайству французской стороны был освобожден педагог и коллекционер Г. Михайлов. В конце 1986 года Е. Лигачев, В. Чебриков и Г. Марчук направили в адрес Горбачева предложение, в котором говорилось, что «принятые превентивные меры в отношении Сахарова в определенной мере себя оправдали — он вернулся к научной деятельности», поэтому «представляется возможным в настоящее время решить вопрос о возвращении Сахарова в Москву», поскольку это «обойдется меньшими издержками, нежели продолжение его изоляции в Горьком». В 1987 году было прекращено дело А. Патацкаса, привлеченного к ответственности за выпуск в 1983 г. двух нелегальных сборников под названием «Будущее Литвы». В этой связи прокуратура приняла характерное постановление. В нем значилось: дело прекращено, так как «в свете происходящих перемен в жизни советского общества», личность Патацкаса «перестала быть общественно опасной и применение в отношении его уголовно-правовых мер является нецелесообразным». Согласно утверждению члена коллегии Прокуратуры СССР В.И. Андреева, в конце 1988 года Президиумом Верховного Совета СССР были помилованы все лица, осужденные за «антисоветскую агитацию и пропаганду, распространение заведомо ложных измышлений, порочащих государственный и общественный строй», «нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви и посягательство на личность и право граждан под видом исполнения религиозных обрядов». 15 августа 1990 года был восстановлен в советском гражданстве А.И. Солженицын. Известные в прошлом диссиденты А.Д. Сахаров, Р.И. Пименов (осужденный в 1970 году за распространение

заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй), М.М. Молоствов (осужденный в 1958 году Ленинградским судом по ст. 58 УК) и другие были избраны народными депутатами. В 1990 году в память жертв тоталитаризма по инициативе «Мемориала» и при поддержке Моссовета был установлен Соловецкий камень в сквере на Лубянке.

Спуск советского государственного флага СССР с флагштока над куполами Кремля 25 декабря 1991 года, если смотреть на это событие через призму антисоветского диссидентства, означает: на позиции движения перешли по существу главные силы бывшего партийного и государственного руководства СССР. Они стали движущей силой номенклатурной революции 1991–1993 годов, когда моментально, по историческим меркам, были подрублены устои «развитого социализма» и обрушено здание «нерушимого Союза». Феномен внутрипартийного либерального диссидентства, его метод хорошо обрисованы известным «архитектором перестройки» А.Н. Яковлевым в его статье «Большевизм — социальная болезнь XX века», помещенной в «Черной книге коммунизма» (М., 1999). «После XX съезда, — писал Яковлев о себе и ему подобных, — в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды «идей» позднего Ленина. Надо было ясно, четко и внятно вычленить феномен большевизма, отделив его от марксизма прошлого века. А потом без устали говорили о гениальности позднего Ленина, о необходимости возврата к ленинскому «плану строительства социализма» через кооперацию, через государственный капитализм и т. д. Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработали (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и «нравственным социализмом» — по революционаризму вообще. Начался новый виток разоблачения «культы личности Сталина». Но не эмоциональным выкриком, как это сделал Хрущев, а с четким подтекстом: преступник не только Сталин, но и сама система преступна».

Перешедший на сторону партдиссидентов М.С. Горбачев открыто признал этот факт развала СССР. В 1999 году, выступая с трибуны одного из американских университетов, он заявил: «Целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма. Именно для достижения этой цели я использовал свое положение в партии и стране. Когда я лично познакомился с Западом, я понял, что не могу отступать от поставленной цели. А для ее достижения я должен был заменить все руководство КПСС и СССР, а также руководство во всех социалистических странах. Моим идеалом в то время был путь социал-демократических стран. Плановая экономика не позволяла реализовать потенциал, которым обладали народы социалистических стран. Мне удалось найти сподвижников в реализации этих целей. Среди них особое место занимают А. Яковлев и Э. Шеварднадзе».

Партдиссиденты исходили из убеждения, что «советский тоталитарный режим можно было разрушить только через гласность и тоталитарную дисциплину партии, прикрываясь при этом интересами совершенствования социализма». На последнем этапе «перестройки» они «совершенствовали социализм» уже без оглядки на Ленина. Ужесточая антисталинскую дискуссию, «истинные реформаторы» завершали идейную контрреволюцию под девизом «Факты выше принципа», разоблачая, по определению Яковлева, «мегапреступность» самого Ленина.

Либеральные диссиденты отвергали «реальный социализм» сталинского и последующих образцов, полагая, что жизнь в нем оказалась устроенной совсем не так, как было некогда задумано. Это очень точно выразил Иосиф Бродский, написавший о своей стране:

«Там украшают флаг, обнявшись, серп и молот,
Но в стенку гвоздь не вбит и огород не полот.
Там, грубо говоря, великий план заперот».

Это означает, что «великий план» социалистического строительства в ходе его осуществления с 1917 года был на каких-то этапах искажен до полного неприятия либеральной интеллигенцией. Однако ее представители в диссидентских движениях за редким исключением не предлагали строить жизнь по истинному «великому плану», ибо он все равно оставался бы социалистическим. Их вдохновляли совсем иные планы и образцы, но говорить открыто о них они не могли. Поэтому им не оставалось ничего, кроме как не соглашаться с искажающей «великий план» властью по каждому удобному поводу и постоянно апеллировать к «прогрессивной» мировой общественности, которая заведомо не могла быть судьей в спорах об отклонениях советской власти от некоего истинного «великого плана». Упование на то, что «заграница нам поможет», порождало «оригинальные» проекты приобщения СССР к «цивилизованному мировому сообществу». После августовских событий 1991 года профессор-демократ В. Корепанов предлагал «колонизировать нашу страну на определенное время развитыми странами». Для Запада, полагал он, «мы представляем интерес как рынок, богатый сырьем и человеческими ресурсами... Естественно, надо обратиться к Западу с просьбой прикрепить отдельные республики и регионы к развитым странам. Допустим, Россию к США и Японии, Украину — к Англии, Белоруссию — к Франции. Понадобится создать смешанную администрацию по управлению колониями».

При оценках исторической значимости либерального диссидентства, историки, придерживающиеся либеральной идеологической ориентации, испытывают немалые трудности. Они не могут пока еще называть вещи своими именами и открыто обелять колонну, выступавшую в 1960–80-е годы в союзе с «прогрессивным Западом» против своей страны и ее народа. Однако логика требует последовательности. Поэтому приходится встречаться с сентенциями о том, что «реформаторы», начиная с Н.С. Хрущева, «в силу своего мировоззрения видели в либеральной интеллигенции скорее потенциального противника, нежели советчика и помощника... В интеллигентской среде были сильны консервативно-охранительные настроения. Именно на них и опиралась власть» (М.Р. Зезина). По сути дела, власть обвиняется в том, что не возглавила или не опиралась на либеральных диссидентов в реформировании своей страны в капиталистическом духе, поскольку никакого иного «великого плана» либеральное диссидентство не могло иметь по определению.

На наш взгляд, наиболее существенным для исторических судеб России является то, что национально-патриотические течения так и не набрали силу в рассматриваемый период, не смогли существенно повлиять на власть и развитие общества. «Русофилы» в значительной своей части остались диссидентами и по отношению к свершившейся в 1991–1993 годах капиталистической революции, и к утвердившейся на ее волне у власти новой правящей элите. В последующем позиция национальных патриотов в ряде пунктов сближается с Русской Православной церковью и оппозиционным нынешним властям КПРФ. По убеждению В.Н. Ганичева, высказанному в июне 2002 года, в прошлой истории страны «лишь славянофилы создали блестящую теорию самостояния России». Теорией не воспользовались царские власти, «и это привело к их крушению», советские власти тоже не сумели извлечь из нее пользу, «не пожелали изменять ее, применять в современных условиях, и мы видим нынешний итог». Ветеран движения живет надеждой, что «когда-нибудь наши власти возьмут ее на вооружение». Некоторые из влиятельнейших в прошлом диссидентских деятелей (А.А. Зиновьев, А.Д. Синявский, отчасти А.И. Солженицын), увидев плоды диссидентства в постсоветских жизненных реалиях России, кардинально переоценили и свое участие в движении, и историческую роль движения в целом.

Либеральные национал-патриоты, национал-коммунисты и «язычники» в диссидентском движении

В 1960–80-х годах в диссидентстве стало более заметным течение русской либеральной национально-патриотической мысли, дающее о себе знать главным образом в самиздатской публицистике, являвшейся своеобразным ответом на самиздат либерального, космополитизированного и русофобского толка. По данным книги Н.А. Митрохина «Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы» (М» 2003), используемым в настоящем разделе, первым из ставших известными широкой публике текстов русских «националистов» был документ, имеющий название «Слово нации» и датированный 31 декабря 1970 года. Он был написан А.М. Ивановым (Скуратовым) и обсужден им с бывшими политзаключенными, прибывшими к русской идее в лагере: В.Н. Осиповым, И.В. Авдеевым, В.В. Ильяковым, священником Дмитрием Дудко и активным участником молодежного движения за сохранение культурного наследия В.А. Виноградовым. «Слово нации» было ответом на анонимную «Программу Демократического Движения Советского Союза», появившуюся в самиздате в 1969 году.

Несмотря на противоречия и утопичность, «Слово нации» представляет интерес и как исторический документ, и как документ, созвучный современной политической ситуации в России. Согласно «Слову», западный мир биологически вырождается. Биологическое первичнее социального, поэтому демократия и права человека бессмысленны. Противостоят процессу вырождения способно лишь сильное правительство, опирающееся на национальные традиции. Все попытки переделать Россию по западному образцу провалились из-за политических предпочтений народа, желающего иметь сильную власть для защиты от внешней опасности. Нация первична, а все остальное есть производное от нее. Нация представляет собой также особую духовную общность, своеобразие которой имеет глубокий мистический смысл. Основные признаки нации: расовый тип (психологический склад), язык (способ мышления) и идеология.

Национальный вопрос в «Слове нации» представляется основным для России, поскольку русские играют в жизни страны непропорционально малую роль, а евреи претендуют на роль угнетенного русскими меньшинства, чуть ли не монополизируя тем временем науку и культуру. Должна осуществиться национальная революция под лозунгом: Единая Неделимая Россия. Русский народ должен стать господствующей нацией. В национальном государстве, которое необходимо было построить, традиционная русская религия должна занять подобающее ей почетное место. В довершение всего ООН предлагалось ликвидировать, как бессильную организацию, и заменить ее Союзом Цивилизованных Стран во главе с Россией и США.

Важным событием в русском либерально-патриотическом Движении стало появление журнала «Вече», который тоже был своеобразным ответом на диссидентские либеральные и национальные издания. Инициатором издания стал бывший политзаключенный В.Н. Осипов, отсидевший 7 лет на строгом режиме за организацию «антисоветских сборищ» на площади Маяковского в Москве в 1960–1961 годах и поселившийся в 1970 году в Александрове (за пределами стокилометровой зоны вокруг Москвы). Начать издание русского патриотического журнала Осипов задумал еще в мордовском политизоляторе, где из анархо-синдикалиста, кем он считал себя до ареста, он стал православным русским монархистом. Выйдя на свободу, он возобновил старые знакомства, прежде всего среди старого актива площади Маяковского. Окончательное решение об издании журнала было принято после бесед с Дмитрием Дудко, православным священником и монархистом по убеждению, с А.М. Ивановым (Скуратовым), другом еще со времен совместной учебы на истфаке МГУ и подельником по первому делу, и с М.П. Кудрявцевым, архитектором и реставратором. Журнал задумывался как лояльный по отношению к власти. Доказательством этого были напечатанные на обложке журнала фамилия и адрес редактора.

Первый номер журнала вышел 19 января 1971 года. Радиостанция «Свобода» представила его своим слушателям в СССР как шовинистическое антисемитское издание. В этой связи редакция 1 марта выступила с заявлением, в котором говорилось: «Мы решительно отвергаем определение журнала как «крайне шовинистического»... Мы отнюдь

не собираемся умалять достоинства других наций. Мы хотим одного — укрепления русской национальной культуры, патриотических традиций в духе славянофилов и Достоевского, утверждения самобытности и величия России. Что касается политических проблем, то они не входят в тематику нашего журнала».

В первом номере «Веча» были помещены статьи А. Скуратова «У истоков русского самосознания»; М. Антонова «Учение славянофилов — высший взлет народного самосознания в России в доленинский период»; большая анонимная статья «Судьба русской столицы» (о разрушении Москвы архитекторами с еврейскими фамилиями, написанная М. Кудрявцевым); анонимные «Записки русского христианина»; статья В. Осипова «К вопросу о Сфинксе» (по поводу самиздатской исторической работы Л. Ренделя «О специфике истории России»), стихи И. Авдеева, М. Волошина и О. Булатова; рецензия Г. Шиманова на самиздатскую религиозную работу Ю. Белова «Религия и современное сознание» (1967), обзор «Нового мира» за два последних года, раздел «Хроника», где сообщалось о смерти Патриарха и о смещении главного редактора журнала «Молодая гвардия».

Подбор материалов первого выпуска «Веча» характерен и для последующих девяти номеров журнала. Основными авторами журнальных публикаций были сам Осипов, А. Иванов (писавший в основном под псевдонимом Скуратов и являвшийся автором примерно трети всех опубликованных материалов), отец Дмитрий Дудко. С третьего номера к изданию журнала подключилась преподаватель физики С.А. Мельникова, знакомая Иванова и Осипова по площади Маяковского. Мельникова стала фактически соредактором издания. Она была знакома с В. Шукшиным, Л. Аннинским, В. Ерофеевым, Л. Руслановой, поэтом А. Марковым, художником К. Васильевым. Она познакомила Осипова с И. Глазуновым (художник давал деньги на журнал, а после ареста Осипова помогал его жене), А. Солженициным, Л. Гумилевым. У Мельниковой сложились хорошие отношения с бывшим членом ВСХСОНа Л. Бородиным (он появился в Москве в начале 1973 года как сформировавшийся литератор, его статья о русской интеллигенции была напечатана в 8-м номере журнала) и Г. Шимановым. Мельникова готовила макеты номеров «Веча» у себя дома в Москве, осуществляя редактуру предоставленных материалов, она же контролировала распечатку и распространение около половины тиража номера — 20–30 экземпляров (к концу 1973 года это количество сократилось). Часть тиража распродалась состоятельным патриотам по цене 5 рублей за номер.

Второй круг «Веча» сложился в Александрове в основном из бывших политзаключенных. Они редко давали свои материалы в журнал, но были активными читателями и формировали «общественное мнение». По словам Осипова, «журнал рассылался русским патриотам, желательно православным, желательно монархистам... в основном просто русским патриотам». Число постоянных читателей журнала составляло примерно 200–300 человек. Журнал рассылался в 14 городов России, а также в Киев и Николаев. Третьим кругом «Веча» были «молодогвардейцы», члены «Русского клуба», с которыми Осипова познакомил А. Иванов. Степень их вовлеченности в издание журнала ограничивалась темой защиты памятников истории и культуры и некоторой финансовой поддержкой. Последняя стоила С.Н. Семанову должности главного редактора журнала «Человек и закон», писателю Д.А. Жукову — Неприятностей за крещение дочери.

Наиболее ярким и последовательным выразителем русской Идеологии применительно к новым условиям был Г.М. Шиманов, издавший в 1971 году на Западе книгу «Записки из красного дома». Публицист обнажал корень мирового зла (и трагедии в России), усматривая его в катастрофическом тупике западной цивилизации, по сути дела, отказавшейся от христианства и заменившей полноту духовной жизни фальшивым блеском материального благополучия. «Я скажу, — писал Шиманов, — что теперь, после опыта тысячи лет, загнавшего человечество в невыносимый тупик, разве не ясно, что только подлинное, возрожденное христианство может быть выходом из тупика? Что необходима иная, новая, не языческая — буржуазная, но аскетическая и духовная цивилизация?» Такая цивилизация может возникнуть на русской духовной основе. Судьба России — не только ее судьба, но

судьба всего человечества, которое сумеет выйти из тупика, опираясь на традиционные духовные ценности Русского народа. Русским нужно объединяться на своих духовных основах, чтобы выполнить свою миссию перед Отечеством и миром. И в этом объединении атеистическая советская власть не является препятствием, ибо она может быть преобразована изнутри в совершенно иное качество, главное же — возродить в себе коренное русское самосознание. «Нам надо вспомнить, — декларировал Шиманов, — о том, что мы русские, вспомнить, не для того чтобы через минуту снова забыть об этом, но для того, чтобы уже навсегда соединить свое сердце с сердцем народным, соединить судьбу свою с судьбою Отечества, соединить надежды свои с надеждами лучших русских людей, о религиозно-национальном возрождении России... Но мы обязаны трезвыми, мы обязаны православными глазами смотреть на вещи. Величайшее зло — не искать Божией правды и не созидать свою жизнь по этой правде. Будешь искать и будешь строить — и никакая власть тебе в этом помешать не сможет. Советская власть — это не только безбожие и величайшая в мире гроза, это также и некая тайна и орудие Божьего Промысла... Процесс возвращения русского духа в себя, процесс возвращения русского сознания уже начался, и остановить его ничто не сможет. Теперь нам крайне важно восстановить здоровое и подлинно православное отношение к своему Государству. Смущаться, что оно является ныне официально атеистическим, по-моему, не нужно (и Павел был до своего обращения, как известно, Савлом), а нужно верить и работать на благо Церкви и на благо русского общества и советского государства. Не подлежит никакому сомнению, что православные христиане должны быть лучшими гражданами нашей Родины... В нынешней атмосфере внутренней пустоты и внутреннего одичания они должны явиться подлинной силой, подлинным здоровьем, подлинной опорой нашего Русского народа и нашего государства, и так оно несомненно и будет во славу Божию и к торжеству нашей Православной Церкви!»

Журнал просуществовал недолго. В феврале 1974 года в редакции произошел раскол, по сторонним наблюдениям — из-за «бабской склоки», возникшей после женитьбы Осипова на бывшей политзаключенной Валентине Машковой. Дело кончилось тем, что С.А. Мельникова и бывший политзек, переводчик И.В. Овчинников выпустили в апреле 10-й номер «Веча» и 9 июля 1974 года закрыли журнал. В сообщении редакции журнала «Вече» о его закрытии они написали: «Возбуждение уголовного дела против русского патриотического журнала... может быть только результатом усилий тайных русофобов, которые надеются уничтожить в этой стране великий народ, великую культуру». Осипов же вместе с бывшим политзаключенным В.С. Родионовым выпустил номер нового самиздатского журнала «Земля», заявив тем самым, что знамя русского возрождения по-прежнему находится в его руках.

Тем временем КГБ начало следствие по факту издания журналов. Уголовное дело против редактора «Вече» В.Н. Осипова было возбуждено по личному указанию Андропова. 28 ноября 1974 года Осипов был арестован. Пока он находился под следствием, Родионов и Машкова выпустили второй номер «Земли» (ноябрь 1974 г.). На этом история журнала закончилась. В обвинительном заключении по делу Осипова, в частности, говорилось: «Действуя с так называемых легальных позиций, прикрываясь лживыми декларациями о своей лояльности к советскому государству и якобы патриотическим характером своих устремлений, Осипов, опираясь на лиц, в прошлом судимых за особо опасные государственные преступления (имелись в виду Л.И. Бородин, О.В. Волков и священник Д.С. Дудко. — Авт.), поддержку зарубежных антисоветских организаций и органы буржуазной пропаганды, в 1970–1974 годах с целью подрыва советской власти, консолидации антисоветских элементов занимался преступной деятельностью по изданию, размножению и распространению на территории СССР и вне его пределов нелегальных машинописных журналов «Вече» и «Земля», отдельные статьи которых содержат клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, реакционные, шовинистические и славянофильские взгляды». 26 сентября 1975 года В.Н. Осипов был осужден Владимирским облсудом за издание журналов «Вече» и «Земля» по ст. 70 УК

РСФСР на 8 лет строгого режима. Всего за 1961–1983 годы Осипов провел 15 лет в заключении и ссылке. Этот срок отражал степень страха интернационально-космополитического режима перед открытой пропагандой «реакционных славянофильских» взглядов.

В 1974 году бывший член ВСХСОНА Л.И. Бородин начал издание журнала «Московский сборник», посвятив его проблемам нации и религии. В своей издательской деятельности он опирался на помощь молодых христиан, группировавшихся вокруг Г.М. Шиманова и Дмитрия Дудко (прораб В. Бурдюг, поэт С. Бударов, Розанов и др.) и поддерживавших хорошие отношения с другими диссидентами либерально-патриотической ориентации — Осиповым, Якуниным, Шафаревичем, Огородниковым, Капитанчуком.

Первый номер журнала увидел свет в сентябре 1974 года. В нем были опубликованы воспоминания сына Николая Бердяева об отце, статья философа Ренаты Гальцевой, продолжение работы Иванова-Скуратова «Триумф самоубийц» о годах «большого террора» (ее начало печаталось в 9–10 номерах «Веча»), и материалы Бородина — его полемика с историком церкви А. Красновым-Левитиным, статья о национальных проблемах, часть романа «Лебединая песнь». Во втором номере помимо двух статей Бородина, была напечатана работа Глебова (псевдоним философа С. Хорунжего) «Карсавин. Биографический очерк». В третьем номере помещены: неподписанная статья всхсоновца Вагина о философе Федорове, статья по психиатрии Чернышова, литературоведческая статья Бударова. В журнале также печатался Шиманов. Тираж сборника был 20–25 экземпляров.

После ареста в апреле 1975 года на квартире С. Бударова макета третьего номера Бородин был доставлен в прокуратуру и получил «Предупреждение по Указу ПВС СССР от 1972 года». Бородин сразу же отошел от издания, передав его в руки помощников, а сам вернулся в Сибирь, где работал лесником и занимался литературной деятельностью. В 1978 году в издательстве «Посев» вышла его первая книга «Повесть странного времени». Затем были написаны «Год чуда и печали», «Третья правда», «Расставание». В 1982 году Бородин был арестован, осужден и до июня 1987 года отбывал наказание за публикацию своих произведений на Западе по ст. 70 УК РСФСР. Бурдюг, Розанов и Бударов подготовили четвертый номер «Московского сборника», но не получили благословение отца Дмитрия Дудко на его публикацию. Издание прекратилось.

В середине 1970-х годов произошла идеологическая переориентация крупного математика и диссидента, члена сахаровского Комитета прав человека И.Р. Шафаревича (член-корреспондент АН СССР с 1958 года, академик с 1991 года, президент Московского математического общества). Он написал ряд работ с критикой тоталитарной системы. Особенно широкую известность приобрели его статьи «Обособление или сближение?», «Есть ли у России будущее?», вошедшие в сборник «Из-под глыб» (составлен А.И. Солженицыным, издан в 1974 году в Париже), а также книги «Социализм, как явление мировой истории» (впервые опубликована в Париже в 1977 году) и «Русофобия» (написана в 1980 г., распространялась в самиздате, многократно переиздавалась, начиная с 1989 года). Эти работы создали автору репутацию идеолога национально-православного движения, сразу же вызвав критику в кругах демократически настроенной интеллигенции, профессиональных историков и этнографов, находящихся в них разного рода натяжки и неточности. Однако теория «малого народа», развиваемая Шафаревичем вслед за французским историком О. Кошеном, получила широкое признание в патриотических кругах. В соответствии с этой теорией, осуждается слой людей, которые противопоставляют себя всему остальному народу, с презрением относятся к его традициям и тем самым утверждают свое право распоряжаться этим народом как материалом для собственного творчества. В России ядро «малого народа» составляет еврейство. С опубликованием такой теории ее автор, естественно, обвинялся в антисемитизме.

Во второй половине 1970-х годов в самиздате появилось течение, позднее называвшееся «национал-коммунистическим». Оно претендовало на то, чтобы вместе с властями бороться против сионизма за самобытное российское государство. Существовало

две группировки таких «коммунистов»: православные во главе с Г.М. Шимановым и Ф.В. Карелиным; язычники во главе с А.М. Ивановым (Скуратовым), В. Емельяновым и В. Скурлатовым. Обе группировки активно отмежевывались от диссидентства в его либеральной ипостаси, критиковали деятельность МХГ, Рабочей комиссии, Христианского комитета защиты верующих, Солженицынский фонд.

Лидер первой группировки Г.М. Шиманов с 1962 года находился в пастве священника Д. Дудко и получил известность в диссидентских кругах в конце 1960-х годов. В то время он был обычным активным православным неопитом, писал статьи на правовые темы, распространял работы других авторов, водил экскурсии по церквям, преследовался властями: был уволен с работы, лечился две недели в психлечебнице. О своем пребывании в этом заведении Шиманов написал повесть «Записки из Красного Дома» (1971). Публикация повести за рубежом принесла автору славу яркого публициста движения инакомыслящих. С тех пор Публицист, не имеющий другой профессии, трудился на случайных низкооплачиваемых работах.

В 1972 году Г.М. Шиманов порывает отношения с кругом бывших своих знакомых демократов-западников и становится публицистом «националистического» направления. В 1973 году в этом новом качестве он обратил на себя внимание тремя письмами редактору парижского журнала «Вестник Р.С.Х.Д.» Н.А. Струве по поводу опубликования в 97 номере вестника «антирусского», по оценке Шиманова, сборника «Метанойя». Письма были включены в самиздатский сборник «Письма о России» (1973). Здесь же были помещены его специально написанная для сборника статья «Вера в чудо», работы давнего участника подпольных религиозных структур Ф.В. Карелина (псевдоним Н. Радугин) «Буди, сие, буди», статьи кандидата медицинских наук В.И. Прилуцкого (псевдоним Л. Ибрагимов), статьи Дм. Дудко и другие материалы. Тираж сборника (10 экземпляров) весь разошелся по знакомым. Критика «Метанойи» сделала Шиманова в глазах либералов олицетворением крайних проявлений русского шовинизма.

В 1974 году Шиманов перешел на позиции «национал-коммунизма». Он стал считать, что сочетание власти Советов с православием было бы идеальным государственным устройством для русского народа. Эту мысль он изложил в статье «Письмо Наталье Сергеевне». Основой статьи стало письмо к жене правозащитника Б.И. Цукермана, уехавшей к тому времени вместе с мужем в Израиль. Оппонировать Шиманову взялся Осипов, обратившись к Шиманову с открытым письмом. Ответом стала еще более жесткая работа «Как относиться к советской власти». Дискуссия была прервана арестом Осипова. Позднее некоторые статьи Г.М. Шиманова публиковались в «Московском сборнике» Л. Бородина.

В 1980–1982 годах было выпущено пять номеров самиздатского журнала «Многая лета». Основными авторами журнала, кроме его редактора Шиманова, были Ф. Карелин и В. Прилуцкий. Вокруг них группировался кружок из десятка единомышленников. Объем каждого номера составлял около 200 машинописных страниц, изготовлялось 10–15 экземпляров журнала, часть номеров тиражировалась на появившихся к тому времени ксероксах. Основной идеей журнала было склонить советскую власть к политике «здорового смысла», укрепить власть за счет коммун, объединенных по родовому и религиозному признакам. В 1982 году после угроз КГБ Шиманов прекратил выпуск этого журнала. С его закрытием организованные структуры русского диссидентского национального движения перестали существовать.

В религиозном отношении в русском национально-патриотическом движении были не только христиане. К середине 1970-х годов сформировались небольшие, но устойчивые группы «неоязычников», призывавших вернуться к дохристианским верованиям. «Неоязычники» считали праславян и древних славян частью племен древних ариев, имевших общую культуру и религию на пространстве от Индии до Испании. Среди «неоязычников» выделялись три лидера. Одним из них был упоминавшийся ранее публицист А.М. Иванов (Скуратов), вторым — выпускник физического факультета МГУ, кандидат философских наук, бывший комсомольский функционер В.И. Скурлатов, третьим — В.Н. Емельянов,

выпускник Московского института востоковедения, кандидат экономических наук, переводчик с арабского и английского языков, преподаватель Московского института иностранных языков и ВПШ при ЦК КПСС.

А.М. Иванов (Скуратов) для выявления корней древней арийской религии обращался (он был профессиональным переводчиком), к древнеиндийским и древнеперсидским трактатам, научным работам по истории, философии, филологии, религии на европейских языках. Ему принадлежат работы по разоблачению христианства: «Гайна двух начал» (о происхождении христианства, 1971 г.) и «Христанская чума» (1979). В других сочинениях популяризировалось мировоззрение арийских народов: «Заратустра говорил не так» (критика Ницше) и «Основы арийского мировоззрения» (1981). Иванов не считал себя неоязычником. Он говорил, что у него своя религия, близкая к зороастризму. Он отвергал пропагандируемую Емельяновым и Скурлатовым «Велесову книгу», считая ее исторически недостоверной. Об этом им была написана специальная работа «История как орудие геноцида. Несколько слов в защиту венедов» (1981).

Разносторонней была деятельность В.Н. Емельянова. Первое его выступление относится к 1973 году, когда редакция журнала «Вече» получила его «Критические заметки русского человека о патриотическом журнале «Вече»». Журнал характеризовался в них как «сионистский предбанник», в то время как по-настоящему русский журнал должен был, по его убеждению, «публиковать материалы о никчемности научных работ сионистов-псевдоученых». Автор подвергал критике христианство и ислам как «дочерние компании иудаизма», придуманные для порабощения «гоев». Одно из выступлений Емельянова вызвало большой резонанс не только внутри страны, но и за ее пределами. Это была статья В.Н. Емельянова с обзором политической ситуации в западном мире, опубликованная 14 февраля 1979 году в восьмимиллионной «Комсомольской правде» (гл. редактор В.Н. Ганичев). В статье утверждалось: «Правительство Картера представляет собой самое большое логово евреев и масонов, какого Америка еще никогда не знала». Отклики на статью появились в американских газетах и зарубежных изданиях на русском языке. В. Ушкуйник (псевдоним генерал-майора Ю.М. Ларикова, артиллериста, участника Гражданской войны, служившего затем в армии Чан Кайши в качестве офицера Генерального штаба и начальника армейского Военно-технического института) в эпилоге своей известной книги «Памятка русскому человеку» (1979), повествующей о негативной роли иудеев и масонов в России, написал, что «прочитал статью проф. Емельянова с чувством глубокой радости и удовлетворения».

Емельянов входил в круг авторов, разоблачающих реакционную сущность сионизма и теоретически обосновывавших советскую антиизраильскую и проарабскую политику. В этот круг входили также Ю.С. Иванов, автор книги «Осторожно: сионизм!» (1969, 1970); В.В. Большаков, автор книги «Сионизм на службе антикоммунизма» (1972); Е.С. Евсеев, автор книг «Фашизм под голубой звездой» (1971); «Расизм под голубой звездой» (1981); В.Я. Бегун, автор книг «Вторжение без оружия» (1973, 1979), «Ползучая контрреволюция» (1974), «Рассказы о детях вдовы» (1986); В.И. Скурлатов, автор книги «Сионизм и апартеид» (1975; с 1989 года автор занимается исключительно политической деятельностью, являясь председателем исполкома правления Либерально-патриотической партии «Возрождение» и участником других организаций); Л.А. Моджорян, написавшая книги «Сионизм как форма расизма и расовой дискриминации» (1979), «Международный сионизм на службе империалистической реакции» (1984); В.А. Семенюк, автор книги «Националистическое безумие» (1976); и другие.

В 1979 году В.Н. Емельянов написал книгу «Десионизация», изготовил на ротапинтере небольшой тираж. В этой книге помимо описания истории, структуры и методики функционирования «сионско-масонского концерна», был опубликован устав Всемирного Антисионистского и Антимасонского Фронта (ВАСАМФ) как организации защиты от еврейского нацизма, освобождения народов мира и прежде всего славян от его оккупации. В начале 1980 года автор послал книгу всем членам Политбюро. Последние идеи автора не

одобрили. Более того, Емельянова уволили с работы, а 26 марта того же года исключили из партии. Основная причина исключения — отказ назвать людей, помогавших в издании «антисоветской и антисемитской», по заключению экспертов, книги. 10 апреля 1980 года Емельянов был арестован и помещен на шесть лет в Ленинградскую спецпсихбольницу по обвинению в убийстве жены. (Она была убита топором и расчленена. Емельянов утверждал, что некие люди принесли ее в таком виде к нему в мешке.) После освобождения в 1986 году примкнул к патриотическому объединению «Память» Д.Д. Васильева, от которой отделился в 1987 году, создав свою организацию, с 1992 года называет себя также «Председателем Всемирного Русского правительства». Емельянов вплоть до своей смерти в 1999 году пользовался уважением в кругах московских язычников, считающих себя русскими патриотами. Вероятно, что среди активистов названных и других диссидентских движений были и другие, кому не помешала бы своевременная врачебная помощь.

Зарождение национально-патриотического общества «Память»

После известного заявления С.К. Цвигуна об «обезвреживании» страны от всех антиобщественных элементов (1981), означавшем, что диссиденты в большинстве своем были изолированы от общества в местах заключения или находились под гласным наблюдением КГБ и МВД, русское национально-патриотическое движение было представлено обществом «Память». Объединение получило название по историко-публицистическому двухтомнику В.А. Чивилихина «Память» (1978,1981), в котором с патриотической позиции рассказывалось о русской истории и культуре, показывалось величие России, ее героев и подвижников. Оно выросло из общества книголюбов Министерства авиационной промышленности (1979, руководитель инженер Г.И. Фрыгин) и объединения «Витязи», созданного в 1978–1979 годах для подготовки к празднованию 600-летия Куликовской битвы (его возглавлял руководитель Московского городского общества ВООПИК журналист Э.Н. Дьяконов). Заметными вехами в истории движения были торжественные вечера, посвященные 600-летию Куликовской битвы (16 апреля 1980 г., Центральный лекторий Политехнического музея), 170-летию Бородинской битвы (17 июня 1982 г.). Рождение названия произошло в ноябре 1982 года после вечера-размышления по книге В.А. Чивилихина. На вечере было решено просить писателя возглавить общество. Однако в связи с болезнью и смертью писателя идея оказалась неосуществленной.

До конца 1984 года общество возглавляли Г.И. Фрыгин и Э.Н. Дьяконов. Затем вплоть до бандитского нападения в октябре 1985 года активным председателем правления историко-литературного объединения (новый статус «Памяти») была Е.С. Бехтерева. Участники объединения были не только инициаторами празднования славных дат отечественной истории. Они организовывали реставрационные субботники, встречи с отечественными писателями и историками, обсуждения творчества поэтов и художников прошлого, инициировали движения против поворота северных рек, в защиту Байкала, трезвенническое движение. В 1983 году Совет «Памяти» добился официальной регистрации объединения при Дворце культуры им. Горбунова, принадлежавшем заводу имени М.В. Хруничева. Работа «Памяти», носившая в 1982–1984 годы умеренный характер, подготовила почву для более радикальных выступлений, начавшихся в период «гласности». Новый период в истории общества был связан с лидерством в нем с октября 1985 года фотографа Д.Д. Васильева. В патриотических кругах он был известен с 1969 года, когда, будучи директором клуба парфюмерной фабрики «Новая заря», устроил вызвавшую ажиотаж выставку картин И.С. Глазунова. Когда выставка закрылась, Васильева уволили с работы. Позднее он был сотрудником художника.

«Русский клуб» и «Русская партия» в общественной жизни 1960–80-х годов

Центром русских национальных сил стало основанное в 1965 году Всероссийское

общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), давшее начало общерусским организациям и движениям, отстаивающим национальные интересы России. Первыми духовными возглавителями движения были замечательные патриоты: археолог и историк, академик Б.А. Рыбаков; физико-химик, академик И.В. Петрянов-Соколов (автор изобретений, которыми пользуется весь мир, в частности «фильтра Петрянова», основы современных респираторов); художники П.Д. Корин, И.С. Глазунов, писатели Л.М. Леонов, В.А. Солоухин, В.Д. Иванов; руководитель музеев Московского Кремля В.Н. Иванов (первый фактический председатель Центрального совета общества). Архитектор-реставратор П.Д. Барановский в сотрудничестве со своими соратниками по молодежному русскому патриотическому клубу любителей памятников истории и культуры «Родина» (1964–1972) Л.И. Антроповым, Г.И. Гунькиным и В.А. Десятниковым провели всю подготовительную и организаторскую работу по созданию ВООПИК.

В 1968–1969 годах в его составе на базе секции по комплексному изучению русской истории и культуры действовал «Русский клуб» — негласное объединение национальной русской интеллигенции. В этом клубе впервые за многие годы начинались обсуждаться животрепещущие вопросы формирования русской культуры и духовности. Среди национальных ценностей все большее место и значение приобретают имена и наследие выдающихся русских деятелей и мыслителей: Н.Я. Данилевского (1822–1885), М.Н. Каткова (1818–1887), Иоанна Кронштадтского (1829–1908), К.Н. Леонтьева (1831–1891), К.П. Победоносцева (1827–1907), Сергия Радонежского (1314–1392), В.В. Розанова (1856–1919), Серафима Саровского (1753–1833) и других. Клуб возглавляли писатель, специалист по Югославии Д.А. Жуков, историк, заведующий серией «Жизнь замечательных людей» в издательстве «Молодая гвардия» С.Н. Семанов, критик и литературовед П.В. Палиевский.

Заседания клуба проводились в Москве, в Высокопетровском монастыре. «Организационно, — писал один членов клуба прозаик А.И. Байгушев, — мы приняли церковную структуру. Монастырь, Петровка, 28, был у нас чистилищем. Здесь был как бы открытый храм, и сюда свободно, в любой день, в любой час могли зайти... на любое мероприятие, любой творческий вечер, русские миряне. Здесь мы приглядывались к новым лицам, отбирали, кого какими интересами привлечь... Постоянные и проверенные... попадали под негласный статус оглашенных... Из оглашенных лучшие попадали в «верные» и уже могли посещать наши «русские вторники», на которых шла основная духовно-строительная работа. Здесь поочередно каждым из наиболее активных членов «Русского клуба» делался доклад на предложенную им самим русскую тему... Безмолвие (исихазм) и благородный «византизм» сразу стали духовными знаменами нашего «Русского клуба». Валентин Дмитриевич Иванов, знаменитый исторический писатель, автор «Руси изначальной» и «Руси великой», с первых же шагов «Великорусского монастыря» стал его иереем. После многих лет преследования и травли он с особенным жаром отдавался клубу, найдя здесь самую благородную, затаив дыхание слушающую его аудиторию. И то же можно сказать об Олеге Васильевиче Волкове, несломленном многолетним ГУЛАГом публицисте, дворянине самых высоких кровей, вдруг радостно увидевшем, что Россия еще жива, что идет молодая здоровая смена, в которой не убит масонским интернационализмом православный русский дух». (Редкостным по своей художественной мощи памятником несгибаемости русского человека и ценнейшим документом новейшей русской истории является изданный в 1987 году автобиографический роман О.В. Волкова «Погружение во тьму», отразивший многое из лично пережитого автором за 28 лет советских тюрем, лагерей и ссылок.)

Членами «Русского клуба» были ставшие со временем широко известными не только среди специалистов П.В. Паламарчук, литературовед и историк, автор классической работы «Сорок сороков» о московских православных храмах; О.Н. Михайлов, литературовед и автор исторических романов; В.В. Кожин, литературовед, литературный критик и историк; А.П. Ланщиков, журналист и литературовед; А.М. Иванов (Скуратов), автор самиздатских статей; кинорежиссер Борис Карпов, историк рапповского движения в литературе С.И. Шешуков. Активными членами клуба были писатели А.И. Байгушев, В.А. Чивилихин; поэты И.И.

Кобзев, С.Ю. Куняев, Г.В. Серебряков, В.В. Сорокин (главный редактор издательства «Современник»); критики и литературоведы В.А. Чалмаев, Ю.Л. Прокушев (директор издательства «Современник»); журналисты В.Д. Захарченко (главный редактор журнала «Техника — молодежи»), А.В. Никонов (главный редактор журнала «Молодая гвардия»), Е.И. Осетров (литературовед, главный редактор издания «Альманах библиофила»); переводчик С.Г. Котенко, художник И.С. Глазунов; архитекторы-рестораторы В.А. Виноградов, О.И. Журин; искусствовед М.П. Кудрявцев и др.

Заметной вехой в возрождении отечественного самосознания стала организованная ВООПИК в Новгороде конференция «Тысячелетние корни русской культуры». На конференции (май 1968 г.) выступили десятки видных деятелей русской культуры. В 1969 году члены «Русского клуба» приняли участие в дискуссии, развернувшейся на страницах журнала «Вопросы литературы», о месте и роли славянофилов в истории. Со статьями, реабилитирующими славянофилов, имевших до того в советской историографии клеймо крайних реакционеров, в журнале выступили А.М. Иванов (Скуратов) и В.В. Кожинов. «Главной чертой, которую ценили славянофилы в русском народе, было бы вовсе не смирение, а общинный дух, как бы выразились теперь, чувство коллективизма, противопоставляемое индивидуализму и эгоизму буржуазного Запада», — это положение статьи Иванова корректировало бытовавшие ранее негативные оценки славянофильства.

Некоторые исследователи полагают возможным характеризовать движение, складывающееся вокруг ВООПИК, «Русской партией». Организационное оформление Русской партии, по мнению Н.А. Куценко, можно отнести к 1966 году. Костяк «партии» составляли О.В. Волков, П.В. Палиевский, В.В. Кожинов, А.П. Ланщиков, С.Н. Семанов, Д.А. Жуков, И.В. Петрянов-Соколов, М.Н. Любомудров. Русская партия в СССР 1960–1980 годов, возродив давнюю традицию патриотизма, была на грани того, чтобы перерасти в широкое национальное движение. Однако в результате чисток общества от национально мыслящих деятелей этого не произошло.

Со второй половины 1960-х годов значительно усиливается идеологический контроль за СМИ, учреждениями культуры. Основанием для этого стало выпущенное в январе 1969 года постановление ЦК КПСС «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара». Цензура нередко запрещала выпуск художественных и публицистических произведений, кинофильмов, организацию художественных выставок. Приоритет отдавался произведениям по историко-революционной, военно-патриотической и производственной тематике.

Плюрализм литературного и общественно-политического процесса находил свое отражение в тенденциях, обозначаемых деятельностью нескольких журналов. У либералов был свой журнал — «Новый мир», у сталинистов — «Октябрь» и «Огонек», у почвенников — «Молодая гвардия» и «Наш современник». Власти стремились не допускать их радикализации. В 1970 году они наносят удар как по либералам, так и по русофилам.

В феврале 1970 года на заседании секретариата Союза писателей была подвергнута резкой критике редакция журнала «Новый мир». Поводом стала публикация за рубежом поэмы А.Т. Твардовского «По праву памяти». Попытки литературной общественности защитить главного редактора журнала ни к чему не привели. Твардовский ушел с поста главного редактора, и линия XX–XXII съездов партии, проводившаяся журналом, была прервана. Однако идеологии неосталинизма и «застоя» объективно противостояли писатели-«деревенщики»: Ф. Абрамов, В. Белов, Б. Можаяев, В. Распутин, В. Тендряков, показывавшие в своих произведениях негативные последствия коллективизации для судеб российской деревни. Этой линии противостояли также журнал «Наш современник» (главный редактор в 1968–1989 гг. С.В. Викулов) и журнал русской культуры «Москва» (главный редактор в 1968–1990 гг. М.Н. Алексеев).

5 ноября 1970 года состоялось заседание секретариата ЦК партии. На него был приглашен секретарь ЦК комсомола Б.Н. Пастухов. Редактор «Молодой гвардии», бывший

летчик-истребитель А.В. Никонов (1923–1983) был снят со своего поста за публикацию статей Чалмаева и Семанова. Формальным поводом для отставки послужило обращение группы видных писателей (Ч. Айтматов, В.И. Амлинский, В.Д. Цыбин и другие). Кроме того, в 1970 году журнал подвергся критике за публикацию «антисоветского» романа И.А. Ефремова «Час быка». Вместо Никонова, возглавлявшего «Молодую гвардию» с марта 1963 года и превратившего комсомольское издание в центр нарождающегося русского патриотического движения, редактором журнала был назначен инструктор ЦК Ф. Овчаренко. После его смерти в 1972 году этот пост занял ученик и идейный соратник прежнего редактора А.С. Иванов, автор известного романа «Тени исчезают в полдень» (1963) и трилогии «Вечный зов» (1970–1976).

Противодействие властей и либеральной критики испытывала деятельность редакции журнала «Октябрь», возглавлявшегося до 1973 года известным писателем В.А. Кочетовым. Публика оставалась долго взбудораженной впервые публиковавшимися на страницах журнала романами ее главного редактора «Угол падения» (1967), «Чего же ты хочешь» (1969) и опубликованным уже после смерти автора незавершенным романом «Молнии бьют по вершинам» (1979). Столь же неоднозначно встречались романы И.М. Шевцова «Любовь и ненависть» (1969), «Во имя отца и сына» (1970) и вышедший позднее «Набат» (1979). Романы, изображавшие либеральных советских интеллигентов как агентов империалистической инфильтрации, невзирая на их принципиально антилиберальный культурно-политический курс, считались властями неуместными как слишком откровенные. Роман «Чего же ты хочешь?» был полон неприятия разоблачений прошлого, сделанных на партийных съездах, и глубокого убеждения во вредоносности западного влияния на страну. Он был направлен против не только либеральной интеллигенции, но и почвенников — «националистов-славянофилов». В романах Шевцова разоблачалась деятельность западных спецслужб и сионистского подполья в нашей стране. Под прозрачными масками персонажей осведомленными читателями легко угадывались известные в стране люди — М.А. Суслов, И.Г. Эренбург, А.И. Аджубей и другие.

В печати о Шевцове говорили редко, в целом же его произведения подвергались критике как «идеологически ошибочные», искажающие политическую и культурную жизнь страны. Особенно резкому неприятию и осмеянию романы подвергались в самиздатской печати либерального толка. Функционеры Агитпропа ЦК КПСС пытались не допустить опубликования романов Шевцова, а когда это не получилось, поддерживали кампанию по их осуждению. Публикация статьи И.И. Кобзева в газете «Советская Россия» в поддержку романов Шевцова стала причиной увольнения, по указанию Суслова и Яковлева, главного редактора газеты и его заместителя, а также ответственного работника ЦК А.Н. Дмитриюка, придерживавшегося патриотической ориентации. Репрессиями закончилась и публикация романа И. Шевцова «Набат». В нем был остро поставлен еврейский вопрос, подвергнуты критике сионистское подполье и его покровители в ЦК партии. В романе значился Мирон Андреевич Серов, которого именовали «крупным государственным деятелем» (зашифровка имени М.А. Суслова). Далее в романе появлялась его супруга (с именем жены Суслова), директор медицинского заведения, которая покровительствовала «сионистам». Реальная супруга Суслова много лет возглавляла стоматологический институт. Главный редактор издательства В. Сорокин, выпустивший роман в свет, был снят с работы, против него была развязана кампания грязной клеветы. Однако, несмотря на строгую цензуру, время от времени появлялись труды, отражавшие поиски и движение русской мысли. Патриотическим духом пронизана книга Ф.Ф. Нестерова «Связь времен» (1980), ставшая, по словам митрополита Петербургского и Ладожского Иоанна, своеобразным национал-большевистским манифестом, направленным на подчеркивание «национально-исторических особенностей России», борьбу с русофобией и развенчание «нигилистических концепций русской истории» (Платонов О.А. Терновый венец России. История русского народа в XX веке. Т. 2).

Вокруг И.М. Шевцова сложился своего рода союз единомышленников, объединенных

патриотическими духовными устремлениями. Внешне это выразилось в том, что с 1964 года в пяти километрах от Троице-Сергиевой Лавры возле станции Семхоз в Радонежье начали селиться русские писатели-патриоты. «Радонежцами» стали известные московские поэты И. Кобзев, С. Куняев, Г. Серебряков, В. Сорокин, В. Фирсов, Ф. Чуев, прозаики И. Акулов, С. Высоцкий, А. Иванов, Н. Камбилов, И. Лазутин, Б. Орлов, критик В. Чалмаев и другие. Би-би-си в одной из радиопередач «сообщило»: «Черносотенец Шевцов создал под Загорском в поселке Семхоз анти-Переделкино».

8 ноября 1971 года Секретариат Союза писателей РСФСР на своем заседании подверг критике редколлегия журнала «Октябрь» за «ложные и путаные» общественно-политические утверждения журнальных публикаций. Резолюция отмечала, что секретариат уже многократно указывал на «неблагополучное положение» в редакции «Октября», что препятствует «созданию нормальной атмосферы в литературных кругах», и требовала кадровых изменений в руководстве журнала. С назначением в 1973 году главным редактором журнала А.А. Ананьева «Октябрь» вернулся к относительно либеральной линии.

Кураторы советских писателей из ЦК партии и литературные критики, выражавшие их настроения, в 1960–70-е годы старались воспрепятствовать перемещению центра литературной жизни из «Нового мира» и «Октября» в журнал и издательство «Молодая гвардия», позднее в журналы «Наш современник» и «Москва», издательство «Современник». Однако этого не удалось сделать. Откровением и потрясением для многих русских людей стали «Письма из Русского музея» и «Черные доски» Владимира Солоухина, «Прощание с Матерой» Распутина, «Привычное дело» Белова, «Матренин двор» Солженицына, «Драчуны» Михаила Алексеева, «Мужики и бабы» Бориса Можаяева, исторические романы о великом прошлом России Дмитрия Балашова, Владимира Чивилихина, Валентина Пикуля, художественные биографии Суворова, Макарова, Достоевского, Гончарова, Аксакова, Державина, изданные в серии ЖЗЛ. Все это вызвало большой интерес в обществе и стало причиной специальных мер со стороны ЦК КПСС и КГБ.

Попытками повернуть литературный процесс вспять, остановить «русификацию» общественного сознания была продиктована статья «Против антиисторизма», помещенная в «Литературной газете» от 13 ноября 1972 года. Статья была подготовлена группой инструкторов отдела пропаганды ЦК КПСС и опубликована за подписью доктора исторических наук А.Н. Яковлева, занимавшего в то время пост заместителя заведующего отделом. Яковлев был одним из активных противников движения за сохранение русского культурного наследия и создание Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. По свидетельству В.А. Десятникова, при обсуждении вопроса о создании ВООПИКа с чиновниками Бюро ЦК КПСС по РСФСР Яковлев возмущался его докладом о бедственном положении памятников в России, выкрикнув: «Что он говорит, да его гнать надо из ЦК КПСС!»

В статье «Против антиисторизма» с ненавистью говорилось обо всем русском. По мнению Яковлева, русский человек (по тексту статьи: «справный мужик») выступает «против человечности и свободы». Разрушение его уклада жизни Яковлев всецело одобрил. Он писал: «И то, что его [русского человека] жизнь, его уклад порушили вместе с милыми его сердцу святынями в революционные годы, так это не от злого умысла и невежества, а вполне созидательно... «справного мужика» надо было порушить». Обрушиваясь на русских писателей и критиков: М. Лобанова, В. Петелина, В. Чалмаева, В. Кожина, отстаивавших самобытную русскую культуру, Яковлев в унисон с авторами проектов сселения «неперспективных деревень» декларировал: «Сегодняшние ревнителы патриархальщины, восторгаясь созданным ими же иллюзорным миром, защищают то прошлое в жизни крестьянства, с которым без какого-либо сожаления расстался современный колхозник».

К счастью для патриотов, статья и обвинения в ней были составлены настолько топорно, что, по своей сути, бросали вызов реер русской интеллигенции. С протестом против статьи выступила большая и влиятельная группа русских писателей, поддержанная М.А. Шолоховым. Их письмо было направлено в адрес руководства ЦК КПСС. Статья не

понравилась и осторожному Брежневу. Познакомившись с ней, он раздраженно заявил: «Этот м... хочет поссорить нас с русской интеллигенцией». В результате Яковлев был отправлен послом в Канаду.

Тем не менее на рубеже 1970–80-х годов была проведена масштабная чистка средств массовой информации от «русских Элементов». От работы были освобождены директор и главные редакторы издательств, журналов и газет «Московский рабочий» (Н. Есилев), «Молодая гвардия» (А. Никонов), «Комсомольская правда» (В. Ганичев), «Человек и закон» (С. Семанов), «Современник» (Ю. Прокушев, В. Сорокин), «Наш современник» (Ю. Селезнев), «Волга» (Н. Палькин), «Техника-молодежи» (В. Захарченко). Цензура, агитпроп ЦК КПСС, КГБ видели тогда, как и в 1920–30-е годы, главную опасность в проявлениях русского шовинизма и через либерально-демократические «Новый мир», «Знамя», «Октябрь» всячески клеймили эти «проявления».

Показательна в этом отношении реакция партийного руководства на письмо М.А. Шолохова, направленное в 1978 году на имя Л.И. Брежнева. Великий писатель нашел в себе мужество обратить внимание генсека на недопустимость положения, когда через кино, телевидение и печать протаскиваются антирусские идеи, порочащие нашу историю и культуру, русское противопоставляется социалистическому. «До сих пор многие темы, посвященные Нашему национальному прошлому, остаются запретными, — писал Шолохов. — Чрезвычайно трудно, а часто невозможно, устроить выставку русского художника патриотического направления, работающего в традициях русской реалистической школы... Несмотря на правительственные постановления, продолжается уничтожение русских архитектурных памятников». Писатель полагал, что в свете фактов и доводов, приведенных в его послании, «становится очевидной необходимостью еще раз поставить вопрос о более активной защите русской национальной культуры от антипатриотических, антисоциалистических сил, правильном освещении ее истории в печати, кино и на телевидении, раскрытии ее прогрессивного характера, исторической роли в создании, укреплении и развитии русского государства».

14 марта 1978 года Л.И. Брежнев поставил на письме резолюцию: «Секретариату ЦК. Прошу рассмотреть с последующим рассмотрением на ПБ». Однако «интернационалисты» из Политбюро проигнорировали острейшую проблему, расценив ее не «уклоном», как в известные времена, а «идейно-политической ошибкой». Главное же в решении — ни в коем случае не допустить широкого обсуждения выдвинутой писателем проблемы. Постановление было секретным. В нем значилось: «Разъяснить т. Шолохову действительное положение дел с развитием культуры в стране и в Российской Федерации, необходимость более глубокого и точного подхода к поставленным им вопросам в высших интересах русского и советского народа. Никаких открытых дискуссий по поставленному им вопросу о русской культуре не открывать».

1981 год характеризуется усилением наступления властей на русские патриотические силы. 28 марта Ю.В. Андропов направляет в Политбюро записку, в которой отмечает создание среди интеллигенции движения «русистов». Русизм в этой записке представлялся «демагогией о необходимости борьбы за сохранение русской культуры, памятников старины, за «спасение русской нации»», которой «прикрывают свою подрывную деятельность откровенные враги советского строя». Под лозунгами защиты русских национальных традиций русисты, доносил глава КГБ, «по существу занимаются активной антисоветской деятельностью». Андропов ставил вопрос о скорейшей ликвидации этого движения, угрожавшего, по его мнению, коммунистическим устоям больше, чем так называемые диссиденты.

Русофобия правящего режима на последнем этапе существования советской системы точнее всего выражается приписываемой Ю.В. Андропову фразой: «Главная забота для нас — русский национализм; диссиденты потом — их мы возьмем за одну ночь». В пособиях русских националистов, по логике записки Андропова, можно было зачислить многих замечательных русских писателей, ставивших вопрос о вечных ценностях России, о

духовной природе русского человека, о необходимости отдать должное православию, о великих достижениях предков. Среди писателей, творчество которых стало истинным украшением русской литературы, помимо классиков Леонова и Шолохова выделяются: «Мощный, суровый, эпичный Федор Абрамов. Возвышенно-поэтический Василий Белов. Пронзительный, щемящий Виктор Астафьев. Драматичный Валентин Распутин. Мягкий, лиричный... Евгений Носов. Сергей Залыгин — тонкий и умный. Блестящий эссеист Владимир Солоухин». Николай Рубцов, поэзию которого «надо нам свято хранить!., он единственный. Другого нет!» (Свиридов Г.В. Музыка как судьба. М., 2002).

В качестве конкретных мер по ликвидации русизма в 1981 году Андропов предлагал «привлечь к уголовной ответственности Иванова А.М. Что касается Семанова, то представляется необходимым рассмотреть вопрос об освобождении его от должности главного редактора журнала «Человек и закон». Решение о его уголовной ответственности будет принято в зависимости от хода следствия по делу Иванова. Одновременно предполагается осуществить профилактические мероприятия в отношении их единомышленников, не склонных к разоружению, и лиц заблуждающихся».

Результатом наступления на «русистов» было увольнение С.Н. Семанова в апреле с поста главного редактора «Человек и закон». Вместе с ним пострадал сотрудник журнала Г.В. Рыжиков, составивший ряд документов, в которых выдвигал требование «чистки» высшего партийного аппарата, «засоренного сионистами и им сочувствовавшими». В августе арестовали публициста А.М. Иванова, автора известных в патриотических кругах статей в журнале «Вече», работ «Логика кошмара» и «Рыцарь неясного образа», Изображающих историю компартии как цепь заговоров, переворотов, грубого насилия, задуманных и осуществленных людьми, мечтавшими только о сохранении своей личной власти. В конце 1981 года была разгромлена редакция журнала «Наш современник». В одиннадцатом номере журнала за этот год были опубликованы несколько «боевых» материалов, немедленно вызвавших [скандал. Обвиняемых авторов было четверо: В.В. Кожин, А.П. Ланшиков, С.Н. Семанов, В.Н. Крупин. С ними «разобрались» довольно быстро. Авторы осудили публично, редактора журнала С.В. Викулова после соответствующего внушения оставили на его посту, но обоих его заместителей уволили. Одним из них был выдающийся русский публицист Ю.И. Селезнев, вскоре после этого скончавшийся. На совещаниях в ЦК подвергались критике такие выдающиеся книги русских писателей, как «Лад» В.И. Белова и «Память» В.А. Чивилихина.

В 1982 году был разгромлен прорусский саратовский журнал «Волга». Поводом послужила статья М.П. Лобанова «Освобождение». Она была написана по поводу романа М.Н. Алексеева «Драчуны», где рассказывалась правда о голоде 1933 года в Поволжье. В статье Лобанова впервые в русской публицистике в СССР осмыслились масштабы и причины народной трагедии раскрестьянивания. Как писал современник, «эффект от статьи был ошеломляющим — словно в хорошо прогретое солнцем болотце вдруг плашмя упала откуда-то с неба огромная каменная глыба» (Московский литератор. 1989. 21 апреля). Публикация была осуждена специальным решением Секретариата ЦК КПСС. Главного редактора Н.Е. Палькина уволили. Журнал захирел.

Осенью 1983 года в «Литературной газете» и «Вопросах литературы» начались нападки на ученых, изучающих творчество русских философов В.С. Соловьева, Н.Ф. Федорова, П.А. Флоренского. Получили строгие взыскания издатели книги выдающегося русского философа А.Ф. Лосева. Характерно, что во время преследований «русистов» власти помиловали (апрель 1983 г.) арестованных годом ранее диссидентствующих «еврокоммунистов» (А. Фадин, П. Кудюкин, Ю. Хавкин и другие) в Институте мировой экономики и международных отношений, которым руководил либеральный академик Н.Н. Иноземцев, а в 1983–1985 годах — «архитектор перестройки» А.Н. Яковлев.

Начало 1980-х годов отмечено наступлением властей на ВООПИК. Материальные основы деятельности этого общества в течение двух-трех лет были резко ограничены. В декабре 1981 года общество было вынуждено отказаться от взносов коллективных членов,

которые служили основой его реставрационных расходов. В 1983 году были ликвидированы производственные мощности общества. В 1984 году ВООПИК был лишен права вести самостоятельную работу по пропаганде знаний, она была передана обществу «Знание».

Национальные конфликты кануна перестройки

Осенью 1981 года произошли крупные беспорядки в столице Северной Осетии. Волнения начались 24 октября во время похорон в Орджоникидзе убитого двумя ингушами таксиста-осетина. Его убийцы были выпущены на свободу через три дня после преступления за выкуп в миллион рублей. Участники похоронкой процессии организовали митинг и захватили здание обкома. К вечеру порядок на площади был восстановлен силами курсантов местного военного училища. На следующий день более десяти тысяч человек вновь заполнили площадь перед обкомом. Митинг с участием прибывших из Москвы руководителей быстро вышел из-под контроля. В здании МВД выбили стекла. Против митингующих были брошены воинские части с бронетранспортерами и слезоточивым газом. Столкновения и рукопашные схватки продолжались до вечера, позднее они распространились по всему городу, несколько человек погибли. Несмотря на прибытие частей специального назначения, столкновения продолжались весь следующий день и лишь к вечеру сопротивление было сломлено. За три дня беспорядков были задержаны более 800 человек, 40 из них были осуждены. Первый секретарь обкома Б.Е. Кабалоев был снят со своего поста.

К концу рассматриваемого периода после нескольких довольно спокойных лет произошло крупное волнение на этнической почве в столице Таджикистана Душанбе.

Весной 1985 года вновь фиксируются давно забытые беспорядки в воинских эшелонах с призывниками в Советскую Армию. Стечение двух дней разгоряченные алкоголем призывники-мусульмане выясняли отношения с немусульманами. Этим событием открывалась череда эксцессов на националистической подоплеке в наступившей «эпохе перестройки». События на Северном Кавказе удостоились специального рассмотрения на заседании Секретариата ЦК КПСС. Причина неблагополучия в национальной сфере усматривалась, как и ранее, в изъянах нравственного и интернационального воспитания, в тлетворном влиянии религии. ЦК, как и ранее, призвал строить воспитание таким образом, чтобы советский человек ощущал себя в первую очередь гражданином СССР, а уж потом представителем той или иной нации, к Учебник «Обществоведение», служивший основой для формирования мировоззрения многих поколений выпускников средних школ и призывников Советской Армии (в 1983 году он был издан 21-м изданием), заканчивался на сверхоптимистической ноте: «Теперь мы не предсказываем наступления золотых времен человеческой истории, а говорим об этом со всей уверенностью, какую дают марксистско-ленинская наука и общественная практика, теперь в СССР границы между республиками утратили былое значение и, когда мы путешествуем из конца в конец нашей необъятной Родины, кому приходит в голову отмечать, сколько пересечено границ? Постепенно сотрутся и национальные различия, и разве только имена останутся напоминанием о прошлом. Объединенное в одну братскую семью человечество достигнет вершин своего могущества, осуществит дерзновенные замыслы покорения природы». Однако уже через несколько лет прошлое напомнило о себе вовсе не так, как все ожидали, а в головы руководителей СССР пришли совершенно непредсказуемые «перестроечные» мысли, приведшие великую страну к неожиданному краху.

Незавершенность формирования новой общности — одна из причин разрушения Союза СССР

Становление общности на разных исторических этапах имело свои особенные противоречия, проявлявшиеся на всех уровнях общества. В соответствии с этим на

протяжении 1930–50-х годов взгляды на наднациональную общность людей в СССР претерпели большие изменения. Не успев оформиться в сколько-нибудь целостную систему представлений о мировой социалистической общности, в 1930-х годах они начали конкретизироваться во взглядах на советский народ как новую социальную и интернациональную общность. Одна из попыток создать развернутую систему представлений об этой общности принадлежит Н.И. Бухарину, автору концепции о «героическом советском народе», выступающему на смену традиционным нациям и народностям. Исторические корни этой общности автор не видел глубже пластов 1917 года; в этой общности не обнаруживалось каких-либо общих черт с русским народом, она рассматривалась, скорее, как антипод ему.

В таких представлениях, на наш взгляд, оживали, хотя и в превращенном виде, дореволюционные взгляды на «официальную народность». Она, как известно, тоже не отождествлялась ни с великороссами, ни с русскими в широком смысле понятия. Царская власть относилась к несанкционированному русскому национализму с таким же подозрением, как и к национализму нерусских народов. В знаменитой триаде «самодержавие, православие, народность» последняя понималась «туманно, отнюдь не в этнографическом смысле, а больше как умонастроение, — писал известный историк русского зарубежья Н.И. Ульянов в 1962 году в своей работе «Исторический опыт России». — К ней относилось все преданное престолу, независимо от национального обличья и веры». Власть же усматривала свой долг не в удовлетворении национальных претензий, а в попечении о «благоденствии» подданных. Национальности угнетались «не потому, что они были иноплеменны, а потому, что они были «общество», которое должно было иметь только один долг — повиноваться». Выполнение такого долга требовалось в первую очередь от русского народа. Ульянов считал истинным суждение В.А. Маклакова о том, что «чистое самодержавие» не понимало смысла национальной проблемы по причине равенства в его глазах всех национальностей». С еще большим основанием эти положения можно отнести к «новой исторической общности», формируемой Советской властью из многоэтнического населения России после Октябрьской революции.

Наиболее жизненной при этом является интерпретация советской общности людей не как антипода русскому и другим народам бывшей царской России, а как результата развития и объединения лучших черт советских наций и прежде всего наиболее Многочисленного русского народа. Зародыши таких представлений о новой общности содержит сталинское теоретическое наследие. Во многом они были своеобразной производной от результатов национальной политики 1930–40-х годов, приведшей ж относительно выравниванию уровней социально-экономического и культурно-политического развития народов СССР и признания особой роли русского народа не только в социалистических преобразованиях, но и в дореволюционной отечественной Истории. Эти факторы во многом обусловили переформирование национального состава политической, научной и творческой элит советского общества (в 1940-е годы и позже происходило относительное сокращение доли граждан еврейской национальности в составе элитных слоев новой общности). Незавершенность процессов объединения советских людей в новой общности, отсутствие действенной политико-воспитательной работы по утверждению в сознании широких народных масс преимуществ общесоветского единства и общенациональных ценностей, как ценностей сопоставимых по значимости с национальными, плохо укрепляли преграду на пути нарастания центробежных тенденций и развала Союза ССР.

Отлаженная при Сталине система национальных отношений препятствовала возникновению в национальных регионах самостоятельных и самовоспроизводящихся местных элит, способных выключить свои народы из интеграционных процессов, перевести их на путь автаркии, а тем более сепаратизма. Это достигалось посредством школьного образования, политического воспитания, подготовки, постоянной ротации руководящих кадров и, не в последнюю очередь, — репрессиями в отношении реальных и потенциальных лидеров национальных центростремительных движений. С десталинизацией национальной

политики новую, более эффективную систему, обеспечивающую интеграционные процессы в многонациональном обществе, создать не удалось. Контроль за местными элитами был ослаблен, их самостоятельность и властные полномочия с переходом к новой управленческой системе через совнархозы резко расширились.

Интеграционные процессы, шедшие в 1960-80-е годы, развивались скорее по инерции прежних лет и со временем замедлялись. При Брежневе контроль над ситуацией в республиках был почти полностью утрачен. Местные руководители и их окружение начали создавать в национальных регионах свои особые и только им известные порядки. Клятвы о единстве и дружбе в период официального существования «новой исторической общности» утрачивали реальное содержание, все больше превращались в привычный ритуал.

Признав свершившимся становление новой исторической общности — советского народа (по сути — новой полиэтнической нации) Конституция СССР 1977 года тем не менее сохранила федерализм национально-государственных образований, возводивший этничность в один из главных принципов построения государства. Возможность перехода к территориальному федерализму, реально существовавшая и упущенная в 1945–1953 годах, была окончательно утрачена. Начавшаяся сразу же после смерти Сталина новая «коренизация» управленческих кадров в республиках обеспечивала преимущества лишь представителям «статусных» наций. Процесс укрепления этнических элит (исключая русскую) при Брежневе зашел настолько далеко, что центр уже был не способен посягнуть на власть и интересы местных элит. С началом горбачевской «перестройки» это в полной мере выявили события в Алма-Ате в декабре 1986 года, когда попытка сменить на посту первого секретаря ЦК Компартии Казахстана казаха ДА Кунаева на русского Г.В. Колбина вызвала организованные выступления казахов с использованием насилия. Центр был вынужден отступить, демонстрируя полную неспособность провести в жизнь свое «интернационалистское» решение.

На созванном в сентябре 1989 года пленуме ЦК КПСС в качестве достижений национальной политики отмечалось ускоренное развитие национальных окраин, создание многоотраслевой структуры и сближение уровней социально-экономического развития национальных регионов страны. «Если в 1926 году, — говорил М.С. Горбачев. — максимальный разрыв по производству промышленной продукции на душу населения между старыми промышленными районами и национальными окраинами достигал 38 раз, то в 1941 году он сократился до 4.1 раза, а в настоящее время составляет примерно 23 раза. Если еще в конце 1950-х годов рабочие по численности преобладали только в РСФСР, Казахстане, Эстонии и Латвии, то в конце 1970-х годов так обстояло дело практически во всех республиках. Если перед войной многие народы не имели подготовленных кадров, то теперь положение изменилось коренным образом: все они располагают такими кадрами, включая специалистов высшей квалификации». Однако привычное восхваление «ленинской национальной политики по существу не затрагивало реальных противоречий в национальной сфере жизни советского общества. Абстрактные призывы сделать полнокровной советскую федерацию, утверждать в межнациональном общении взаимное уважение исторических традиций и национальной специфики народов, совершенствовать культуру межнациональных отношений были явно недостаточны для разрешения накопившихся противоречий в этой сфере. В период «перестройки» руководящие республиканские элиты уже открыто обнаружили свое единство и помощь друг другу в разжигании сепаратизма, разрушении СССР и социалистического строя как такового. В постсоветский период они открыто проявили присущий им антидемократизм и шовинизм. Это обнаружилось в судорожном стремлении новых властей сохранить господство «своих» новых государств над оказавшимся в их пределах инонациональным населением и территорией его проживания (например, в Нагорном Карабахе, Абхазии, Южной Осетии, Приднестровье). В этом кроется основная причина межнациональных конфликтов и войн постсоветской эпохи.

В нынешней России, также не избежавшей разрушительного воздействия национализма и сепаратизма (например, в Чечне), начался поиск идей и механизмов, способных уберечь

государство от распада и успешно выполнять объединительные функции в жизни общества. Взоры политиков и исследователей при этом все чаще обращаются к роли, которую в этом смогут сыграть исторические традиции русского народа, русская и (или) российская национальные идеи.

Глава 2

РАЗРУШЕНИЕ ОБЩНОСТИ СОВЕТСКИХ НАРОДОВ И РУССКАЯ НАЦИЯ

Постсоветская история начинается с пропаганды единой российской нации

Распрощавшись с Лениным, Троцким, Бухариным, Сталиным, Брежневым и «советским народом», казалось бы, навеки, идеологи постсоветского периода начали, как ни странно, с того, что стали приспособлять представления об этой общности к новой исторической ситуации. Оказывается, в государствах, возникших на месте бывшего СССР, мы имеем дело с новыми нациями. В одних случаях уже оформленными, в других еще формирующимися. Так, руководитель Государственного комитета по делам национальностей РФ В.А. Тишков одним из первых в 1992 году заявил, что население России следует рассматривать единой российской нацией — «нацией-государством», а национальность фиксировать в паспортах записью «гражданин России». Первый президент суверенной Украины исходил из того, что «украинская нация формируется сейчас»; помимо украинцев в нее войдут русские, евреи, поляки и все прочие живущие в республике народы (Российская газета. 1992. 3 октября). Позднее аналогичный подход обнаружился и у бывшего вице-президента России. «Одна из основных стратегических целей возглавляемого мной социально-патриотического движения «Держава», — объединение народов и народностей в единую нацию. Поставить раз и навсегда крест на национальном вопросе!» — заявил А.В. Руцкой на одной из пресс-конференций в сентябре 1994 года и пояснил, как видится ему эта единая нация: «Мы хотим, чтобы каждый человек, живущий в великой России, мог говорить так: я — русский, но к тому же бурят; я — русский, но к тому же башкир; я — русский, но к тому же татарин; я — русский, но к тому же еврей!» В прошлом подобные утверждения расценивались как проявление ассимиляторства или великодержавного национализма.

Предложение рассматривать российскую нацию как согражданство не дает оснований для подобного рода обвинений. Тем не менее уместен вопрос, не будет ли предлагаемое понимание нации вместо сглаживания национальных проблем продуцировать их? Опасность такая с учетом настоящего экскурса в историю, на наш взгляд, имеется. Особенно, если вслед за выдвиганием положения не давать ответы на естественные вопросы о том, как видится решение национальных проблем на новой основе.

Из истории идеи

В отечественной обществоведческой традиции советского периода под нацией чаще всего понимали определенную ступень в развитии народа (этноса), историческую общность, результат развития капиталистических отношений, приводящих к экономическому, территориальному, культурному, языковому и социально-психологическому единству определенной совокупности людей, стремящихся обеспечить интересы своего дальнейшего независимого развития непременно с помощью обособленного национального государства. Этим объяснялась теоретическая и практическая значимость принципа национальности в истории XIX–XX столетий: в СССР, Югославии и Чехословакии он, по сути дела, составлял основу внутреннего национально-государственного (федеративного) устройства.

В странах Западной Европы понятие «нация» широко вошло в политический лексикон после Французской революции 1789–1799 годов. Однако утвердившаяся здесь концепция признает единственно законным определение национальной принадлежности как

гражданства, все остальные способы национальной идентификации относятся к личной компетенции каждого индивида. Под нацией как согражданством (нацией-государством) здесь имеется в виду совокупность граждан, демократически управляющих своим государством и имеющих равные права, не зависящие от цвета кожи, языка, религиозных убеждений, происхождения или обычаев бытового поведения. Подданные (налогоплательщики), конечно, не превращаются в нацию как согражданство в зависимости от изменения понимания нации или указа главы государства. Становление таких наций совпадает со становлением гражданского общества. В ходе и результате этого процесса этнические различия между подданными единого государства становятся фактором менее значимым, чем, например, различия экономические и географические. Нация как согражданство в определенном смысле неделима, появление такой нации придает новый статус государственным и территориальным границам. Отсутствие внутренних перегородок и устойчивость внешних границ — таков принцип нации-государства в противовес «многонациональным» государствам. С точки зрения тех, кто понимает нацию как согражданство, многонациональное государство — нонсенс, *contradictio in adjecto*, можно говорить лишь о многонациональных, мультиэтнических нациях.

Государственное устройство нации, понимаемой как согражданство, может иметь целый ряд вариантов, но, как показывает мировой опыт, оно не предполагает составных административно-территориальных частей, образуемых по этническому признаку. Уже одно это позволяет оценить положение Послания Президента России Федеральному Собранию (от 24 февраля 1994 г.) о российской нации-согражданстве как весьма значимое. Однако оно, на наш взгляд, открывает только новые возможности, но отнюдь не облегчает решение национальных проблем. В этой связи следует напомнить о судьбе предпринимавшихся ранее в России попыток утвердить новое понимание нации. Это позволит лучше уяснить ценностное содержание нации как согражданства и с наибольшей эффективностью использовать исторический опыт. Ведь и в прошлом новое понимание нации выдвигалось с благой целью — с тем, чтобы как можно точнее отразить в нем истинный характер государственной общности людей и помочь разрешению проблем, порождаемых национальными различиями и противоречиями.

В создании условий, которые облегчали бы начавшийся задолго до 1917 года процесс формирования «общей российской государственной «нации»» (П.Н. Милюков), видела смысл своей деятельности возникшая в 1905 году Конституционно-демократическая партия. Отличительную черту процесса формирования такой нации кадетские теоретики усматривали в том, что члены новой общности чувствовали себя и работали сразу в двух национальных секторах — российском, а котором они были «творимыми россиянами» (М.А. Славинский), и национальном, в котором они оставались великороссами, украинцами, татарами и т. д. Наиболее адекватной формой государственного устройства, отвечающей такому видению тенденций и перспектив национального развития, представлялась республика, обеспечивающая полное гражданское и политическое равноправие всех граждан, право свободного культурного самоопределения, свободу употребления различных языков и наречий в публичной жизни (при наличии единого государственного языка), свободу всякого рода собраний, союзов и учреждений, имеющих целью сохранение и развитие языка, литературы и культуры каждой народности. В исключительных случаях предусматривалась возможность автономного устройства отдельных частей государства, обеспечивающего их особенное государственное положение (Польша, Финляндия).

Реализация подобных проектов ходом истории была снята с повестки дня. Однако видные кадеты в эмиграции, отстаивая правоту своего подхода к решению национальных проблем России (и неосуществимость их из-за большевистского вмешательства в развитие исторического процесса), предлагали еще более радикальные решения, идущие в том же направлении. А.С. Яценко, например, в 1923 году призывал сделать выбор в пользу «универсализма и космополитизма» и «отказаться от отечества во имя интересов человечества», избавиться от пагубного «эгоистически-национального начала».

Другой профессор в российском зарубежье, А.М. Мандельштам, доказывал позднее, что понятие полного, абсолютного суверенитета государства все более выходит из терминологии специалистов международного права и из обихода народов, заменяясь понятием относительного суверенитета. Такая замена якобы совершалась под влиянием созданной в 1919 году Лиги Наций и движений, имеющих целью совместную защиту интересов отдельных группировок держав. На этом основании предполагалось, что со временем мироустройство будет включать Союз всех народов (Лига Наций), ведающий общими интересами всего человечества; в пределах этого союза — большие группировки государств, связанных общими интересами (европейская, американская, великобританская, российская и др.); наконец, отдельные автономные государства в пределах каждой группы народов, в компетенцию которых входит защита чисто местных интересов. Российское зарубежье подготавливалось к тому, чтобы вытравить привычное представление о своем национальном государстве как высшем распорядителе его подданных и принять идею о суверенном сверхгосударстве, которое и должно стать единственным действительным государством мира, низводящим национальные государства на третьестепенные роли в международной иерархии. Однако факты реальной жизни и доводы в пользу мирового государства — космополиса могли увлечь лишь незначительную часть российского зарубежья и еще меньшую в СССР.

Более широкой отклик могла получить концепция о надэтническом единстве народов СССР, развиваемая евразийцами — представителями идейно-философского течения в русской эмиграции в 1920–30-е годы. Наиболее отчетливое представление о них можно составить по статьям Н.С. Трубецкого «Об истинном и ложном национализме» (1921), «Русская проблема» (1922), «евразийский национализм» (1927), переизданных в антологии «Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн» (1993). По его мнению, большевистская революция привела к необратимым негативным изменениям в истории России. Даже всемирная революция, на которую уповали большевики, не способна была изменить ситуацию к лучшему: «Без этой революции Россия будет колонией буржуазных романо-германских стран, а после этой революции — колонией коммунистической Европы». Всякий культурный космополитизм и интернационализм как основа нового мировоззрения, по Трубецкому, должны быть решительно отвергнуты. Основой нового мировоззрения должен стать национализм, являющийся «безусловным положительным принципом поведения народа». Однако это мог быть уже национализм не русского, не какого-либо другого народа России, а национализм новой многонародной евразийской нации, которая складывалась в СССР в пореволюционное время.

До революции Россия была, по Трубецкому, страной, где официальным хозяином признавался русский народ. В обстановке всеобщей анархии периода революции России грозил распад на отдельные части. Русский народ спас государственное единство, пожертвовав ради этого своим положением хозяина государства. После революции он стал только первым среди равных российских народов. Русский национализм в изменившихся условиях мог вести лишь к русскому сепаратизму с перспективой нового распада страны. Противоядием от сепаратизма в обстановке 1920-х годов выступала классовая солидарность пролетариата. Поскольку в каждом из народов, входящих в СССР, полноправными гражданами признавались только пролетарии, сам СССР можно было рассматривать образованным не столько народами, сколько именно пролетариатом разных народов. Но со временем классовые перегородки у каждого отдельного народа стираются и это создает условия для развития своего национализма с сепаратистским уклоном. Классовый субстрат государственности способен был объединять отдельные части государства бывшей Российской Империи лишь временно. Прочное и постоянное объединение возможно только при наличии национального субстрата. Ни русский, ни какой бы то ни было другой народ в отдельности роли такого субстрата исполнять уже не могут. «Следовательно, — заключает Н.С. Трубецкой, — национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской Империей, а теперь называется СССР, может быть только вся совокупность

народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом. Эту нацию мы называем евразийской, ее территорию — Евразией, ее национализм — евразийством». В евразийское братство народы СССР связала, по Трубецкому, общность их исторических судеб, и поэтому решение национальной проблемы и будущность России могли обеспечить лишь «сознание единства и своеобразия многонародной евразийской нации и общеевразийский национализм».

Идеологи сменовеховства — политического течения в эмиграции, вдохновлявшегося идеей о грядущем буржуазном перерождении Советского государства — под нациями подразумевали обособленные социально-государственные комплексы, противостоящие друг другу. Такие образования возникали якобы в результате воплощения (объективирования) национального духа, духовных традиций, духовной культуры народов. Внешне это выражалось в деяниях властей, в их способности проникаться национальным духом и волей народов, живущих на определенных территориях. «Именно территория, — писал Н.В. Устрялов в 1921 году, — есть наиболее существенная и ценная часть государственной души». Государство при этом выступает как первостепенный национализирующий фактор, а государство «тотальное», идеократическое — в особенности.

Большевики в отличие от свергнутой ими власти, по мнению сменовеховцев, оказались способными стать русской национальной силой, собрали распавшуюся было Россию. Интернационалистская риторика большевиков устряловцев не смущала. Они не видели в интернационализме угрозу для русской культуры. В соревновании «русская культура все равно свое возьмет и уже берет», — писал Устрялов в 1926 году. Интернационализм, по сменовеховским воззрениям, не противоречил русскому национальному сознанию. Напротив, утверждал сменовеховец Ю.Н. Потехин, «интернационализм Советской власти является национальным по духу, отвечает «вселенскости» русской природы, еще Достоевским отмеченной, как типичнейшая черта истинно великого народа». Процесс кристаллизации государственности вокруг ядра Советской власти, отмечал далее этот автор, смог начаться также и потому, что «лозунги коммунизма и интернационализма отвечали одному из основных запросов русской души — жажде социальной и международной справедливости» (Смена вех. Прага, 1921).

Один из самых знаменитых сменовеховцев Н.В. Устрялов писал, что красное знамя революции со временем непременно «зацветет национальными цветами» (1925), Россия из интернационалистской революции «выйдет национально выросшей, страной крепчайшего национального самосознания» (1926). Процесс «национализации Октября» произойдет независимо от того, в какие формы выливалось хозяйство страны, в какой степени развивался федерализм. Со временем, считал Устрялов, в СССР и само понимание интернационализма придет в соответствие с логикой жизни и будет означать «не уничтожение наций, а только установление постоянной и положительной связи между ними». В пределах исторического предвидения (и то достаточно еще отдаленного и туманного) Устрялову рисовались соединенные штаты мира, а не единый человеческий народ, лишенный расовых и национальных перегородок. Россию ближайшего будущего в 1930 году он видел страной, где «расцветет и русская идея в ряду культур других народов СССР». Позднее, с учетом двух новых важных обстоятельств — началом осуществления в СССР задачи полного уничтожения классовых различий (выдвинута на XVII конференции ВКП(б) в феврале 1932 г.) и возникновением угрозы войны — значительно ускоривших социальную и моральную консолидацию советского общества, Устрялов полагал, что в Советском Союзе «на наших глазах возникает любопытное явление, которое можно было бы назвать «советской нацией». Как ни ново и ни странно такое словосочетание, оно есть точное обозначение нарождающейся социально-исторической реальности». Советская нация, по Устрялову, «состоит из многоцветного, многоязычного, разноликого этнографического материала. Она включает в себя целый огромный мир народов, «континент-океан». Но она спаяна единым государством и пронизана общей культурно-исторической устремленностью, властью ведущей идеи» (Устрялов Н.В. Наше время. Шанхай, 1934).

Таким образом, сменовеховцы не придавали никакого значения большевистской риторике о праве наций на самоопределение вплоть до отделения, относя ее на счет революционного утопизма, от которого власти, эволюционирующей в сторону все более прагматической национальной политики, придется освободиться. После возвращения в СССР в 1935 году и последовавшего ареста Н.В. Устрялову пришлось признать «ошибочность» своих взглядов, однако их значимость для истории общественной мысли, в силу верно подмеченных тенденций, от этого не уменьшилась.

Убедительная критика права на обособление каждой национальности в самостоятельное государство, отстаиваемого в XIX веке еще А.Д. Градовским, и более мягкого варианта этой же идеи — права каждого народа на свою территориально-национальную автономию, которое в свое время обосновывал М.С. Грушевский, — проделана в работе известного русского общественного деятеля, идеолога «экономизма» С.Н. Прокоповича в работе «Об экономических основах национального вопроса» (1927). В частности, он отмечал, что последовательное проведение в жизнь идей Градовского и Грушевского потребовало бы создать вместо 68 независимых государств, существовавших в 1925 году, несколько тысяч самостоятельных политических единиц. Водной России, по переписи 1897 года, напоминал Прокопович, было более 150 национальностей, а по более поздним подсчетам русских этнографов — 311. Это означало, что России предстояло бы распастись, по крайней мере, на три сотни национально-территориальных областей со своими национальными языками. Сторонникам такой идеи, пишет далее автор, «не приходит в голову простое соображение, что при таком вавилонском столпотворении Россия станет непроезжей и каждая национальность должна будет в своей культурной и хозяйственной деятельности ограничиваться пределами своей национальной территории», а это резко снизит возможности экономического роста. Нельзя игнорировать также и «процесс перерождения наций под влиянием экономических и политических моментов», наблюдаемый на всем протяжении мировой истории: «из великих европейских наций ни одна не существовала тысячу лет назад», «за немногими исключениями, всё государства западной и центральной Европы сложились из нескольких этнографических национальностей в одно целое за последние 5—6 веков». Подобный же путь разрешения национального вопроса — «путь национального примирения и органического слияния этнических национальностей в государственную нацию» — С.Н. Прокопович считал естественным и для России. Не исключал его и сам К. Маркс, писавший в свое время, что «Россия имеет тенденцию стать капиталистической нацией» и достигнет этого, превратив предварительно значительную часть своих крестьян в пролетариев.

Отметим, что в дореволюционной России зачастую сама выработка конкретных представлений о числе народов или наций, населяющих страну, представлялась делом несущественным и даже лишним, «ибо определение национальной физиономии многих из них находилось еще в процессе развития» (К. Залевский). Считалось, что «из 142 национальностей, которые будто бы насчитывает Россия, наверное, не все разовьются в современные нации, большинство из них, как, например, осетины, вогулы, черемисы, калмыки, самоеды и прочие, пойдут по пути басков и бретонцев» (К. Каутский), то есть составят часть более крупного этнического объединения. Ассимиляционные процессы среди российских народов воспринимались интеллигенцией «как неизбежное следствие цивилизации». Согласно такому представлению, «еще полвека или век, и вся Россия будет читать Пушкина по-русски (так понимался «Памятник»), и все этнографические пережитки сделаются достоянием музеев и специальных журналов» (Г.П. Федотов). В этом отношении большевики не столь существенно выделялись ни из общей массы «передовой» российской интеллигенции, ни из среды «прогрессивных» политических партий. Ничего не имели они и против космополитизма в особом, «красном» его варианте, называемом интернационализмом.

П.И. Новгородцев, выдающийся русский правовед и философ, теоретик неолиберализма, основатель и руководитель Русского юридического факультета в Праге в

1922–1924 годах, переоценивая в эмиграции российский политический опыт и призывая к восстановлению русских национальных святынь, с горечью отмечал в своей статье «Восстановление святынь» (1923), что в дореволюционной России «ни одна из прогрессивных партий не решалась называть себя русской национальной партией... такое наименование считалось предосудительным и постыдным»; в умонастроениях «передовых» людей того времени господствовали отвлеченный космополитизм, антинационализм и сверхнационализм всяческих видов и оттенков. Партии, считавшие себя государственными и сверхклассовыми, тоже ставили себе в заслугу, что они не национальны, а сверхнациональны, стоят выше национальных особенностей и разделений. Оказавшись в эмиграции, подобные организации стыдливо скрывали свою принадлежность к русскому народу под чисто географическим обозначением «русский». Что же касается российских социалистических и интернационалистических партий, то последние однозначно полагали: «национальное есть пережиток прошлого». Будучи одной из таких партий, большевики использовали национальный патриотизм, иначе говоря, национализм (приверженность человека к своей национальности, ее традициям и ценностям) лишь для достижения и удержания власти. Однако национальный патриотизм не мог быть общественным идеалом большевиков. Напротив, ради своего идеала они были готовы способствовать преодолению национальных различий, используя для этого любые приемлемые средства и формы. СССР и национально-государственные образования в его составе — из их числа.

Вопрос о судьбе наций (как этнических единиц) большевики решали, исходя из положения «Манифеста Коммунистической партии» о том, что «национальная обособленность и противоположности народов все более и более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком, с единообразием промышленного производства и соответствующих ему условий жизни». Считалось, что с переходом к социализму и коммунизму процессы эти еще более ускорятся и нации постепенно отомрут. Ф. Энгельс писал в «Проекте Коммунистического символа веры»: «Национальные черты народов, объединяющихся на основе принципа общности, именно в результате этого объединения неизбежно будут смешиваться и таким образом исчезнут... вследствие уничтожения их основы — частной собственности». Более того, учителя марксизма были убеждены, что «даже естественно возникшие родовые различия, как, например, расовые...могут и должны быть устранены историческим развитием».

Ликвидация частной собственности по всему свету в результате мировой революции позволила бы коммунистам начать строительство своего рода мировой нации землян или нации как согражданства единой мировой социалистической республики. Поэтапное решение этой же задачи (при утверждении социализма в одной стране или группе стран) с необходимостью предполагало целенаправленное формирование взамен бывших «буржуазных» новых «социалистических» наций и, как выражение их сближения и слияния, — надэтнических сообществ — согражданств отдельных социалистических государств. Так что идея нации-государства хорошо «вписывалась» в большевистские представления о ходе социалистических преобразований, и в этом отношении в советской националогии обнаруживается немало общих моментов с евразийством, особенно в изображении советского народа времен Отечественной войны и послевоенного периода борьбы с так называемым низкопоклонством и космополитизмом (в это время советским людям пришлось почти совсем уж, как требовал Н.С. Трубецкой (1922), «привыкнуть к мысли, что романо-германский мир со своей культурой — наш злейший враг») да и во всех постсталинских модификациях новой исторической общности людей в СССР.

В развитии большевистской (советской) общественной мысли можно различить, по меньшей мере, четыре-пять модификаций идеи «нации как согражданства» (нации-государства), включая весьма близкую к ней идею «новой исторической общности» и «русской нации». Конкретные представления о них вызывались к жизни осмыслением реальных общественных процессов в их конкретно-историческом выражении и желанием направить эти процессы по определенному руслу к определенной цели. На наш взгляд,

можно говорить, по меньшей мере, о разновидностях новых надэтнических наций-согражданств, которые должны были прийти на смену нациям-этносам в следующих вариантах: троцкистском (наиболее активное оформление представлений приходится на 1920-е годы), бухаринском (середина 1930-х годов) и сталинском (1930–50-е годы), в представлениях о новой исторической общности, разрабатываемых во времена Н.С. Хрущева и оформленных при Л.И. Брежнев. Идея российской нации-согражданства, как уже отмечалось, пропагандируется в наше время.

Потребность в поисках новых основ национальной политики Российского государства диктуется помимо всего прочего и явной неразработанностью представлений о сущности нации, явственно обнаружившейся сразу же после того, как утратила свое влияние коммунистическая партия, утверждавшая ранее своим непререкаемым авторитетом «истинность» основ марксистско-ленинской теории нации. Непредвзятый взгляд обнаруживает, как писал митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (И.М. Снычев) в 1994 году, что никто из ученых так и не смог дать полное, корректное и практически пригодное определение понятий «нация», «народ», «культура», «цивилизация», которые сплошь и рядом используются в специальной литературе с весьма произвольным значением.

Отсутствие четкости в определении понятия нации позволяло в свое время Сталину совершенно произвольно устанавливать как число наций, так и число народов, населяющих Россию и СССР. В 1921 году он отмечал, например, что лозунги Октябрьской революции собрали под знамя русского пролетариата крестьян более чем двадцать национальностей России, хотя число национальностей в стране было заведомо больше двадцати. Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года выявила 146 языков и наречий. В конце 1922 года Сталин подсчитал, что идущие к образованию СССР независимые республики объединяют не менее 30 национальностей. В 1925 году он вдруг установил, что царская Россия представляла не менее 50 наций и национальных групп. И, наконец, в 1936 году им было окончательно определено: «В Советский Союз входят, как известно, около 60 наций, национальных групп и народностей», хотя по материалам переписи 1926 года известно было о существовании в стране как минимум 185 национальностей. В данном случае напрашивается аналогия. В КНР при Мао Цзэдуне национальные проблемы начинали решать путем такого же упрощения национальной структуры общества. По свидетельству директора Ленинградского института этнографии АН СССР Р.Ф. Итса, «в 1953 году Мао собрал Политбюро и сказал, что вот тут ученые считают, будто у нас в стране 380 или 460 народов проживают. С сегодняшнего дня давайте считать, что их 49. Никто не возразил — нельзя было возражать. Это было волевое решение в соответствии с духом Мао».

До смерти Сталина его представления о численности наций, национальных групп и народностей СССР не подвергались сомнению. Однако и после смерти Сталина определенности в этот вопрос не было внесено. Советская научная литература послесталинского периода показывает поразительный разбой в представлениях о народах нашей страны, которые могли быть отнесены к категории наций. В разное время и разными учеными доказывалось (а чаще провозглашалось без особых доказательств), что наций в СССР насчитывается 18, 20–25, 21, 30, 34, 36, 37, 42, 43, 44, 45, 49, 52, 74 и более. На одном полюсе мнений нация определялась по наличию у народа своей государственности в форме союзной республики, на другом — абсолютизировался язык как признак нации, и наций получалось столько, сколько литературных языков функционировало в стране.

Известная формула о том, что в СССР проживает более ста наций и народностей, также была не более чем условностью. В опубликованных разработках данных послевоенных Всесоюзных переписей населения число выделяемых национальностей значительно разнилось. В официальных публикациях итогов переписи 1959 года были названы 126 национальностей. По итогам переписи 1970 года — 122, 1979 года — 123, 1989 года — 128 национальностей. Все эти цифры были очень далеки от показателей переписи 1926 года, в опубликованных материалах которой названы 190 национальностей и 154 национальных

языка.

Специалисты, анализировавшие эти официальные публикации, утверждали, что общее число наций и народностей в СССР не превышает 57 (А. Табалдиев, С. Нурова), 68 (М.И. Куличенко), 89 (И.П. Цамерян). По оценке Э.В. Тадевосяна, в СССР насчитывалось 119 наций, народностей, национальных и этнических групп; из них наций — около 40, народностей — около 50, национальных и этнических групп — около 30. Вряд ли можно считать окончательным и утверждение, что ныне именно 176 наций и народностей России (число установлено по результатам анализа материалов микропереписи населения, проведенной в 1994 году) Имеют право на пропорциональное представительство в структурах власти.

Напомним, что, по Сталину, «нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности четырех основных признаков, а именно: на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры». Анализ формулировки обнаруживает, что нация в ней, по сути, не определена. Здесь перечислены те признаки или черты этноса, которые свойственны социально-этнической общности людей как таковой — родоплеменной общности, народности, нации, причем никаких специфических черт нации, отличающих ее от родоплеменной общности или народности, вовсе не указывается. Утверждение Сталина о том, что «только наличие всех признаков, взятых вместе, дает нам нацию», что «достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией», дела не меняет. Ведь и наличие всех признаков, если следовать сталинскому определению, составляют лишь базу, на которой появляется нация, но не нацию как таковую.

Непредвзятый анализ показывает далее, что Ленин не высказывал своего одобрения сталинскому определению нации. Он никогда не воспроизводил и даже не упоминал его в своих работах, по-видимому, попросту не усматривая какой-то самостоятельной сталинской теории нации. После публикации сталинской статьи Ленин отмечал существование двух марксистских теорий в национальном вопросе: идеалистической теории нации Бауэра, в которой главным является национальный характер, и историко-экономической теории Каутского, главным для которой является язык и территория. Одобрение Ленина касалось тех разделов сталинской статьи, в которых пропагандировалось, доходчиво разъяснялось содержание программы партии по национальному вопросу, помогая большевикам не сдавать, как выражался Ленин, «ни на йоту принципиальной позиции против бундовской сволочи». Практическая ценность сталинского определения нации заключалась в том, что оно вводило определенные ограничения в понятие субъекта национального самоопределения, помогая, к примеру, «вышибать евреев из числа наций» (а значит, и из числа субъектов права на государственное самоопределение). Этой же цели служило и разделение Сталиным народов на нации и народности. Отнесение народа к разряду народностей (народа, не обладавшего всеми признаками нации) в послереволюционное время использовалось для ограничения числа народов — вероятных претендентов на статус союзной республики.

Неразработанность теории не могла не сказываться на качестве политических решений, принимаемых по конкретным ситуациям в национальной сфере жизни общества. Волюнтаризм и произвол при этом были как бы запрограммированы. С изрядной долей цинизма признавал это, к примеру, Л.Д. Троцкий. «Национальность, — говорил он на XII съезде партии, — вообще не логичное явление, ее трудно перевести на юридический язык». Поэтому необходимо, чтобы над аппаратом, регулирующим национальные отношения, «стояла в качестве хорошего суфлера партия, которая будет через этот аппарат прощупывать, где что делается, где у кого что болит. Если будут очень острые конфликты по вопросу о финансах и т. д., то, в конце концов, в качестве суперарбитра будет выступать партия».

Национальную политику в СССР во многом определили представления о советском федерализме. Федерация изначально представлялась здесь как форма перехода народов,

стоявших на разных ступенях экономического и культурного развития, к полному государственному единству наций, к единой и нераздельной социалистической республике без выделения в ее составе частей по национальному признаку. В то же время федерация мыслилась как форма, обеспечивающая поэтапное сближение и слияние наций. Форсирование процесса, начиная с образования СССР и заметно ускоренное с конца 1930-х годов, позволяет говорить о политике денационализации народов Союза. В 1920-е годы и в начале 1930-х в основе этой ультра-интернационалистической политики лежало известное ленинское положение об интернационализме большой нации. В середине 1930-х годов, в условиях надвигающейся войны и провозглашения победы социализма, было объявлено о преодолении недоверия между народами и торжестве дружбы, что было явной переоценкой действительности. В годы войны и послевоенные годы режима власти Сталина противоречивость национальной политики в СССР еще более усилилась. Этот период характеризуется грубым произволом в области национальной политики. За действительные и мнимые преступления отдельные представители, а некоторые народы Поволжья, Кавказа и Крыма в полном составе были выселены из мест своего исконного проживания, их национальная государственность ликвидирована.

Десталинизация национальной политики была половинчатой. Новые власти после 1953 года не сумели исправить даже явные ошибки сталинского режима. Своевременно не были решены проблемы бывших немцев Поволжья, крымских татар, турок-месхетинцев. Динамизм в развитии национально-государственной системы, характерный для 1920–30-х годов (постоянное образование новых национально-государственных единиц, повышение их статуса, воодушевлявшее целые народы), в послевоенные годы был утрачен. Вместе с этим пропадала возможность приближения системы к своему оптимуму. Теория национальных отношений не получила какого-либо развития, в основе своей она оставалась сталинской. Правда, официозные теоретики национального вопроса перестали пугать народы перспективой полного слияния наций, однако из арсенала политики эта цель не исключалась.

В 1960–80-е годы отечественная историография пополнилась большим количеством работ о советском народе как новой исторической общности людей. Идея этой общности находится в тесном родстве с высказанной в 1929 году в статье И.В. Сталина «Национальный вопрос и ленинизм» мыслью об общности наций, объединявшихся на определенном историческом этапе вокруг зональных экономических центров и использующих наряду с национальными языком межнационального общения. Однако развитие представлений об этом историческом феномене во многом сдерживалось традицией, в силу которой нацию полагалось относить непременно к разряду этнических общностей. Между тем мировая наука такого ограничения не знала, что позволяло ей избежать тотальной этнизации национальной проблематики. В конечном счете, принципы отечественной науки о нациях (нациологии, как предложено называть эту науку А.Г. Агаевым в 1992 году) не пошли впрок ни самой этой науке, ни народам страны. Наиболее негативным образом они сказались именно на трактовке советского народа как новой общности. Сточки зрения международной терминологии, «советский народ» — это не менее правомерное понятие, чем «американский народ», «французский народ» и все прочие «народы», выражающие государственную принадлежность и обусловленную ею общность соответствующих групп человечества. Не было бы ошибкой и употреблять термин «советская нация» как эквивалент этатистского термина «советский народ». В СССР этот термин не применялся из-за опасений, что это могло-де означать «отмену» наций как этнических общностей. В итоге приверженность сталинскому определению нации сыграла свою негативную роль в распаде государства. Без собственной «нации» и равноценного этому понятию «советского народа» СССР в глазах многих его недоброжелателей (как зарубежных, так и доморожденных) оставался не более чем колониальной империей, обязанной в силу исторической закономерности сойти с мировой арены.

Новейшие революционеры повторяют старые ошибки в национальном вопросе

Возвращение к «ленинским принципам национальной политики» в период Хрущева — Горбачева на практике сводилось к попыткам вернуть представления и практику 1920-х годов, когда ленинские принципы осуществлялись якобы всего последовательнее. Воскрешались имена оппонентов сталинской национальной политики, вроде бы лучше понимавших ленинские замыслы. Ни к чему хорошему такая десталинизация не привела и, на наш взгляд, привести не могла. Ибо такое возвращение к Ленину означало воскрешение иллюзий о возможности продолжить и ускорить движение к безнациональному коммунистическому обществу в конкретном государстве, существовавшем в форме союза суверенных национальных псевдогосударств при отсутствии собственной государственности у русских. Оптимизировать данную, освященную именем В.И. Ленина структуру отношений невозможно. Осознать это, также как и необходимость выработки принципиально новой схемы государственного устройства, в котором народы сохраняли бы свое естественное право вести национально-автономную жизнь и в такой же степени дорожили общегосударственным единством, лидеры СССР и всевозможных национальных гособразований оказались не в состоянии. Поэтому поиски новых путей разрешения российских национальных проблем продолжились уже без их участия.

Отыскивая эти пути, ученые и политики нащупывают новые основы российского народоустройства и политики, которая способствовала бы росту само- и взаимоуважения национальностей, вместо того чтобы питать рознь и подозрения. Наряду с оживлением представлений о нации как многоэтническом согражданстве единого государства (приоритет здесь следует, по-видимому, отдать кадетам), в наше время оживляются представления о нации как особой совокупности этносов. Из таких представлений исходили, например, дореволюционные ученые, утверждавшие, что русская нация включает великороссов, малороссов, белорусов и расширяется за счет принимающих христианство и ассимилирующихся представителей других российских народов.

П.А. Сорокин, профессор кафедры социологии Петербургского университета, высланный из России в 1922 году и завоевавший в Америке славу одного из основателей современной научной социологии (в 1964 г. он стал председателем Американской социологической ассоциации, что явилось актом высочайшего признания заслуг ученого), был верен таким представлениям вплоть до конца своих дней. «Русская нация, — писал он в 1967 году, — состоит из трех основных ветвей русского народа — великороссов, украинцев и белорусов — плюс «русифицированные» или ассимилированные этнические группы, входившие в дореволюционную Российскую империю и входящие теперь в Советский Союз». Общая численность русских в таком широком смысле слова, по данным переписи 1897 года, составляла 65,5 % от всего населения России. Название «инородцы» в широком же смысле давалось в то время всем «подданным неславянского племени» (28 %), а в более точном, юридическом значении к ним причислялись «некоторые племена, преимущественно монгольские, тюркские и финские, которые и по правам состояния и по управлению поставлены в особое положение». В общей сложности они насчитывали 6,6 % населения России. В отличие от основной части подданных государственный налог для инородцев заменялся особыми сборами (ясаки, подать со скота, кибиточная подать). Инородцы пользовались также «особым правом управляться и судиться по своим обычаям, своими выборными родовыми старостами и родоначальниками, а общим судам подсудны лишь за более тяжкие преступления».

В русском зарубежье из представлений о российской нации как надклассовой совокупности всех национальностей российского государства в послевоенные годы исходили меньшевики. Известный меньшевистский деятель С.М. Шварц писал (1945), что «национальная проблема в России — это не проблема растворения национальностей в едином советском народе с постепенной утратой ими культурно-этнической индивидуальности, а проблема обеспечения свободного развития национальностей в рамках единой нации». Согласно программе НТС (1948), «нация есть органическое объединение

людей (одного или нескольких народов), осознающих свое единство, творящих общую культуру, спаянных воедино общностью культуры, общностью духовных стремлений, государственных и экономических интересов, общим историческим прошлым и, главное, единым устремлением на будущее. Государство есть организация нации, в которой она находит свое наиболее полное выражение. Ни один народ, входящий в нацию, не теряет в ней своей творческой самобытности».

Сходные представления о российской нации, включающей все народы России, разделяла такая экзотическая часть российского зарубежья, как русские фашисты. Выйдя из студенческой среды в одном из центров дальневосточной российской эмиграции — Харбине и сменив несколько названий, эта сила пыталась предложить собственный вариант выхода из того тупика, в который, по ее мнению, завела Россию диктатура большевиков. В «Азбуке фашизма» (1934) провозглашалось: «Российские фашисты считают, что хотя основными элементами российской нации являлись великороссы, малороссы и белорусы... в российскую нацию входили также и другие народы России, принимавшие также участие в ее исторической жизни». Только в том случае, писали далее авторы «Азбуки», если все российские народы будут представлять собой «тесно спаянную семью, сознающую необходимость крепкого единения и сплоченности, можно создать мощное национальное государство», которое сможет не только противостоять всякому внешнему давлению, но и «обеспечить всей нации в целом и отдельным входящим в нее народам спокойствие и процветание».

В наше время постулат о надэтнической природе нации встречается в программных документах движений и партий разной политической направленности. Например, идеологи и теоретики клуба «Постперестройка» под руководством С.Е. Кургиняна утверждают: субъектом государственного строительства, способным сохранить и укрепить российское ядро, а затем строить вокруг него Большую и Великую Россию, может быть только нация. Под нацией при этом понимается «полиэтническая культурно-историческая общность, основанная на самоотождествлении с определенной культурой, признании ценностей созданного данной культурой государства и на общей исторической судьбе». Русская нация, составляющая более 85 % населения России, по убеждению этих идеологов, при своем самоопределении вправе требовать унитарного русского национального государства с культурными автономиями для национальных меньшинств; однако, учитывая традиционную российскую политику сбережения других культур и народов, русская нация может предложить другим нациям, проживающим на данной территории, жесткую федерацию без права выделения из состава России. Теоретики «постперестройки» утверждают, что такая формула есть благо и для всех этих наций, поскольку при удалении русского населения с их территорий, при вычитании русского компонента из их истории и культуры их ждет неизбежное культурное вырождение или поглощение более сильными соседями. Таким образом, «полиэтническая русская нация» мыслится здесь элементом национальной структуры населения России наряду с другими нациями (полиэтническими?) и (или) национальными меньшинствами. Неясных вопросов такие представления оставляют немало, хотя очевидно, что авторы на самом деле говорят о существовании двух категорий наций, одни (в данном случае одна) из которых могут выступать субъектом государственного строительства, другие не могут в силу исключительно количественных различий между ними. На наш взгляд, такая теория не обладает достаточной убедительностью. Вспомним, что в свое время Сталин в свои рассуждения о нации как субъекте государственного строительства вводил количественный критерий: национальная республика может-де рассчитывать на независимое существование вне СССР в случае, если ее население насчитывает «не меньше, а больше хотя бы миллиона». Теоретики постперестройки не делают и этого. Однако в отличие от Сталина они не могут рассчитывать на принятие их теории за истину без серьезной теоретической аргументации.

Весьма своеобразную полиэтничность обнаружили в русской нации коммунисты на третьей конференции Ленинградской областной организации КПРФ. В принятой ими

резолюции заявлено «об исторической преемственности, самоценности русского государства как гаранта выживаемости всех народов России и соседних республик». Слово «русский» при этом предлагается воспринимать «как понятие, обозначающее не конкретную национальную принадлежность, а великий суперэтнос, связанный воедино общей исторической судьбой и общей суперкультурой. Тогда русский — это и великоросс, и белорус, и украинец, башкир, мордвин, еврей, бурят, татарин... То есть русские — это те, кто связан общей государственной территорией, как это было всегда, общей экономикой, общей культурой» (Правда. 1994. 11 февраля). Аргументация довольно неожиданная, никак не согласующаяся с прежними «ленинским» и «сталинским» пониманием сущности наций и интернациональных общностей, и говорит, скорее всего, о неудовлетворенности какой-то части коммунистов традиционным определением нации, признанием его недостаточности для анализа новой исторической ситуации. Для обозначения сообщества народов России с давних времен используется понятие «россияне», отказ от него без попытки какого бы то ни было обоснования явно неоправдан.

На представления о надэтническом характере нации опираются авторы «Манифеста возрождения России» (1994), созданного по инициативе Союза Возрождения России и Конгресса русских общин и претендующего на то, чтобы дать «русский национальный ответ» на ключевые вопросы национального и государственного строительства. «Манифест» не является документом какой-либо отдельной политической организации; он адресован государственно-патриотическому движению в целом. Главная цель Манифеста — обоснование идеологии объединения русских людей и разработка современной национальной идеи. Подробнее к этому сюжету мы обратимся позднее. Здесь же сделаем акцент на попытке авторов устранить многозначность употребляемых ныне понятий, связанных с национальными и этническими проблемами России. Под этносом (народом) ими понимается устойчивая социальная группа людей, сложившаяся на основе племенного родства, общности языка, существующей (или существовавшей) общности территории. Это понятие авторы закрепляют за народами, не достигшими высокого уровня развития. В отличие от них народы, обнаружившие способность построить высокую культуру, формируют нации, складывающиеся в процессе становления государства и укоренения высокоразвитой культуры. Далее утверждается, что «нация формируется вокруг этноса (группы родственных этносов), несущего на себе основную нагрузку государственного строительства и создания единого культурного пространства».

Нетрудно заметить, что проекция таких понятий на современную российскую действительность по сути дела в одностороннем порядке лишает нерусские народы России претензий на звание наций, что вряд ли правомерно. Такое впечатление еще более усиливается при знакомстве с понятием «русская нация» и «русский народ» в трактовке авторов Манифеста: «Русская нация — нация, сформировавшаяся вокруг великорусского, малорусского и белорусского этносов и включившая в себя многочисленные народы, тесно связанные с русской культурной, духовной и государственной традицией», а русский народ — это «представители этносов, формирующих национальные, государственные, культурные традиции России». В другом месте отмечается: «Русская нация объединяет великороссов, малороссов, белорусов, сравнительно недавно сложившиеся новорусские этносы (казаки, уральцы, сибиряки и др.), а также представителей других коренных народностей России, считающих себя русскими». Таким образом, авторы отождествляют русских и нерусских россиян, порождая вопросы, ответы на которые можно получить, приняв во внимание авторское видение перспектив развития русского и нерусских народов России. «Завершение формирования русской нации, — декларируется в Манифесте, — определит историческую судьбу этих этносов: либо навеки с русским народом, либо превращение в русскоязычные этнические группы... тяготеющие к другим (нерусским) культурным традициям и государственным образованиям за пределами России». Призывая к очищению от экстремизма и спесивой национальной исключительности, авторы Манифеста, как представляется, сами подвержены болезням такого рода. Лишая нерусские народы России

звания нации и сохраняя его лишь за русскими, надо быть готовым и к бытованию утверждений прямо противоположных. В результате появляются абсурдные утверждения, что ни русской нации, ни самих русских, точно также как и других российских наций, не существует.

Рассматривая конкретный случай такого рода, А.Е. Жарников вскрывает одну из причин заблуждения. Дело в том, что все народы на Земле существуют не только сами по себе в своих государствах и этнических границах, но всегда группировались в общности, именуемые историками «цивилизациями», а этнологами — «суперэтнотами». «Скажем, — пояснял он в 1994 году, — немцы, французы, англичане, австрийцы и другие западноевропейские народы давно уже составляют единую суперэтническую целостность, развивающуюся по собственным законам. И если вы захотите доказать, что немцы, к примеру, не существуют, примените к немецкому народу признаки (критерии) западноевропейского суперэтнота и получите тот же результат, что и у нашего автора с русскими. Но если разделить такие явления, как «русский суперэтнос» и «русский народ», являющийся его составной частью, тогда все станет на места. И все попытки доказать, что «русские — это миф, включающий все на свете», окажутся вздором, интеллектуальной побрякушкой». На наш взгляд, авторы «Манифеста возрождения России», допуская ошибку такого же рода и несколько упрощая положение вещей, преждевременно объявляют русской нацией общность иного порядка — известную часть славянского суперэтнота.

Оригинальное и во многом убедительное решение проблемы соотношения нации и этноса дается в статье Ю.М. Бородаев «От империи к национальному единству» (1994). Автор утверждает, что основной порок теории нации коренится в смешении понятий «этнос» и «нация» вплоть до их полного отождествления, которое стало обыкновением после выхода в свет работ Л.Н. Гумилева. В отличие от него Бородаев считает нацию и этнос понятиями, хотя и родственными, вместе с тем принципиально различными. Нация исходно, по природе своей, полиэтнична, или, точнее, надэтнична. Основой здоровой нации может быть лишь гармоничное сочетание разных этносов. Многие сотни этносов сохранились до сих пор на Земле именно потому, что они не начали развиваться в нацию. Этноты, как правило, не претендуют на государственность; государственное самоопределение — это святое право нации и только нации.

Государственность, создаваемая на базе этноса и на базе нации, по Бородаеву, также принципиально отличаются друг от друга. Моноэтническая государственность может существовать только в форме апартеида, единственной задачей которого становится подавление инородцев, а то и своих по крови, но с иными нравами. Такую государственность, считает Бородаев, пытаются утверждать лидеры ряда государств нового зарубежья. Становясь на путь создания государства, этнос, как правило, протензией на какие-либо особенные права. Этническое самоотречение, самоограничение есть судьба этноса — строителя государственности надэтнического типа. Такой этнос объединяется на равной основе с другими этнотами и заканчивает вместе с ними свое этническое бытие в надэтнической нации. Где сегодня, например, белокурые, голубоглазые франки, давшие имя французам? Кто такие современные англичане? Исходно — романизированные кельты, смешавшиеся с племенами англов и саксов, завоеванные потом офранцузенными норвежцами, то есть норманнами. Аналогичное можно сказать об итальянцах, немцах. От этноса — создателя государства чаще всего остается два памятника: этноним, ставший именем нации, и лингвистическая структура общенационального языка.

Согласно таким воззрениям, россияне — это грандиозная по своему замаху, но не зрелая, молодая евразийская нация, далеко еще не завершившая своей постройки. Ключ к разрешению национального кризиса, поразившего бывший Союз ССР, надо искать, по мнению Бородаева, в реинтеграции большей части СССР в форме новой России и продолжении созидательной общенациональной работы, очищенной от чужеродных национальному принципу утопически-коммунистических и имперских конструкций. Автор

надеется, что первыми на этот путь будут вставать хлебнувшие самостийного лиха наши братья из Казахстана, белорусы, украинцы. Они сами избавятся от местечковых политиканов и начнут давить на московский центр, требуя объединения.

В отличие от тех, кто все еще верит, что созданная в нашей стране за годы советской власти новая историческая общность «продолжает существовать и рано или поздно воссоздаст адекватное своей природе государство» (Б.П. Курашвили), Бородай видит границы будущего Российского государства не совпадающими с границами бывшего СССР. Границы Российской империи и ее наследника, Союза ССР, были, видимо, шире национальных, а сегодняшние российские границы — значительно уже. Нация и национальное государство отличаются от империи духовно-этнической совместимостью (стихийно заданной или исторически наработанной «комплиментарностью») составляющих их этносов. Поэтому Россия видится устойчивым и долговременным государством, если выдвинет в качестве главной цели своей политики принцип объединения в единой российской нации народов Белоруссии, Востока Украины, Новороссии, Крыма, русской части Казахстана. Возможно, полагает Бородай, что для осуществления этой цели со стороны России окажется вполне достаточно одной лишь декларации, остальное смогут сделать сами наши «зарубежные» братья.

Серьезным препятствием для реинтеграционного процесса, обрисованного Ю.М. Бородаем, может стать подозрительность, разбуженная в последнее время у русских и заключающаяся в опасениях, что любые формы реинтеграции на деле снова сведутся к одностороннему ограничению русских в их национальном развитии и попыткам, как и прежде, за их счет обеспечивать относительное благополучие других народов. Чтобы не повторять ошибок прошлого, К.Г. Мяло и Н.А. Нарочницкая сочли необходимым заявить (1994), что государство, к восстановлению которого надо стремиться, должно быть не СССР, не СНГ, не Евразийский союз и т. п., а именно единая и неделимая Россия, обеспечивающая безоговорочное право на воссоединение расчлененного русского народа на всех его исторических землях. Если народы, ранее входившие в СССР, сейчас не заявляют о своем желании воссоединиться, но склонны к тесному союзу с Россией, то такой союз нужно реализовать в форме Российского Содружества. Авторы полагают, что русские не жаждут вновь брать на себя всеобъемлющие обязательства в отношении тех, кто их еще недавно хулил, а теперь видит в России лишь экономический резервуар или прибежище в момент национальной катастрофы. В отличие от Ю.М. Бородая, эти авторы призывают русских не к самоограничению, не к отречению от своеобразных этнических качеств, а к тому, чтобы сначала заняться собой — укрепить демографически и, главное, восстановить себя как духовно-национальную общность.

Идею построения «российской идентичности», в которой нет места русскому самоопределению и мироощущению, не приемлет и Д.О. Rogozin. В 1994 году он призывал отказаться от определения нации как согражданства, поскольку такой подход, по его мнению, «лишает русских субъектности, а, следовательно, мстит дорогу различным антирусским политическим концепциям». Автор напоминает о неудачном, с его точки зрения, опыте реализации подобного замысла: «Мы уже пытались создать новую историческую общность — «советский народ» — и видим сегодня, что из этого получилось». Принимаясь снова растворять «русскость» теперь уже не в советском, а в столь же абстрактном «российском народе», мы рискуем окончательно потерять этнокультурную самобытность нации. Чтобы этого не произошло, русская нация, как считает Д.О. Rogozin, должна быть признана государствообразующей силой, аккумулирующей энергию других наций и народностей, добровольно тяготеющих к русской культуре. Однако полагать, что это не противоречит выдвинутому здесь же тезису о том, что «гармоническое равновесие интересов и симпатий наций и национальных групп является единственным критерием межнационального согласия», на наш взгляд, было бы некорректно.

Говорить о гармоничном равновесии интересов между нациями в данном случае невозможно. Ибо, по существу, нацией в пределах России признается только один русский

народ, а все другие переводятся в разряд национальных меньшинств. Рассматривая национальную структуру населения России с этих позиций Б.С. Хорев считает, что «по международным стандартам (имеется в виду, что свыше 80 % составляет титульная нация, еще выше процент лиц, признающих русский язык родным и тем более говорящих на нем) Россия вовсе не многонациональное государство». По этим Стандартам, Россия есть государство титульной русской нации, «но с очень большой пестротой национальных меньшинств — языковой, конфессиональной, культурной» (Правда. 1994. 11 марта). С этих же позиций В.И. Козлову представляется вполне целесообразным отразить историческую роль и преобладающее значение русского этноса в Конституции России, назвав ее без обиняков государством русского народа (этноса), допустившего существование в границах этого государства территориальных автономий этнических меньшинств (Молодая гвардия. 1998. № 9).

Анализ основных тенденций российской общественной мысли новейшего периода позволяет заключить, что, несмотря на известное неприятие понимания российского согражданства как нации, круг его сторонников со временем расширился, включая представителей различных научных школ и политических движений, в том числе и окрашенных в русские национальные цвета. Наиболее значимыми в этом отношении являются, на наш взгляд, следующие примеры.

«Можно допустить, — пишет лидер ЛДПР в «Вестнике Московского университета» (Серия 18. 1998. № 2), — что Россия — это странароссийской нации, становым хребтом которой является русский народ». Следует, считает он, отказаться «от узкоэтнического понимания национальной принадлежности и перейти к трактовке понятия нации как согражданства единого и неделимого Отечества. У русских нет монополии на патриотизм. Любить Россию может и татарин, и башкир, и якут. Залогом духовного единения и сплоченности всех народов России должно стать осознание общности их судьбы, идея великой российской государственности, являющейся гарантией их культурной самобытности. Россия — наша общая Родина. Поэтому национальное самосознание неизбежно должно быть комплексным — великорусским, общерусским (восточнославянским), российским».

Лидер движения «Духовное наследие» А.И. Подберезкин утверждает, что центральным сегодня стал вопрос «о формировании и общественном сознании государственно-патриотической идеологии, современной общенациональной идеи, которая может стать стратегией развития Нации и Государства». При этом специально подчеркивается, что наиболее состоятельной является модель «государство — нация», понимаемая как «общенародная территория с сильно консолидированным населением, объединенным общей историей, борьбой за выживание, универсальными экзистенциальными и воспроизводственными ценностями». Конечная цель преобразований России усматривается в создании «унитарного, наднационального, межэтнического государства, где собственно национальные особенности реализуются только в сферах культуры, образования».

А.И. Солженицын, один из наиболее ярких приверженцев русской идеи, придает большое значение также и российскому патриотизму. «Страна многонациональная, — писал он в 1998 году, — в трудные моменты истории должна иметь опору в поддержке и одушевлении всех своих граждан. Каждая нация должна иметь убежденность, что единая защита общих интересов государства — жизненно нужна также и ей». Писатель с сожалением отмечает, что «такого государственного патриотизма в сегодняшней России нет и в помине», что «новая Россия не поставила себя как родину».

Краткий экскурс в историю проблемы соотношения «нации», «народа (этноса)» и «нации (согражданства)» позволяет заключить, что политики (в науке — историки, государствоведы, политологи, этнологи) с давних пор отмечали недостаточность представлений о нациях (этнусах) и соответствующих им однопациональных государствах как наиболее универсальных формах жизни людей. В не меньшей мере социально-культурная и политическая ориентация людей определяется их принадлежностью к другим

общностям (социальным, культурным, конфессиональным), в первую очередь государственным (подданство, согражданство), выполняющим важнейшую роль в объединительных этнических процессах интеграции, консолидации, ассимиляции и др., в возникновении метаэтнополитических и метаэтнических (суперэтнических, наднациональных) образований. При анализе межнациональных отношений и национальной политики наших дней представляется особенно важным не допускать односторонней трактовки проблемы соотношения нации как народа и нации как согражданства, не игнорировать какую-либо из составляющих системы «этнос — суперэтнос», «нация — наднациональное согражданство».

Особенности нынешней России как многонационального государства определяются тем, что она представляет собой часть бывшего СССР — элемент былой системы, получивший возможность самостоятельного бытия, но еще хранящий все недостатки прежней системы, наследующий все ее негативные свойства. Как известно, Союз ССР именовался федерацией и был во многом уникальным государственным образованием, внутреннее устройство которого не было рассчитано ни на единую нацию в традиционном смысле слова, ни на постнациональное состояние общества, то есть нацию как согражданство. Союз был объединением многообразных «государственных» и «негосударственных» народов, образующих запутанную систему государств в государстве (союзные республики, автономные образования разного ранга).

Неповторимость федеративного устройства СССР объяснима с учетом двух обстоятельств. Во-первых, с помощью национально-территориального разделения единой в прошлом царской России большевикам легче было взять власть и укрепить свои позиции. Нерусскими народами подобное разделение воспринималось как определенная уступка со стороны новой власти их национальным чаяниям. Во-вторых, федеративный союз с иерархией субъектов федерации оправдывался тем, что не только изображался, но и реально выступал в качестве средства оказания помощи малым и отсталым нациям со стороны более развитой. «Драгоценнейшим правом» отсталых наций в Советском Союзе считалось их право на активную помощь. «И праву этому Соответствует обязанность «державной нации» оказать помощь, которая есть только возвращение долга», — утверждалось в работе ГС. Гурвича «Основы Советской Конституции», выпущенной в 1929 году седьмым изданием. Иерархический федерализм, оформившийся в СССР к началу 1930-х годов, был целиком обусловлен «правом на помощь» и ее размерами. В БСЭ (1926) автономная область представлялась как «форма политического самоуправления для тех наций Советского Союза, которые вследствие неблагоприятно сложившихся исторических и иных условий... особо нуждаются в постоянной поддержке центральной власти». Далее отмечалось, что «автономная республика есть более высокий тип национальной автономии, чем автономная область. Но это означает лишь одно: автономная республика менее нуждается в поддержке и руководстве центра, чем автономная область». Правило в распределении средств между нациями в СССР — «больше тому, кто слабее». Подобные взгляды не претерпели изменений и в последующем. Конечные цели такой благотворительной и патерналистской национальной политики не скрывались. Прокламировалось, что федеративный союз типа СССР открыл кратчайший путь к фактическому равенству и полному политическому единству наций, а тем самым и их поэтапному сближению и слиянию в единое целое.

Наднациональному руководству страны казалось, что этих целей легче было достигнуть при отсутствии Русской республики в Союзе, поскольку это позволяло бесконтрольно использовать ресурсы «державной Нации» для помощи и нивелирования народов, входящих в содружество. Чтобы декларируемый курс на расцвет всех наций при социализме, который предполагал коренизацию кадров и всякого рода благотворительность центральных властей, не приходил в противоречие с курсом на сближение и слияние наций, Центр широко использовал карательные меры по отношению ко всем, кого можно было заподозрить в буржуазном национализме и национал-уклонизме. В сочетании с пропагандистской обработкой населения это по-своему способствовало формированию

новой исторической общности. Без Сталина и специфически сталинских методов консолидации общества этот процесс не получил своего завершения. Напротив, стал ускоренно продуцироваться местный национализм и сепаратизм, сыгравший свою роль в разрушении Союза.

В этой связи заслуживают внимания вывод и обосновывающие его рассуждения, изложенные известным политическим деятелем А.И. Лукьяновым. «У нас в России, — утверждает он, — долгое время господствовал принцип, по которому большая нация всегда должна уступать малым народам. Достаточно хоть в чем-то возразить, как тебя обвиняли в шовинизме. Это были очень серьезные перекосы в прошлом, они объяснялись национальным составом руководящих органов многих регионов и тем, что мы осознанно в республиках завышали квоту на выборах для коренной национальности и искусственно уменьшали количество русских. Но когда же начались выборы альтернативные, в целом ряде республик не соблюдались никакие пропорции, выдвигались лишь национальные кадры. Было задумано русское начало вообще. Развал нашего Союза с этого и начинался. Он начался с того, что была возможность местному лидеру не подчиниться союзному государству, прикрываясь лозунгом суверенитета. А если Москва начинала давить, все говорили об империализме и русской великодержавности» (День. 1993. № 8). Думается, распад СССР свидетельствует о большем: помимо всего прочего он ярко высветил негативные стороны государственной идеологии большевиков и несостоятельность ее основы — так называемого «подлинного интернационализма» и его неизбежных спутников: русофобии, национального нигилизма, космополитизма.

Негативное отношение к якобы аутентичному, подлинному (по недавней официальной партийной трактовке) интернационализму высказал влиятельный лидер «новых коммунистов»: «В основе идеологии и практики обновления России не может находиться никому не понятный пролетарский интернационализм и столь же далекий от народного миропонимания космополитизм нового политического мышления с его абсурдными установками на «врастание» в мировую цивилизацию». Аутентичный интернационализм на поверку оказывается более всего соответствующим троцкистским представлениям о нем. В этой связи вывод о том, что «архитекторы» и «прорабы» перестройки оказались «самыми отъявленными неотроцкистами» (Г.А. Зюганов), представляется не таким уж далеким от истины.

Не лишено оснований и сравнение Горбачева с Троцким. Бесславный конец последнего руководителя КПСС и Союза ССР начался, как пишет Ю.П. Белов, с «революционного» космополитизма: «Революция продолжается!». Затем последовала идея «общеевропейского дома». И, наконец: «Все мы плывем в одной лодке». «Революционный» космополитизм был прикрытием либерального космополитизма. Приплыли к развалу Союза — распаду России /Советская Россия. 1994. 20 октября). С этой точки зрения, представляется совершенно правильным провозглашенный Зюгановым (1993) возврат к исконным национальным ценностям, признание необходимости восстановления преемственности исторического развития страны, отказ от воинствующего атеизма и Маскировавшегося под лозунгом «пролетарского интернационализма» безразличия к судьбам собственно народов России, готовности принести их вековые особенности и национальные интересы в жертву молоху «мировой революции».

Трагедия нынешней «революции», на наш взгляд, во многом обусловлена именно тем, что новые революционеры повторяют в национальном вопросе ошибки большевиков. Мондиализм как «светлое будущее», мыслимое вместо коммунистического интернационала, означает опять-таки, как справедливо написала Н.А. Нарочницкая в статье «Государства слагаются веками, а границы пишутся кровью» (1994), «вульгарное, материалистическое и европоцентристское видение мира не в его многообразии культур и цивилизаций, а как идущего к единому образцу. У открытых марксистов и троцкистов это был коммунизм, а у их современных кузенов — мондиалистов — это глобальнаявестернизация. На этом пути одни страны якобы уже преуспели, а другие, пока еще «нецивилизованные», отстают в силу

«шовинизма», «имперских амбиций» и неприобщенности к «общечеловеческим ценностям». Национальный фактор новые революционеры, как в свое время и большевики, используют пока чисто в тактических целях, для достижения и удержания власти.

Отсюда и игнорирование национального и государственного патриотизма (мощного фактора, облегчающего поиск оптимальных форм государственного устройства, призванного обеспечить достойное существование и сосуществование народов), и соревнование новых и старых властей в раздаче суверенитетов в самой России, и та легкость, с которой они пошли на расчленение единой в прошлом страны. Б.Н. Ельцин в своих «Записках президента» (1994) признает, что альтернатива разрушению СССР имела. Он мог бы, например, «попытаться легально занять место Горбачева. Встать во главе Союза, начав заново его реформу «сверху»... Возможности для этого были». Но, как пишет далее президент: «Я психологически не мог занять место Горбачева». Премьер-министр Республики Беларусь В.Ф. Кебич, еще один участник известной встречи в Беловежской пуще в декабре 1991 года, поведал впоследствии о царствовавшем в тот момент настроении: «Там была какая-то эйфория. Никто не представлял, к чему придем. Было одно: убрать Горбачева. Хотя уже там, в Вискулях, на бумаге все было четко расписано. Но не сработали те документы» (Комсомольская правда. 1993. 13 июля). Вот, оказывается, из-за чего, как написала в свое время Ванда Василевская, «гибнут могущества и падают величия».

Главное противоречие в национально-государственном устройстве России

Новые власти сохраняют фундаментальное противоречие в национально-государственном устройстве страны — различие статусов русской и других наций в едином государстве. В прошлом это фундаментальное противоречие находило свое выражение, в частности, в растущем антагонизме между российскими и союзными министерствами. Причины и суть этого антагонизма разъясняются в книге члена последнего правительства Союза ССР М.Ф. Ненашева «Заложник времени» (1993): «Истоки его, конечно, в длительном бесправии России даже в сравнении с другими республиками и в политике центральных министерств многие вопросы Союза решать за счет России. Этот давний антагонизм, когда наступило полномочие российских министерств, перерос в откровенное недружелюбие по отношению к тем, кто работал в центральных ведомствах, и сформировал негативное отношение ко всему, что делалось в них». Н.И. Рыжков видел силу позиции Б.Н. Ельцина в том, что его борьба против союзного Центра не могла не получить поддержки россиян. По очень простой и давно осознанной всеми причине. «Россия, — говорил председатель Совета министров СССР на президентском совете в октябре 1990 года, — действительно была ущемленной. Одних дорог довольно — на 60 километров от Москвы не проедешь. Народ думает: вот пришел царь, который нас спасет. 70 лет россиян угнетали, все у них отнимали, чтоб отдать другим третью часть нашего достатка, Борис положит этому грабежу конец». В выступлении 18 июня 1994 года Рыжков вновь высказал свое давнее убеждение: «Русский народ не был имперским... Начиная с 1917 года Россия постоянно отдавала больше, чем получала от других республик».

С «разрешением» противоречия между союзным центром и союзными республиками (распад СССР) такое же противоречие «работает» в нынешней Российской Федерации в отношениях между новым федеральным центром, с одной стороны; органами управления российских краев и областей, с другой; органами республик, национальной области и округов, с третьей.

Необольшевизм новых революционеров, на наш взгляд, отчетливо проявился не только в деятельности М.С. Горбачева и его сподвижников в годы «перестройки», но и в их последующей деятельности. В основе идеологии и практики обновления оставался все тот же интернационализм (можно уточнить: скорее бухаринского и троцкистского толка) и столь же далекое от насущных национальных интересов народов космополитическое нетерпение интегрировать страну в мировую цивилизацию на основе принятия ценностей Запада,

принципов тамошней организации общества и производства. Правда, нынешние власти, в отличие от большевиков и Горбачева начала перестройки, освободились от претензий на исключительность и мессианизм, намерения осчастливить мир указанием пути к новой, «светлой» жизни всех землян. Горбачев, тем не менее, продолжает пребывать в убеждении, что, «вступая в XXI век, homo sapiens должен осознавать себя еще и homo globalis» (человеком планеты Земля), как гласит заголовок одной из его статей (Независимая газета. 1994. 13 апреля). Представляется, однако, в условиях, когда результаты социологических исследований показывали, что 70 % призывающихся в Российскую армию заявляли о ненужности военной службы, свыше 35 % — о готовности покинуть Родину, а каждый второй считал понятия «воинский долг», «честь», «патриотизм» лишены смысла (Красная звезда. 1994 12 апреля), первоочередную заботу стоило бы проявить о том, чтобы как можно быстрее преодолеть возникшую в перестроечные годы новую полосу расхождения с патриотизмом.

В послании Президента России Федеральному собранию (1994) справедливо указывается, что межнациональное согласие недостижимо, если мы и впредь будем разделять жителей России на представителей так называемых «коренных» и «некоренных» национальностей. Думается, что реально достичь этой цели можно не столько недопустимостью подобного разделения (оно отражает объективные различия между национальными группами), сколько наделением их равными правами и возможностями при формировании территориальных властных органов, а также созданием органов, обеспечивающих национально-культурное развитие этих групп и отвечающих за него.

На наш взгляд, в явном противоречии с положениями о «коренных» и «некоренных» жителях находится соседствующая установка на необходимость выделения «национальных меньшинств» (а соответственно — «национальных большинств») и разработку специального законодательства о национальных меньшинствах. В данном случае не учитываются трудности, проистекающие из соотнесения этих понятий. Каждая конкретная национальная группа (кроме самой большой и самой малой) одновременно может выступать и в качестве меньшинства, и в качестве большинства. Разделение народов на коренные и некоренные, на большинства и меньшинства относятся как раз к тому самому наследию прошлого, от которого никак не удавалось избавиться в прошлом и следовало бы решительно отказаться сейчас. Причем природе прежнего федерализма они соответствовали в большей степени, отражая как раз негативные стороны этого федерализма и сохранявшуюся несправедливость национальных отношений. С идеей нации как согражданства они никак не согласуются.

Русский вопрос — основная проблема современной России

Самую большую проблему современной России и отношений между ее национальностями представляет русский вопрос, выступающий на современном этапе как наследие русофобской, наднациональной по своей природе власти в СССР. Установки на победу социализма в мировом масштабе и на использование русского народа в качестве ударной армии и резерва мировой революции, взгляд власти на него как на народ, обязанный, по В.И. Ленину, устранить исторически возникшее по его вине неравенство, обязанный, по И.В. Сталину, обеспечить «сближение и слияние» наций в СССР, способны были превратить в русофоба любого доброжелателя русских, если он попадал в высшие эшелоны и на самый верх власти в стране. Механизм подобного превращения действовал безотказно, оно было запрограммировано противоестественностью основ федерации, внутри которой были и есть государственные образования всех сколько-нибудь крупных народов, кроме русского. У русских, вопреки логике самого понятия федерации, нет своей республики, в то время как составляющие 7,02 % всей численности населения России нерусские национальные группы (подсчитано по данным переписи 1989 года) имеют 21 национальную республику, одну национальную область и 10 национальных округов. Такое положение — результат политики не нынешних деятелей, облеченных властью, а их

предшественников, обещавших после своего прихода к власти обеспечить «расцвет» национальных культур «инородцев», якобы сдерживаемый в прошлом русским народом-угнетателем, ну а затем осчастливить народы известным слиянием. Угрозу осуществлению этого химерического, как оказалось, курса власти видели в первую очередь со стороны русского народа и его возможной внутрироссийской государственности. Русской республики явно не желали и представители некоторых нерусских национальных элит. Правда, скорее, по другим, но тоже не очень дальновидным соображениям. При существовании Русской республики обещанное В.И. Лениным «возмещение неравенства» «малым и угнетенным» нациям, скорее всего, было бы поставлено под сомнение, во всяком случае, обрело бы совершенно иные условия, формы, сроки, объемы.

Негативное отношение власти к самоопределению русского народа в своей Русской республике прослеживается издавна — еще с кануна образования СССР. Известно, что объединить независимые советские республики в единое государство путем их включения в РСФСР предлагалось еще в середине 1919 года Реввоенсоветом Республики (Э.М. Склянский, заместитель Л.Д. Троцкого по РВС). В начале 1922 года с таким же предложением выступил Наркомат иностранных дел (Л.Б. Красин, Г.В. Чичерин). 11 августа 1922 года этот же план предложил провести в жизнь Сталин, но тоже не получил поддержки. Ленин встал тогда на сторону «независимцев» из Грузии и Украины. В известных записках о национальностях от 30 декабря 1922 года В.И. Ленин отмечал: «Видимо, вся эта затея «автономизации» в корне была неверна и несвоевременна». Акцент на последнем слове в этом суждении наряду с известной ленинской фразой «Сталин немного имеет устремление торопиться» позволяют утверждать, что на самом деле речь шла не столько о неприятии Лениным самой идеи автономизации (пальма первенства в формулировании идеи в советское время принадлежит Троцкому, а вовсе не Сталину, как усиленно внушалось с середины 1950-х годов), сколько о преждевременности ее осуществления в условиях активного возражения «независимцев» и ненадежности государственного аппарата. Большинство сотрудников тогдашнего советского государственного аппарата было, как писал Ленин, «по неизбежности заражено буржуазными взглядами и буржуазными предрассудками», а по другому его выражению, представляло собой «море шовинистической великорусской швали». Именно поэтому В.И. Ленин завещал подождать с автономизацией «до тех пор, пока мы могли бы сказать, что ручаемся за свой аппарат, как за свой».

Пытаясь отстаивать план автономизации, Сталин обращал внимание членов Политбюро ЦК на нелогичность образования единого государства как союза национальных республик по принципу «вместе и наравне», но без русской национальной республики. Он полагал, и писал об этом членам Политбюро 27 сентября 1922 года, что «решение в смысле поправки т. Ленина должно повести к обязательному созданию русского ЦИКа с исключением отсюда восьми автономных республик» и объявлению последних независимыми наряду с другими. Однако доводы Сталина в расчет не были приняты. Л.Б. Каменев по просьбе Ленина предложил схему развернутой формы Союза Советских Республик, в которой Русской республике не предусматривалось (Известия ЦК КПСС. 1989. № 9). Сталину, вынужденному согласиться с решением Ленина, позднее приходилось публично доказывать нецелесообразность разложения РСФСР на составные части и образования Русской республики. Это привело бы к тому, говорил он 26 декабря 1922 года, «что наряду с процессом, ведущим к объединению республик, мы имели бы процесс разъединения уже существующих федеральных образований, — процесс, опрокидывающий вверх дном начавшийся революционный процесс объединения республик».

Предложения о создании Русской республики продолжали поступать и после образования СССР. В феврале 1923 года, усиливая аргументы против создания такой республики, Сталин указывал на еще одну вескую причину, не позволяющую реализовать предложенное. Появление такой республики, писал он, «вынуждает нас выделить русское население из состава автономных республик в состав русской республики, причем такие республики, как Башкирия, Киргизия, Татарская республика, Крым рискуют лишиться своих

столиц (русские города) и во всяком случае вынуждены будут серьезно перекроить свои территории, что еще более усилит организационную перестройку». Странный аргумент для сторонника самоопределения наций, которое как раз и предполагает разного рода перестройки.

В 1925 году вопрос о национальной организации русского народа возник в связи с преобразованием РКП(б) в ВКП(б). 15 декабря на пленуме ЦК предлагалось сохранить РКП(б) путем образования русской или российской парторганизации по образцу аналогичных организаций в других национальных республиках. Если Сталин уходил от положительного решения этого вопроса на том основании, что это-де будет «политическим минусом», то Троцкий без обиняков заявил, что создание русской ли, российской ли парторганизации осложнило бы борьбу с «национальными предрассудками» у рабочих и крестьян и могло стать «величайшей опасностью» для всего большевистского эксперимента.

В ноябре 1926 года на совещании ВЦИК и ЦИК СССР ряд участников прямо поставили вопрос о выходе из РСФСР автономных республик, образовании на основе «русской части РСФСР» Русской республики и прямом вхождении этих республик в СССР. Предложение было заблокировано не только постоянным «железным» аргументом, что это усилит великорусский шовинизм. Высказывались опасения, что «оставшиеся в национальных республиках русские элементы будут стремиться во что бы то ни стало воссоединиться с выделенным ядром и раздирать государственно и территориально организм национальных республик и те из них, в которых примесь русского населения значительна (Башкирия, Татария), окажутся в невозможном положении». То есть самоопределение русского народа расценивалось как шовинизм, а самоопределение других народов — как необходимое условие их национального развития. Национальные интересы русских в автономных образованиях попросту игнорировались, да и говорилось о русских как о чем-то неодушевленном: «элементы», «примесь».

На Первом Всероссийском совещании по работе среди национальных меньшинств с участием «националов» — членов ВЦИК, ЦИК и других представителей национальных окраин, созванном по инициативе отдела национальностей при Президиуме ВЦИК РСФСР в январе 1927 года, ставился вопрос о повышении представительского статуса автономных республик в центральных органах власти РСФСР. Речь зашла и о статусе русского народа. Однако, как пишет об этом историк С.В. Кулешов на основе материалов архива Президента РФ, своеобразным рефреном совещания явилась фраза, произнесенная одним из его участников, — «Ванька прет». Была поставлена задача «бороться с русским Ванькой». Выдвижение вопроса о русской республике признали нецелесообразным в связи с тем, что это могло иметь последствия, от которых «мелким национальностям лучше не будет». О том, нужно ли это самому русскому народу, речь и не шла. Таким образом, заключает исследователь, «самостоятельным субъектом национальной политики русские не выступали, являясь преимущественно объектом большевистских экспериментов» (Родина. 1994. № 8).

Приведенные материалы вскрывают действительную причину опасности, грозящей Центру и «националам» в случае появления Русской республики. Очевидно, что русское руководство такой республики могло спутать все карты анациональных интернационалистов, закрепившихся у власти в столице, и формирующихся национальных элит в союзных республиках, поскольку интересы русской власти, как говорится, не всегда могли совпадать с другими интересами. Именно по этой причине создание русской республики и зародышей любой русской власти постоянно блокировалось партократическим режимом. Именно поэтому не только Ленин и Каменев в 1922 году, Сталин и Троцкий в 1923 и 1925 годах, Сталин, Берия и Маленков в 1949 году в печально знаменитом «ленинградском деле», и совсем недавно — Горбачев, «железно» (если использовать свидетельство его помощника А.С. Черняева), стояли против создания компартии РСФСР, против полного статуса России в качестве союзной республики. М.С. Горбачев на Политбюро так прямо и сказал: «Тогда конец империи».

Опасение это справедливо лишь в одном отношении. Благодаря гигантскому «весу»

РСФСР полноправие России в ранге союзной республики автоматически обеспечивало бы ее лидеру первое место среди руководителей национальных образований, означая фактический конец бесконтрольной власти главы Союза ССР. Конец империи, которым страшал, но которого больше всего страшился тогдашний президент, означал всего лишь его конец как «императора». Всесильный «русский патриот-интернационалист» опасался того же. Особенно явственно это проявилось в сталинских расстрелах «русских националистов» — члена Политбюро ЦК ВКП(б), заместителя Председателя Совета Министров СССР Н.А. Вознесенского, члена Оргбюро, секретаря ЦК А.А. Кузнецова, члена Оргбюро ЦК, Председателя Совета Министров РСФСР М.И. Родионова, кандидата в члены ЦК, первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) П.С. Попкова и многих сотен других «ленинградцев», принявших за чистую монету громкий тост вождя «за здоровье русского народа» на приеме 24 мая 1945 года в честь командующих войсками Красной Армии и увидевших в национальной идее не очередной тактический маневр, а смысл жизни и прямое руководство к действию.

Суть обвинений была незатейливой: «ленинградцы», по свидетельству А.И. Микояна, приведенному в его книге «Так было. Размышления о минувшем» (1999), были якобы «недовольны засильем кавказцев в руководстве страны и ждали естественного ухода из жизни Сталина, чтобы изменить это положение, а пока хотели перевести Правительство РСФСР в Ленинград, чтобы оторвать его от московского руководства». П.С. Попкову припоминали, что он в разговорах со «встречными и поперечными» «агитировал» за создание, по образцу других союзных республик, компартии России со штаб-квартирой в Ленинграде, за перевод туда правительства РСФСР. О Вознесенском говорили как о будущем председателе Совета министров РСФСР, о Кузнецове — как о первом секретаре ЦК КП РСФСР, о Жданове — как о генеральном секретаре. У обвиняемых были и другие прегрешения, но главные, «и «кавказцы» и желание отдалить руководство России от руководства СССР были рассчитаны на Сталина: он охотно клевал на; такие вещи». И тут он легко поддавался внушению: «Если из его рук уходит российская партия и российская государственность, то он остается генералом без армии».

К сожалению, глава нынешней России находится в положении, напоминающем сталинское и горбачевское. Он не видит возможности стать «русским президентом» без риска утратить право называться «президентом россиян». Оставаясь же в этом последнем качестве, он не заинтересован иметь рядом с собой и помимо себя официального выразителя интересов русской нации. Эта дилемма объясняет, почему нынешняя верховная власть России сохранила важнейшее отрицательное свойство бывшей власти и стесняется своей «русскости». В этом же кроется действительная причина той легкости, с которой в стране с преобладающим русским населением живет совершенно невыносимая при нормальном положении вещей русофобия.

Порой она рождает ситуации прямо-таки трагифарсовые. К примеру, Эмиль Паин, будучи заместителем начальника Аналитического управления Президента РФ, принципиально не соглашался с утверждением о разделенности русской нации после распада СССР. «Это самая компактная нация в мире, — говорил он. — В государственной внешней политике идея разобщенности народа всегда используется для воссоединения земель. У России такой политики нет» (Российские вести. 1995. 16 декабря). Кажется, что логика в этом утверждении присутствует, однако она вынуждает отрицать очевидное. Другой пример. 13 ноября 1991 года на встрече с журналистами в «Белом доме» тогдашний вице-президент РСФСР заявил: «Я напроць не согласен с выступлением ПХ. Попова на съезде «Демократической России» в том духе, что следует «распустить РСФСР» потому, что я русский в отличие от него. Я хочу видеть великую Россию свободных народов». Заявление сразу же привлекло внимание прессы. Но осуждено было не предложение пожертвовать своей собственной страной, а русская национальная точка зрения вице-президента: «На посту, который позволяет в случае чего заменить заболевшего, скажем, Ельцина, находится...» страшно подумать кто! «Впервые администратор столь высокого ранга

позволил себе такой примечательный аргумент!»! «Вице-президент... высказался как органический шовинист», заявил Л.М. Баткин, потребовав публичного извинения от вице-президента (Megapolis-express. 1991. 21 ноября). Таким образом, была проявлена готовность поступиться самим государством — Российской Федерацией, но не принципами и наследием «подлинного интернационализма». В адрес СССР Г.Х. Попов высказался еще определеннее: «То, что называлось Советским Союзом, — говорил он в декабре 1991 года, — всегда было формой господствующего положения русского народа в структуре той страны, в которой он живет. Это форма режима, и она должна быть разрушена». Трудно не согласиться с резким сравнением-оценкой подобного рода суждений, прозвучавшим из уст депутата Государственной Думы С.Н. Бабурина на парламентских слушаниях «О предупреждении проявлений фашистской опасности в Российской Федерации» 14 февраля 1995 года: «Цели, которые ставил себе гитлеровский режим 50 лет тому назад, для многих политиков святы».

Русофобия постсоветских лет

Формы проявления этого феномена различны. Многие из них восходят к 20-м годам и более раннему времени. Фантастические черты приобретает абсолютизация известного положения о том, что «обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части русского настроения». Развитие этого наблюдения породило, например, такое обобщение Г. Померанца: «Каждый человек, попадающий на русскую сцену, начинает играть русскую роль, кто бы он ни был: Фальконе, Фонвизин, Левитан, Бенкендорф, Френкель или Троцкий. Тот, кто ассимилирован русской культурой, становится вероятной жертвой, а тот, кто ассимилирован российской политикой — вероятным палачом» (Ной. 1993. № 4). Любопытная «теория», предоставляющая алиби любому «обрусевшему инородцу» за всевозможные политические проделки. И до чего удобно: объявляй себя «обрусевшим», и всю вину можно списывать на русский народ.

Немалые усилия тратятся на разного рода «доказательства» того, что русской нации как таковой не существует. Либо она еще не сформировалась по какой-то причине («У нас не было Ренессанса. И именно поэтому мы до сих пор не можем сложиться в нацию», как написано в книге К. Касьяновой «О русском национальном характере», (1994). Либо она уже перестала быть нацией (русские «как реальная общность, обладающая единым специфическим национально-этническим самосознанием, уже не существуют», потому что в своем политико-психологическом пра-прошлом, еще со времен легендарного племени «рось», общность эта шла «не путем выделения себя, а путем, прежде всего, определения других» (Независимая газета. 1992. 16 января). Некоторые исследователи» вопрос этот решают еще кардинальнее. Они силятся доказать, что и сами предки нынешних русских — славяне появились на свет божий не столько сами по себе, сколько «стараниями неуклюжих псевдопатриотов». Книга М. Аджиева «Полынь половецкого поля» (1994), по мнению одного восторженного рецензента, якобы показывает, как «из венсов, черемисов, кипчаков и других коренных народов России придворные ученые и политики сделали «славян», целые пласты чужой культуры переданы славянам». Однако не следует забывать, что тот, кто отрицает русскую нацию, каким-либо иным способом выводя русских за пределы общих исторических закономерностей, тот отказывает им в праве на национальное самоопределение и строительство собственного национального государства.

Обновляются теории, «объясняющие» все прошлые и нынешние беды России ее извечной «отсталостью», «догоняющим» типом ее цивилизации. В одной из таких теорий российское общество изображается обществом промежуточного типа, «застрявшим» между двумя основными цивилизациями — традиционной и либеральной. Причина? — В недостатке творческих сил для перехода к либеральной цивилизации и постоянная готовность народа «смести всех, кто разрушает (или кажется, что разрушает) привычные формы жизни, превращает их из комфортных в дискомфортные». У российского общества якобы отсутствует «логика медиации», единственно способная обеспечивать постоянное

повышение социальной эффективности цивилизации (А.С. Ахиезер). Но этот недостаток присущ, оказывается, не всем национальностям России. Л. Гозман и А. Эткинд утверждают: «Фактически все последнее столетие евреи играли в России важную роль культурного медиатора, воспринимающего навыки западной цивилизации и через сопротивление внедряющего их на отечественной почве» (Родина. 1990. № 2). Ф.Э. Шереги «открыл», что в нынешних условиях «русский этнос вновь вынужден прибегнуть к ядовито осуждавшейся Чаадаевым исторической практике, когда модель государственности заимствуется у другого (еврейского) этноса, стоящего у истоков современной цивилизации» (Вестник Российской Академии наук. 1995. Т. 65. № 1). О евреях, укрывающихся от нынешней российской смуты за границей, пишут: «Не евреи, а люди нормальной цивилизованной жизни и европейской культуры изгоняются из нашей страны». Делается устрашающее заключение: «Россия, которую покидают евреи, — это Россия, движущаяся к национал-социализму» (Русская идея и евреи. М., 1994).

В то же время «медиаторы», оставаясь в России и активно участвуя в политических событиях последних лет, недалеко видно «не замечают» очевидных странностей, которые происходят здесь с «русским национализмом». Касаясь «еврейского вопроса» в России, известный философ В.И. Толстых пишет: «Откровенный национализм прибалтов или среднеазиатского населения, направленный против преимущественно русских, ни у кого особых эмоций и протестов не вызывает. Это как бы само по себе понятно. А ведь налицо — вопиющий национализм и беспардонный антидемократизм. Появились лишь первые ростки русского национализма, и тут же его квалифицируют как «русский фашизм». При этом не скрывают, что единственным основанием такого «переименования» является антисемитская закваска некоторых течений в этих движениях... Я хочу задать такой вопрос: почему евреи, отстаивающие идею «своего», еврейского государства, — а это основа всей сионистской идеологии, которую, между прочим, в чем только не обвиняли — и в шовинизме, и в расизме и т. д., почему они не поймут русских, испытывающих жестокий кризис своей идентичности и желающих сохранить, отстоять свою российскую государственность? Ведь наши «демократы», целившие в тоталитаризм и коммунизм, превратившие понятие «патриотизм» в ругательное, никогда не скрывали, что им «этой страны» не жалко, даже распалась она на 40–50 государств, княжеств или царств. Как тут быть русским? Для них это вопрос жизни и смерти — как нации и народа» (Правда. 1994. 19 ноября).

Подобные вопросы «медиаторов», как правило, не занимают. И напрасно. Стоило бы принять во внимание, что «медиация» не гарантирует от ошибок. К примеру, поддержка евреями большевиков в Октябрьской революции, напоминает Д.Е. Фурман, «хотя и была естественна и эмоционально вполне понятна, все же отнюдь не являлась следствием глубокого усвоения демократических ценностей и — если вообще допустимо употребление такого термина по отношению к движению широких народных масс — была ошибкой. На мой взгляд, в очень смягченной форме... ту же логику в отношении большинства евреев к политической борьбе мы видим и в 1989–1993 годы» (Свободная мысль. 1994. № 9). Думается, опасения историка насчет того, что российские евреи снова попадают «в ту же ловушку, что и в 1917 году», не лишены оснований. Известный политолог С.Г. Кара-Мурза, не склонный смягчать «ошибку медиаторов», отмечает, что сегодня она дает о себе знать «не в меньшей степени, чем в 1917-м, пусть не в виде чекиста в кожанке и с наганом, а в виде банкира, эксперта и идеолога. Радикальные либеральные политики из евреев взяли на себя функции тарана, сокрушающего «старый режим». Они беззаветные модернизаторы и западники, исполнители проекта, который большинству русских кажется гибельным» (Советская Россия).

1995. 6 января). Не меньшую «ошибку» допускают «медиаторы», когда с особым рвением принимаются «объяснить» русским причину их «отсталости» и всех зол российской жизни «порочностью русской культуры и русского национального характера», особыми свойствами русской души. Оказывается, русская душа — это «великая раба», «в глубине души каждого русского бьется ментальность раба». Не замечают «медиаторы», что в

откровениях подобного рода обнаруживает себя самый что ни на есть элементарный расизм — наделение отрицательными свойствами (несвобода, ментальность раба и т. п.) не личностей, а народа в целом.

В отличие от «медиаторов» и реформаторов, в очередной раз предлагающих России свои рецепты излечения от отсталости, известный русский философ А.А. Зиновьев пытается удержать Запад и западников от совершенно бесполезных, по его убеждению, усилий по переделке России по образцам западного социального строя. Именитый автор исходит из того, что «тот тип организации общества, частным случаем и вершиной которого являлся коммунизм», существовал в России изначально и был наилучшим из всех возможных, поскольку наиболее соответствует природе русского народа, его национальному характеру. Коммунизм, по Зиновьеву, имел успех в России благодаря свойственной русскому народу «слабой способности к самоорганизации, сплоченности и коллективизму, холуйской покорности перед высшей властью, способности легко поддаваться влиянию всякого рода демагогов и проходимцев, склонности смотреть на жизненные блага как на дар судьбы или свыше, а не как на результат собственных усилий, творчества, инициативы, риска» (Социологические исследования. 1994. № 10).

Философ утверждает далее, что «вследствие своего национального характера русский народ не смог воспользоваться плодами своей великой революции и плодами победы в войне над Германией, не смог завоевать привилегированное положение в своей стране, оказался неконкурентоспособным в борьбе за социальные позиции и блага. Русский народ не оказывал поддержку своим наиболее талантливым соплеменникам, а наоборот, всячески препятствовал их выявлению, продвижению и признанию. Он никогда всерьез не восставал против глумления над ним, исходившего от представителей других народов, позволяя им при этом безбедно жить за его счет». Несмотря на то, что коммунизм как тип организации общества вроде бы наиболее подходящ для русских, он, как ни странно, «усилил отрицательные качества русского народа». За годы советской власти, пишет Зиновьев, «произошла во многих отношениях деградация в смысле обострения и огрубления этого характера. Таковую массовую эпидемию антипатриотизма, самоуничужения, пораженчества, холуйского низкопоклонства перед Западом, зависти к западным порядкам, подражания всему западному, особенно — порокам, двурушничества и прямого предательства, какая началась после 1985 года, не допустил бы ни один европейский народ». Освобожденный от всеобъемлющей и, надо полагать, полезной системы ограничений на поведение людей (партийная и комсомольская организации, трудовой коллектив, карательные органы, школа и вузы, идеологическая обработка, культура, семья), предоставленный самому себе и развращающей пропаганде, русский народ в постсоветский период, как пишет Зиновьев, «обнаружил в полную силу свои природные качества, по преимуществу вызывающие гнев, омерзение и презрение».

Право, трудно понять, на что рассчитаны такие «не расистские», как просит их воспринимать автор, суждения. То ли на то, чтобы удержать Запад и прозападных «медиаторов» от безнадежных попыток цивилизовать русских, то ли своеобразной шоковой терапией пробудить в русских чувство собственного достоинства и национализм, то ли подсказывает новым правителям, какого рода диктатуры достойна «эта страна» и «этот народ». Впрочем, не исключено, что философ придаст своим размышлениям о неразумном русском народе и более конструктивный смысл, показав, каким образом он может занять достойное место среди народов мира и народов своей страны.

Между тем в самой России имеется немало авторов, готовых изображать нерусские национальности страны жертвой русского народа, великодержавной и русофильской политики Москвы уже с 1920-х годов и ратовать за возврат к политике «подлинного интернационализма» в ее откровенно русофобском звучании первых лет советской власти. Ленин изображается при этом как сторонник создания условий фактического равенства автономных образований с союзными республиками. Сталин же якобы преднамеренно искажал и фальсифицировал ленинскую национальную политику, нарочно выпячивал и

подчеркивал «историческую» роль одной нации, ее первенствующее положение среди всех наций и народов страны.

Оригинальная трактовка этой идеи принадлежит Поэлю Карпу, который вместо интернационализма более надежным средством от всех неурядиц в национальных отношениях считает космополитизм. Именно в измене космополитизму он усматривает причину того, что в послевоенном Союзе ССР «растет русофобство, то есть неприязнь к русским и всему русскому». Взвзвись отыскать причину этого феномена, автор нашел ее в отказе от космополитизма, якобы с незапамятных времен присущего русской культуре в большей степени, чем любой другой европейской культуре. По Карпу, «крещение Руси означало разрыв с узкоплеменным сознанием и переход к космополитическому». Космополитизму в России будто бы «способствовала и жажда правящего класса усвоить зарубежную культуру, и многонациональность Российского государства». Революция 1917 года, начавшаяся как мировая, оказывается, «возрождала космополитический дух», подорванный на предыдущем историческом этапе проповедью «единой и неделимой России». Пока этот «космополитический дух, пусть и под иными знаменами», был жив в послереволюционном СССР, «никакого русофобства и быть не могло, и слова такого не было», уверяет автор. Перемена к худшему обнаружила себя в кампании по борьбе с космополитизмом, которая означала, по словам П. Карпа, не только гонение на евреев; «она не в меньшей мере была направлена на искоренение все еще живого тогда космополитического сознания русского народа». Оказывается также, что Сталин, провозгласив русский народ первым среди равных, внушал ему «мысль о его превосходстве над другими». В результате, по утверждению П. Карпа, русские, жившие за пределами РСФСР и называвшие себя интернационалистами, «отступили от давней русской космополитической традиции» и не желали «оказать минимальное уважение к народу, среди которого поселились. Этим их интернационализм и отличался от космополитизма, предполагающего всеобщность и взаимность влияний». Вместе с тем начавшаяся при Сталине перемена, как «установил» П. Карп, еще не вполне возобладала, и, стало быть, допускает «обратный поворот». Разумеется, к космополитизму. Тогда, дескать, и русофобство вновь исчезнет.

В практическом плане новый поворот к космополитизму в СССР П. Карп связывал с тем, что «внутри каждой республики, союзной или автономной, для ее постоянных жителей роль средства общения должен выполнять прежде всего язык самой республики» (Книжное обозрение. 1989. 14 апреля). О том, сколько языков межнационального общения должно функционировать в стране, где проживает более 150 народов, автор предпочел умолчать. Однако нетрудно сообразить, что данный вариант космополитической утопии означает всеобщую полиглотизацию населения. К примеру, чтобы полностью отвечать стандарту отечественного космополита, украинец, живущий в Абхазии, должен был знать: украинский (родной язык), абхазский (язык общения автономной республики), грузинский (язык общения союзной республики), русский (язык межнационального общения СССР), плюс хотя бы один из иностранных языков. Пять языков, и это в том случае, если сей космополит не вздумал переехать на жительство в Нагорный Карабах, где ему пришлось бы дополнительно освоить армянский и азербайджанский.

Однако основная масса борцов с великодержавным национализмом надеются одолеть его, используя привычное и проветренное оружие — интернационализм. К примеру, утверждает: Игнорируя прямое указание Ленина, Сталин объявил официально-государственной политикой опасность так называемого местного национализма — «национализма» маленьких народов, в то время как единственно приемлемым должен оставаться подлинный интернационализм в ленинском понимании — состояний в «неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически». Поклонники такого Ленина не замечают, что в цитируемом суждении большая нация навечно и совершенно неправомерно (ибо большой в каждом случае является одна из двух неравночисленных наций)

отождествлена с угнетающей. «Подлинный интернационализм» при этом понимается скорее по булгаковскому Шарикову, который после изучения переписки Энгельса и Каутского открыл универсальный способ решения всех Асоциальных проблем: «Взять все, да и поделить!...» Не учитывается при этом, что вождь «возмещение» (дележка) должно было, по Ленину, вести не к «расцвету» наций при социализме (это как раз Сталин обещал), а к их выравниванию, сближению и слиянию. И уж, конечно, не принимается в расчет, что «выровнять» нации, «поделить» национальное в процессе их сближения и слияния во многих отношениях попросту невозможно. Подлинно национальное неделимо.

Денационализаторскую сторону политики «подлинного интернационализма» такие авторы, как правило, замечать не склонны. Что же касается якобы особой любви «подлинных интернационалистов» к русскому народу, то таковой не могло быть, как говорится, «по определению». Русофобия главных интернационалистов — факт широко известный, и в этом заключается их трагедия как исторических деятелей. «Если уж говорить честно, — пишет А.С. Ципко (1990), — то беда Ленина в том, что у него не хватило русскости, не хватило внутренней сопричастности и к русской жизни и к русской истории. У него не было подсознательного, органического самоощущения принадлежности к России... Его трагедия состояла в том, что он ни во что не ставил многовековые традиции русской жизни, православия, никогда серьезно, предметно не думал о них. Солженицын ближе к истине, чем Гроссман, когда упрекает Ленина в недостатке простого человеческого патриотизма, простой боли за людей». Горький писал в свое время о другом «подлинном интернационалисте»: «Троцкий — наиболее чуждый человек русскому народу, русской истории». Продолжая эту «ответственнейшую мысль», М.П. Капустин дополняет ее в своей книге «Конец утопии?» (1990) следующим утверждением еще об одном, без сомнения, «интернационалисте»: «Сталин — тоже наиболее чужой человек русскому народу и русской истории, хотя и уловивший и нагло использовавший ее национальную специфику». Таковы, к сожалению, отцы-основатели советского государства. Известная стихотворная строчка Ф. Чуева о Сталине — «Великим русским этот был грузин», представляется нам, по меньшей мере, поэтическим преувеличением. В неоправданно негативном истолковании и боязни русского национального фактора «отцами» и поколениями их примерных учеников «интернационалистов» заключается, на наш взгляд, одна из самых больших трудностей, осложняющих решение национального вопроса в России.

Все это позволяет согласиться с одним из выводов, к которому пришел Г.Х. Попов в своей книге «Будет ли у России второе тысячелетие» (1988). Автор утверждает, что от Административной Системы «больше всего пострадали русские», которым власть якобы «предназначила первую роль в насильственной интернационализации», в подавлении и разрушении подлинной национальной культуры всех народов страны. Система с особенным усердием пыталась подавлять русскую культуру, игнорировать прошлое русского народа для того, чтобы «ожесточить русских, освободить их от своей памяти», ибо «человек, освобожденный от своего прошлого, больше пригоден для руководства другими народами». Однако именно последнее и не позволяет согласиться с уже цитированным утверждением этого же автора о том, Советский Союз был «формой господствующего положения русского народа» в его структуре. Роль руководителей во властной элите советского общества охотно играли «интернационалисты» — выходцы (в буквальном смысле этого слова) из самых разных национальностей.

Результат политики «интернационалистов» на сегодняшний день таков: 18 миллионов человек нерусской национальности России имеют здесь собственную «титულную» государственность, а 25 миллионов русских в новых государствах СНГ и странах Балтии не только лишены такой возможности, но и оказываются во многих из них гражданами второго сорта. Подобная ситуация складывается уже и в ряде бывших автономий в самой России. Принимая во внимание все эти факты, стоит подчеркнуть особую значимость заключения В.А. Печенева, высказанного в 1994 году: такое положение «и с моральной, и с политической точек зрения вряд ли терпимо, и, во всяком случае, опасно».

Все это, без сомнения, является следствием государственной русофобии, укоренившейся в большевистской среде после 1917 года. Следуя курсу своей национальной политики, — а в наиболее лаконичной форме ее верно определяют как «политику национального нигилизма» (Б.М. Пугачев), — большевистская власть не могла допустить объективного и всестороннего изучения положения и проблем русского народа. «Могу заверить: издать книгу о русской нации еще недавно было просто невозможно... — со знанием дела писал Р.Г. Абдулатипов в 1994 году — «Русская» тема рыла запретной, хотя аналогичные материалы, касающиеся жизни других народов, публиковались регулярно. Чисто этнологические и этнокультурные работы, посвященные русским, время от времени выходили, но на фундаментальные труды по социологии и политологии русской нации было наложено табу. Любое проявление этнического самосознания русских почему-то пугало, сразу раздавались истошные вопли о русском шовинизме».

В наши дни запрета на обсуждение русской темы уже не существует. Однако публикуемые материалы зачастую «основываются не столько на глубоких научных исследованиях, сколько на расхожих шаблонах», справедливо замечает тот же автор. Следует добавить: устоявшихся за годы господства русофобской политики. Чем иным, как не упованием на возможность возврата на «единственно верный» путь Ленина — Троцкого продиктованы положения отечественных троцкистов, изложенные осенью 1990 года в журнале «Бюллетень Спартаковцев»: «Перекованная, Интернационалистическая Коммунистическая партия может быть роздана в СССР только в ходе безжалостной борьбы против великорусского шовинизма. В первую очередь, это означает защиту евреев от поднимающегося потока антисемитского террора, очистку улиц от новых черносотенцев... прямыми действиями пролетариата. Даже те, кто прячется за самым «утонченным» русским национализмом, представляют собой смертельно опасную засаду на пути к... решению национальных антагонизмов» (Бюллетень Спартаковцев. 1990. № 1).

В союзе с интернационал-коммунистами против русского национализма и русской национальной идеи выступают и нынешние радикал-демократы. «Основная идея национализма — автономия, независимость. Он направлен против имперской или против соседней нации», — рассуждает один из них, вполне понимая и принимая национализм прибалтов, украинцев и других народов, «вырвавшихся из объятий Большого Брата», но никак не принимая русской национальной идеи, которая якобы «не может быть включена в контекст общемировой проблемы национальных автономий, борьбы за национальное освобождение, культурное самоопределение», ибо она «не освободительная, а агрессивная, воинствующая... сливается с идеями державности, государственности, причем опять-таки в их агрессивном обличье», ибо «с ней намертво срослись идеи империи и миссии» (Русская идея и евреи. М., 1994). В этих рассуждениях легко угадываются былые филиппики К. Маркса и Ф. Энгельса против России и русских, но они обесцениваются авторским «намертво», которое рационального объяснения иметь никак не может.

Не поправляют положения и рассуждения других авторов названной выше книги о том, что в самой-де идее сильного государства плохого ничего нет, если в ней, как у «демократов-американцев» например, «державность подчинена некоторым высшим ценностям... правам человека, законности, свободе, человеческой солидарности и т. д.». Но в русской национальной идее все, мол, не так: «Русская держава как конечная цель, которую нам навязывают политики правых ориентаций, — старая российская ересь, которая не раз приносила нам много бед. На ее плечах, а не сам по себе, скорее всего, может добиться успехов и «русский фашизм». Ведь расцвел он в сталинской державе в начале 1950-х годов, несмотря на весь официальный марксистский интернационализм». Опять-таки, если оставить для специального обсуждения «русский фашизм начала 50-х годов», то ответа на вопрос, почему русская национальная идея не может быть демократической, здесь получить невозможно.

А.Н. Яковлев, отвечая на вопрос «Как вы определяете большевизм?», заявил: «Фашизм. Обыкновенный фашизм» (Московские новости. 1994. № 5). Тем не менее этот

высокопоставленный в прошлом большевик (и, выходит, фашист?) до сих пор хранит верность сталинским заветам о главной опасности в области национального вопроса. Он жалеет, что все его попытки «привлечь внимание общественности к нарастающей опасности великодержавного шовинизма, местного национализма, антисемитизма» не достигли цели. Статья же, в которой эти попытки были предприняты (имеется в виду его шумевшая статья «Против антиисторизма», опубликованная в «Литературной газете» 15 ноября 1972 года), оказалась, по авторской самооценке, «в известной мере, пророческой». Депутат Государственной Думы А.Е. Гербер в телепередаче «Монолог» 11 января 1995 года сообщила о своем Отечестве: «Мы жили же в общем в фашистской стране. Это была видимость, что все вместе, все друзья и братья» (Рабочая трибуна. 1995. 28 января). Представляется однако, что истинная подоплека «борьбы с фашизмом» имеет мало общего с самой этой опасностью. Жупел фашизма («красно-коричневые» в новейшей модификации) застрельщики борьбы рекомендуют использовать прежде всего как эффективное средство в полемике с теми, кто не разделяет «демократические» взгляды. «У всего населения войной выработан колоссальный иммунитет против фашизма, — говорила Гербер на заседании клуба «Московская трибуна». — Поэтому по телевидению, во всех средствах информации надо объяснять, что наши оппоненты — фашисты» (Гласность, 1992. 6–12 февраля). Аналогичной логикой, видимо, руководствовались и составители книги «Западники и националисты. Возможен ли диалог?» (М., 2003). Увидевший обложку должен сразу «сообразить»: всякий, кто не Западник — националист.

Нам же представляется более близкой к истине позиция А.И. Солженицына. Определив патриотизм, как «цельное и настойчивое чувство любви к своей нации со служением ей не угодливым, не поддержкою несправедливых ее притязаний, а откровенным в оценке пороков, грехов и в раскаянии за них», он логично заключает, что «на такой патриотизм — имеет право любая нация, и русские — никак не меньше других», что «катастрофа — в сегодняшней аморфности русского национального сознания, в сером равнодушии к своей национальной принадлежности и еще большем равнодушии к соотечественникам, попавшим в беду». Особо пагубную роль в отечественной истории сыграла укорененная с помощью большевиков «традиция», согласно которой «патриотизм во всякой бывшей окраинной республике считается «прогрессивным», а ожесточенный воинственный национализм там — никто не посмеет назвать ни «шовинизмом», ни, упаси Бог, «фашизмом». Однако к русскому патриотизму — еще от революционных демократов начала XX века, прилипло и сохраняется определение «реакционный». А ныне всякое проявление русского национального сознания — резко осуждается и даже поспешно примежует к «фашизму» (которого в России и не бывало никогда и который вообще невозможен без расовой основы, однородного государства)» (Солженицын А.И. «Русский вопрос» к концу XX века. М., 1995).

Вот почему столь непривычно (если не сказать «дико») для русского уха звучат констатации и советы, раздающиеся порой в наше время. «Посмотрите, где зарыта собака, — говорил лидер чеченских сепаратистов Д.М. Дудаев. — Сила — беда для политиков России. Ею неизвестно кто распоряжается. Во главе парламента сидит нерусский. Выгоните оттуда всех нерусских. И из органов власти. Пока это отребье будет у власти, ничего хорошего не ждите» (Московский комсомолец. 1994. 4 августа). То, что становится «нормой» для Чечни, для новых «демократических» государств, возникших на территории бывшего СССР (национально однородный состав власти и требование безусловной лояльности со стороны «инородцев»), в Москве по-прежнему и к счастью считается непростительным грехом.

Национализм, империя как русофобские жупелы

Отношение к национализму, видимо, надо менять. Россия остается едва ли не единственной страной в мире, в которой на официальном уровне продолжает сохраняться негативное отношение к этому этнополитическому феномену. В контексте мировой научной традиции термин «национализм» не имеет априорно негативного смысла и не

отождествляется однозначно, как в отечественной традиции, с понятием «шовинизм». Характер и направленность национализма могут быть различными, в том числе и сугубо позитивными.

Именно так понимал данный феномен крупнейший мыслитель русского зарубежья И.А. Ильин. Истинный национализм, писал он, есть любовь к духу своего народа, позволяющая человеку открыть глаза и на своеобразие других народов, учащая не презирать, а чтить их духовные достижения и национальное чувство. Так осознаваемый национализм способен преодолевать в себе уклон к шовинизму, ибо любовь к своему народу не есть ненависть к другим народам, самоутверждение не есть непременно нападение, отстаивание своего не означает завоевание чужого. Безнациональность в таком случае представляется как духовная беспочвенность и бесплодность, интернационализм как духовная болезнь и источник соблазнов. Сверхнационализм, по Ильину, доступен только настоящему националисту, ибо создать нечто прекрасное для всех народов может только тот, кто утвердился в творческом акте своего народа. Подлинный мировой гений всегда и, прежде всего, национален, а «попытка стать «великим» из интернационализма давала и будет давать планетарных злодеев».

Такое понимание национализма в наше время начинает завоевывать умы и сердца людей, живущих на широтах бывшего СССР. Например, белорусский политический деятель С.С. Шушкевич отмечал: «Мы привыкли считать, что национализм — это ужасно. Такой оттенок придали этому понятию большевики. В национализме же ничего плохого нет. Для меня существует очень простой критерий: если наш национализм направлен на утверждение белорусской нации, это хорошо; если он направлен на принижение какой-то иной нации, любой, большой или малой, — это ужасно» (Дружба народов. 1994. № 2). Аналогичную позицию в этом вопросе занял грузинский лидер. Отвечая на вопрос, как он понимает слово «национализм», Э.А. Шеварднадзе подчеркнул: «В годы советской власти это слово приобрело извращенное толкование. Национализм, в сущности, понятие благородное. Но есть крайние формы национализма, я называю их местным шовинизмом. Именно он принимает черты фашизма... В здравом же смысле национализм — это нормальное чувство, нормальное состояние человека. Национализм, которого я придерживаюсь, в многонациональном государстве совершенно исключает дискриминационный подход к другим нациям и народностям» (Еженедельная общая газета. 1994. 7–13 октября). Среди авторитетных русских мыслителей можно выделить писателя Валентина Распутина, который не только не видит особых причин стыдиться национализма, но призывает воспользоваться им как оружием, спасительная мощь которого ярко проявилась в Отечественной войне. «В России, — пишет он, — 80 процентов русских, надо, не боясь национализма, обратиться к их национальному чувству. От национализма культурного, озабоченного воспитанием народа в лучших (в лучших!) национальных традициях, никому опасности быть не может» (Правда. 1993. 19 декабря).

Сознательное отождествление понятий «национализм» и «шовинизм» в советском идеологизированном обществоведении нужно было, на наш взгляд, для того, чтобы облегчить пропаганду благотворности сближения и слияния наций, в конечном счете, — всеобщей денационализации населения. «Имя вещи и есть субстанция вещи... вещь творится именем», — писал П.А. Флоренский. Отрицание позитивного смысла слов «националист», «национализм» означало отрицание его и в словах, от которых они образованы — «нация», «национальный», — и в реалиях, которые этими словами обозначаются. Ныне, когда в результате распада СССР тенденция нивелировки национального и размывание народного в угоду космополитическому поставлены под угрозу, понятную солидарную обеспокоенность по этому поводу выражают и интернационалисты, и космополиты, включая известного Дж. Сороса. «По моему мнению, — пишет он, — русский национализм может стать большей угрозой миру, чем был коммунизм» (Сегодня. 1994. 15 марта).

Нет никакой нужды и в прославлении развала СССР как героического избавления от якобы последней империи в мире с перспективой продолжающегося дробления страны,

которое, дескать, будет полицентрично и непрерывно. Не только потому, что благоденствующие в наши дни империи (Британия, Япония и другие) не подают никаких признаков скорой кончины. Союз ССР, без сомнения, имел массу своих собственных недостатков, но империей все-таки не был. Понятие это применимо лишь к монархическим государствам древнего мира и нового времени. СССР был могучим и своеобразным унитарным государством, это был своего рода наднациональный организм, имевший особые черты и уникальную в своем роде структуру. Описывая их, академик Н.Н. Моисеев отмечает, казалось бы, очевидное: «Империя обычно предполагает существование метрополии и доминирующей нации, которая осуществляет управление государством в своих интересах. У нас же никакой чисто русской метрополии никогда не было, а правление государством всегда осуществлялось интернациональными командами, сначала Ленина — Троцкого, затем Джугашвили — Берия, позднее Хрущева и Брежнева. Лишь окружение Президента Советского Союза было преимущественно русским по своему составу. И вся национальная политика этих команд вовсе не была в интересах какой-то нации. Она диктовалась стремлением системы выжить и обеспечить ее правящей элите необходимое благосостояние и стабильность существования. А основа прочности — власть. И как следствие — унитарность, централизация, единство языка...» (Социально-политический журнал. 1994. № 3–6).

Вероятно, поэтому многие нынешние авторы, прежде чем живописать избавление от СССР как от известной «империи зла», или просто как от «имперского СССР», вынуждены сначала конструировать его со всеми негативными имперскими пороками в своем воображении. Некоторые из них при этом настолько увлекаются, что, не принимая ни в каком виде как империю ни прежний СССР, ни будущую Россию, тут же обесценивают свои построения. Например, известный американский профессор Зб. Бжезинский, выступая с лекцией в Алма-Ате в декабре 1993 года, сделал достаточно неожиданное для слушателей признание в том, что «его страна тоже, по сути дела, является империей, но исключительно нового типа и «чертовски удачливой»» (Независимая газета. 1993. 11 декабря).

Серьезные же отечественные исследователи проблемы, понимая под империей (в переносном смысле слова) «форму геополитической организации социального пространства, основанного на наднациональной, надгосударственной (полинациональной, полигосударственной) структуре власти и управления, либо на наднациональном, надгосударственном механизме влияния (политического, экономического, военного, технологического, культурно-идеологического), сопряженного с четко обозначенной сферой жизненно важных геополитических интересов сверхдержав», приходят к лишенной какой бы то ни было идеологизации научной констатации: современные США, Россия, Китай, Япония, Европейское сообщество представляют собой формы гибких «интегрированных империй» с безусловно разнопорядковой внутренней и внешней связью и зонами своего «имперского» влияния» (Б.М. Пугачев). Что касается великодержавия в политике, то и здесь научный подход обнаруживает: «Великодержавна политика всякой большой нации, всякого крупного государства: великодержавна была политика России, политика Советского Союза, Англии и Франции как метрополий, великодержавна политика и Соединенных Штатов» (Национализм: теория и практика. М., 1994). С учетом этого предполагается, что единство и равновесие будущей мировой цивилизации будут удерживать 4–5 геополитических, этноконфессиональных центра — империи, к числу которых, скорее всего, будут принадлежать Китай, Россия, Япония, Германия, одна из мусульманских стран Ближнего или Среднего Востока, значительно увеличенная в размерах.

Размышляя над империей как понятием и как реальностью, некоторые авторы приходят к выводу, что империя — это сложноорганизованная этносоциальная система самодостаточного типа и как идеальная конструкция в этом смысле «нигде конкретно не существовала», но как принцип, «как идея и воля миллионов» существует и вовсе не думает умирать. Придерживающийся этой точки зрения В.П. Булдаков полагает (1994), что империей, по существу, является едва ли не любая нация-государство. По его утверждению,

западноевропейские нации-государства в период после Первой мировой войны были на деле империями новейшего индустриально-колониального типа; государства, образованные на месте бывших «традиционных империй» после той же войны, фактически являли собой осколки старых империй со всеми их генетическими болезнями. Судьбу России этот автор также связывает с неизжитостью (а возможно, неизживаемостью) идеи универсальной империи, рожденной в противовес реальному имперству. Он полагает не только желательным, но и вполне возможным возрождение на месте бывшего СССР имперства в мягкой форме — содружества наций.

Мнение необычное, но, судя по отечественной научной и публицистической литературе, отнюдь не единичное. На наш взгляд, едва ли можно считать его достаточно обоснованным. Без сомнения оно говорит лишь об одном: дело не в ярлыках, а в том, чтобы Россия вновь не стала «империей зла» ни для своих народов, ни для соседей. Что же до народов России и бывшего СССР, то почему бы и им с учетом новейшего опыта не признать правду простых слов, сказанных великим американским президентом Авраамом Линкольном в сходной исторической ситуации: «Когда мы едины — мы стоим, когда мы разделены — мы падаем». Благоразумие российских народов должно привести к осознанию их кровного общегосударственного интереса: Россия и впредь, как на протяжении всей ее истории, должна оставаться многоэтничным государством, если угодно, «империей», отличаясь от прочих былых и нынешних многоэтничных государств одним — сообща выработанной, отлаженной и на века освященной системой неэксплуататорских межэтнических отношений.

Очевидно, только отрешение от двойного стандарта при оценке своего и чужого патриотизма, национализма, своей и чужой национальной государственности, империи может помочь разрешению национальных проблем России.

Все республики хороши, кроме Русской?

Разрешение национальных проблем России в наши дни оказалось напрямую связанным с вопросом о целесообразности создания Русской республики в составе Российской Федерации. Однако аргументы «против» приводятся при таких обсуждениях чаще всего из арсенала былых сталинско-горбачевских времен. Охотно допускаем, что не обязательно быть сторонником создания подобного образования, поскольку возможны и могут оказаться более целесообразными иные способы реализации государственных интересов русского и всех других народов России.

Но ведь это вовсе не предполагает двойного стандарта в обсуждении самой правомерности постановки вопроса о Русской республике. Казалось бы, сам факт наличия подобных образований у других российских народов является достаточным основанием для положительного решения и русского вопроса. Выступление против Русской республики, в соответствии с логикой, должно означать ненужность и всех других республик. Между тем двойной стандарт в отношении русских и нерусских как наследие большевизма в этом вопросе остается фактом наших дней.

Приведем характерные примеры. Читаем: «В своем большинстве русский народ осознает, что именно Россия, а не искусственно конструируемая кое-кем Русская республика и есть государственное самовыражение русской нации, выразитель ее интересов, а также интересов всех других россиян — татар, чувашей, удмуртов, осетин, ингушей и других наций» (Независимая газета. 1994. 15 марта). Хорошо. Но ведь здесь нет объяснения, почему русским хватает для самовыражения одной России, а другим этого мало и дополнительно требуется, имеется, а в наши дни еще и предоставляется «свое» национально-государственное образование.

Читаем дальше: «Создание Русской республики привело бы к фактическому демонтажу Российской Федерации, дезинтеграции России» (Независимая газета. 1994. 1 марта). Неужели сразу и «дезинтеграции», если, по данным 1989 года, в России 81,53 % ее населения составляют русские, считающие русский язык родным — 86,59 %, свободно говорящие на русском — 97,76 % всего населения России. В национально-языковом отношении «российская нация» консолидирована в гораздо более высокой степени, чем американская.

По данным бюро переписи, в США лишь 56 % населения владеют английским языком в совершенстве, 23 % хорошо, 15,2 % в недостаточной степени, 5,8 % не владеют английским вообще. По тем же данным, 32 млн. коренных американцев (14 % населения США в возрасте старше 5 лет) общаются в семейном кругу не на английском, а на 329 других языках мира. При этом наиболее распространенными из «домашних языков» являются испанский, французский, немецкий, итальянский и китайский. Испанским в семейном кругу пользуются 17 млн. человек (54 % всех граждан США, которые не разговаривают между собой по-английски). Русский язык занимает в списке 15-е место (число его носителей составляет 241 798 человек). Известно также, что 33 языка коренного населения Америки утрачены (Красная звезда. 1993. 25 сентября). Сопоставление цифр говорит, что не только дезинтеграция, но и конфедерация, асимметричная федерация при таком соотношении «большинства» и «меньшинств» в Российской Федерации могут представляться опасностью лишь в глазах максимально ослабленной федеральной власти и, что самое печальное, при отсутствии государственной идеологии, способной объединять русских и сограждан других национальностей вокруг доводов в пользу мощного государства, гарантирующего справедливость национальных отношений, свободу национального развития и взаимообогащение всех его народов.

Приведем еще пример: «Твердят об отсутствии у русских своей государственности. Это уже цинизм шовинистов, которые сами же рубят сук, на котором сидят» (Независимая газета. 1994. 22 марта). Но только ли шовинистов следует подозревать в цинизме? Есть ведь и прямо противоположное суждение: «сама жизнь, история подвела нас к вопросу о необходимости создания республики Русь на базе всех краев, областей» (Р.Г. Абдулатипов, Л.ф. Болтенкова). Заметим к слову, что «цинизм шовинистов» — это далеко не самое «сильное» выражение в адрес русских, склонных проявлять недовольство из-за отсутствия у них «своей» национальной государственности при изобилии таковых в составе Российской Федерации. При обсуждении этого вопроса встречаются и настоящие «перлы».

Так, в опубликованном выступлении на международной конференции, состоявшейся в Казани в сентябре 1993 года, авторами которого являются два кандидата философских наук, можно прочесть буквально следующее: «Призывы образовать Русскую республику у нас подхватывают лишь фашисты». Директор центра социального прогнозирования и маркетинга поведал в «Вестнике Академии наук» (1995. Т. 65. № 1) об «обнаруженных» им тенденциях к тому, что «европейская часть русских может сплотиться в этноцентрическое национальное государство, которое в условиях жесткой борьбы за защиту своего национального рынка вырождается в государство фашистского типа». Можно, конечно, предположить, что в данном случае, как и в других, уже отмечавшихся, авторам просто изменяет чувство слова или чувство меры. Ведь если подобное принимать всерьез, как тогда быть с теми россиянами, которые, не будучи ни русскими, ни фашистами, тем не менее, являются искренними приверженцами «своих» национальных республик в составе России. Или опять-таки, единственными претендентами на «титул» фашистов можно (не возбраняется) выдвигать только русских?

Приводятся и такие «доводы» против русской государственности. «Утверждение об ущемленности прав русских по той причине, что в Российской Федерации нет Русской республики или Республики Русь, не выдерживает критики, — пишут два уважаемых доктора наук. — Путь создания Русской Республики гибелен для государства. Не может часть одной и той же нации самоопределиться в составе государства, где она является титульной! Нельзя идти от более высокой формы организации государства к менее высокой» (Российская газета. 1994. 31 августа). В данном случае речь идет, по-видимому, о «титулах», присвоенных русскому народу Сталиным и иже с ним в памятные 1930–40-е годы: «старший брат», «руководящий народ». Однако ныне такими «титулами» вряд ли кого можно прельстить. Их истинная цена стала хорошо известной. Ну а «более высокая форма» государственности русского народа в отличие от других народов, чьими именами названы республики в составе Российской Федерации, и вовсе походит на одежды, в которые был

«облачен» известный сказочный персонаж — голый король.

И последний пример: «Попытка провести границы новой Русской республики закончится тем, что эти границы пойдут не только по регионам, но и по человеческим душам, по нашим семьям. Это абсолютно тупиковый и кровавый путь» (Независимая газета. 1994. 5 марта). Можно согласиться и с этой эмоционально выраженной позицией. Но это только эмоции. Другие-то республики созданы и создавались, и не все в условиях Гражданской войны. И потом, неужели 7 % населения (суммарная численность представителей «титულных наций» 32-х национально-государственных образований в составе России: татары в Татарии, башкиры в Башкирии и т. п.) так и не способны будут понять справедливости постановки вопроса о Русской республике, обладая «своими»? Ну а если поймут, то откуда крови-то взяться?

Все многообразие предложений, нацеленных на реформирование федерального устройства России и создание условий для оптимальной самореализации ее многонационального народа, каждой отдельной национальности, можно свести в несколько блоков, различающихся между собой по глубинным, принципиальным основаниям. Первый блок связан с попытками построить новое здание федерации, не меняя, по существу, его фундамента, заложенного в начале 1920-х годов. Второй объединяет предложения, базирующиеся на признании необходимости отделить национальность от государства и строить государственное здание многоэтничной Российской Федерации на других, не национальных основаниях. Третий суммирует предложения, порожденные общей идеей — превратить Россию в государство русского народа, и от имени этого народа, его правительства гарантировать людям всех других национальностей гражданское равноправие и свободу национального развития.

Последняя точка зрения отчетливо выражена одним из иерархов Русской православной церкви, митрополитом Иоанном, уже, к сожалению, ушедшим от нас. «Надо открыто признать, — писал он в апреле 1993 года, — что Россия есть государство русского народа. В этой простой констатации очевидного исторического факта ни для кого ничего обидного быть не может». Именно русские, по словам митрополита, «являются тем цементом, который стягивает государственное строение России: общность якута и лезгина, татарина и вепса поддерживается лишь тем, что они на равных включены в державное тело Руси». В соответствии с этим для урегулирования межнациональных отношений на современном этапе предлагается вернуться к здоровой практике, «предполагающей полную (действительную, а не показную!) свободу местного национального самоуправления в сочетании с решительным изъятием в пользу Москвы всех вопросов общегосударственного значения» (Советская Россия. 1993. 30 апреля). Верно, признав Россию русским государством, органы национального самоуправления нерусских народов получали бы в лице центрального правительства полноправное и ответственное представительство русской нации, а не некий наднациональный, как ныне, орган, исключаящий, по сути дела, диалог между народами на властном уровне.

Активным сторонником такой идеи являлся депутат Совета Федерации Е.А. Павлов. «Все самые развитые современные государства, — пишет он, — являются национальными государствами. Россия также должна стать национальным государством». Трудности наших дней депутат объясняет тем, что русские, в отличие от других российских народов, не имеют национального представительства, не имеют государственного органа, который защищал бы их интересы именно как нации. Вопреки Конституции, провозглашающей равенство национальностей и субъектов Федерации, республики поставлены во многих отношениях в привилегированное положение по сравнению с областями и краями, которые являются национально-государственными образованиями русского народа. Администрация этих территорий со времен Наркомата по делам национальностей является фактически денационализированной администрацией, а русские рассматривались как денационализированный народ. Призывая к решительной ревизии всей нашей национальной политики, Павлов предлагает учредить в составе нынешнего российского правительства

Министерство по общерусским делам, способное не только придать необходимый вес и значение русскому народу, но и действительно гармонизировать национальные отношения в стране (Патриот. 1995. Январь. № 3).

Отметим, что возможность конституирования Русской республики предусматривал в начале Февральской революции Ленин. Предлагая внести изменения в программу партии, он как о само собой разумеющемся писал о будущей республике русского народа. Отличительные особенности нового государства виделись ему в следующем: «Республика русского народа должна привлекать к себе другие народы или народности не насилем, а исключительно добровольным соглашением на создание общего государства». Отход Ленина от этой позиции произошел позднее. В результате и бывшая Россия не стала республикой русского народа, и Союз ССР оказался без Русской республики. Ныне возможность превращения России в русское государство вновь представляется вполне возможной не только россиянам. «Может быть, — предполагает известный английский историк Д. Хоскинг в своей «Истории Советского Союза, 1917–1991» (М., 1994), — наступит день, когда Российская Федерация станет национальным русским государством, где этот народ создаст свободную политическую жизнь для себя, никого не угнетая».

Очевидно, что ничего общего с реформированием (совершенствованием) российской государственности и решением русского вопроса не имеют представления, в которых переход к «светлому будущему» мыслится через тотальное разрушение России как средство освобождения от «имперского прошлого» и «великодержавного шовинизма». Кажется, в наши дни вряд ли сыщется много простаков, всерьез воспринявших недавние призывы «быть до конца последовательными» и во имя приближения всеобщего Братства «вернуть японцам Курилы и другие острова, какие просят. Немцам вернуть Восточную Пруссию... Вернуть все захваченные земли, если на них претендуют другие народы» (Ветеран. 1990. № 39). Однако в печати появляются откровения авторов, испытывающих нечто вроде садомазохистского экстаза в связи с крушением СССР и возможностью открыто поиздеваться над российской историей. «Тысячелетняя держава Российская потерпела фиаско, — пишет В.И. Новодворская в своей статье «Еврейское неверие мое» (Огонек. 1993. № 13). — Не потому, что была слаба, а потому что была подла. Она историческая клякса, нонсенс, несданный зачет. Наша история — это черновик. Нужно выбросить ее и жить заново, набело». Будущее России связывается только со «снижением тотальной мощи государства, с дальнейшей дезинтеграцией территории», с образованием на месте России множества небольших государств, в которых «национал-патриотам» станет негде «разгуляться» и которые будут легче поворачиваться «к солнцу мондиализма».

Космополитическая часть отечественных «западников» исходит из того, что в наше время буквально на глазах происходит резкое усиление местного самоуправления и одновременно формирование континентальных и мировых управленческих структур. Через какие-нибудь 15–20 лет национальные государства начнут отмирать. Поэтому, полагают они, незачем даже и пытаться сохранять какие-то союзы, сообщества, империи: повсюду дело идет к однообразной политико-экономической структуре, в которой все найдут свое место: либо сообща прорвутся к благополучию, либо погибнут. Погибнут — в том случае, если не справятся с глобальными проблемами, перед которыми стоит человечество (экология, терроризм и т. п.). Видимо, в таких суждениях получает свое выражение истинная цель «перестройки», усматриваемая наиболее радикальной частью «демократов» в том, чтобы, как писал митрополит Иоанн, «заменить исчерпавшую свои силы интернационал-коммунистическую доктрину на новую, интернационал-демократическую, которая должна довершить разгром исторической России» (Молодая гвардия. 1994. № 3).

Однако если не спешить с переходом на позиции современного космополитизма и внимательнее присмотреться к достоинствам и недостаткам выделенных выше блоков представлений о путях реформирования государственного устройства России, то можно отметить следующее. Основа большинства предложений первого из них определяется мыслью о возможности усовершенствования модели государственного устройства страны,

которая осталась в наследство от предыдущего 70-летия ее истории. Россия (как и СССР в целом), по сути, была при советской власти псевдофедерацией, объединением формально независимых и равноправных наций, все основные стороны жизни которых определялись тем не менее в Москве. При этом никогда не скрывалось, что это асимметричное объединение должно было развиваться (и развивалось) в сторону все большего государственного унитаризма и преодоления национальных различий между народами («сближение наций»).

Провозглашенный большевиками основной принцип внутригосударственного устройства (и жизни наций вообще) — самоопределение вплоть до отделения — проявил себя на деле в стихийном, беспорядочном этатогенезе, вдохновляемом по большей части сверху (со стороны центральных властей), и по меньшей — снизу, со стороны населения. После развала СССР, который следует отнести и на счет этого принципа, последний дает о себе знать в событиях, связанных с Чечней и Татарией. В первом случае проявляется тенденция распада России, во втором — тенденция превращения ее в конфедерацию с ослабляющейся центральной властью.

В наше время стали уже не редкостью целые книги, предающие анафеме «империю, называемую ныне Российской Федерацией», и предрекающие ее неизбежный конец. Утверждается, к примеру, что «все империи мира рухнули, и история не сделает исключения остаткам Российской империи — уродливому реликту, социально-политическому мутанту нашей эпохи». При этом не предполагается никакого иного решения национальных проблем, кроме «освобождения от русского гнета, воссоздания и создания независимых государств для каждого из российских этносов. За образец выставляется «блестящий пример» чеченского народа (А. Закиров).

«Россия была империей по отношению к автономиям и их народам, проводя русификаторскую политику, в то время как СССР был империей по отношению к союзным республикам», — такой приговор выносится общему отечеству российских народов в книге о проблемах национального суверенитета и национального возрождения (1994). Для России, полагает автор, — «если кто-то хочет сохранить ее федеративное устройство, оптимальными были бы конфедеративные отношения». Каждой этнической общности необходимо обеспечить «права на национальный суверенитет, долженствующий реализоваться как национально-государственный суверенитет», выражающийся, в частности, в том, что во всех республиках должна быть гарантирована как минимум пятидесятипроцентная квота депутатских мест для титульной нации с тем, чтобы защитить «интересы коренного населения при создании законов, при формировании правительства, кадрового состава министерств, руководителей учреждений, предприятий и учебных заведений». Другие национальные группы населения этих республик, по логике такого рассуждения, обязаны довольствоваться «усеченным национальным суверенитетом» с непременным условием изучать языки новых державных наций. Автор полагает, что этническим общностям должна быть «предоставлена максимальная возможность самим организовать свое возрождение, что, разумеется, не исключает помощи со стороны более могущественных крупных этнических общностей» (Д.Ж. Валеев).

Иначе говоря, полное избавление от «империи СССР» мыслится таким образом, чтобы к 30 млн. русских и русскоязычных людей, оказавшихся после развала Союза ССР на положении неполноправных подданных новых суверенных государств в «ближнем зарубежье», добавить еще 16 миллионов русских и русскоязычных (62,2 % общей численности населения бывших автономий РСФСР по переписи 1989 года), которые должны жить по законам «усеченного национального суверенитета» теперь уже во «внутреннем зарубежье», обеспечивая «возрождение» титульных национальных групп, насчитывающих здесь в общей сложности 37,8 % населения. Помимо этого автор надеется — и, скорее всего не по наивности, а в расчете на известный «интернационализм» — на бескорыстную помощь неких «крупных этнических общностей», совершенно не замечая, что на место бывлой «империи» предлагает сотни «империек» с узаконенным неравноправием подданных.

Увы, все это, как представляется, говорит о живучести у определенной части россиян надежд на возможность нового издания в РФ политики государственной русофобии, выступавшей в прошлом в облике «истинного интернационализма». Естественно, это не может не вызывать ответной реакции. Поэтому ныне можно все чаще слышать голоса русских национал-радикалов, требующих сменить ленинские «ущербные установки», избавиться от «проклятого права наций на самоопределение», которое «осталось нам в наследство вместе с автономиями и национальными республиками», и провозгласить свое национальное русское государство, от отсутствия которого простые русские люди «страдают в 1994 году, безжалостно эксплуатируемые на своей национальной земле мерзавцами из национальных и социальных меньшинств» (Московская правда. 1994. 20 августа).

Некоторые авторы предлагают преодолеть разрушительные для русской нации последствия ленинско-сталинской национальной политики с ее установкой на возмещение неравенства нерусским народам использованием этой же установки, обращенной в пользу русских. В наше время, считает, например, В.Л. Махнач, приемлемым может быть только политик, который принимает идею национальной компенсации. «Русские, — пишет он, — должны иметь реальную возможность восстановить имущественный потенциал, восстановить в течение жизни поколения уровень рождаемости, на всей территории бывшего Советского Союза должны быть устранены последствия многолетней дискриминации русских в уровне образованности. Отрицающий, что наиболее гонимыми в советское время были православные и русские — враг Церкви и нации» (Москва. 1994. № 8), О.В. Гаман полагает, что ущербные комплексы «старшего» и «младших» российских народов-братьев в нынешних кризисных условиях обнаружили себя во всей своей неприглядности. Бывшие «братья» ведут себя в отношении России и русских по принципу «падающего подтолкни», предъявляя «под аккомпанемент пинков и плевков» все новые и новые вздорные претензии. В то же время они «вполне комфортно чувствуют себя в роли реципиентов российской помощи, которую с точки зрения нравственности трудно квалифицировать иначе, как мародерство». России и русским в этих условиях, по мнению автора, необходима «историческая пауза в своем вечном стремлении призреть ближних и дальних под крылом российского орла. Главное сейчас — прекратить немыслимое и преступное по отношению к своим собственным гражданам одновременное существование в двух ипостасях — всемирного донора и всемирного побирушки. Сегодня собирание сил заведомо предпочтительнее собирания земель... Необходим разумный, взвешенный и — временный — изоляционизм для размышления и сосредоточения» (Евразийский проект модернизации России: «за» и «против». М., 1995).

Настроения и радикализм такого рода является, на наш взгляд, результатом игнорирования фундаментального вопроса, суть которого с предельной четкостью была выражена еще до распада Союза ССР. «Главный национальный вопрос в СССР, — говорил известный израильский политолог М.С. Агурский в своем выступлении в институте философии АН СССР весной 1989 года, — русский, не армянский, не эстонский, не еврейский, а русский. Русский народ, русская культура подверглись наибольшему подавлению. Русские живут хуже других народов. Сравнительно высокий уровень жизни в Закавказье и Средней Азии осуществляется за счет России».

Особого внимания в этой связи заслуживают суждения бывшего руководителя РСФСР В.И. Воротникова. До самого конца своего пребывания на посту председателя Президиума Верховного Совета России Воротников руководствовался партийными установками в русском вопросе. Так, выступая на совещании в Политбюро по российским проблемам 18 ноября 1989 года, он призывал «разоблачать попытки «радетелей» за Россию, этих кликуш со стороны, которые сетуют на нашу отсталость, забитость и, плача в голос, травят, по сути, душу россиян. Да, Россию «раскачали» националистические силы из других республик. Да, нам нужны суверенные права, самостоятельность. Но только в рамках Союза. Только так. Мы не должны забывать о том, что РСФСР — стержень Союза. Как ни крути — «старший брат», это же был груз на России. Наша ответственность за единство Союза наиболее

велика...Кому выгодна РКП? Нам? Нет. Я против того. Это будет шаг к распаду».

Крушение СССР заставило В.И. Воротникова пересмотреть свои взгляды по «русской тематике» коренным образом. «Концепция «старшего брата», как выяснилось, не гарантировала гармонического развития России... Ответ на вопрос об отношении к русскому как субъекту истории — это ответ на все частные острые вопросы нашего сегодняшнего бытия: отношение к демократии, к духовным и нравственным ценностям... К сожалению, я следовал принятым у нас представлениям, согласно которым проблемы России рассматривались в основном как производные от проблем всего Советского Союза. Во многом наша республика отождествлялась со всей страной, а главные тенденции всего большого государства трактовались как ведущие к неуклонному единению и сплочению всех его составных частей. Таким образом, как ни горько осознавать это, мы в руководстве партии долгое время недооценивали современного содержания «русского вопроса». Действенное современное коммунистическое движение Воротников представляет «только как силу российскую, национальную. Вся наша история показала, что пренебрежение интересами России, подход к ним только как к части более широкого государственного целого наносит ущерб и России, и породнившимся с нею народам». Это — исключительно ценные и поучительные признания.

Однако нельзя сказать, что новые власти России, занявшие во всем вроде бы диаметрально противоположные позиции, чем у бывших властей, освободились от десятилетиями укоренившихся стереотипов в русском вопросе. Так, необходимо признать, что сформулированная в 1920-е годы «теория» и практика «выравнивания» сохраняется в Российской Федерации до сих пор и «предполагает искусственное создание привилегий для всех народов, кроме русского и, естественно, за счет русского». Автор процитированных строк А.Г. Кузьмин считает совершенно ненормальным, когда ныне, в условиях слома прежней общественной системы, 50 % российской территории пытаются «приватизировать» 7 % ее жителей, поскольку границы республик проводились «без опроса населения и везде за счет русских земель». Провозглашение суверенитетов русскими областями автор считает вынужденной мерой: «У них нет другого выхода. Только так они могут уравнивать себя в правах с «меньшими», но «высшими»» (Молодая гвардия. 1994. № 1). Как бы то ни было, в нынешней Российской Федерации меньшинство населения объективно продолжает навязывать всем национально-государственное устройство, построенное по формуле «суверенное государство в составе другого суверенного государства», которое, по сути дела, давно доказало свою нежизнеспособность и должно быть отвергнуто.

Русская республика в проектах государственного переустройства России

Следует обратить внимание на существование проектов, авторы которых, не отрицая в целом результатов большевистского наследия в области национально-государственного переустройства бывшей царской России, предлагают устранить явные несообразности системы за счет создания Республики Русь наряду с другими российскими национально-государственными образованиями. Еще в 1989 году Поэль Карп, обсуждая проблему «метрополии» в советском государстве, утверждал, что все беды России и русских оттого, что в 1922 году, при образовании СССР, не было создано ни союзной, ни автономной Русской республики, и тем самым русским якобы было предоставлено особое «право воплощать государство в его целостности», являть собой «народ метрополии», в то время как остальным народам был навязан неравноправный статус народов «больших или меньших ступенчатых автономий». Отказ от великодержавной роли означал, по П. Карпу, необходимость для русских «создать свой дом, Русскую советскую республику, отдельную от Татарской, Якутской, Чувашской и прочих, входящих ныне в РСФСР, которым тоже пора обрести равные с Белоруссией и Киргизией права». В этом случае Русская республика, также как и русский народ, «станет, наконец, не выше других официально, и не беднее их фактически». Помеха осуществлению этой задачи усматривалась лишь в одном — в

нежелании неких влиятельных русских кругов (их рупором представлен В.Г. Распутин в его известном выступлении на Съезде народных депутатов) утратить «особое положение» в Союзе ССР и расстаться с высокомерным заблуждением, что «без них остальные пропадут». «Легко доказать, что не пропадут», — утверждал П. Карп, призывая отказаться от «потайной метрополии», а заодно — от «авантюрных побуждений» наставлять другие народы и отдаться, наконец, заботе о своей земле, обихаживая свою «Русскую республику, — не Российскую, не федеративную, а именно Русскую». В этом виделся залог равенства между народами страны и залог упорочения Союза ССР (Книжное обозрение. 1989. 21 июля).

Из ныне действующих на российской политической арене сил наиболее последовательное неприятие сложившегося национально-государственного устройства России демонстрирует Либерально-демократическая партия. Ее лидер В.В. Жириновский настаивает на том, чтобы быстро, жестко, соответствующим указом закрыть автономные республики и прочие национально-территориальные образования, немедленно восстановить губернии во главе с губернатором и забыть про эту федерацию, как про кошмарный сон. Вновь создаваемые губернии предлагается называть сугубо по территориальному признаку — «скажем, Казанская губерния, а не Татарская. Потому как если в названии есть одна национальность, то другие национальности вроде как в гостях, на птичьих правах» (Известия. 1994. 23 апреля). Позднее (в 1995 г.) он посчитал, что поэтапное мирное восстановление Российского государства предполагает три уровня в его государственно-территориальной структуре: 1) Этническая Россия в расширенных, по сравнению с нынешними, границах с губернским делением ее территории; 2) Российская Федерация, субъектами которой могут стать бывшие союзные республики СССР в их измененных границах; 3) Восточно-Европейская конфедерация, куда вместе с РФ могут войти Сербия, Македония, Болгария, Словакия, Румыния, Венгрия, Польша, Финляндия, Северная Корея, Монголия, Афганистан.

Несмотря на подчас эпатажную форму заявлений лидера ЛДПР, его точка зрения относительно устройства России не лишена здравого смысла. Она не нова и идет в русле широкого потока предложений, высказываемых с самого начала горбачевской перестройки. Целый ряд авторов, не принимая позиции В.В. Жириновского в целом, находят ошибочным закрепление этнократической модели в Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 года. И это не случайно. Этнократия как реформа властных основ сосуществования стремившихся к воле народов показала свою «сокрушительную несостоятельность»: ни один социальный слой в СНГ, в том числе и в России, не получил никакого материального или духовного удовлетворения от такого обновления, «лишь чиновничество и президентские рати никак не могут насладиться благами суверенитета, несмотря на мытарства своих граждан». По определению главного редактора издающейся в Москве «Еврейской газеты», принцип национально-территориального деления является настоящим «бичом нашей госструктуры».

А.Е. Кибрик, один из последовательных критиков национально-территориального подхода к решению национальных проблем России, считает большим изъяном новой Конституции то, что она включает «абсурдную этнократическую модель, на которой базируется российская геополитика». Из-за этого он еще до голосования по Конституции предлагал «заранее объявить ее временной, чтобы не пришлось через два года избавляться от нее посредством танков». Он же прогнозировал: «Любая партия, которая выступит на выборах против этнократической модели устройства России, приобретет на выборах поддержку целого ряда социальных групп». Выборы подтвердили предсказание. Вновь обращаясь к этой теме, Кибрик доказывает: «Национально-территориальное деление вовсе не достижение демократии, не обеспечение прав меньшинства, а наследие большевизма, служащее для того, чтобы сеять вражду между этническими группами. Ликвидация национально-территориального деления не менее важный элемент политической реформы в России, чем в свое время отмена шестой статьи брежневской конституции». Это — «не что иное, как отделение этничности от государства», констатация очевиднейших фактов:

«Россия — страна не только русских, как и Башкирия не может быть страной исключительно башкир». Не будучи сторонником ЛДПР, автор призывает всех демократов «использовать жириновцев» в Государственной Думе для реализации губернской идеи, поскольку «наличие этнических республик в корне противоречит принципам гражданского общества».

Советник президента по делам науки и высшей школы, член-корреспондент РАН Н.Г. Малышев выражал уверенность в том, что «наша страна до тех пор будет страной постоянных этнических и национальных конфликтных ситуаций, пока мы не перейдем на американский, вообще на цивилизованный способ управления страной», несовместимый с сохранением нынешних необоснованных границ национальных образований внутри России. «Кто на карте рисовал территорию Татарстана? Сталин? Только Сталин, — утверждал Малышев (1994). — До него царь до этого бы не додумался. Также кто нарисовал карту Казахстана? Кто очертил границы Башкортостана? Или Саха? Кто это все сделал? Коммунисты сделали? Так уберите эти границы!»

Это же требование выставляет и А.И. Солженицын, считающий ошибочным раздел СССР без пересмотра границ бывших союзных республик. «Сказали, что мы признаем границы, — говорит он (1994). — Какие границы?! Фальшивые ленинские границы, которые проведены со злорадной целью урезать русский народ и наказывать всех, кто боролся с большевизмом? Наказать донецких казаков, уральских казаков, семиреченских, сибирских, ишимское народное восстание — отрезать от РСФСР, отдать под другую нацию! Украину большевики захватили... Взамен... 5—6 русских областей добавил Украине Владимир Ильич... А Хрущев жестом пьяного сатрапа подарил Крым». Писатель полагает, что непоправимую ошибку делают нынешние руководители Украины и Казахстана, которые «радостно приняли фальшивые ленинские границы» и поневоле вступают на «ложный имперский путь».

С еще большей резкостью «глухота национального сознания» нового российского руководства и пороки «так называемого федеративного устройства» бывшего СССР и нынешней России обозначены А.И. Солженицыным в его выступлении в Государственной Думе 28 октября 1994 года. Фальшивые административные границы, навязанные прежним режимом в качестве государственных; антидемократия, искусственно созданная и сохраняющаяся в десятках регионов России, объявленных автономными республиками и национальными округами при явном меньшинстве населения «титულიной» национальности, в которых, таким образом, явное меньшинство призвано управлять большинством; самостоятельные международные шаги автономий; отдельные договора центра с автономиями; включенность одних субъектов федерации (автономных округов) в другие («русские» области) без правил взаимодействия между ними и центром — все это, с точки зрения «настоящей федерации», представляется то «сумасшедшим домом», то «еще большим сумасшедшим домом».

Что же предлагается взамен в данном случае? Н.Г. Малышев уверял: если не убрать все границы «так называемых национальных образований» и не разделить страну на 12–15 экономических регионов, которые надо назвать губерниями, для того чтобы «восстановить справедливость», то «светского нормального правления» не установить. Г.Т. Тавадов убежден, что России придется пойти по пути федераций, основанных на территориальном принципе. Необходимыми шагами в этом направлении будет уравнивание в правах с республиками краев и областей как субъектов Федерации с возможным формированием в последующем новых интеграционных образований (губерний, земель), а также пропорциональное представительство в органах власти и управления республик, в «престижных» сферах граждан титульной и нетитульных национальностей, двухпалатное законодательное собрание или квотность представительства в однопалатном парламенте (Социально-политический журнал. 1995. № 6). Система власти, возглавляемая Президентом и опирающаяся на исторически присущую Российскому государству систему губернского правления с выборными земскими органами местного управления, как «единственная альтернатива» существующему ныне административно-национальному устройству страны

обосновывается в книге академика А.С. Сидорова «Моя звезда — Россия» (1995). Автор считает, что на смену сегодняшней федерации из 89 субъектов (из которых каждая из 21 бывших автономных республик соответствует по территории в дореволюционной России, как правило, волости, автономная область и 10 автономных округов — уезду) должна прийти система из 25 крупных губернских территорий, включающих нынешние области с их составом районов. Сегодняшние республиканские субъекты Федерации также мыслятся в составе губерний на правах областей, сохраняющих свою национально-культурную автономию в вопросах образования, искусства, национального общения, отдельных правовых действий. А.И. Солженицын говорил (1994): «Я за то, чтобы все области были уравниены, чтобы все были в равных правах. Я за то, чтобы области имели большие права перед центром — большие, но строго определенные законом. Чтобы по закону было ясно — сколько идет в центр, сколько берет область. И все в равном положении, и никому преимуществ, и никому дотаций, и никто не выпрашивает. А центр надо укреплять, чтобы существовало государство».

Война в Чечне лишь укрепила писателя в своей правоте. «Ни конфедерации, ни федерации нам не нужно», — говорит он, полагая, что Россия никогда не была федерацией, поскольку не создавалась путем соединения готовых государственных образований. Все нынешние российские республики, где титульное население не составляет более двух третей населения, А.И. Солженицын расценивает как «искусственное ленинское изобретение», которое «обернулось сегодня властью меньшинства». От имени такого меньшинства предлагается, как это было на чебоксарском совещании, «совершенно утопические проекты, которые ведут прямо к распаду России». В проекте воссоздания Совета глав республик писатель увидел очередную попытку сделать республики первым разрядом, а области — вторым. Не приемлет он и Конгресса народов России, в котором голос русского народа предполагается приравнять к голосу каждого из многочисленных малых народов, в то время как в действительности русские обладают четырьмя-пятью голосов всех жителей страны (Аргументы и факты. 1995. № 1–2).

Необоснованность политических уступок Центра бывшим автономиям в 1992–1993 годах при усвоенной диковатой формуле «суверенная в составе Федерации» ведет, по словам Солженицына (1998), лишь к росту «сепаратных эгоизмов». Исправлению ситуации мог бы способствовать предлагаемый писателем «Закон о равенстве наций в России», в котором, в частности, можно было бы установить: «На территории России все нации, относящиеся к ее историческому составу, равны во всех правах и во всех обязанностях... Все нации имеют право на беспрепятственное развитие своей национальной культуры, образования, языка. Их культурные нужды финансируются государством пропорционально численности народов и народностей». Федеративное устройство России должно стать «справедливым полнейшим равенством всех «субъектов Федерации» (что не относимо к «национальным округам», разрушающим конструкцию и своих регионов)».

Осмысливая последствия событий в Чечне, экс-губернатор Сахалина В.П. Федоров также усматривает их причину в пороках государственного устройства России, которые, если их не устранить, могут еще не раз привести к повторению событий вроде грозненских. «Мы избавились от наследия большевизма лишь наполовину, — писал автор (1995), — устранена диктатура партии, но введенный ею принцип национально-государственного деления (вместо существовавшего прежде территориального, губернского) остается неизблемым». А это означает, что Россия продолжает жить «на пороховой бочке», сохраняя «опасность разрыва изнутри». Двойное наименование страны — Российская Федерация и Россия — содержит в себе постоянно разъединяющее начало, препятствуя установлению равноправия между субъектами — краями и областями, с одной стороны, и республиками, с другой. Автор напоминает: в России 89 субъектов, в том числе 21 республика. По трактовке последних, именно они, а не края и области, образуют Российскую Федерацию и, следовательно, должны иметь больше прав. «Почему больше, а не меньше или не в том же объеме, что и исконно русские территории?» Этот вопрос должен быть разрешен, ибо

«Россия не может быть вассалом своих республик». Не Российской Федерацией, а только Россией должна стать, по мнению Федорова, наша страна, а ее «нации должны жить в свободном национально-культурном многообразии».

Аналогичную позицию отстаивал известный русский философ А.В. Гулыга. Гражданином России, полагает он (1995), является каждый, кто связал себя с судьбой России, кто считает себя россиянином независимо от национальности, родного языка и вероисповедания, кто, достигнув совершеннолетия, назвал себя россиянином. Все нации в России равны, каждая из них «имеет право развивать свою культуру, иметь школы на родном языке, прессу, литературу, театр. Но не более того: государство должно быть единым, делиться по территориальному признаку (области или губернии)». С.А. Сафронов, приверженец русской идеи, выступающий за унитарную Россию, приводит (1995) своеобразный довод: «Бывший СССР был федеративным государством лишь формально, на деле являясь именно унитарным государством, и развалился он, собственно, оттого, что попытался стать истинной федерацией... Будущее устройство России может быть только унитарным, основанным на русской идее, приспособленной, естественно, к новым условиям».

Глава 3

Крушение СССР и поиск новых интеграционных идей в России

Место крушения — Вискули

За 25 лет до крушения Союза ССР поэт Николай Рубцов, словно предчувствуя трагедию 1991 года, создал образ поезда, который

«мчался с полным напряженьем,
Мощных сил, уму непостижимых,
Перед самым, может быть, крушеньем
Посреди миров несокрушимых».

Катастрофа назревала «где-то в самых дебрях мироздания», «в просторе мгlistом», «посреди явлений без названья». Поезд с литерами «СССР» подошел к месту крушения в малоизвестном белорусском селении Вискули, запрятанном в дебрях Беловежской пущи в трех километрах от польской границы. Здесь, в Вискулях, 8 декабря 1991 года и случилось непоправимое. Союза Советских Социалистических Республик не стало. Исторический факт зарегистрирован в документе, под которым стоят подписи руководителей Белоруссии, РСФСР и Украины, известивших жителей планеты Земля о том, что «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование». В соответствии с Беловежскими решениями 12 декабря 1991 года в 13 часов 28 минут Россия вышла из состава СССР, денонсировав решением своего парламента Союзный договор 1922 года. 25 декабря 1991 года М.С. Горбачев в последнем в качестве Президента СССР телевизионном выступлении заявил, что уходит со своего поста «по принципиальным соображениям», хотя практически этого поста уже не существовало. 24 декабря работники хозяйственной службы Кремля уже вынесли личные вещи Горбачева из шкафов президентского кабинета и в ночь на 25 декабря сняли табличку «Президент СССР М.С. Горбачев» со стены рядом с дверью этого кабинета. Сразу же после телевизионного выступления Горбачева, в 19 часов 38 минут красный Государственный флаг СССР на купольном здании Кремля был заменен российским трехцветным.

Пораженные всеми этими событиями современники начали примерять для их оценки понятия, лежащие в широчайшем диапазоне от гибельного «краха» до жизнеутверждающего «возрождения». Участники беловежского решения постарались преподнести его народам

бывшего СССР как единственный и спасительный выход из зашедших в тупик переговоров о новом Союзном договоре, подготавливавшемся взамен прежнего, существовавшего с 30 декабря 1922 года. Достоинства Соглашения о создании Содружества Независимых Государств представлялись одному из членов российской делегации на Беловежской встрече столь бесспорными, четкими по политическим и экономическим обязательствам Сторон, что «уже за одно это надо устроить на улицах фейерверк».

Однако эти и другие прозвучавшие по свежим следам случившегося высказывания вроде того, что «у распадающейся коммунистической империи есть свои законы и один из них гласит, что государства должны прожить определенный период в форме независимых», что-де в Минске зафиксирована «независимость республик как естественное и логическое завершение определенного этапа распада империи», что есть, мол, объективные процессы, происходящие помимо нашей воли, и Союза не стало просто потому, что «империи срок вышел», а участники Беловежского соглашения не разрушили ее, они «просто выписали свидетельство о смерти, которое состоялось до этого», и помогли тем самым «спокойно и мирно разойтись» бывшим союзным республикам, — все такие суждения надо воспринимать как сугубо предварительные. Они рассчитаны, прежде всего, на то, чтобы действия политиков, «способствовавших» проявлению «закономерности», можно было представить как законные и даже героические. Желание вполне понятное, но на окончательный вердикт истории в данном случае рассчитывать явно не приходится. Здесь надобны годы и десятилетия. Лишь по мере того как данное, явно неординарное событие отходит в прошлое, появляется возможность осмыслить его истинные масштабы, причины и следствия.

Что касается общественного мнения первых лет после роспуска СССР, оно оставалось почти таким же, как и в день мартовского (1991) референдума, когда 71,3 % его участников проголосовали за сохранение Союза ССР как обновленной федерации. По данным опроса, проведенного Институтом социально-политических исследований РАН в марте 1992 года, за восстановление СССР высказалось свыше 70 % опрошенных. В ходе аналогичного опроса москвичей накануне 12 июня 1994 года 68 % респондентов заявили, что они отрицательно относятся к упразднению Советского Союза.

На развалинах СССР

Вопреки ожиданиям, независимое существование суверенных государств, появившихся на территории бывшего СССР, пока не приносит ощутимых перемен к лучшему в жизни народов. Что же касается межнациональных отношений, то ситуация здесь остается весьма напряженной. Как оказалось, национальная идея широко используется в борьбе за власть и за доступ к власти, в определении границ территорий, на которые новая государственная и местная власть распространяется, в борьбе за приватизацию, за региональные привилегии, за устранение последствий несправедливой национальной политики прошлого. В результате, начиная с 1987 года, в границах бывшего СССР имели место, по разным оценкам, от 100 до 150 этнополитических конфликтов, в том числе свыше 20 вооруженных. Всего же, по данным ученых, на территории бывшего Союза существовало до 200 потенциальных очагов конфликтов, связанных с перераспределением политической власти в новых государственных образованиях и субъектах Федерации.

По данным, приводившимся российским участником международного симпозиума в декабре 1993 года, число погибших в зонах этнополитических и региональных конфликтов на территории бывшего СССР составило в 1992 году около 60 тысяч человек, потери 1993 года оценивались сопоставимой цифрой. По другим источникам, с конца 1991 года только по апрель 1993 года в вооруженных конфликтах погибло около 150 тысяч человек. Это в 11 раз больше, чем за 10 лет афганской войны. Но реакция в нашем обществе и мире отнюдь не адекватна масштабам трагедии. Бывший председатель КГБ СССР на процессе по делу ГКЧП показывал, что «за неполных два года на территории Советского Союза в ходе военных конфликтов, в гражданских войнах погибло более 200 тысяч человек, до 700 тысяч раненых,

изувеченных».

В целом территория России оказалась пораженной этнополитическими и региональными конфликтами в меньшей степени, чем некоторые другие страны СНГ (Азербайджан, Армения, Грузия, Молдавия, Таджикистан). Однако и в России разнообразные территориально-этнические конфликты и притязания исчислялись сотнями. Около миллиона граждан, населяющих мятежную Чечню, с сентября 1991 года оказались, по сути, вне Конституции Российской Федерации. Не урегулирован конфликт между Северной Осетией и Ингушетией. Угроза этнической и внутриконтрессиональной войны обнаружилась в Дагестане, в котором появились политические силы, выступавшие против унитарной формы государственного устройства республики. Возникли движения, ратовавшие за создание собственных государств на севере республики (ногайцы), на юге (лезгины), в центре (кумыки). Другие, более стабильные северокавказские республики также оказались под угрозой национального размежевания. Причем и здесь новые самоопределяющиеся государства зачастую обозначались на взаимоперекрывающихся территориях. Обнаружились очаги напряженности в громадном промышленном Волго-Уральском регионе с центрами повышенной конфликтности в Татарстане и Калмыкии. На юге Восточной Сибири очаг питался сепаратистскими устремлениями определенных политических сил Тувы и Бурятии. В Якутии в результате закрепления преимуществ за «титальной» нацией дали о себе знать сепаратистские настроения не якутского населения. Возникла напряженность на Дальнем Востоке из-за возрастающего притока китайских и корейских переселенцев.

Попытка силой погасить один из очагов нестабильности и сепаратизма привела к войне с дудаевским режимом в Чечне. Боевые действия начались 11 декабря 1994 года и довольно быстро прибавили к прежним жертвам конфликтов новые десятки тысяч погибших и сотни тысяч беженцев. По официальным данным, к 24 января 1995 года только федеральные войска потеряли в Чечне 553 убитыми (513 военнослужащих, 40 — из состава внутренних войск МВД) и 275 пропавшими без вести. За месяц с небольшим число беженцев из Чечни, зарегистрированных миграционной службой, возросло до 142 тысяч. Чеченская сторона вела свой счет жертв войны: 22 тыс. убитых (в том числе гражданское население), 22 тыс. инвалидов, 100 тыс. беженцев, нашедших временное пристанище в Дагестане и Ингушетии, 20 тыс. бежавших в другие регионы России и ближнего зарубежья. По данным аппарата Уполномоченного по правам человека Российской Федерации, с 25 ноября 1994 года по 25 января 1995 года погибло более 24 тыс. мирных жителей Грозного, общее число беженцев из разрушенного города за два месяца составило примерно 400 тыс. человек (Независимая газета. 1995. 28 января, 22 февраля).

За полгода в этой войне погибло 1375 российских военнослужащих, 3872 ранено, 245 пропало без вести. По данным чеченской стороны, погибло 5400 человек, участвовавших в военных действиях на стороне Джохара Дудаева (погиб 22 апреля 1996 г.), более 3000 пропало без вести. Потери мирного населения, по этим же данным, — несколько десятков тысяч человек. Начавшимися 25 мая 1995 года переговорами по мирному разрешению чеченского кризиса полномасштабные военные действия были прекращены. 30 июля 1995 года было подписано соглашение по военным вопросам, которым предусматривалось: развод федеральных войск и незаконных вооруженных формирований на четыре километра; вывод федеральных войск из Чечни; разоружение незаконных вооруженных формирований. Однако и после соглашения потери человеческих жизней в этом конфликте не прекратились. По официальным данным Министерства обороны РФ на 30 августа 1996 года, в чеченской войне погибли 2837 военнослужащих, 13 270 человек были ранены, 337 военнослужащих пропали без вести, 432 оказались в плену. Примерно такую же цифру потерь, по данным МО РФ, имели и войска МВД. Потери чеченских боевиков составили около 15 тыс. человек. В результате войны из 1306,5 тыс. человек, проживавших (данные на 1 января 1993 г.) в Чечено-Ингушской республике, пределы Чечни к началу июня 1996 года покинуло около 450 тыс. человек. Большая часть из них разместилась в республике Дагестан (около 144 тыс. чел.), Ингушской Республике (около 182 тыс. чел.), в Ставропольском крае (около 40 тыс.

чел.) и в других регионах России.

В 2001 году в Москве было опубликовано статистическое исследование «Россия и СССР в войнах XX века». В этом авторитетном издании приведены данные о числе потерь российских военнослужащих, принимавших участие в этнических и региональных конфликтах, миротворческой деятельности на территории бывшего СССР в период с 1988 по 2000 год. Согласно этим данным, в армяно-азербайджанском (Карабахском) конфликте (1988–1994) безвозвратные потери личного состава подразделений и частей Министерства обороны, внутренних войск и милиции МВД, пограничных войск, а также формирований других ведомств составили 51 человек, санитарные — 830 человек. В грузино-осетинском конфликте (1991–1992) потери соответственно составили 46 и 142 человека, в приднестровском (1992) — 24 и 3402 человека, в грузино-абхазском (1992–1994) — 73 и 1972 человека, в таджикском (1992–1996) — 302 и 1583 человека, в осетино-ингушском (1992) — 27 человек (по санитарным потерям данные отсутствуют), в чеченском (1994–1996) — 5552 и 51 387 человек, в антитеррористической операции на Северном Кавказе (1999–2000) — 3007 и 8771 человек. В ходе первой чеченской войны ежемесячные потери федеральных сил составляли 190 человек убитыми, во второй — 215. Потери оказались более высокими, чем в наиболее кровопролитный 1984 год Афганской войны.

Причина многих несчастий россиян кроется в затяжном экономическом кризисе и ухудшении условий жизни в стране. За 1990-е годы российский валовой внутренний продукт (совокупная стоимость конечных товаров и услуг, произведенных на территории страны, в рыночных ценах) сократился почти в 2 раза (для сравнения: за годы Великой Отечественной войны он уменьшился на 24 %). Его душевой размер к концу XX столетия был в 5 раз ниже среднего показателя стран «большой семерки». По его совокупному размеру Россия уступает ныне США в 10 раз, Китаю — в 5 раз. Строительство рыночной экономики сопровождалось значительным ростом «теневой» экономики. Доходы от нелегального предпринимательства, исчисляемые, по оценкам экспертов, 3 % от валового внутреннего продукта в 1973 году и 11 % в последний год существования СССР, в 1993 году составляли в Российской Федерации 27 % ВВП, в 1994 году — 39 %, в 1995 году — 45 %, в 1996 году — 46 %.

Российское государство отказалось от традиционных обязательств и функций в медицине, образовании, науке, социальной сфере. К унаследованным Россией от СССР 105 млрд долларов внешнего государственного долга к 1998 году прибавилось более 50 млрд новых долгов. Реальные доходы и уровень жизни в среднем по стране уже в 1993 году снизились по сравнению с 1985 годом как минимум в 2,15 раза; снижение продолжалось и в последующем. Стоимость набора из 19 основных продуктов питания за 1994 год выросла в 3,5 раза. Среднемесячная номинальная заработная плата в России в 1994 году составляла 100 долларов США, в 1997 году — 164,3 долларов.

Бывший проходчик угольной шахты из Кузбасса Т.Г. Авалиани, характеризуя ухудшение условий жизни и работы за годы реформ, приводит следующие сравнительные данные. За 1990–2001 годы среднемесячная зарплата проходчика выросла в 6,7 раз, пенсия шахтера — в 10,2 раза, среднемесячный доход директора крупного завода — в 125 раз. В то же время булка серого хлеба стала стоить дороже в 41 раз, молоко (л) — в 35,7 раза, картофель (кг) — в 60 раз, капуста (кг) — в 83 раза, морковь (кг) — в 100 раз, лук репчатый (кг) — в 16 раз, свекла (кг) — в 80 раз, мясо говядина на кости (кг) на рынке — в 25 раз, мясо свиное (кг) на рынке — в 25 раз, курица (кг) — в 22,6 раза, колбаса вареная (докторская, отдельная) — в 41,4 раза, карбонат, буженина, сервелат (кг) — в 45 раз, сельдь (кг) — в 26,7 раза, яйца (десяток) — в 14,4 раза, сметана (кг) — в 43,6 раз, кефир (л) — в 46,5 раз, сахар-песок (кг) — в 19,2 раза, крупа (гречка, рис, кг) — в 21,4 раза, масло сливочное (кг) — в 20 раз, масло растительное (кг) — в 21,2 раза; сапоги женские импортные — в 80 раз, сапоги мужские импортные — в 80 раз, сапоги кирзовые — в 24 раза, костюм мужской импортный — в 35 раз; квартплата за трехкомнатную квартиру, включая плату за электроэнергию и все коммунальные услуги — в 32,2 раза, проезд в городском транспорте — в 100 раз, билет на самолет Кемерово — Москва — в 63,3 раза.

Хронический кризис российской финансовой системы приобрел особенно острую форму к лету 1998 года. 17 августа была официально признана неспособность правительства (премьер С.В. Кириенко) обслуживать огромный внутренний и внешний долги. Для предотвращения катастрофической ситуации в финансовой сфере правительство осуществило девальвацию национальной валюты, в результате которой стоимость рубля по отношению к доллару снизилась втрое. После этого черного дня новейшей отечественной истории уровень заработной платы в России вновь снизился на две трети, составив в 1999 году 61,8 дол., в 2000 году — 79,1 доллара, существенно не дотягивая до порога в 100 долларов, по которому ООН относит страны к бедным.

Снижение жизненного уровня жителей России сочеталось с резкой социальной поляризацией. О ее степени можно судить по коэффициенту, выражающему соотношение доходов 10 % наиболее обеспеченных и 10 % наименее обеспеченных граждан. Предельно допустимое значение этого показателя в нормально функционирующем обществе, по экспертным оценкам, составляет 8 к 1. По данным Госкомстата Российской Федерации, этот коэффициент в 1991 году составлял в России 4,5; в 1993 году — 11,2; в 1998 году — 13,8; в 2001 году — 13,8. Высокие значения коэффициента во многом определялись безработицей. В 1992 году безработных в стране насчитывалось 3,9 млн. (5 % экономически активного населения), в 1997 — 8,1 млн. (11,8 %). После известного финансового обвала в августе 1998 года число безработных подскочило в 1999 году до 9,3 млн. человек (13 %). На довольно высоком уровне безработица держалась и после «дефолта». В 2001 году в стране имелось 6,6 млн. безработных (9,2 % экономически активного населения).

Особую тревогу вызывают демографические последствия кризиса. Возрастающие тревоги за будущее, развал здравоохранения и другие факторы привели к значительному сокращению продолжительности жизни и резкому сокращению числа рождающихся россиян. Если в 1987 году число родившихся в стране составляло 2,5 млн. человек, то в 1993 году — 1,4 миллиона. В начале 1991 года в России проживало 148,5 млн. человек. На первом же году независимого существования естественный прирост населения сменился убылью, составившей 200 тыс. человек. В 1993 году убыль увеличилась почти в 4 раза, имея тенденцию к дальнейшему росту. В этом году население России из-за превышения числа смертей над числом рождений сократилось на 737,7 тыс., в 1994 году — на 920,2 тыс. Это равносильно тому, что в России за год исчезало население таких городов, как Воронеж. Подобная убыль хуже демографических показателей Первой мировой и Гражданской войн, и сопоставима с периодом Великой Отечественной войны. Приток мигрантов в определенной мере «компенсирует» естественную убыль.

По данным текущего учета численности населения, находящим отражение в ежегодно публикуемых статистических сборниках («Россия в цифрах», «Демографический ежегодник России» и др.), на 1 января 2002 году в Российской Федерации насчитывалось 143 954,4 тыс. жителей (по переписи 1989 года их было 147 021,9 тыс., в начале 1992 года — 148 325,6 тыс.).

В октябре 2002 года была проведена первая в постсоветской истории Всероссийская перепись населения. Ее предварительные результаты были доложены на заседании правительства 24 апреля 2003 года. По этим данным, по состоянию на 9 октября 2002 года, в стране было учтено 145 287,4 тыс. живущих в стране россиян. Народа оказалось примерно на два миллиона больше, чем показывали данные текущей статистики.

Общее снижение численности населения в России в межпереписной период (1989–2002) составило 1840 тыс. чел. За период между переписями в стране родилось 20 540,0 тыс. чел., умерло 27 939,8 тыс. Разница между этими величинами в 7399,8 тыс. чел. означает естественную убыль населения России. За этот же период миграционный прирост составил 5559,8 тыс. чел. — в страну прибыло 10 975,5 тыс. чел., убыло 5415,7 тыс. чел. Значительная часть мигрантов прибывала к нам из стран — бывших союзных республик, и далеко не все из них учитывались текущей статистикой. Естественная убыль населения оказалась значительно большей, чем прирост населения за счет миграции, отсюда и общее сокращение

числа живущих в стране.

По данным переписи, численность населения сократилась в 66 субъектах Российской Федерации. Больше всего на Чукотке — в 3 раза, в Магаданской области — в два с лишним раза, в Корякском автономном округе — на 37 %, на треть — в Таймырском и Эвенкийском автономных округах. В 23 субъектах, наоборот, населения прибавилось. В Дагестане — на 43 %, в Кабардино-Балкарии — на 20 %. Из семи федеральных округов население выросло (в основном за счет миграции) в Южном (с 20,5 до 22,9 млн. чел.) и Центральном (с 37,9 до 38 млн), во всех остальных зафиксирована убыль населения: в Северо-Западном федеральном округе с 15,2 до 14 млн, в Приволжском — с 31,8 до 31,2 млн, в Уральском — с 12,5 до 12,4 млн, в Сибирском — с 21,1 до 20,1 млн, в Дальневосточном — с 8 до 6,7 млн. человек.

Снижение жизненного уровня россиян на протяжении 1990-х годов напрямую определяло падение такого демографического показателя, как ожидаемая продолжительность жизни. В 1991 году она составляла 69 лет для населения в целом (64 г. у мужчин и 74 г. у женщин), в 1998 г. снизилась до 67 лет (61,3 г. у мужчин и 72,9 у женщин), в 2000 году — до 65 лет (59,8 г. — у мужчин и 72,2 г. — у женщин). По текущим данным Госкомстата на 2002 год, средняя продолжительность жизни у мужчин — 58,5 г., у женщин — 72 г. Это означает, что в наши дни среднестатистический российский мужчина не доживает даже до возраста выхода на пенсию.

Эксперты полагают, что население России в ближайшие 50 лет будет убывать примерно по миллиону человек за год. По некоторым прогнозам, при нулевом сальдо миграции к 2050 году в России в лучшем случае будет проживать 110 млн. человек, а в худшем — 80 млн. Избежать подобной участи России, как полагают, например, лидеры «Союза правых сил», практически невозможно. Объяснение этому, как всегда, находится в нашем недавнем «проклятом прошлом». Дескать, все дело в социалистической модели индустриализации, когда «женщин вытащили из семьи, из деревни на очень ранней стадии индустриального развития, послали на завод, и те начали вести себя после этого так, как ведут себя женщины в более развитых странах: стали меньше рожать». Поскольку демографические процессы имеют очень инерционный характер, предотвратить сокращение численности населения России в ближайшем историческом будущем невозможно. По сути дела, вымирание русского народа предлагается принять как должное. Выход же для страны видится в проведении новой иммиграционной политики, нацеленной на приспособление к реалиям XXI века, на привлечение в страну нужных России иммигрантов и превращение России в своеобразную Америку XXI века. Правда, в этом случае, Россия должна стать уже не страной русских, а российских граждан. «Да, с русским языком, русской культурой, но — российских», — подчеркивал Е.Т. Гайдар, призывая утвердить соответствующий подход к российской государственности.

После распада Советского Союза за пределами Российской Федерации оказалось 25 289,5 тыс. русских (17,4 % от их общей численности в СССР в 1989 г.) и 4096,1 тыс. лиц других коренных национальностей РФ (18,5 % от их общей численности). Обострение социально-политической ситуации в странах ближнего зарубежья, банкротство предприятий, сокращение рабочих мест, глубокое социальное расслоение, дискриминация и нарушение прав русского и русскоязычного населения, расширение зон национальных конфликтов побуждает это население к возвращению в Россию. По данным Федеральной миграционной службы на 1994 год, в Россию прибыло около 2 млн. вынужденных переселенцев и экономических мигрантов. Если среди первых вынужденных мигрантов в Россию были в основном армяне, азербайджанцы, турки-месхетинцы, то в дальнейшем основную их массу стали составлять русские. По данным на 1 августа 1994 года, среди всех этнополитических мигрантов доля русских превышала 60 %; осетины, армяне и татары составляли по 7–9 %, украинцы — 3 %, доля грузин и таджиков чуть превышала один процент.

Сами россияне пытаются укрыться от смуты в странах дальнего зарубежья. За 1987–1993 годы из России эмигрировало около 500 тыс. человек, в основном немцы и евреи, а

также русские (в 1993 г. на эти национальности приходилось 93 %). Основные эмигрантские потоки были направлены в Германию (максимум был достигнут в 1995 г. когда в эту страну эмигрировало 72,8 тыс. российских немцев) и Израиль. По сравнению с 1990 г., когда эмиграция евреев достигла своего пика — 61 тыс., к концу 1990-х годов она упала до 17 тыс. (В настоящее время в Израиле насчитывается более миллиона недавних иммигрантов из России и бывшего СССР, что составляет 20 % израильского населения.) К концу 1990-х годов российская эмиграция начинает охватывать и такие страны, как Австралия, Канада, Финляндия, Италия и др. При этом в ее орбиту все более вовлекаются русские, доля которых выросла с 24 % в 1993 году до 41,5 % в 2000 году. Из страны уезжают высокообразованные специалисты. Так, в 1993 году среди эмигрантов в США высшее, незаконченное высшее и среднее специальное образование имели 71 %, в Израиль — 61 %. В один только Израиль в течение первого десятилетия (1989–1998) последней «волны эмиграции» выехало 13 275 бывших советских ученых. Такие масштабы утечки умов означают потери для России 60–70 млрд долларов ежегодно (подсчеты по методике ООН).

Параллельно в Россию идет мощный приток иммигрантов. Основная часть мигрантов из стран Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Африки находится в России нелегально. По данным ООН, нелегальных иммигрантов в России насчитывается 13 млн. Это вызвано открытостью российских границ со странами СНГ. Основной поток мигрантов идет через южные границы, из Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, а также Китая. Поток этот ничего хорошего России не приносит. В отличие от легальной миграции, которая действительно может быть одним из способов восполнения убыли населения, нелегальная приносит с собой огромные проблемы, начиная от преступности и наркоторговли и заканчивая нагрузкой на инфраструктуру и основное население. Именно нелегальная миграция является причиной того, что ЕС отказывается устанавливать с Россией безвизовый режим. Здесь опасаются, что офомный поток нелегалов из России пойдет к ним.

Распад СССР пока не привел к ожидаемому смягчению криминогенной ситуации в России. В 2000 года была издана книга заместителя начальника Главного управления исполнения наказаний Минюста Российской Федерации профессора А.И. Зубкова «Карательная политика России на рубеже тысячелетий», содержащая анализ динамики, текущего состояния и последствий российской карательной политики на разных этапах ее истории, начиная с 1898 года. Как видно из приведенных в этой книге данных, в России наименьшее количество заключенных (автор подразумевает под ними всех лиц, хотя бы в какой-то мере лишенных свободы, включая сюда долговые тюрьмы и концентрационные лагеря), было в 1892 году — всего 83,2 тыс. человек, а наибольшее — в 1941 году (2204,4 тыс. чел.). Удельный вес таких лиц в расчете на 100 тыс. человек в указанные годы составил соответственно 66 и 1119 человек. Причем, если в дореволюционное время колебания этого показателя были незначительны (140 чел. в 1909 г., 103 чел. — в 1917 г.), то в последующие годы наблюдается довольно противоречивая картина. Если в 1920-е годы сохраняется тенденция первых десятилетий XX века (67 чел. в 1922 г. по РСФСР и 106 чел. в 1930 г. по СССР), то позднее идет резкий рост. В 1937 году удельный вес заключенных в СССР в расчете на 100 тыс. человек населения составил 469 чел., в 1939 году он почти удвоился (859 чел.), а в 1941 достиг пика. К окончанию Великой Отечественной войны этот коэффициент снизился до 970 человек. В последующие годы пошло существенное снижение данного показателя: в 1959 году — 405 чел., в 1979 году — 359 чел., а в 1989 году он был наименьшим — всего 280 чел. В Российской Федерации общесоюзная тенденция проявила себя слабее: в 1959 году коэффициент составил 585 чел., в 1975 году — 500 чел., в 1979 году — 522 чел. Начиная с 1989 года это снижение было существенное: в 1989 году — 280 чел., 1992 году — 218 чел. Но затем вновь пошел высокий рост: в 1996 году — 506 чел., в 2000 году — 728 чел. К 2000 году численность лиц, содержащихся под стражей (подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осужденных к лишению свободы) в России, сравнялось с численностью контингента (с учетом лечебно-трудовых профилакториев) всего СССР на конец 1980-х гг. На 1 января 2000 года в учреждениях уголовно-исполнительной системы

содержалось 1 060 085 человек, в том числе в исправительных колониях 756 432 чел., в следственных изоляторах — 272 589 чел., в помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов — 9116 чел., в воспитательных колониях — 21 957 человек. Криминогенная обстановка в России такова, что половина ее населения (53 % по данным социологического опроса весны 2002 г.) опасается, как бы власть в стране не попала в руки организованного преступного сообщества.

Как видим, спокойно и мирно разойтись из Союза ССР не удалось. И потребуются еще немало усилий, чтобы уяснить причину произошедшего и отыскать способы стабилизации и улучшения ситуации, урегулирования национальных и национально-государственных отношений на пространстве бывшего СССР и нынешней Российской Федерации. Между тем, российские народы остаются пока еще очень далекими от полной уверенности в том, что распад СССР не получит продолжения в распаде России. По данным социологического исследования, проведенного весной 2002 года по заказу Международного республиканского института, каждый четвертый житель России (26 %) считает угрозу распада России вполне вероятной. В Сибирском и Дальневосточном округах такую угрозу ощущает каждый третий (35 %). Две трети опрошенных (62 %) полагают, что в России не существует сильного государства. Укрепление государственности в общественном мнении связывается с объединительной, интеграционно-централизованной формой федерализма (ей отдают предпочтение 30 % опрошенных). При этом 20 % россиян выступают за договорную форму федерализма (когда федерацию рассматривают как объединение государств, передающих на основе договора некоторые права центральным органам власти). 14 % высказываются за кооперативную форму федерализма (за федерацию на основе социально-экономического сотрудничества между федеральным Центром и регионами). В то же время 14 % опрошенных выступают за самостоятельность субъектов. Региональный сепаратизм (отделение регионов от Центра) поддерживают 22 % опрошенных (в Дальневосточном федеральном округе эта цифра поднимается до 35 %, такие же настроения сильны Среди чувашей и мордвы (27 %) и у татар (42 %). 11 % опрошенных видят идеал в централистической форме федерализма (когда вся социально-экономическая и политическая жизнь в отдельных частях государства должна осуществляться на основе решений федерального Центра). По данным этого же опроса, самые многочисленные славянские национальности России — русские и украинцы — в среднем почти в два раза больше верят в сохранение России, чем в ее распад (соответственно среди русских 50 % «оптимистов» и 26 % «пессимистов», среди украинцев — 50 % и 21 %). Однако представители ряда российских национальностей вероятность распада России признают весьма высокой. Среди них — жители регионов, имеющих границы со странами СНГ (32 %), армяне (46 %), евреи (53 %), выходцы из Средней Азии (69 %). Основные причины вероятного распада России опрошенные усматривают в деятельности иностранных государств (32 %), региональных лидеров (31 %) и олигархов (28 %).

Причины распада Советского Союза

В литературе выдвинуто немало гипотез о причинах распада СССР. Можно встретить ссылки на случайность произошедшего. Дескать, были бы у генерального секретаря Ю.В. Андропова здоровые почки, не было бы всей цепи событий, которая привела к распаду страны. Союз можно было сохранить, если бы не было личной неприязни между Б.Н. Ельциным и М.С. Горбачевым — и в этом случае события могли бы принять другой оборот. На универсальность претендует объяснение с опорой на так называемый закон энергетической неэффективности больших государств, согласно которому не только распался СССР, но идет распад России, распадутся США, Канада, Китай, Австралия (Зеленый мир. 1997. № 8). На наш взгляд, очень близки к истине исследователи, усматривающие главную причину распада СССР в изъянах плана, по которому осуществлялось его строительство. Отвергнув известный проект «автономизации», отцы-

основатели СССР утвердили план, по которому союзные национальные республики «добровольно» входили (а при желании и выходили) в состав СССР, роль связующего звена государства был призван играть не государствообразующий народ, а политическая партия. При устранении партии легко разрушалось и государство, что и произошло в 1991 году.

Вместе с тем высказываются убеждения, что никаких серьезных объективных причин для развала СССР не существовало, он — следствие «грубых просчетов и ошибок политиков, действия разрушительных политических сил и деятелей». Виновниками случившегося в этом случае чаще всего представляются Горбачев; гекачеписты; депутаты V Внеочередного съезда народных депутатов СССР, во многом предопределившие своими решениями разрушение Союза; государственные деятели, сделавшие Беловежскую пушу символом волюнтаризма и безответственности в политике; парламенты бывших союзных республик, одоббившие роспуск СССР; «демократы» в целом или некие политически амбициозные и своекорыстные группы лиц, расчищавшие таким путем себе путь к власти.

Большую долю истины содержит суждение о национальных элитах как могильщиках СССР. Эти элиты, с одной стороны порожденные Москвой, а с другой всегда тайно мечтавшие о бесконтрольной власти и тяготившиеся московской уздой, почувствовали в момент кризиса союзной государственности, что узда ослабла, и «вырвались на свободу. Всем еще плохо — им уже хорошо», как написал А.Е. Бовин (1998). Большая часть вины в этом случае возлагается на национальные элиты бывших союзных республик. Они с большим подозрением отнеслись к известной попытке 1989–1990-х годов уравнивать в правах союзные и автономные республики. Это было воспринято не как повышение автономий до уровня союзных республик, а наоборот, — как понижение статуса последних до уровня бывших автономий. Особенно это задевало элиты крупнейших республик — Украины и Казахстана. Одно дело их статус в составе Союза с пятнадцатью союзными республиками, другое — с пятьюдесятью или более. Вслух против уравнивания возражать было трудно — это воспринималось бы как выступление против равноправия народов, как приверженность сталинизму. Поэтому проблема решалась иначе: модернизация государства сначала просто саботировалась, а затем была сорвана объявлениями суверенитета и независимости (Независимая газета. 1998. 28 июля). Именно в среде национальных элит с готовностью, как индульгенция, принят на вооружение сомнительный постулат: «История человечества знает одну истину: империя не перестраивается, а распадается» (А. Акаев).

Вина за распад Союза ССР нередко почти полностью перекладывается на Запад. В этом случае развал предстает результатом осуществления планов реставрации капитализма в СССР, инициированных США и осуществленных американско-английской агентурой при помощи деятелей типа Хрущева и Горбачева.

К нашим дням стали известны детали целого ряда проектов, разработанных в США и направленных на уничтожение СССР, расчленение его территории, уничтожение русского народа. Так, А. Даллес (директор ЦРУ в 1953–1961 годах) еще в конце Второй мировой войны предложил план послевоенной борьбы с СССР, в ходе которой «эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания». В основе этого и всех последующих планов ведения «холодной войны» против СССР лежала установка на то, чтобы взорвать Советский Союз изнутри с помощью подрывных средств и разложения и старых, как мир, приемов натравливания одних народов на другие. 18 августа 1948 года Совет национальной безопасности США утвердил директиву «Цели США в отношении России», направленную на свержение советской власти и декоммунизацию страны силами «любых местных властей, которые придут на смену советской власти». 9 июля 1959 года Конгресс США принял резолюцию о поработанных нациях. В ней утверждалось, что «с 1918 года империалистическая агрессивная политика русского коммунизма привела к созданию обширной империи, которая представляет зловещую угрозу для безопасности Соединенных Штатов и всех свободных народов мира». Резолюция требовала освобождения и возвращения независимости целому ряду стран и народов (включая мифические). Среди

названных значились народы Польши, Венгрии, Литвы, Украины, Чехословакии, Латвии, Эстонии, Белоруссии, Румынии, Восточной Германии, Болгарии, Континентального Китая, Армении, Азербайджана, Грузии, Северной Кореи, Албании, Идель-Урала, Тибета, Козакии, Туркестана, Северного Вьетнама. Было постановлено ежегодно отмечать в США третью неделю июля как «Неделю поработанных наций» до тех пор, пока «не будет достигнута свобода и независимость для всех плененных наций мира». Не является тайной и «Доктрина освобождения», принятая администрацией Дж. Буша в 1989 году и преследовавшая цель демонтажа «советской империи». Доктрина ставила задачи поэтапного отторжения четырех кругов государств «империи»: Индокитая и стран социалистической ориентации (4-й круг), восточноевропейских стран и Кубы (3-й круг), союзных республик СССР (2-й круг), республик и регионов собственно усеченной России (1-й круг). Известен целый ряд откровенных признаний виднейших американских государственных и общественных деятелей (подборку высказываний см.: Русский вестник. 1998. № 33–35), утверждающих, что «победа США в холодной войне была результатом целенаправленной, планомерной и многосторонней стратегии США, направленной на сокрушение Советского Союза». В частности, Дж. Вулси во время сенатских слушаний при утверждении его директором ЦРУ сказал о бывшем Союзе ССР: «Да, это мы прикончили Гигантского Дракона». Президент США Дж. Буш после развала Союза заявил, что это «наша победа, победа ЦРУ».

Оригинальная трактовка причин распада СССР принадлежит бывшему советскому разведчику М.П. Любимову. Он построил свой мемуар-роман «Операция Голгофа» на версии о секретном плане перестройки путем уничтожения в СССР существующего социализма и погружения страны в дикий, необузданный капитализм, где царит закон джунглей. Хаос и неразбериха в конце концов должны были, согласно этой версии, мобилизовать массы на борьбу с властью под социалистическими лозунгами, вылиться в революцию, уничтожение компрадорской буржуазии и восстановление истинного социализма. Отрывок из романа был опубликован в газете «Совершенно секретно» (1995. № 2) в рубрике «Сенсация», и многие сочли версию вполне правдоподобной. «Не верю, — пишет А. Тиле (1997), — что в мозгу русского мог родиться такой изуверский план... А вот в ЦРУ такой план мог быть разработан, и теперь уже имеется довольно много данных, что такой план был».

Широкое хождение имеет объяснение крушения СССР его проигрышем в холодной войне в результате технологического отставания и снижения уровня конкурентности, в более широком плане — поражением социализма в многовековом соперничестве с либерализмом. В противовес этому выдвигаются концепции, полностью отрицающие разрушительное действие внешних сил и придающие значение только внутренним факторам упадка и распада СССР, и прежде всего — экономическому кризису, нараставшему в СССР в течение десятилетий. Плодом абсолютизации одного из внутренних факторов является утверждение: «В разрушении СССР повинен русский национализм и он же является основной опасностью для России». Столь же рискованной представляется и сентенция о том, что «в конечном счете, свержение коммунистического режима оказалось триумфом русского национального сознания над сознанием коммунистическим», а распад СССР следует воспринимать «как величайшее завоевание русского народа и российских демократов».

Отдельные представители российской исторической науки (среди них — руководители исторических институтов РАН) держатся своеобразной «генеральной линии», согласно которой развал Союза отражает объективный процесс, имеющий всемирный характер. Директор академического Института всеобщей истории А.О. Чубарьян полагает, что это «результат, с одной стороны, роста национального самосознания, с другой — краха тех методов, с помощью которых создавался и жил СССР». Руководитель Института российской истории А.Н. Сахаров успокаивает сограждан: «Происходит то, что и должно происходить... Россия просто проходит со значительным запозданием те же цивилизационные ступени эволюции, что и другие развитые страны». Дескать, цивилизационное развитие и политическая жизнь 1960–70-х годов «практически подготовили распад СССР», и тут уж ничего не поделаешь.

Р.Г. Пихоя в статье «Почему распался СССР» (2002) акцентирует, что СССР разрушился несмотря на то, что в нем «отсутствовала сколько-нибудь организованная и массовая политическая оппозиция». Он полагает также, что «не было и нет единственной, главной причины развала СССР». Однако, заключая статью, автор по сути дела называет эту причину. Он пишет: «Советская система оказалась принципиально нерепформируемой. Она могла жить только как система централизованная, «свинченая» номенклатурной, партийно-государственной вертикалью, использовавшая в качестве источников своего бытия государственную собственность, огромные природные ресурсы и возможности мобилизационной экономики. Угроза внешней опасности, стабильность, определенные социальные гарантии для граждан СССР, надежда на «светлое будущее» составляли внутреннюю суть советской системы. Будучи нерепформируемой, эта система оказалась нежизнеспособной».

Таков же и основной тезис современной западной идеологии и пропаганды. В соответствии с ним СССР, как и советский социальный строй, рухнул будто бы в силу своей внутренней несостоятельности, будто он изжил себя сам по себе, будто советские люди сами (на своем жизненном опыте) пришли к мысли о необходимости отказа и от своего «имперского» государства, и от социализма.

Несогласных с такой позицией много. Что бы ни говорили об объективности процесса, настаивают они, факты неопровержимо свидетельствуют, что преднамеренное разрушение СССР было следствием целенаправленной политики «демократов», и содеянное в Беловежской пуще «будет осуждено как самая чудовищная ошибка за всю историю Российского государства» (Ф.М. Бурлацкий). Отражением этой тенденции является принятие Государственной Думой РФ 15 марта 1996 года постановлений «Об углублении интеграции народов, объединившихся в Союз ССР» и отмене постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года «О денонсации Договора об образовании СССР» и «О юридической силе для Российской Федерации результатов референдума СССР 17 марта 1991 года по вопросу о сохранении Союза ССР». Позже нижняя палата российского парламента создала специальную комиссию по рассмотрению вопроса об отрешении Президента РФ от власти. Первым среди выдвинутых при этом обвинений значится развал СССР и участие в Беловежском соглашении, «которые привели народ и государство к катастрофе» (Советская Россия. 1998.30 июля).

Укрепление государственности — главное правило настоящего вождя

1 ноября 1937 года Сталин выступил перед избранным кругом соратников, собравшихся за праздничным столом у К.Е. Ворошилова по случаю 20-летия Октября, с краткой, но примечательной речью, известной благодаря дневниковой записи генерального секретаря Исполкома Коминтерна Г. Димитрова. Речь эта имеет, на наш взгляд, большое значение для понимания сущности советского государства и сталинской национальной политики. По прошествии двух десятилетий после свержения царской власти Сталин стал усматривать в деяниях царей не только одни преступления, о которых повсечасно, начиная с 1917 года, трубили официозные средства массовой информации и пропаганды, но, как вдруг оказалось, и немалые заслуги.

«Хочу сказать несколько слов, может быть, не праздничных, — произнес тогда Сталин и сразу принялся за реабилитацию своих далеких предшественников на посту руководителя страны: — Русские цари сделали много плохого. Они грабили и поработали народ. Они вели войны и захватывали территории в интересах помещиков. Но они сделали одно хорошее дело: сколотили огромное государство до Камчатки. Мы получили в наследство это государство». К середине 1930-х годов наследник царей, видимо, окончательно уяснил, что при распоряжении наследством надо исходить не только из интересов мировой революции, но, прежде всего, — из национально-государственных интересов страны. Поэтому Сталин стал видеть особую заслугу большевиков в том, что «впервые мы, большевики, сплотили и

укрепили это государство, какединое; неделимое государство не в интересах помещиков и капиталистов, а в пользу трудящихся, всех великих народов, составляющих это государство. Мы объединили это государство таким образом, что каждая часть, которая была бы оторвана от общего социалистического государства, не только нанесла бы ущерб последнему, но и не могла бы существовать самостоятельно и неизбежно попала бы в чужую кабалу». Из этих констатаций Сталин сделал заключение, с полным пониманием и одобрением встреченное собравшимися. «Поэтому, — сказал он, — каждый, кто пытается разрушить это единое социалистическое государство, кто стремится к отделению от него отдельной части и национальности, он враг, заклятый враг государства, народов СССР. И мы будем уничтожать каждого такого врага, был бы он и старым большевиком, мы будем уничтожать весь его род, его семью, каждого, кто своими действиями и мыслями покушается на единство социалистического государства, беспощадно будем уничтожать». Не совсем праздничный тост был завершён призывом «За уничтожение всех врагов до конца, их самих, их рода!», вызвавшим, как зафиксировал Г. Димитров, одобрительные возгласы.

Отмеченное «хорошее дело» царей не означало, что Сталин совсем излечился от пороков классового шовинизма в оценках прошлого страны. Иначе он вряд ли допустил бы 6 ноября 1941 года в докладе по случаю 24-ой годовщины Октябрьской революции весьма рискованного, с патриотической точки зрения (и особенно — с учетом положения на фронте), сравнения: «По сути дела гитлеровский режим является копией того реакционного режима, который существовал в России при царизме. Известно, что гитлеровцы так же охотно попирают права рабочих, права интеллигенции и права народов, как попирали их царский режим, что они так же охотно устраивают средневековые еврейские погромы, как устраивал их царский режим». Нельзя не признать, что соотечественники, поставленные в тех условиях перед свободным выбором, скорее отдали бы предпочтение царскому режиму, но не гитлеровскому.

Тем не менее стоило бы обратить внимание на выделенные нами места в приведенном многозначительном тосте. Они свидетельствуют, что федеративное, по букве Конституции СССР 1936 года, государство Сталин считал единым и неделимым. Ни о какой особой роли русского народа в этом государстве речи не было. Напротив, говорилось о великих народах во множественном числе. Очевидно, имелись в виду народы Союза, имевшие «свои» национальные образования в ранге союзных республик, ибо и в «исчерпывающих» подсчетах количества больших и малых наций, народностей и национальных групп в стране Сталин никогда не выходил за пределы числа «около 60». Сталинская речь позволяет также с большой уверенностью полагать, что титулы «первого среди равных» и «старшего брата» русскому народу были «пожалованы» отнюдь не ради закрепления за ним каких бы то ни было преимуществ перед другими нациями. Скорее, все это рассчитано на пропагандистский эффект и должно было одновременно и льстить национальному самолюбию народа, и служить ему в определенном смысле утешением, означая признание действительных заслуг в исполнении определенных ему еще при Ленине особых «интернационалистских обязанностей».

Из тоста «отца народов» вытекает далее, что пресловутое право наций на самоопределение вплоть до отделения при сталинском правлении единству страны не угрожало. Ибо всякий, кто мог, по Сталину, даже помыслить о предпочтительности какому-либо народу самоопределяться вне СССР, квалифицировался как враг народа и контрреволюционер. По отношению же к последним сталинская власть была беспощадна. Сталин мог полагать, что дополнительным фактором, придающим особую прочность Союзу ССР, были многочисленные группы русского населения и исконно русские земли, включенные в состав национально-государственных образований других народов Союза. По логике, в случае попыток отделения какой-либо части, местные русские могли стать преградой сепаратизму. Расчет, как показали события 1991 года, не оправдался. Однако винить в этом Сталина вряд ли нужно. В 1937 году он имел основания заверить соратников, что, в условиях централизованной и в то же время причудливо федерализованной стране,

конституционное право на отделение в реальности единству государства не только никак не грозило, но и не могло угрожать. Угрозу оно стало представлять позже, когда переродившаяся КПСС оказалась бессильной против сепаратизма окраинных националистов. Исключение из Конституции СССР статьи шестой, гласящей: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза», — означало лишение союзного государства важнейшей своей скрепы. Уничтожив ее, прорабы перестройки не смогли предложить взамен никакого иного столь же действенного устройства, способного так же надежно обеспечивать государственное единство многонационального Союза ССР. В результате Союз рухнул. По историческим меркам — в одночасье.

Развал СССР в конечном счете продемонстрировал эфемерность государства, построенного на принципах этнического федерализма, не распространенных при этом на самый крупный этнос — русскую нацию, принужденную строить свои отношения с другими народами страны по особым принципам «интернационализма большой нации». Этот механизм решения межэтнических противоречий в полиэтническом обществе без дополнительных регуляторов типа сталинских ВКП(б), НКВД, НКГБ показал полную неэффективность, приведшую к распаду страны.

Почему дореволюционные государствоведы не любили федерализм

В дореволюционной России к федерализму как к принципу государственного устройства относились с большой настороженностью, не без оснований усматривая в нем опасность ослабления государства. «Говорят, наше государство должно сделаться федеральным, союзным, но где будет положен предел количеству федеральных областей, что останется за центральной властью, к каким областям и народностям это относится, — нам не говорят точно и обстоятельно. Неудивительно, что тогда многие города вспомнят о своих вольностях — Новгород, Псков, а за ними потянется Тверь, и дело дойдет, пожалуй, до Москвы», — писал директор народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей в 1906 году. В такого рода высказываниях, по существу, формулировалось неприятие федерализма просвещенными слоями общества.

Ученые государствоведы с еще большей убедительностью доказывали, что наибольшей прочностью и способностью концентрировать всю мощь государства в ответственные исторические моменты (отражение агрессии, решение других задач, требующих участия всех соотечественников) обладают унитарные государства. Профессор А.А. Жилин в 1912 году писал: «Превращение России в союзное государство, по нашему глубокому убеждению, было бы гибелью этого государства». А.С. Яценко, всю свою жизнь исследовавший проблемы федерации во всем мире, утверждал (1912), что создать в России федерацию, построенную по национальному признаку, невозможно: «Никакая областная децентрализация или федерация... не может разрешить национальный вопрос». К аналогичному выводу пришел видный государствовед Ф.Ф. Кокошкин. Построение российской федерации на начале национального разделения он расценивал в 1917 году как задачу «практически неосуществимую». Перекроить политическую карту России по национальному признаку означало бы, согласно П.А. Сорокину (1917), «раздробить ее на сотни государств... на мордовское, малорусское, самоедское, латышское, грузинское, литовское, и т. д. В итоге мы получили бы такую картину, нелепее и утопичнее которой нельзя было бы ничего выдумать».

Государственное устройство Российской Республики было предметом обсуждения Особой комиссии по составлению проекта основных законов при Временном правительстве. Разработку Конституции России как парламентской республики во главе с Президентом, избираемым Учредительным собранием, возглавлял один из лучших государствоведов России Н.И. Лазаревский, автор известных университетских курсов по русскому

государственному праву. Выработанный им «Предварительный проект статей основных законов по вопросу об автономизации (федерации)» исходил из базовой установки: «Государство Российское едино и нераздельно». Проект предполагал, что «в государстве Российском будет областная автономия». Предусматривалось, что «законы, издаваемые областными властями, не имеют обязательной силы, если противоречат... основным законам... изданным центральной государственной властью... и не основаны на законах, определяющих устройство и предметы ведения областных учреждений». Автономной единицей в составе России рассматривалась Финляндия, которой гарантировалась самостоятельность «на основаниях и в пределах, установленных законом о взаимных отношениях России и Финляндии, принятым Учредительным собранием (тогда-то), и формой правления, утвержденной (тем-то и тогда-то)». Положения законопроекта были одобрены 17 октября 1917 года, но через неделю Российская Республика стала Советской.

Ставшие у руля Советской России вожди и учителя революционного пролетариата сначала были тоже сторонниками единого централизованного государства. Вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом они считали наиболее оптимальной формой развитых капиталистических и социалистических государств неделимую демократическую республику с подчинением всех ее частей единому центру. «Пролетариат, — писал в 1891 году Энгельс, — может употребить лишь форму единой и неделимой республики. Федеративная... уже становится помехой». «Марксисты ни в коем случае, — подчеркивал В.И. Ленин, — не будут проповедовать ни федеративного принципа, ни децентрализации»; «мы в принципе против федерации — она... негодный тип одного государства». На Поронинском совещании ЦК РСДРП с партийными работниками в сентябре 1913 года была принята резолюция по национальному вопросу, которая вплоть до Октябрьской революции в России рассматривалась как программная декларация партии. Согласно резолюции, все что требовалось для достижения национального мира — это широкая областная автономия для всех областей России и вполне демократическое местное самоуправление. Будущее человеческой цивилизации марксисты связывали с переходом от разного типа союзных государств к вполне единой, централистически-демократической республике, и от неё — к безгосударственному общественному самоуправлению. Представления Сталина о государственном устройстве России излагались весной 1917 года в статье с характерным названием «Против федерализма».

С высоты наших дней становится все более очевидным: отношения учителей народов России к федерализму определялись не предубеждениями, а предусмотрительностью. Однако предостережения не сработали.

Унитаризм и централизм конфедеративного Союза ССР

Федерация на основе автономии типа РСФСР в советской историографии чаще всего представлялась единством более прочным, нежели федерация на основе союза субъектов. Зависимость между этими явлениями не столь очевидна. Известные российские государствоведы убедительно разъясняли, что «государство может быть чрезвычайно централизованным, однако федеральным. Это означает, что отдельные части государства участвуют в отправлении суверенитета, однако в государстве не выделен никакой определенный круг вопросов, который бы решался самостоятельно частями, а не центром. И наоборот, государство может быть построено на чрезвычайно широкой автономии частей и в то же время быть не федеральным». Так писал Н.Н. Алексеев в статье «Советский федерализм» (1927). Автономия отличается от федерации не тем, что автономному образованию предоставляется меньше прав самостоятельности, чем государству — члену федерации. Отличие в том, что «государство выделяет в пользу автономной области или союза определенный круг законодательных административных и других полномочий не в полное распоряжение этой автономной области, а лишь при условии контроля, — будь то в форме санкции или опротестования законов, утверждения того или иного высшего

должностного лица: изменения состава палат автономной области и т. д.» (М.Я. Лазерсон). Федерацию отличает от автономии не количественная степень суверенности, не степень единства, а различие отношения децентрализованной части государства с центром. По своей природе автономия таит в себе не меньшую опасность ослабления и распада государственных связей, чем федерация. Чем больше развивается автономность областей, различных по своей культуре и экономике, тем труднее становится осуществлять контроль из центра. Единство государства может не увеличиваться, а уменьшаться. Федеративное государство по своей природе ближе к централизованному государству, чем области, связанные между собой посредством автономного союза. Своеобразные задачи отдельных земель могут беспрепятственно возрастать, но этот процесс идет не за счет центра, сохраняющего установленный круг полномочий.

В советской обществоведческой традиции представления об автономии и федерации в их отношении к централизму как бы поменялись местами. Произошло это, скорее всего, потому, что ссылки на «уникальность» государственного устройства были удобным поводом игнорировать и теорию федерализма, и отечественный исторический опыт.

Россия с петровских времен имела губернское деление. При Петре I было 8 губерний, в конце XVIII века — 50, к началу Первой мировой войны — 78. К 1917 году в границах нынешней Российской Федерации существовали 39 губерний и 9 областей. Губернии имели трехзвенную структуру: губерния — уезд — волость. Всю полноту власти осуществляли губернаторы. Имелись губернские и уездные дворянские собрания, а также волостные сходы как выразители интересов крестьянского сословия. Области в основном формировались на окраинах империи. В них, в отличие от губерний, не было дворянских собраний, земств. Чаще всего они совмещались с общинами казачества. Смежные губернии и области объединялись в генерал-губернаторства. На территории современной России их было четыре (Московское, Степное, Иркутское и Приамурское).

Считается, что история российской государственности, характеризующаяся постоянным включением в свое лоно новых территорий, всегда обнаруживала в своем устройстве элементы федерализма. На наш взгляд, точнее было бы утверждение: не федерализма, а автономности. Вряд ли можно говорить, что Финляндия и Польша, с одной стороны, Бухара и Хорезм, с другой, находились между собой в федеративных отношениях. Более всего они походили на автономные части единого государства. Главам этих «автономий», так же, как и губернаторам, было непозволительно вмешиваться в общероссийскую политику. Много общего с автономией имело и местное самоуправление частей государства с нерусским населением. Отличие простой самоуправляющейся области (города, уезда) от автономной обнаруживается в том, что органы местного самоуправления имеют предмет своего ведения местные интересы, одинаковые на всем пространстве государства, независимо от национальных, экономических и других отличий (например, вопросы здравоохранения, благоустройства и пр.). Органы автономии как органы политического самоуправления имеют предмет своего ведения интересы личности данной области.

Таким образом, федерация, автономизация, централизованное государство представляют собой различные, оптимальные в определенных исторических условиях формы взаимодействия частей одного государства. А также — формы выражения, согласования и реализации интересов всего государства и его частей, интересов общегосударственных и частных. Происхождение союзных государств связано, конечно, с национальным вопросом, но не обязательно обусловлено только им.

В истории СССР федерализм имел в своей основе исключительно национальный вопрос. Утверждалось даже, что в однонациональных государствах федерализм «не имеет смысла» (О.И. Чистяков). Понимание федерализма целиком определялось представлением о сущности национального вопроса и конкретных непосредственных задач, связанных с его решением. В январе 1918 года, отодвинув планы непосредственного строительства единой и неделимой социалистической республики, основатели Советского государства встали на

точку зрения приемлемости федерализма, который по мере разрешения национальных противоречий должен был приобретать все более централистические формы.

Всемирная пролетарская республика казалась Ленину совсем близкой. Широко известны его слова о том, что большевики пошли на захват власти в России «исключительно в расчете на мировую революцию». После прихода к власти он неустанно призывал «идти на самые величайшие национальные жертвы... если это полезно развитию интернациональной рабочей революции». Когда, несмотря на жертвы, революции не случилось, он очень хотел, чтобы «пролетарская Советская республика, первая в мире свергнувшая свой империализм, продержалась до революции в Европе, раздувая пожар в других странах». До конца дней своих Ленин выражал уверенность в близости и неизбежности международной революции. 13 марта 1919 года он внушал своим слушателям в «Железном зале» Народного дома в Петрограде: «Мы еще раз говорим себе и вам с полной уверенностью, что победа обеспечена за нами в мировом масштабе... Мы скоро увидим рождение всемирной федеративной советской республики». В последней статье В.И. Ленина «Лучше меньше, да лучше», продиктованной 2 марта 1923 года, утверждается: «Весь мир уже переходит теперь к такому движению, которое должно породить всемирную социалистическую революцию».

Таким образом, Ленин до конца дней своих оставался верен идее мировой революции и мировой федеративной советской республики, призванной окончательно разрешить национальный вопрос в стране и мире. Однако на практике удалось реализовать лишь самые первые, начальные этапы грандиозного замысла. После смерти вождя его ожиданиям по части мировой революции было не суждено сбыться, а «принципы» построения социализма в одной стране со временем стали все меньше походить на изначальные умозрения. К примеру, сразу же выявилось, что принцип права нации на самоопределение очень трудно осуществить на практике из-за одной непредусмотренной, но важной детали. Осуществление принципа требовало ясности представлений о том, что есть нация и какие народы могут «на законных основаниях» воспользоваться правом на образование национального государства, самостоятельного или в рамках федерации. Определенности в ответах на кардинальные вопросы — какие народы и в каких формах будут участвовать в строительстве советской федерации — не было никакой. Принцип «равенства и суверенности народов», провозглашенный в «Декларации прав народов России» 15 (2) ноября 1917 года, предполагал соответствие федерального строя национальной структуре населения страны. Этот же принцип сам по себе не предполагал никаких различий между «равными и суверенными» субъектами будущей федерации. В жизни все было иначе. Можно сказать, реальная советская федерация строилась на принципиально беспринципной основе. На долговечность такой постройки вряд ли можно было рассчитывать. Поэтому она и не насчитала даже одного века своей истории.

К. Маркс и Ф. Энгельс имели явно суженные представления о народах, имеющих право на самоопределение. В 1866 году Энгельс отнес к числу «больших и четко очерченных наций Европы» Италию, Польшу, Германию и Венгрию. Причем польский народ, как преимущественно крестьянский, оказался в этом перечне в виде исключения. Его самоопределение должно было ослабить реакционную, по представлениям классиков марксизма, Россию. В отношении сербов, хорватов, русинов, словаков, чехов и других «мелких национальностей» тогда же было заявлено, что они уже превращены в составную часть более прогрессивных наций, их требования самоопределения ни в коем случае не стоило поощрять.

Советской науке, несмотря на выработанное научное, как утверждалось, определение нации, внести ясность в вопрос о российских народах, субъектах самоопределения, тоже не удавалось. В постсоветский период этим, по существу, никто не занимался. Однако считается, что в наше время «происходит увеличение российских национальностей». Согласно пособию «Что нужно знать о народах России» (1999), было 146 наций и народностей, а сейчас их насчитывается 176. Создающееся таким образом представление о значительном увеличении числа народов, проживающих в России, иллюзорно. В

действительности на ее территории продолжают жить народы, зафиксированные в переписях изначально. Оценки численности наций и национальных групп 1930–50-х годов были продиктованы установками на нивелирование, сближение и слияние наций, лежавшими в основе представлений о тенденциях в развитии наций при социализме. В оценках Сталина эти установки сказались в наибольшей степени.

Теоретическая неясность представлений о нациях, народностях, других элементах национальной структуры российского общества затрудняла определение положения различных народов в федерации. Видимо, внесение определенности в этот вопрос представлялось не столь уж и важным: федеральный строй России создавался не только наспех, но и как строение временное, обеспечивающее переход к полному единству трудящихся и к полному слиянию наций. Слияние представлялось возможным достичь в обозримой исторической перспективе. К примеру, Х.Г. Раковский, написавший в 1923 году, что создавшиеся после Октябрьской революции условия давали возможность изжить национальные особенности после «чрезвычайно длительного процесса, который будет тянуться, может быть, не десятком, а сотню лет», впоследствии обвинялся в национализме как раз за то, что отводил на решение национального вопроса «не десятком, а сотни лет».

В официальной литературе 1920-х годов утверждалось, что федерализм имеет «чисто инструментальное значение», выступает как «средство для изживания национального вопроса» и необходим лишь постольку, поскольку позволял «безболезненно преодолевать федеративные предрассудки крестьянских масс». Считалось, что по мере успехов на этом пути представители советских наций «будут переходить от защиты отдельных интересов этих наций перед Союзом к защите общих интересов Союза перед нациями» (Г.С. Гурвич). Можно сказать вслед за М.П. Томским, что отношение к федерализму с первых лет существования СССР оставалось таким же, как и к национальным движениям вообще. К нему относились «как к неизбежному злу».

Постоянно подчеркивавшаяся в советское время уникальность российского федерализма позволяла, с одной стороны, полностью игнорировать «буржуазные» научные представления о федерации и других формах союзов народов и государств, а с другой — маскировать централизаторскую сущность советского федерализма. Видимо, этим объясняются возникавшие порой предложения вовсе отказаться от самого понятия «федерация» для характеристики Союза ССР. Наиболее отчетливо это прозвучало в выступлении А.И. Микояна в июне 1964 года при обсуждении проекта новой Конституции. Председатель подкомиссии по вопросам национальной политики и национально-государственного устройства говорил: «Юристы нам подбрасывают такую идею, чтобы союзное государство назвать федерацией. Мы исходим из того, что в истории много разных федеративных государств. Содержание же каждой республики другое. Название «федерация», разберешься, а сущность другая. Возьмите Соединенные Штаты, Германию, Австрию — это разные вещи. Если говорить о союзной федерации, то нужно указать разницу. И не случайно, что Конституция СССР не дает названия «федерация». Нам нужно брать такие названия, которые здесь подходят. Это создано русской революцией».

В действительности Советский Союз был государством унитарным, с характерной децентрализацией ряда функций управления, в нем не было полной централизации. Унитаризм конфедеративного СССР (по признаку свободы выхода республик из союза) определялся особой, по сути, диктаторской ролью КПСС в государстве. Диктатура, «ничем не ограниченная, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненная, непосредственно на насилие опирающаяся власть» (Ленин) применительно к национальным отношениям и федерализму (как и в других отношениях) означала, что «вся юридическая и фактическая конституция Советской республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу».

Эфемерность государства, построенного на принципах этнического федерализма

Ныне, когда сняты запреты на критику большевистской теории национального вопроса, все отчетливее выявляется ее эклектичность. В сущности, в теории были объединены деструктивные и несовместимые национал-нигилистские и национал-сепаратистские положения. Национальные движения рассматривались исключительно как союзник на пути к мировой революции. Поддерживалось все, что максимально дестабилизировало буржуазные режимы с целью установления пролетарской диктатуры. Наиболее соответствующим этой цели считался лозунг о праве наций на самоопределение вплоть до отделения. Программа решения национального вопроса на основе культурно-национальной автономии, не предполагающая перекройку государственных границ многонациональных государств, была отвергнута как нереволуционная и «националистическая».

С какими же целями с 1918 году был официально принят на вооружение федерализм как принцип государственного устройства и как способ разрешения национального вопроса в России и мировом масштабе. Принят он был сначала из сугубо тактических соображений для расшатывания буржуазных государств и вовсе не предполагал действительной федерализации. В дальнейшем временная мера превратилась в постоянную, а затем стала рассматриваться как едва ли не единственно возможная. Распад Союза ССР произошел при попытке наполнить федеративное устройство «реальным политическим и экономическим содержанием». М.С. Горбачев утверждал в своем выступлении на I съезде народных депутатов РСФСР 23 мая 1990 года, что мы «не жили в Федерации... Мы должны еще пожить в ней, чтобы окончательно сделать выводы», призывал «возродить идею Ленина о союзе суверенных государств». Б.Н. Ельцин начинал свое восхождение к президентской власти тоже с обещаний в ленинском духе, — «дать самостоятельность всем автономиям», заключить «конфедеративный договор внутри всей России», закрепить за субъектами такую долю самостоятельности, которую они могли бы «переварить». Отвлекаясь от физиологии, он говорил: «Автономные республики, в частности, Татария, Башкирия, должны стать суверенными и получить статус союзных республик».

Призывы Ельцина пришлись по душе немалому числу теоретиков и практиков политического процесса, развивавших мысли о том, что «Россия может состояться... только как конфедеративный союз земель и народов», «конфедеративное устройство — это высшая цель и наиболее удачная форма федерации», и она «жизненно необходима как в целом для России, так и для всех ее субъектов». В унисон с российскими конфедералистами выступали зарубежные «доброхоты» россиян, в частности, известный Збигнев Бжезинский. «Шансы России на будущее развитие улучшились бы, — внушал он по радио «Свободная Европа» 15 сентября 1998 года, — если бы Россия как федерация состояла из трех основных частей: Европейской России, Центральной России и Дальневосточной России. При такой конфедеративной организации отдельные регионы могли бы гораздо лучше развивать региональные торговые связи с окружающими торговыми зонами, нежели при сопутствующей системе».

Устояв против конфедеративного искуса, творцы новой России склонились все-таки к убеждению, что наиболее рациональная концепция устройства государства заключена в федерализме. Основным законом страны, спешно принятым в своеобразных условиях отрезвления от не в меру употребленного суверенитета разными властными структурами после октябрьского (1993) вооруженного противостояния парламента и президента, было установлено: «Россия есть демократическое федеративное государство с республиканской формой правления». В июне 2000 года Конституционный суд России внес существенное уточнение в представления о российской государственности. Положения конституций ряда республик в составе Российской Федерации об их суверенитете были признаны не соответствующими Конституции РФ (Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2000. № 5).

Известно, что из 189 стран современного мира в 58 государствах приняты юридические структуры, основанные на федеративных принципах, однако только 15 стран избрали федеративные принципы государственного устройства. Известно также, что 27 из 44

федераций, образованных на планете за последние два века, потерпели неудачу, либо распавшись, либо став унитарными государствами. Наиболее существенным при этом является то, что в мире нет ни одной благоденствующей многонациональной федерации, субъекты которой были бы образованы по национальному признаку. Существующие в мире федерации, независимо от способа их возникновения, основаны, как правило, не на союзе государств, а на автономии их составных частей. Только в Эфиопии конституция признает суверенитет наций, национальностей и народностей. Однако и в этом случае суверенитет самих субъектов федерации, штатов не провозглашается в целях ликвидации потенциальных проблем. Характерно, что ни одна из бывших союзных республик, имевших в своем составе автономные образования, не пошла после распада СССР по пути федерализма.

Ныне даже руководители КПРФ, наследницы партии, легализовавшей федерализм в нашей стране, сознают, что «судьба федерации в России вовсе не predetermined, федеративное устройство еще не прошло проверку временем», события в нашей стране после 1991 года «говорят скорее против, чем за федерацию» (Г.А. Зюганов). Оправдываются предостережения выдающегося русского философа и правоведа Ильина о губительности для России федеративной формы государственности. К концу 1990-х годов ученые все убедительнее доказывают, что все произошедшее в России после октября 1917 года чуждо русскому национальному правопорядку, возвращение к нему есть нравственная необходимость и политическая цель. Россия никогда не была федерацией и впредь должна быть не федерацией, а унитарным государством, гарантирующим права всех российских народов на их свободное развитие.

Однако новая Россия, несмотря на провозглашенный принцип уравнивания в правах национальных единиц (автономий) и административных регионов, по сути, продолжает функционировать на основе этнического федерализма. Об этом свидетельствуют и создание осенью 1992 года консультативного органа Совета глав республик как возможного противовеса сначала Верховному Совету Российской Федерации, а затем — Федеральному Собранию; и сохранение экономических льгот республикам РФ в обмен на политическую лояльность. К сожалению, и другие изменения, произведенные при реформировании национально-государственного устройства в суверенной Российской Федерации, пока еще мало выходят из круга идей, известных по отечественной истории 1922–1985 годов. Все, что они содержат «нового», чаще всего есть возвращение к предложениям, апробировавшимся при Сталине и тогда же показавших свою ограниченность или несостоятельность. Это, в частности, касается предложений возродить национальные районы и национальные сельсоветы, шире использовать элементы культурно-национальной автономии в виде дополнения к существующим территориальным национально-государственным и административно-территориальным образованиям. Культурно-национальная автономия как возможная основа федерации даже не рассматривалась. В большевистской традиции она расценивалась как утонченный национализм, который, конечно же, «был выметен советской метлой вместе с его бундовско-эсеро-меньшевистскими апологетами».

Особенно показательным в этом отношении является история с нижними этажами федеративной постройки в СССР. Как известно, советский федерализм в своем наиболее развитом виде включал помимо союзных и автономных республик, автономных областей и округов еще национальные районы (250 — на январь 1933 г., 240 — на июль 1934 г., около 100 — на 1937 г.) и национальные сельсоветы (5300 в 1933–1934 гг., свыше 11 тысяч в 1937 г.). По данным на 1934 год, к категории национальных были отнесены каждый десятый район и каждый восьмой-девятый сельсовет в стране. Однако в Конституции СССР 1936 года и разработанных на ее основе конституциях союзных республик эти нижние этажи советской федерации не были узаконены. С этого времени дробление государства по этническому признаку было «заморожено» и процесс территориального строительства государства, по существу, пошел в новом направлении. 17 декабря 1937 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О ликвидации национальных районов и сельсоветов». В соответствии с духом времени при обосновании этой меры отмечалось, что многие из

районов (немецкие, финские, корейские, болгарские и т. д.) «были созданы врагами народа во вредительских целях». К началу 1940-х годов целый ряд национальных районов был расформирован, национальный статус нерасформированных уже не подчеркивался. Объяснение этому стоит искать в том, что именно на нижних и наиболее массовидных этажах федеративной постройки абсурд одновременного наличия «национальных» и «ненациональных» образований в государстве, все жители которого в обязательном порядке фиксировали свою национальность в анкетах и паспортах, становился наиболее очевидным. В действительности все районы в одинаковой степени могли считаться национальными, ибо официального статуса граждан, не имеющих национальности, в СССР не существовало. Основную массу «ненациональных» районов, конечно же, составляли районы с русским населением. С упразднением нацрайонов и нацсельсоветов из лексикона средств массовой информации вытеснялись также понятия: «национальное меньшинство», «нацмены». Предполагалось, что проблемы соответствующих групп людей к концу 1930-х годов были успешно решены.

Крах советской системы национальных отношений в огромной степени предопределяло русофобское основание национальной политики большевиков. Оно заключалось, конечно же, не в иницировании каких-то особых гонений и геноциде русского народа, а в боязни («фобии») власть предержащих русского национализма — естественной приверженности русских, впрочем, как и любого другого народа, своим национальным традициям, культурным и духовным национальным ценностям. Русский национализм, всегда отождествлявшийся властью не иначе как с шовинизмом, расценивался ею как главное препятствие при осуществлении «подлинно интернационалистской» политики, бросавшей вызов идее нации и ее неотчуждаемым правам, национальной культуре как таковой.

Лики современного русского патриотизма

Годы «перестройки» и постсоветской истории Российской Федерации в отечественной культуре и общественном движении отмечены известным противостоянием «патриотов» и «демократов». Первые по-прежнему стремились защищать национальные интересы России и русского народа, вторые полагали, что кроме свободы личности, прав человека, расширения возможностей скорейшего вхождения россиян в мировую цивилизацию защищать в «этой стране» нечего. Известный современный критик и публицист В.Г. Бондаренко в трех частях своей книги («Красный лик патриотизма», «Белый лик патриотизма», «Русский лик патриотизма». М., 2002–2003), объединенных общим подзаголовком «Пламенные реакционеры», представляет портреты наиболее известных деятелей русской культуры и русского национального движения, составляющих, по оценкам либеральных оппонентов, единый стан русских патриотов. В этом стане, с известной долей условности, различаются патриоты «красные» и «белые», а также деятели, в отношении которых подобная определенность была бы явно некорректна.

В поток движения, имеющего «красный лик патриотизма», самым непосредственным образом вливаются писатели, режиссеры и публицисты, придерживающиеся советских позиций: М. Алексеев, Ю. Бондарев, С. Бондарчук, В. Бушин, С. Викулов, В. Ганичев, Т. Глушкова, Н. Губенко, православный священник отец Дмитрий Дудко, А. Зиновьев, А. Иванов, С. Кара-Мурза, Ф. Кузнецов, Э. Лимонов, М. Лобанов, С. Михалков, В. Пикуль, А. Проханов, В. Розов, А. Софронов, И. Стаднюк, Н. Тряпкин, Ф. Чуев.

«Белый лик патриотизма», объединяющий художников и писателей православно-монархического склада, представлен именами В. Астафьева, Л. Бородина, митрополита Виталия (Р. Устинов), Д. Галковского, И. Глазунова, В. Клыкова, В. Максимова, Н. Михалкова, М. Назарова, А. Солженицына, В. Солоухина, И. Шафаревича.

«Русский лик патриотизма» имеют художники, композиторы, поэты, актеры, которых нельзя назвать ни красными, ни белыми. Видное место среди них занимают А. Балабанов, Д. Балашов, В. Белов, Н. Бурляев, Л. Гумилев, Т. Доронина, митрополит Санкт-Петербургский

и Ладожский Иоанн (И. Снычев), Г. Климов, В. Кожин, С. Куняев, Ю. Кузнецов, В. Лихонос, В. Личутин, Ю. Мамлеев, А. Михайлов, В. Распутин, Н. Рубцов, Г. Свиридов, Ю. Соломин, В. Сорокин, В. Шукшин, С. Ямщиков.

Более полное представление о русском национальном движении, его отдельных представителях, его истории, идеологии и философии можно составить по издающейся «Большой Энциклопедии Русского Народа», и, в частности, благодаря сведениям, включенным в том «Русский патриотизм» (М., 2003).

Ставка на сильную государственность, на традиционные религиозные и нравственные ценности, определяющая позицию деятелей русской культуры и русского национального движения, является хорошим фундаментом для формирования объединяющей русской идеологии в XXI веке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История попыток построения общегосударственной общности людей сначала на отрицании, а затем, после Великой Отечественной войны, на недостаточном учете национальных ценностей русского и других народов СССР определяет ныне громадную значимость «новых» (в действительности наполняемых новым содержанием известных и ранее) интеграционных русской и российской национальных идей. В конечном счете именно неясность национальной идеи и ослабление чувства общенационального единства привело к трагическим последствиям — ниспровержению вековых устоев народной жизни, гибели миллионов людей, разрушению российской государственности, существовавшей три четверти века в форме Союза ССР.

Русскую идею не следует ни отождествлять, ни противопоставлять российской, как это нередко делалось ранее и делается в наши дни. П.Б. Струве, к примеру, находил знаменательным, что социал-демократическая рабочая партия и царская империя, противостоящие друг другу, одинаково именовали себя не «русскими», а именно «российскими». Ни один русский иначе, как слегка иронически, писал он, не скажет про себя, что он «российский» человек, а целая и притом наирадикальнейшая партия применила к себе это официальное, ультра-«государственное», ультра-«имперское» обозначение. Значит, она хочет быть безразлична, бесцветна, бескровна в национальном отношении.

Действительно, В. И. Ленин подчеркивал: «Партия, чтобы уничтожить всякую мысль о ее национальном характере, дала себе наименование не русской, а российской». Струве находил, что в этом обнаруживал себя космополитизм, свойственный тогдашней русской интеллигенции. Восставая против уничтожения «национального лица», Струве доказывал безнадежность и бесплодность такой затеи. Предполагалось, что если не следует заниматься «обрусением» тех из «иногородцев», кто не желает «русеть», то так же точно самим русским не следует себя «оброссиянивать». Правда, это не мешало самому Струве выступать за национализм — свободный, творческий и в лучшем смысле завоевательный, создающий настоящее «*imperiū*», — классическим носителем которого представлялся англосаксонский элемент в Соединенных Штатах Америки и Британской империи. Открытый национализм означал свободное соперничество, состязание национальностей и уверенность, что народ «не растворится в море чужеземных элементов, а претворит их в себя».

Противники российской идеи в наши дни, как правило, не выступают за соревнование наций до полной победы (ассимилирования соседей) или поражения (растворения среди них). Но угрозы нациям-этносам со стороны нации-согражданства страшатся, опасаясь, как и Струве, утраты национально-этнической идентичности. «Русских пытаются лишить национальной самоидентификации, растворить в каком-то безличном мифическом «россиянстве»», — говорят они (Советская Россия. 1998. 12 февраля). Представляется, однако, что на сей раз мы имеем дело со случаем, когда обжегшиеся на молоке (советском

народе как новой общности) дуют на воду (российский народ, российскую нацию).

Опасения такого рода уместны, если наднациональную историческую общность понимать как идущую на смену старым нациям-этносам, но они ошибочны, если представляют негативную реакцию на естественноисторический процесс, в ходе которого взаимодействующие народы приобретают черты общности (сходства) и создают наднациональное образование. Неуместно в данном случае и поддаваться чувствам партийного противостояния: видеть у оппозиционной партии только национальный нигилизм там, где можно видеть и иное. Не следует забывать, что в результате крушения СССР расчлененным оказался не только русский народ, но и наднациональная общность, именовавшаяся советским народом. Соответственно этому, российская идея не противоречит и не предполагает угрозы русской идее, а российская нация — русскому и другим народам России.

Объединенные усилия в разработке современной национальной идеи дают, на наш взгляд, основание для вывода: собственно национальную составляющую общероссийской национальной идеи должны представлять ценности, заключающиеся в свободе, равноправии, взаимообогащающем сотрудничестве народов страны на всех вертикалях и горизонталях российского государства и общества. На общероссийском уровне высшей ценностью должно быть признано единство россиян, понимаемое как единая российская политическая нация. На этническом уровне — единство и приверженность граждан отдельных национальностей культуре и традициям своего народа-этнуса. На местном уровне — благополучие, свобода развития и равноправие национальных групп (общин).

История развития русской нации и российского суперэтнуса, «русский вопрос», необычайно обострившийся на последнем историческом этапе, говорят, на наш взгляд, что следует решительно отказаться от так называемого подлинного интернационализма, понимаемого зачастую по-троцкистски и призванного обслуживать процесс всеобщей денационализации. Необходимо также решительнее избавляться от недостатков, имеющих свое начало в асимметричной архитектонике Союза ССР. Их главный порок известен: русский народ лишен в них своей внутрисоюзной государственности, в то время как другим народам таковая предоставлена. Не будучи устраненным, этот порок со временем все плотнее закрывал возможность установления нормальных цивилизованных отношений между народами единой страны, их сплочения в единой нации — действительно нерасторжимой общности людей. В свете новейших воззрений, свободных от мистики и схоластики былых подходов к определению нации, она предстает как «совокупность людей, объединенных общностью отечества и отстаивающих его интересы, которые одновременно являются и их собственными общими интересами» (Ю.И. Семенов). В соответствии с такими воззрениями, решающим фактором возникновения нации является осознанное стремление людей быть единым народом и жить вместе.

Основываясь на таких представлениях о нации и особенностях ее связи с государственностью в отечественной истории, можно заключить, что жизненные интересы русского и других народов могут быть надежно защищены, если Россия станет государством русского народа с национально-территориальными автономиями для других народов и с культурно-национальной автономией для национальных групп, расселенных дисперсно. Важнейшим аргументом в пользу такого выбора является то, что он вполне соответствует логике событий, происходящих вокруг России в новообразованных независимых государствах. Если же мыслить будущее России как федеративное государство, то необходимо добиваться полного равноправия его субъектов и равноправия национальных групп внутри каждого из них — равноправия в формировании органов федеральной и региональной власти, доступа к образованию, возможности создания национальных культурных центров и развития культуры при опоре на потенциал своего народа, своей национальной группы.

Именно такие подходы к решению национального вопроса способны сформировать подлинный, цивилизованный национализм — атрибут нации, способствующий ее прогрессу

и не направленный против других национальностей, лишенный проявлений национальной гордыни, стремления верховодить, агрессивности, хищности, и есть лишь выражение любви к своему народу, к своей стране.

Конечно, национализм (национальный патриотизм) бывает разный, и его крайние проявления (в фашизме, к примеру) неприемлемы. Однако просвещенная интерпретация этого феномена не содержит ничего предосудительного. Скажем, пятнадцатое издание «Британской энциклопедии» утверждает: «Национализм — это верность и приверженность к нации или стране, когда национальные интересы становятся выше личных или групповых интересов»; девятое издание «Американского политического словаря» (1993) отмечает, что «национализм объединяет народ, который обладает общими культурными, языковыми, расовыми, историческими или географическими чертами или опытом и который обеспечивает верность этой политической общности»; японский энциклопедический словарь (1983) объявляет национализмом «всеобщую приверженность и верность своей нации». Считается совершенно правомерным и само собой разумеющимся, что в Бразилии все нации равны, нет господствующей нации, отсутствует национализм в его худших проявлениях, но нет недостатка национализма бразильского, патриотического и центростремительного, который не разъединяет, а объединяет разнородное население; в Швейцарии языки народов равноправны, кантоны самоуправляются, политические и другие права отдельного гражданина обеспечиваются независимо от его национальности, внутришвейцарский антагонистический национализм отсутствует, однако «все швейцарцы ярые националисты, но националисты швейцарские, патриотические и наднациональные» (Д.А. Быстролетов). Кто может утверждать, что подобное невозможно в России?

Сравнительно недавно, в 1994 году, не кто иной, как Генри Киссинджер, напомнил: «Всякий, кто хоть сколько-нибудь серьезно изучал историю России, знает, что именно русский национализм всегда обеспечивал целостность страны и ее способность справляться с многочисленными врагами и бедами». И заключил: «Теперь же русские потеряли созданную ими огромную империю. Можно ли ожидать какой-то иной реакции на это унижение, нежели взрыв национализма?» Здесь все верно. Как верно и то, что родина Киссинджера, по заключению другого, не менее известного американского государственного деятеля и политолога Збигнева Бжезинского, тоже, по сути дела, является империей, но исключительно нового типа и «чертовски удачливой». Как видим, отнюдь не каждое полиэтничное государство, скрепляемое единой национальной идеей, является «империей зла». Стоит ли в таком случае российскому народу отречься от самого себя и своего государства только потому, что кому-то хочется именовать его последней империей в мире, а его патриотизм — национализмом?

Ленин выступал когда-то за трансформацию Российской империи в Русскую республику. «Русская республика, — писал он, — ни одного народа ни по-новому, ни по старому угнетать не хочет, ни с одним народом... не хочет жить на началах насилия. Мы хотим единой и нераздельной республики с твердой властью, но твердая власть дается добровольным согласием народов». Отдавая должное благородству таких намерений, нужно также признать, что время для установления соответствующей власти в России давно уже пришло. Для этого требуется многое: сдвиги в национальной политике в сторону акцентов на русском народе, православии, соединении советской и российской истории, державности, очищение исторического наследия от русофобства (у нас оно проникает даже на страницы учебников), выработка мер по преодолению негативных последствий разделенности русского народа, узаконение пропорционального представительства всех народов в органах власти, избавление от асимметричного федерализма.

Политика не должна вступать в противоречие с аксиомой: только процветание русского народа позволит гармонично существовать в России татарину, якуту, чеченцу.

Об авторе

Доктор исторических наук (1995), профессор (1999). Действительный член Академии гуманитарных наук (1998). Член Союза писателей России (2004). Окончил исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова в 1970 г. Дипломная работа: «Социальная психология рабочего класса в годы индустриализации СССР» (1970). Кандидатская диссертация: «Новые пополнения рабочего класса СССР в годы реконструкции народного хозяйства» (1973; науч. рук. проф. В.З.Дробижев). Докторская диссертация: «Российская нация: Национально-политические проблемы XX века и общенациональная российская идея» (1995). Работа на кафедре отечественной истории XX–XXI вв. исторического факультета МГУ: младший научный сотрудник (1973), старший преподаватель (1975), доцент (1981), профессор (1996). Читает общий и специальные курсы лекций, ведет семинары и спецсеминары. Является членом диссертационных советов Д.501 001.72 при МГУ имени М.В. Ломоносова, Д.212 154.09 при ГОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет». Опубликовал более 170 работ. Ведущие темы: история России и русского народа, национальный вопрос и национальная политика в СССР и России.